

**СБОРНИК СУДЕБНОЙ
ПРАКТИКИ
Военной коллегии Верховного Суда
Российской Федерации, окружных
(флотских) и гарнизонных военных
судов по вопросам военной службы,
статуса военнослужащих
и уголовным делам
(2010 – 2013)**

Под общей редакцией заместителя Председателя
Верховного Суда Российской Федерации –
председателя Военной коллегии
заслуженного юриста Российской Федерации
В.В. Хомчика

Общая редакция и предисловие заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Военной коллегии, заслуженного юриста Российской Федерации В.В. Хомчика

В работе над сборником принимали участие:

Булаковский С.В., помощник заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Военной коллегии;

Крупнов И.В., заместитель председателя Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Фатеев К.В., советник заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Военной коллегии, доктор юридических наук, профессор.

С 89

Сборник судебной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, окружных (флотских) и гарнизонных военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2010 – 2013). – Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». – М.: «За права военнослужащих», 2013. – Вып. 134. – 320 с.

ISBN 978-5-93297-142-0

Книга продолжает серию изданий «Право в Вооруженных Силах – консультант», которая издается с февраля 1999 г.

Сборник «Право в Вооруженных Силах – консультант» зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИИ № 77-12712 от 20 мая 2002 г.

Учредитель и издатель: Региональное общественное движение «За права военнослужащих».

Выходит один раз в два месяца, распространяется в розницу и по подписке.

Содержание

Указатель сокращений	4
Предисловие	5
Раздел I. Судебная практика по применению законодательства о прохождении военной службы и статусе военнослужащих	6
Глава 1. Вопросы подсудности и порядка рассмотрения гражданских дел. Процессуальные вопросы.	6
Глава 2. Вопросы, связанные с порядком прохождения военной службы	32
Глава 3. Жилищные вопросы	55
Глава 4. Увольнение с военной службы	94
Глава 5. Исполнение судебных постановлений по гражданским делам	138
Раздел II. Судебная практика по применению Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	143
Часть 1. Судебная практика по применению Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации	143
Глава 6. Обстоятельства, исключающие преступность деяния	143
Глава 7. Наказание	145
Часть 2. Судебная практика по применению Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	178
Глава 8. Преступления против порядка управления	178
Глава 9. Преступления против собственности	180
Глава 10. Преступления против жизни и здоровья	186
Глава 11. Преступления против правосудия	188
Глава 12. Преступления против половой неприкосновенности	190
Глава 13. Преступления против общественной безопасности	192
Глава 14. Преступления, связанные с оборотом наркотиков	194
Глава 15. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	197
Глава 16. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления	198
Глава 17. Преступления в сфере экономической деятельности	202
Глава 18. Преступления против военной службы (глава 33 Уголовного кодекса Российской Федерации)	203
Раздел III. Судебная практика по применению уголовно-процессуального законодательства	223
Глава 19. Прекращение уголовного дела	223
Глава 20. Подсудность уголовных дел военным судам	226
Глава 21. Разрешение гражданского иска в уголовном деле	228
Глава 22. Обжалование действий и решений прокурора, следователя, начальника органа дознания, дознавателя	239
Глава 23. Заключение под стражу	254
Глава 24. Процессуальные издержки	261
Глава 25. Право на защиту	263
Глава 26. Реабилитация	277
Глава 27. Производство в суде первой инстанции	286
Глава 28. Особый порядок судебного разбирательства	299
Глава 29. Частное постановление (определение)	303
Глава 30. Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей	304
Глава 31. Кассационное обжалование судебных решений	314
Глава 32. Производство о применении принудительных мер медицинского характера	317

Указатель сокращений

- БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации
- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации
- ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации
- ЖК РСФСР – Жилищный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
- ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации
- КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях
- НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации
- СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации
- ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации
- УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации
- УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации
- УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

Предисловие

В 2010 г. были изданы сборник судебной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (СССР) по уголовным делам и сборник судебной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по вопросам военной службы и статуса военнослужащих.

В настоящем издании проанализирована практика военных судов по гражданским и уголовным делам с 2010 г. по первую половину 2013 г.

За указанный период законодательство значительно изменилось. Во исполнение положений Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» в окружных (флотских) военных судах и в Военной коллегии была проведена большая работа по подготовке к рассмотрению дел в апелляционном порядке.

Как отметил Президент Российской Федерации, выступая 18 декабря 2012 г. на Всероссийском съезде судей, «значимой новацией в последнее время стало введение полномасштабного института апелляционного пересмотра судебных решений... Время показало, что введение апелляции стало абсолютно необходимой мерой по усилению механизмов защиты прав наших граждан».

В Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 2012 г. отмечено, что в самое ближайшее время нужно сформировать в судах судебные составы, разрешающие споры граждан с органами власти всех уровней.

В связи с изложенным хотелось бы отметить, что начиная с ноября 1992 г., когда Пленум Верховного Суда Российской Федерации рассмотрел вопрос о возможности защиты прав военнослужащих в военных судах, военными судами было рассмотрено свыше 1 млн 450 тыс. таких обращений. По сути, вот уже более 20 лет военные суды рассматривают дела между командованием и военнослужащим, то есть между властью и гражданином, и имеют богатый опыт рассмотрения таких дел.

Представленные в настоящем Сборнике материалы судебной практики имеют ссылки на некоторые нормативные правовые акты, действовавшие в момент принятия судебных постановлений, в том числе когда апелляционный порядок рассмотрения гражданских и уголовных дел еще не применялся. Вместе с тем, приведенные материалы судебной практики военных судов служат ориентиром при решении юридических вопросов, возникающих в процессе применения законодательства о прохождении военной службы, статусе военнослужащих, а также при применении уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм.

В настоящий Сборник включены примеры судебной практики, ранее опубликованные в информационных бюллетенях военных судов за 2010 – 2013 гг., а также в обзорных справках по уголовным и гражданским делам Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации за 2010 – 2013 гг. Примеры приводятся с сокращениями.

Раздел I. Судебная практика по гражданским делам

Глава 1. Вопросы подсудности и порядка рассмотрения гражданских дел. Процессуальные вопросы

В соответствии со ст. 7 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» утрата заявителем статуса военнослужащего не может являться основанием для отказа в принятии его заявления, если действия (бездействие) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятые ими решения, нарушившие его права, свободы и охраняемые законом интересы, совершены в период прохождения им военной службы

Офицер запаса Н. обратился в Знаменский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил обязать начальника ФГУ «Южное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации внести изменения в договор социального найма жилого помещения в части общей площади жилого помещения, приведя его в соответствие с техническим паспортом жилого помещения, а именно указать в договоре социального найма общую площадь квартиры в размере 71,4 квадратного метра.

Судья возвратил истцу указанное заявление в связи с его неподсудностью Знаменскому гарнизонному военному суду, так как заявитель утратил статус военнослужащего.

Между тем такое решение не соответствовало ст. 7 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации».

Судом первой инстанции установлено, что Н. проходил военную службу по контракту и 20 ноября 2009 г. был уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Как усматривалось из материалов дела, решением жилищной комиссии заявителю было распределено жилое помещение в избранном после увольнения с военной службы месте жительства – в г. Анапе Краснодарского края, однако, заключив в июне 2011 г. договор социального найма жилого помещения с ФГУ «Южное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации, Н. не смог пользоваться предоставленным ему жилым помещением, поскольку размер жилого помещения, указанный в договоре социального найма жилого помещения (57,6 квадратного метра), не соответствовал размеру квартиры, указанному в техническом паспорте жилого помещения (71,4 квадратного метра).

Таким образом, требования Н. непосредственно связаны с реализацией его жилищных прав в период прохождения военной службы, а тот факт, что на момент обращения в военный суд он утратил статус военнослужащего и являлся офицером запаса, правового значения не имеет и служить основанием для возврата его заявления не может.

В связи с неправильным применением норм материального права окружной военный суд определил судью Знаменского гарнизонного военного суда о возвращении заявления Н. в кассационном порядке отменил, а заявление направил в гарнизонный военный суд для рассмотрения по существу.

Дела по искам к военнослужащим о возмещении ими материального ущерба, причиненного во время прохождения военной службы, подсудны военным судам

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 22 февраля 2011 г. № 201-В10-40 по материалам судебного производства в отношении К. (извлечение)

Определением судьи Московского гарнизонного военного суда от 10 декабря 2009 г. возвращено исковое заявление начальника военного института, в котором он просил привлечь к ограниченной материальной ответственности бывшего военнослужащего института К., взыскав с него 14 087 руб. 90 коп.

В обоснование принятого решения судья указал в определении, что ответчиком в исковом заявлении указан бывший военнослужащий, в связи с чем на основании ст. 28 ГПК РФ такое заявление военному суду не подсудно и может быть рассмотрено по существу в районном суде по месту жительства ответчика.

Кассационным определением Московского окружного военного суда от 18 марта 2010 г. определение судьи оставлено без изменения, а частная жалоба начальника института – без удовлетворения.

В надзорной жалобе представитель воинского должностного лица, указывая на причинение К. ущерба институту в период прохождения военной службы, просит обжалуемые судебные постановления отменить.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судей гарнизонного военного суда и судом кассационной инстанции при рассмотрении материалов судопроизводства допущены существенные нарушения норм процессуального права, выразившиеся в следующем.

Из содержания искового заявления начальника института усматривается, что материальный ущерб, требование о возмещении которого было предъявлено, причинен К. во время прохождения военной службы в институте.

В соответствии со ст. ст. 8 и 9 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» и п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 9 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» дела по таким искам должны рассматриваться военными судами в порядке, предусмотренном ГПК РФ.

Тот факт, что к моменту предъявления данного иска К. уже был уволен с военной службы, в данном конкретном случае правового значения при определении подсудности не имеет.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможно восстановление и защита нарушенных прав заявителя. Это обстоятельство явилось основанием для отмены в порядке надзора обжалуемых судебных постановлений и направления материалов производства в Московский гарнизонный военный суд со стадии принятия искового заявления к производству суда.

Гражданские дела, связанные с государственной тайной, подсудны окружному (флотскому) военному суду

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 15 марта 2012 г. № 205-В12-3 по заявлению Б. (извлечение)

Решением Новороссийского гарнизонного военного суда от 6 сентября 2010 г. Б. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным приказ начальника Черноморско-Азовского пограничного управления береговой охраны ФСБ России о прекращении ему допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Кассационным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 27 апреля 2011 г. судебное постановление было оставлено без изменения, а кассационная жалоба заявителя – без удовлетворения.

В надзорной жалобе Б., утверждая, что гражданское дело подсудно окружному военному суду, поскольку оно связано с государственной тайной, просил судебные постановления отменить и направить дело на новое рассмотрение по первой инстанции в Северо-Кавказский окружной военный суд.

Рассмотрев материалы судебного производства и обсудив доводы, приведенные в надзорной жалобе, Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Из материалов дела следует, что поводом обращения Б. в суд явились незаконные, по его мнению, действия начальника пограничного управления, связанные с прекращением допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, в связи с изъятием у него жесткого магнитного накопителя, на котором хранились файлы документов с грифом «секретно».

При этом, какие конкретно сведения обнаружены на изъятом у Б. магнитном носителе, суд не выяснял, и они в судебном заседании не исследовались.

Не запрашивались судом из пограничного управления и материалы служебного разбирательства, по результатам которого было установлено, что заявитель нарушил требования приказов ФСБ России от 11 июля 1994 г. и от 15 марта 2005 г. об обеспечении режима секретности при использовании средств вычислительной техники в органах контрразведки Российской Федерации.

Между тем без исследования сведений, содержащихся на изъятом у заявителя жестком магнитном носителе, материалов разбирательства и других имеющих значение для дела фактических данных, а также указанных приказов ФСБ России не представляется возможным принять решение по требованиям Б. относительно правомерности лишения его допуска к государственной тайне.

Тем более что сам Б. последовательно заявлял о том, что сведения с грифом «секретно» на принадлежащем ему магнитном носителе не хранились, а часть содержащейся на нем информации была сохранена после изъятия, то есть другими лицами.

Данные обстоятельства являются юридически значимыми по делу и подлежащими доказыванию. Однако судом первой инстанции этого учтено не было.

Согласно ч. 4 ст. 198 ГПК РФ в мотивировочной части решения суда должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства, законы, которыми руководствовался суд.

По смыслу приведенных правовых норм в основу решения суда должны быть положены выводы, логически вытекающие из всех фактов, проверенных и установленных в судебном заседании с учетом требования гражданского процессуального права о правилах относимости и допустимости доказательств, которые оцениваются с позиции их достоверности, достаточности и взаимосвязи.

Данные требования закона судом выполнены не были.

На основании изложенного решение суда первой инстанции и кассационное определение нельзя признать законными и обоснованными. Они приняты с существенными нарушениями норм процессуального права, повлиявшими на исход дела, в связи с чем подлежат отмене.

Утверждение в надзорной жалобе о подсудности дела окружному военному суду также является обоснованным.

В судебном заседании представитель воинского должностного лица К. показал, что хранящиеся на изъятом у Б. жестком магнитном носителе файлы документов содержат сведения, составляющие государственную тайну.

Кроме того, содержащимся в приказах ФСБ России от 11 июля 1994 г. и от 15 марта 2005 г. сведениям, которые подлежат исследованию в судебном заседании, на основании ст. 8 и ст. 11 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» присвоен гриф «секретно».

В соответствии с ч. 1 ст. 14 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», ст.ст. 25 и 26 ГПК РФ окружной (флотский) военный суд рассматривает в качестве суда первой инстанции гражданские дела, связанные с государственной тайной.

Таким образом, рассмотрение настоящего дела связано с государственной тайной, в связи с чем оно подлежит рассмотрению окружным военным судом.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ суд передает дело на рассмотрение другого суда, если при рассмотрении дела выявилось, что оно было принято с нарушением правил подсудности.

При таких обстоятельствах, учитывая, что обжалуемое Б. судебное постановление было вынесено с нарушением норм процессуального права, Военная коллегия отменила решение Новороссийского гарнизонного военного суда от 6 сентября 2010 г. и кассационное определение Северо-Кавказского окружного военного суда от 27 апреля 2011 г., а дело возвратила в гарнизонный военный суд для направления по подсудности.

Военнослужащий вправе оспорить в судебном порядке информацию, указанную военным прокурором в направленном в его адрес предостережении о недопустимости нарушения закона

Военный прокурор Каспийской флотилии направил командиру катера Пограничного управления ФСБ России по Республике Калмыкия и Астраханской области Б.

предостережение о недопустимости нарушений закона, в котором указал на наличие в действиях этого должностного лица признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ, за которое он не привлечен к уголовной ответственности лишь по причине истечения срока давности.

Кроме того, копия указанного предостережения была направлена военным прокурором для сведения начальнику Пограничного управления.

Б. обратился в Астраханский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил указанные действия военного прокурора признать незаконными и обязать его отменить данное предостережение.

Определением гарнизонного военного суда производство по делу по заявлению Б. прекращено на том основании, что его требования не подлежат рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Северо-Кавказский окружной военный суд данное определение суда в кассационном порядке отменил, а дело направил на новое рассмотрение в связи с нарушением и неправильным применением норм материального и процессуального права, которые выразились в следующем.

В соответствии со ст. 25.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» предостережение о недопустимости нарушения закона направляется прокурором или его заместителем должностным лицам в целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных действиях. В случае неисполнения требований, изложенных в указанном предостережении, должностное лицо, которому оно было объявлено, может быть привлечено к ответственности в установленном законом порядке.

В п. 4 указаний Генерального прокурора Российской Федерации от 6 июля 1999 г. № 39/7 (с изменениями от 16 октября 2000 г.) «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона» для обеспечения законности и единообразия применения этого правового средства реагирования в практической деятельности предписано разъяснять должностным лицам, что согласно требованиям Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» предостережение о недопустимости нарушения закона может быть обжаловано вышестоящему прокурору либо в суд. В случае удовлетворения жалобы предостережение признается недействительным, о чем сообщается заявителю органом, принявшим такое решение.

Согласно ст.ст. 245, 254 и 255 ГПК РФ, ст.ст. 1 – 3 Закона Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (с последующими изменениями) каждый гражданин вправе оспорить в суде решение, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, если считает, что нарушены его права и свободы. Гражданин вправе обратиться непосредственно в суд или в вышестоящий в порядке подчиненности орган государственной власти, орган местного самоуправления, к должностному лицу, государственному или муниципальному служащему.

К решениям, действиям (бездействию) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, которые могут быть оспорены в суде, относятся коллегиальные и единоличные решения и действия (бездействие), в результате которых: нарушены права и свободы гражданина; созданы препятствия к осуществлению гражданином его прав и свобод; на гражданина незаконно возложена какая-либо обязанность или он незаконно привлечен к ответственности.

Гражданин вправе обжаловать как вышеназванные действия (решения), так и послужившую основанием для совершения действий (принятия решений) информацию либо то и другое одновременно.

К официальной информации относятся сведения в письменной или устной форме, повлиявшие на осуществление прав и свобод гражданина и представленные в адрес государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений или должностных лиц, государственных служащих, совершивших действия (принявших решения), с установленным авторством данной информации, если она признается судом как основание для совершения действий (принятия решений).

Поскольку военный прокурор в официальном документе, направленном в адрес Б. и вышестоящему в порядке подчиненности должностному лицу, изложил инфор-

мацию о ненадлежащем отношении заявителя к своим служебным обязанностям, а также о наличии в его действиях признаков должностного преступления, то это бесспорно затрагивает его законные права и интересы.

Поэтому Б. был вправе обратиться в суд с заявлением об оспаривании указанных действий военного прокурора.

В соответствии с п. 5 ст. 29 ГПК РФ иски о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья, могут предъявляться истцом не только по месту жительства ответчика (месту нахождения организации), но и в суд по месту жительства истца или месту причинения вреда

Тюменский гарнизонный военный суд возвратил Б. исковое заявление и указал в своем определении, что Б. в соответствии со ст. 28 ГПК РФ с указанным иском имеет право обратиться в гарнизонный военный суд по месту нахождения ответчиков.

Считая данное определение незаконным, Б. подал на него частную жалобу, в которой сослался на то, что он по состоянию здоровья и в связи с тяжелым финансовым положением не имеет возможности выезжать для рассмотрения указанного искового заявления в суд за пределы своего места жительства.

Уральский окружной военный суд определение суда первой инстанции отменил, указав в определении, что в соответствии с п. 5 ст. 29 ГПК РФ иски о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья, могут предъявляться истцом также в суд по месту его жительства или месту причинения вреда, в связи с чем вывод судьи Тюменского гарнизонного военного суда об отказе в принятии к своему производству искового заявления Б. является незаконным.

Постановление президиума окружного военного суда отменено в связи с нарушением конституционного положения о рассмотрении дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 208-В11-5 по заявлению Л. (извлечение)

Постановлением президиума Дальневосточного окружного военного суда от 30 мая 2011 г. гражданское дело по заявлению Л. передано вместе с надзорной жалобой заявителя на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации из-за отсутствия кворума в президиуме окружного военного суда.

Военная коллегия постановлением президиума окружного военного суда отменила и направила гражданское дело в президиум того же суда для рассмотрения его по существу, указав следующее.

Кассационным определением Дальневосточного окружного военного суда от 27 января 2011 г. под председательством одного из членов президиума суда было отменено решение Свободненского гарнизонного военного суда от 20 декабря 2010 г. об удовлетворении заявления Л., и по делу принято новое решение, которым в удовлетворении требований заявителя отказано.

Определением судьи, являющегося еще одним членом президиума окружного военного суда, надзорная жалоба Л. с делом передана для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции – президиума Дальневосточного окружного военного суда.

Передавая дело с надзорной жалобой заявителя в Военную коллегию, президиум окружного военного суда указал на отсутствие кворума для рассмотрения жалобы в суде надзорной инстанции.

Однако такое утверждение не соответствует действительности.

Согласно ст. 27 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» и ст. 17 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» президиум суда рассматривает дела при наличии большинства членов президиума.

Состав президиума Дальневосточного окружного военного суда утвержден в количестве шести судей.

Из материалов дела следует, что два члена президиума окружного военного суда действительно не могли участвовать в заседании суда надзорной инстанции, поскольку один из них принимал участие в рассмотрении данного дела в суде кассационной инстанции, а другой – в надзорном порядке передал жалобу Л. со своими выводами в суд надзорной инстанции.

Остальные члены президиума отношения к принятию решения по данному делу не имели, в связи с чем препятствий для их участия в рассмотрении гражданского дела в президиуме Дальневосточного окружного военного суда не имелось.

Согласно ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации каждому гарантировано право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Поскольку в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 377 ГПК РФ надзорная жалоба на кассационные определения окружных (флотских) военных судов подается в президиум окружного (флотского) военного суда, то с учетом установленных обстоятельств Военная коллегия была не вправе принять к своему производству в качестве суда надзорной инстанции дело по заявлению Л. до его рассмотрения по существу в президиуме Дальневосточного окружного военного суда.

Возврат заявления до окончания срока устранения недостатков при оставлении поданного заявления без движения недопустим

Р. обратился в гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконными действия жилищной комиссии соответствующего командования по составлению списка военнослужащих, имеющих право на обеспечение жилыми помещениями во внеочередном порядке, и действия должностного лица, утвердившего данный список.

Определением судьи гарнизонного военного суда от 16 апреля 2010 г. заявление Р. оставлено без движения на том основании, что в нем не указано, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения его прав, свобод и законных интересов. При этом, заявителю предложено устранить указанные недостатки в течение 30 дней с момента вступления в законную силу определения, то есть до 27 мая 2010 г.

5 мая 2010 г. Р. во исполнение указанного определения представил в суд вновь оформленное заявление.

Определением судьи от 21 мая 2010 г. заявление Р. было возвращено в связи с тем, что недостатки, указанные в определении судьи от 16 апреля 2010 г., устранены не были. В тот же день заявитель во исполнение указаний судьи, содержащихся в определении об оставлении заявления без движения, представил в суд еще одно заявление, которое было возвращено ему сопроводительным письмом 25 мая 2010 г.

Таким образом, Р., имея возможность устранить недостатки, указанные в определении об оставлении заявления без движения до 27 мая 2010 г., был фактически лишен данного права в связи с преждевременным решением судьи о возвращении ему заявления.

Вследствие неправильного применения норм процессуального права определение судьи было отменено судом кассационной инстанции с передачей вопроса на новое рассмотрение.

Правом подписания и подачи в суд искового заявления о привлечении военнослужащего к материальной ответственности обладает только соответствующий командир (начальник)

Начальник Федерального бюджетного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Волгоградской области» (далее – начальник Управления) обратился в суд с иском заявлением, в котором указал, что в ходе проведенной ревизии по службе горюче-смазочных материалов в воинской части в ноябре-декабре 2008 г. был выявлен факт причинения материального ущерба государству. В ходе данной ревизии была установлена вина старшего лейтенанта Б. в причинении материального ущерба государству на общую сумму 37 099 руб. 32 коп., которую начальник Управления просил суд взыскать с Б.

Судья Нижегородского гарнизонного военного суда на основании п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ вернул истцу заявление в связи с его неподсудностью военному суду, указав в своем определении, что исковое заявление подписано и подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание и предъявление в суд.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского окружного военного суда, рассмотрев материалы дела в кассационном порядке, определение судьи оставила без изменения, указав в определении следующее.

Б. проходил военную службу в воинской части, где при исполнении обязанностей командира взвода допустил незаконный расход горюче-смазочных материалов.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 135 ГПК РФ судья возвращает исковое заявление в случае, если оно не подписано или подписано и подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание и предъявление в суд.

Абзацем 3 п. 1 ст. 8 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» установлено, что вопрос о возмещении ущерба, размер которого превышает один оклад месячного денежного содержания военнослужащего и одну месячную надбавку за выслугу лет, решается судом по иску командира (начальника) воинской части.

Поэтому именно командир воинской части обладает правом подписания и подачи в суд искового заявления о возмещении причиненного материального ущерба.

Однако исковое заявление о возмещении материального ущерба государству в лице воинской части подписано и подано начальником Управления.

То обстоятельство, что Управление является довольствующим финансовым органом воинской части, не дает права его начальнику на обращение с иском в суд в интересах воинской части.

Приложение к поданному заявлению ксерокопии доверенности является основанием для оставления заявления без движения, а не для его возврата

224-й гарнизонный военный суд, руководствуясь п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, возвратил С. заявление об оспаривании приказов воинских должностных лиц на том основании, что к нему была приложена лишь копия доверенности на лицо, подписавшее заявление от имени заявителя.

Между тем основание для возврата заявления, указанное в п. 4 ст. 135 ГПК РФ, применимо лишь в случаях, когда заявление подано и подписано лицом, фактически не имеющим полномочий на его подписание и предъявление в суд.

Как усматривалось из представленных материалов, заявление в суд от имени С. было подписано его представителем Б. В подтверждение своих полномочий на подписание и предъявление в суд заявления от имени С. она приложила к нему ксерокопию нотариально удостоверенной доверенности.

При таких обстоятельствах у судьи гарнизонного военного суда не имелось оснований полагать, что заявление подано и подписано лицом, не имеющим полномочий.

Отменяя данное определение, Ленинградский окружной военный суд указал, что отсутствие в приложении к заявлению подлинника доверенности или ее надлежаще заверенной копии в соответствии с ч. 1 ст. 136 ГПК РФ давало повод лишь для оставления заявления без движения, как не соответствующего требованиям ст.ст. 131, 132 ГПК РФ.

Статья 131 ГПК РФ содержит исчерпывающий перечень требований, предъявляемых к исковому заявлению

Б. обратился в Оренбургский гарнизонный военный суд с заявлением об оспаривании действий командира части, связанных с его увольнением с военной службы и невыплатой ему денежных средств.

Определением судьи гарнизонного военного суда заявление Б. оставлено без движения и заявителю предложено устранить выявленные недостатки.

Рассмотрев материалы по частной жалобе Б., судебная коллегия Приволжского окружного военного суда отменила определение судьи по следующим основаниям.

Как усматривается из обжалуемого определения, основанием для принятия такого решения явилось то, что заявитель указал в заявлении в качестве домашнего адреса поселок Тоцкое-2, ул. Калинина, д. 8, кв. 58. Между тем этот адрес не совпадал с данными регистрационного учета, имеющимися в паспорте заявителя.

Кроме того, в определении судьи указано, что ссылки на основания обращения указаны в заявлении уже после изложенных заявителем даты документа и подписи Б., а расчет положенных, по его мнению, к выплате сумм произведен в ненадлежащей форме, затрудняющей его восприятие, что также противоречит требованиям ст. 131 ГПК РФ.

Однако указанные недостатки, как в отдельности, так и в совокупности, не могут служить основанием для оставления заявления Б. без движения.

Статья 131 ГПК РФ содержит исчерпывающий перечень требований, предъявляемых к исковому заявлению.

Согласно п. 2 ч. 2 данной статьи в исковом заявлении должно быть указано место жительства истца, что и было сделано Б. в поданном им в Оренбургский гарнизонный военный суд заявлении.

Данная норма процессуального закона не содержит также указаний относительно того, где должны содержаться ссылки на основания обращения. Поэтому не имеет какого-либо значения то, что они указаны в заявлении уже после указания заявителем даты документа и его подписи. Не указана в законе и форма расчета причитающихся денежных сумм. В случае же каких-либо неясностей их можно устранить в ходе подготовки дела к слушанию.

Вопреки сделанному в определении судьи выводу, требования Б. в его заявлении изложены понятно и оно не может быть признано не соответствующим требованиям статьи ГПК РФ.

Требование судьи об указании заявителем, помимо адреса, сообщенного им в заявлении, другого адреса, по которому может быть доставлено судебное извещение, на законе не основано

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2011 г. № 205-Г11-4 по заявлению А. (извлечение)

Определением судьи Северо-Кавказского окружного военного суда от 23 декабря 2010 г. оставлена без движения частная жалоба представителя заявителя А. – Т. на определение судьи того же суда о возврате заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного решения в разумный срок.

При этом, судья посчитал, что указанные в жалобе в качестве адреса номер абонентского почтового ящика и номера телефона и факса не обеспечат возможность фиксации времени вручения судебных извещений адресату, в связи с чем предложил заявителю указать в жалобе другой адрес, соответствующий фактическому месту жительства заявителя и его представителя.

В частной жалобе представитель заявителя, указав, что приведенный им в жалобе почтовый адрес принадлежит его адвокатскому кабинету и этот адрес им был указан также в первоначальном заявлении о присуждении компенсации, просил определение судьи отменить.

Обсудив доводы частной жалобы, Военная коллегия определение судьи отменила, а материалы производства направила в окружной суд для выполнения требований ст. 343 ГПК РФ, предусматривающей действия суда первой инстанции после получения частной жалобы.

В обоснование принятого решения Военная коллегия указала следующее.

Из материалов производства следует, что представитель заявителя А. – Т. в частной жалобе на определение судьи о возврате заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного решения в разумный срок в качестве адреса указал номер абонентского почтового ящика.

В соответствии с ч. 4 ст. 113 ГПК РФ судебное извещение, адресованное лицу, участвующему в деле, направляется по адресу, указанному лицом, участвующим в деле, или его представителем.

Кроме того, согласно ст.ст. 145 – 146 Почтовых правил, введенных в действие приказом Министерства связи Российской Федерации от 14 ноября 1992 г. № 416, почтовые отправления с отметкой «Судебная повестка», адресованные на имя граждан, которые указали в качестве адреса номера абонентских почтовых ящиков, выдаются лично адресату; в получении почтовых отправлений с отметкой «Судебная повестка» адресат расписывается на уведомлении, которое почтальон возвращает на предприятие связи. При этом, если адресата не окажется дома, то в абонентском почтовом ящике или у соседей оставляется извещение с приглашением адресата получить почтовое отправление на предприятии связи.

Из изложенного следует, что установленный на предприятиях связи способ выдачи судебных извещений заявителям, указавшим в качестве адреса номер абонентского почтового ящика, обеспечивает возможность личного вручения судебных извещений адресату и фиксации времени такого вручения.

При таких данных Военная коллегия пришла к выводу, что указание Т. в частной жалобе в качестве своего адреса номера абонентского почтового ящика является достаточным основанием – при соблюдении им других требований, указанных в ст.ст. 339 и 373 ГПК РФ, – для ее принятия судьей окружного военного суда.

В соответствии с ч. 1 ст. 136 ГПК РФ судья, установив, что заявление подано в суд без соблюдения требований, установленных в ст.ст. 131 и 132 ГПК РФ, выносит определение об оставлении заявления без движения

Военный прокурор Владивостокского гарнизона в защиту прав, свобод и законных интересов военнослужащего Б. обратился в суд с заявлением об оспаривании действий командира воинской части и его помощника по финансово-экономической работе, связанных с отказом Б. в выплате денежного довольствия в полном объеме.

Определением Владивостокского гарнизонного военного суда в принятии данного заявления было отказано с указанием на то, что прокурор может обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина лишь в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд.

Данное решение суда является ошибочным вследствие неправильного применения норм процессуального права.

Поскольку заявление военного прокурора не содержало обоснования невозможности подачи заявления самим Б., а также указания на обращение Б. к прокурору, то есть не содержало сведений, обязательность которых установлена ч. 3 ст. 131 ГПК РФ, оно подлежало оставлению без движения в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 136 ГПК РФ. При этом, судья обязан был вынести определение об оставлении заявления без движения и известить об этом лицо, подавшее заявление, с установлением ему разумного срока для исправления недостатков.

В нарушение данной процессуальной нормы заявление военного прокурора Владивостокским гарнизонным судом без движения оставлено не было. Изложенные же в определении суда выводы в обоснование отказа в принятии к производству суда заявления военного прокурора не основаны на положениях ст. 134 ГПК РФ, в которой приведены иные условия, при наличии которых судья выносит определение об отказе в принятии заявления.

По изложенным основаниям флотский военный суд определение Владивостокского гарнизонного суда отменил и передал вопрос о принятии заявления военного прокурора Владивостокского гарнизона на новое рассмотрение.

Аналогичная ошибка допущена Владивостокским гарнизонным военным судом и при отказе в принятии заявлений военного прокурора Владивостокского гарнизона, поданных в защиту прав, свобод и законных интересов военнослужащих О., Л., Ан., Ал., М. и Ф.

В случае одновременного подписания заявления в суд заявителем и его представителем отсутствие у последнего полномочий на подписание заявления не является основанием для возвращения заявления

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2011 г. № 205-Г11-11 по заявлению Т. (извлечение)

Определением судьи Северо-Кавказского военного суда от 29 ноября 2010 г. Т. возвращено заявление о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного решения в разумный срок в связи с тем, что к заявлению не приложена доверенность представителя Т. – Б. на подписание заявления и предъявление его в суд.

В частной жалобе представитель заявителя просил определение судьи отменить, ссылаясь на его незаконность.

Обсудив доводы частной жалобы, Военная коллегия определение судьи отменила, а материалы производства направила в окружной военный суд со стадии принятия заявления к производству суда, указав следующее.

Из материалов производства усматривается, что заявление Т. о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного решения в разумный срок подписано как самим заявителем, так и его представителем.

Согласно ч. 4 ст. 131 ГПК РФ заявление подписывается истцом или его представителем при наличии у него полномочий на подписание заявления и предъявление его в суд.

Поскольку заявление было подписано непосредственно Т., отсутствие полномочий на подписание заявления у его представителя Б. в данном случае не являлось препятствием для принятия заявления к производству суда.

Передача заявления из одного суда в другой без возбуждения гражданского дела и принятия его судом к своему производству гражданским процессуальным законодательством не предусмотрена

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2010 г. № 205-Г10-7 по заявлению П. (извлечение)

П. обратился в Нальчикский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконным утверждение руководителем Пограничного управления ФСБ России по Кабардино-Балкарской Республике решение жилищной комиссии об отказе в признании его нуждающимся в жилом помещении по избранному месту жительства с учетом изменения состава семьи.

В связи с невозможностью рассмотрения заявления П. в Нальчикском гарнизонном военном суде первый заместитель председателя Северо-Кавказского окружного военного суда определением от 20 августа 2010 г. передал заявление для рассмотрения в Ставропольский гарнизонный военный суд.

В частной жалобе П., указывая на вынесение определения с нарушением норм процессуального права, выразившимся в неизвещении его о судебном заседании, в котором рассматривался вопрос о передаче его заявления из одного суда в другой, просил судебное постановление отменить.

Рассмотрев материалы производства и обсудив доводы частной жалобы П., Военная коллегия определение первого заместителя председателя окружного военного суда отменила и передала вопрос на новое рассмотрение в окружной военный суд по следующим основаниям.

Из материалов судебного производства следует, что после поступления заявления П. в Нальчикский гарнизонный военный суд председатель суда направил его в Северо-Кавказский окружной военный суд, указав в сопроводительном письме о невозможности рассмотрения заявления ввиду неукомплектованности суда судьями и нахождения председателя суда на стационарном лечении.

В силу ст. 133 ГПК РФ судья в течение пяти дней со дня поступления искового заявления обязан рассмотреть вопрос о его принятии к производству суда. О принятии заявления к производству суда судья выносит определение, на основании которого возбуждается гражданское дело в суде первой инстанции.

Следовательно, после поступления заявления в Нальчикский гарнизонный военный суд председатель суда был обязан рассмотреть вопрос о принятии заявления к производству суда и в случае отсутствия к этому препятствий возбудить гражданское дело.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ передача дела, принятого судом к своему производству, в другой суд осуществляется вышестоящим судом, если после отвода одного или нескольких судей либо по другим причинам замена судей или рассмотрение дела в данном суде становятся невозможными.

При таких данных первый заместитель председателя окружного военного суда был не вправе принимать решение о передаче заявления П., по которому не возбуждалось гражданское дело, в другой гарнизонный военный суд. Такое заявление подлежало возврату в Нальчикский гарнизонный военный суд для выполнения требований ст. 133 ГПК РФ.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 33 ГПК РФ о передаче дела в другой суд или об отказе в передаче дела в другой суд выносится определение суда, на которое может быть подана частная жалоба.

Из изложенного следует, что вопрос о передаче дела из одного суда в другой должен разрешаться вышестоящим судом по правилам производства в суде первой инстанции, то есть с проведением судебного заседания, извещением лиц, участвующих в деле, и предоставлением им возможности дать объяснения по рассматриваемому вопросу.

Однако, как усматривается из материалов производства, судебное заседание по вопросу передачи заявления П. в Ставропольский гарнизонный военный суд не проводилось и П. о предстоящем вынесении определения не извещался.

Таким образом, при рассмотрении заявления П. были нарушены нормы процессуального права, что на основании п. 4 ч. 1 ст. 362 ГПК РФ явилось основанием для отмены определения первого заместителя председателя окружного военного суда.

Разрешение судом вопроса о правах и обязанностях заинтересованного лица без привлечения его к участию в деле повлекло отмену судебных постановлений

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 212-КГ12-6 по заявлению В-вой (извлечение)

Согласно решению Калининградского гарнизонного военного суда от 27 июня 2011 г., оставленному без изменения в кассационном порядке 18 октября 2011 г. Балтийским флотским военным судом, военному прокурору Калининградского гарнизона отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать недействительными решения жилищной комиссии воинской части от 3 августа 2009 г. и от 8 июня 2010 г. в части признания военнослужащего этой же части В. нуждающимся в жилом помещении и распределения ему квартиры, а также договор социального найма жилого помещения, заключенный между В. и начальником ФГУ «Калининградская КЭЧ района» Министерства обороны Российской Федерации, и высылить В. в ранее предоставленную ему квартиру.

Президиум Балтийского флотского военного суда названные судебные постановления 13 января 2012 г. отменил и принял по делу новое решение – об удовлетворении заявления военного прокурора.

В кассационной жалобе В-ва, с учетом уточнения требований в судебном заседании ее представителя, просила об отмене принятых по делу судебных постановлений и направлении дела на новое судебное рассмотрение в гарнизонный военный суд ввиду существенного нарушения норм процессуального права.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Военная коллегия жалобу удовлетворила по следующим основаниям.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

При рассмотрении дела судами допущено существенное нарушение норм процессуального права, что выразилось в следующем.

Из текста заявления и приложенных к нему материалов следует, что В., обеспеченный за счет Министерства обороны Российской Федерации жилым помещением по договору социального найма с учетом своей супруги В-вой и двух дочерей, в декабре 2008 г. расторг брак и 19 июня 2009 г. снялся с регистрационного учета по месту жительства, оставив квартиру бывшей супруге и дочерям, а сам зарегистрировался при воинской части. После этого лицевой счет указанного жилого помещения был переоформлен на В-ву.

При таких данных после выезда В. в другое место жительства нанимателем жилого помещения стала В-ва, в связи с чем она приобрела предусмотренные ст. 67 ЖК РФ права, в том числе право на вселение в занимаемое жилое помещение иных лиц.

Следовательно, требование прокурора о вселении В., не являющегося членом семьи В-вой, в занимаемое ею жилое помещение может затронуть ее жилищные права.

Данное обстоятельство гарнизонным военным судом при принятии заявления военного прокурора учтено не было.

Между тем в силу ст. 148 и п. 4 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ судья при подготовке дела к судебному разбирательству разрешает вопрос о составе лиц, участников в деле, и других участников процесса, и о вступлении в дело соистцов, соответчиков и третьих лиц без самостоятельных требований относительно предмета спора.

Однако суд первой инстанции названное требование ГПК РФ нарушил, а кассационная инстанция и президиум флотского военного суда это нарушение оставили без внимания.

В результате президиум флотского военного суда, отменяя решение гарнизонного военного суда и принимая по делу новое решение – о вселении В. в квартиру, нанимателем которой является В-ва, разрешил вопрос о ее правах и обязанностях без привлечения к участию в деле.

Допущенное судом нарушение повлияло на исход дела, и без его устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов заинтересованного лица, а также защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем Военная коллегия обжалуемые судебные постановления отменила, а дело направила на новое рассмотрение в Калининградский гарнизонный военный суд.

Неправильное определение предмета доказывания по делу повлекло отмену определения кассационной инстанции

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2010 г. № 209-В10-3 по заявлению З. (извлечение)

Кассационным определением 3-го окружного военного суда от 4 июня 2008 г. изменено решение 26-го гарнизонного военного суда от 7 марта 2008 г. об удовлетворении заявления З. об оспаривании им действий воинских должностных лиц, связанных с назначением его на равную должность, увольнением с военной службы в запас и исключением из списков личного состава воинской части без обеспечения жильем по избранному месту постоянного жительства.

Суд кассационной инстанции отменил решение в части возложения на командование обязанности по отмене приказов об увольнении и исключении З. из списков личного состава части и принял по делу в этой части новое решение, изложив резолютивную часть в следующей редакции: обязать командующего Космическими войсками изменить формулировку увольнения З. с военной службы с подп. «б» ч. 1 (по истечении срока контракта) на подп. «а» ч. 2 (в связи с организационно-штатными мероприятиями) ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»; отказать в удовлетворении требования об отмене приказа командира воинской части об исключении З. из списков личного состава части. В остальном решение оставлено без изменения.

Военная коллегия, рассмотрев дело по надзорной жалобе З., нашла кассационное определение подлежащим отмене и направила дело на новое кассационное рассмотрение по следующим основаниям.

Из заявления и объяснений З. в судебном заседании усматривается, что поводом его обращения в суд явилось несогласие с увольнением с военной службы в запас по истечении срока контракта о прохождении военной службы (а не в связи с организационно-штатными мероприятиями, о чем он просил командование) и без предоставления жилья с исключением из списков нуждающихся в получении жилья.

Следовательно, существенное значение для правильного разрешения дела, наряду с выяснением обстоятельств увольнения заявителя в запас, имело установление законности утвержденного командованием решения жилищной комиссии от 10 апреля 2007 г. об исключении З. из числа лиц, нуждающихся в получении жилья.

В суде установлено, что в связи с сокращением занимаемой должности З. обратился по команде с рапортом об увольнении в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями с обеспечением жильем по избранному месту жительства, после чего решением жилищной комиссии части от 31 марта 2006 г. он был поставлен на учет нуждающихся в получении жилья и, в связи с невозможностью увольнения по избранному им основанию до получения жилого помещения, зачислен в распоряжение командования.

Однако после назначения 2 апреля 2007 г. на должность заявитель из числа нуждающихся в получении жилья по избранному месту жительства был исключен, с чем он был не согласен.

При таких данных суду при принятии заявления к производству следовало привлечь к участию в деле командира и жилищную комиссию части (либо их правопремемника), решением которой З. был исключен из числа нуждающихся в жилом помещении, и проверить законность такого решения. Однако этого сделано не было.

Неправильное определение предмета доказывания по делу привело к тому, что собранные по делу доказательства всесторонне и полно исследованы не были.

Так, сославшись на рапорт З. от 9 мая 2007 г. и лист беседы от 9 июня того же года, в которых выражалась просьба об увольнении с оставлением в списках очередников на получение жилого помещения по избранному месту жительства после увольнения в запас, суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что З. не связывал свой жилищный вопрос с прохождением военной службы.

При этом, судом оставлены без внимания последовательные заявления и показания З. в судебном заседании о том, что он не давал согласия на увольнение без предоставления жилья, в связи с чем командованием после сокращения занимаемой им должности заявитель был зачислен в распоряжение, где находился более одиннадцати месяцев, пока против его воли не был назначен на должность.

Данные показания согласуются с исследованным в судебном заседании представлением заявителя к зачислению в распоряжение командира, из текста которого ус-

матрируется, что 17 февраля 2006 г. с З. проведена беседа по вопросу предстоящего сокращения должности, с увольнением с военной службы он согласен только после обеспечения жильем по избранному месту жительства.

Согласно ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений.

С учетом общей продолжительности военной службы З. более 15 лет, а также исходя из вышеизложенного фактически данные об отсутствии согласия заявителя с увольнением без жилья подлежали всесторонней оценке, однако этого судом кассационной инстанции сделано не было.

Таким образом, придя к выводу о согласии З. с увольнением при условии оставления его в списках лиц, нуждающихся в получении жилья, суд не только не учел, что 10 апреля 2007 г. заявитель из этих списков был исключен, но и при наличии противоречивых доказательств не указал в судебном постановлении, по каким основаниям принял одни доказательства и отверг другие.

Односторонняя оценка доказательств, а также доводов заявителя о необеспечении его в период военной службы положенными видами довольствия, в том числе жильем помещением, повлекла принятие судом кассационной инстанции преждевременного решения о законности действий командования об увольнении З. в запас и исключении его из списков личного состава воинской части без предоставления жилья.

Невыяснение имеющих существенное значение для дела обстоятельств повлекло отмену судебных постановлений

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20 июля 2010 г. № 203-В10-13 по заявлению М. (извлечение)

Решением Ульяновского гарнизонного военного суда от 31 декабря 2009 г. удовлетворено частично заявление М. Суд признал неправомерными действия командира части, связанные с исключением заявителя из списков личного состава воинской части с 11 сентября 2009 г. без обеспечения жильем помещением, прекращением ему выплаты денежной компенсации за поднаем жилья с 1 октября 2008 г., и обязал указанное должностное лицо отменить приказ в части исключения М. из списков личного состава воинской части, а также выплатить денежную компенсацию за поднаем жилого помещения. В удовлетворении требований о предоставлении 136 суток основного отпуска и бесплатного проезда к месту проведения отпуска и обратно заявителю отказано.

Кассационным определением судебной коллегии по гражданским делам Приволжского окружного военного суда от 16 февраля 2010 г. решение в связи с неправильным применением норм материального права в части разрешения требований о выплате денежной компенсации за наем жилого помещения и об отмене приказа командира воинской части об исключении заявителя из списков личного состава воинской части отменено и по делу в этой части принято новое решение, которым М. в удовлетворении требований о выплате денежной компенсации за наем жилого помещения и об отмене приказа об исключении его из списков личного состава воинской части отказано. В остальном решение оставлено без изменения.

В надзорной жалобе М., указывая на то, что согласия на увольнение с военной службы без обеспечения жильем он не давал, просил судебные постановления отменить.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы надзорной жалобы М., Военная коллегия судебные постановления отменила, а дело направила на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд по следующим основаниям.

Судом сделан ошибочный вывод о возможности восстановления права заявителя на жилье путем восстановления его не на военной службе, а только в списках личного состава воинской части, что противоречит положениям ч. 1 ст. 23 Федерального

закона «О статусе военнослужащих», согласно которой военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, без их согласия не могут быть уволены с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений.

В связи с изложенным необходимость рассмотрения заявления о восстановлении жилищных прав М. обязывала суд привлечь к участию в деле министра обороны Российской Федерации, приказом которого заявитель был уволен в запас, и проверить законность такого решения. Однако этого сделано не было.

Исправляя допущенную гарнизонным военным судом ошибку, суд кассационной инстанции, вместе с тем, указал, что заявитель ранее оспаривал приказ министра обороны Российской Федерации и при этом не выражал намерения быть обеспеченным жилым помещением до увольнения в запас.

Между тем в материалах дела отсутствуют данные о том, что М. был согласен с увольнением с военной службы без обеспечения жильем, а суд эти данные не устанавливал.

Наряду с указанными выше, в суде остались не выясненными и другие имеющие существенное значение для правильного разрешения дела обстоятельства.

Из исследованной в судебном заседании справки следует, что М. 11 августа 2003 г. сдал Ульяновской КЭЧ отдельную трехкомнатную квартиру общей площадью 68,3 квадратного метра, расположенную в г. Ульяновске на просп. врача Сурова, д. 22, кв. 112.

Согласно двум другим исследованным в суде справкам жена и дочь заявителя с 26 сентября 2003 г. вновь были зарегистрированы в указанной выше квартире, а сам заявитель с 11 августа 2003 г. по 11 сентября 2009 г. проходил военную службу в войсковой части 73612, дислоцированной в г. Ульяновске и с 18 мая 2005 г. также был зарегистрирован в этой квартире.

В деле также имеются справки о выписке М. и членов его семьи с 8 августа 2003 г. в г. Новороссийск, нуждаемости его в жилой площади и утвержденная командиром войсковой части 73612 копия протокола заседания жилищной комиссии части от 28 октября 2008 г. о распределении заявителю трехкомнатной квартиры общей площадью 68,54 квадратного метра, расположенной в г. Ульяновске на просп. врача Сурова, д. 33, корп. 3. Изложенное указывает на наличие в доказательствах противоречий, которые судом устранены не были. При этом, в судебном постановлении не указано, по каким основаниям суд принял одни из этих доказательств и отверг другие.

В результате односторонней оценки доказательств судом остались невыясненными следующие юридически значимые обстоятельства: переводился ли М. 8 августа 2003 г. к новому месту военной службы из г. Ульяновска в г. Новороссийск и где он проходил военную службу, сдал ли он фактически (а не по документам) предоставленное ранее от Министерства обороны Российской Федерации жилье и где проживали члены его семьи и он сам с 26 сентября 2003 г. и с 18 мая 2005 г. соответственно по 11 сентября 2009 г., а также кто в действительности проживал с 11 августа 2003 г. по день увольнения М. с военной службы в квартире, расположенной в г. Ульяновске на просп. врача Сурова, д. 22, кв. 112.

Существенное значение также имеет выяснение причин отказа М. от предоставленной ему по месту военной службы квартиры в октябре 2008 г., в том числе с точки зрения злоупотребления им своим правом.

Неустановление указанных обстоятельств повлекло принятие судами преждевременного решения по вопросу обеспеченности заявителя жилым помещением по месту прохождения военной службы и, следовательно, правомерности требований о восстановлении М. на военной службе до обеспечения его жильем, в том числе по избранному месту жительства после увольнения в запас.

В материалах дела также отсутствуют данные о том, когда М. впервые поставил вопрос о предоставлении ему жилья по избранному месту жительства после увольнения в запас, отличному от места военной службы. При этом, имеющийся в деле рапорт по данному вопросу датирован заявителем 18 декабря 2009 г., а заседание жилищной комиссии о предоставлении ему жилья в г. Краснодаре состоялось 10 ноября 2009 г., то есть после исключения М. из списков личного состава воинской части в связи с увольнением в запас.

Невыяснение в судебном заседании имеющих существенное значение обстоятельств, на которые ссылалась заявитель в обоснование уважительности причин пропуска обращения с заявлением в суд, повлекло отмену судебного решения

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2011 г. № 203-В11-13 по заявлению Ч. (извлечение)

Решением Пермского гарнизонного военного суда от 16 декабря 2010 г., оставленным без изменения кассационным определением Приволжского окружного военного суда от 28 января 2011 г., Ч. отказано в удовлетворении заявления, в котором она просила признать незаконным утвержденное командиром части решение жилищно-бытовой комиссии воинской части от 25 июня 2010 г. о внесении изменений в жилищное дело заявителя и снятии с учета нуждающихся в жилом помещении троих ее сыновей, не проживающих с заявителем.

Основанием для отказа в удовлетворении заявления, согласно выводу суда, послужил пропуск Ч. по неуважительным причинам установленного ст. 256 ГПК РФ срока обращения в суд.

В надзорной жалобе Ч., утверждая, что, вопреки требованиям ч. 2 ст. 56 ЖК РФ, ее уведомили о внесении изменений в жилищное дело только 18 октября 2010 г., просила судебные постановления отменить.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы надзорной жалобы, Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм процессуального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела следует, что 24 ноября 2010 г. Ч. обратилась в суд с заявлением, в котором оспорила утвержденное командиром решение жилищно-бытовой комиссии части от 25 июня 2010 г.

Поскольку такое решение основано на реализации жилищной комиссией и командиром властных полномочий по отношению к заявителю, дело обоснованно было рассмотрено судом в порядке, установленном гл. 25 ГПК РФ, как вытекающее из публичных правоотношений.

Согласно ст. 256 ГПК РФ гражданин вправе обратиться в суд с заявлением об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, должностных лиц и государственных служащих в течение трех месяцев со дня, когда ему стало известно о нарушении его прав и свобод; причины пропуска срока на обращение с заявлением в суд подлежат выяснению в судебном заседании и могут являться самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении заявления.

Признавая причины пропуска названного срока неуважительными, суд указал на осведомленность Ч. в конце июня 2010 г. о решении жилищно-бытовой комиссии, что подтверждается объяснениями в судебном заседании представителей командира и жилищно-бытовой комиссии, объяснениями ответственного исполнителя по жилищному обеспечению Б. и материалами служебного расследования, а также показаниями в судебном заседании самого заявителя о состоявшемся в августе 2010 г. разговоре с Б. по поводу заседания жилищной комиссии.

При этом, судом оставлено без должного внимания то обстоятельство, что копия решения жилищно-бытовой комиссии от 25 июня 2010 г., в котором были изложены мотивы снятия с учета нуждающихся в жилых помещениях сыновей Ч., 1987, 1989 и 1992 годов рождения, была ей вручена только 18 октября 2010 г.

Между тем согласно ч. 2 ст. 56 ЖК РФ решения о снятии с учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях выдаются или направляются гражданам, в отношении которых приняты такие решения, не позднее чем через три рабочих дня со дня принятия таких решений.

В связи с изложенным суду надлежало выяснить причины длительного невручения Ч. копии оспариваемого решения жилищно-бытовой комиссии и могло ли это обстоятельство воспрепятствовать своевременному ее обращению с заявлением в суд.

Кроме того, в судебном заседании Ч. последовательно заявляла о том, что до 18 октября решение жилищно-бытовой комиссии от 25 июня 2010 г. до нее не доводилось, а ее обращение в августе 2010 г. к ответственному исполнителю по жилищному учету Б. с просьбой выдать документы осталось без ответа.

Несмотря на то что данные показания не соответствуют объяснениям в судебном заседании представителей командира и жилищно-бытовой комиссии, указанные противоречия судом устранены не были.

Без должной проверки судом также оставлены объяснения представителя должностного лица Бек. о том, что подпись об ознакомлении с протоколом заседания жилищно-бытовой комиссии Ч. поставила приблизительно в июле 2010 г., а дату об ознакомлении – только 18 октября 2010 г.

Выяснение вышеназванных обстоятельств имеет существенное значение для выяснения причин пропуска заявителем срока обращения в суд, в связи с чем суду следовало допросить в установленном ГПК РФ порядке свидетеля Б., на объяснение которой ссылался представитель должностного лица, исследовать документы либо иные фактические данные, указывающие на дату фактического уведомления заявителя о принятом решении жилищно-бытовой комиссии и мотивах такого решения, а при необходимости допросить других свидетелей и исследовать письменные документы. Однако судом этого сделано не было.

Допущенные судом нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможно установление уважительности причин пропуска Ч. срока обращения с заявлением в суд, в связи с чем Военная коллегия обжалуемые судебные постановления отменила, а дело направила на новое рассмотрение в Пермский гарнизонный военный суд.

Непредставление командиром воинской части доказательств законности издания им приказа о прекращении заявителю допуска к государственной тайне явилось основанием для отмены в судебном порядке названного приказа

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 207-В11-8 по заявлению И. (извлечение)

Решением Читинского гарнизонного военного суда от 24 марта 2011 г. удовлетворено заявление И., поданное в интересах Ф., в котором он просил признать незаконным приказ командира воинской части от 18 февраля 2011 г. о прекращении Ф. допуска к государственной тайне.

Кассационным определением Восточно-Сибирского окружного военного суда от 28 апреля 2011 г. решение суда было отменено и по делу принято новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

В надзорной жалобе И., указывая на недоказанность командованием обстоятельств, послуживших основанием для издания приказа о лишении Ф. допуска к государственной тайне, просил кассационное определение окружного военного суда отменить и оставить в силе решение гарнизонного военного суда.

Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

В суде установлено, что ранее изданный приказ командира воинской части от 2 декабря 2010 г., которым Ф. был прекращен доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, вступившим в законную силу решением Читинского гарнизонного военного суда от 3 февраля 2011 г. признан незаконным и недействующим с момента издания.

Несмотря на это, командир части приказом от 18 февраля 2011 г. вновь прекратил Ф. доступ к государственной тайне на основании уведомления контрольных органов от 26 ноября 2010 г., законность действий которых уже являлась предметом судебной проверки.

В связи с изложенным, удовлетворяя заявление Ф., гарнизонный военный суд правомерно сослался на то, что обстоятельства, послужившие основанием для издания оспариваемого приказа от 12 февраля 2011 г., установлены решением суда, вступившим в законную силу.

Кроме того, в судебное заседание командованием не были представлены доказательства, указывающие на то, в чем именно заключалось допущенное Ф. нарушение законодательства о государственной тайне, когда произошло это событие (или события) и чем это подтверждено.

Не представлено в суд и иных данных, свидетельствующих о том, что вне пределов воинской части, в том числе и органами подразделений, осуществляющих защиту государственной тайны, проводились какие-либо разбирательства в отношении Ф.

На основании изложенного Военная коллегия считала, что гарнизонный военный суд пришел к правильному выводу о том, что вопреки требованию ч. 1 ст. 249 ГПК РФ воинским должностным лицом, чьи действия оспаривались, не было представлено доказательств, подтверждающих законность изданного им приказа в отношении Ф.

Приведя в обоснование названные доводы, Военная коллегия отменила кассационное определение Восточно-Сибирского окружного военного суда от 28 апреля 2011 г. и оставила в силе решение Читинского гарнизонного военного суда от 24 марта 2011 г. о признании незаконным приказа командира части от 18 февраля 2011 г. о прекращении Ф. допуска к государственной тайне.

Рассмотрение дела незаконным составом суда повлекло отмену кассационного определения

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 201-КГ12-7 по заявлению З. (извлечение)

Солнечногорским гарнизонным военным судом 14 февраля 2011 г. было частично удовлетворено заявление З.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского окружного военного суда 22 сентября 2011 г. данное решение суда первой инстанции оставила без изменения.

Военная коллегия, рассмотрев дело по кассационной жалобе З. от 8 февраля 2012 г., отменила кассационное определение Московского окружного военного суда в связи с существенным нарушением норм процессуального права и направила дело на новое рассмотрение в окружной военный суд в ином составе судей по следующим основаниям.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм процессуального права, выразившиеся в следующем.

Согласно ч. 4 ст. 17 ГПК РФ (в редакции, действовавшей до 1 января 2012 г.) судья, принимавший участие в рассмотрении дела в суде надзорной инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого дела в судах первой и кассационной инстанций. Аналогичные положения, препятствующие участию судьи в рассмотрении дела в суде кассационной инстанции, если он ранее участвовал в рассмотрении этого дела в суде надзорной инстанции, закреплены в ст. 17 ГПК РФ в редакции Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ, действующей с 1 января 2012 г.

Несоблюдение требований ст. 17 ГПК РФ влечет незаконность судебного состава и, следовательно, является грубым процессуальным нарушением, влекущим отмену судебного постановления.

Из материалов дела следует, что судья У., принимавший участие в рассмотрении дела судом надзорной инстанции 4 августа 2011 г. в качестве члена президиума Московского окружного военного суда, участвовал также 22 сентября 2011 г. в рассмотрении дела судом кассационной инстанции – судебной коллегией по гражданским делам Московского окружного военного суда.

Изложенное указывает на то, что в нарушение ч. 4 ст. 17 ГПК РФ (в редакции, действовавшей до 1 января 2012 г.) дело в суде кассационной инстанции рассмотрено судом в незаконном составе.

Непредоставление заявителю достаточного срока для подготовки к делу и своевременной явки в суд повлекло отмену судебного постановления

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 206-КГ12-1 по заявлению Ц. (извлечение)

Военная коллегия отменила судебные постановления по делу по заявлению Ц. в связи с существенным нарушением норм процессуального права и направила дело на новое рассмотрение в Красноярский гарнизонный военный суд по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что судебное заседание по рассмотрению гражданского дела по заявлению *Ц.*, проживающего в г. Канске Красноярского края, было назначено Красноярским гарнизонным военным судом, расположенным в г. Красноярске, 11 марта 2011 г. на 14 часов 14 марта без указания места проведения судебного разбирательства. Расстояние от г. Канска Красноярского края до г. Красноярска составляет более двухсот километров.

В связи с неявкой сторон председательствующим судьей рассмотрение дела было отложено на 17 часов 15 марта 2011 г., то есть на следующий день.

Согласно ч. 3 ст. 113 ГПК РФ лицам, участвующим в деле, судебные извещения и вызовы должны быть вручены с таким расчетом, чтобы указанные лица имели достаточный срок для подготовки к делу и своевременной явки в суд.

Назначение судебного заседания без учета названных требований закона лишило *Ц.* возможности принять участие в заседании и дать свои объяснения в соответствии со ст. 174 ГПК РФ, что фактически привело к лишению его конституционного права на судебную защиту.

С учетом установленных обстоятельств вручение судебной повестки накануне судебного заседания несовершеннолетнему сыну заявителя и устное уведомление *Ц.* в день заседания через закрытую дверь квартиры военнослужащими Б. и Х., вопреки утверждению окружного военного суда, не может быть признано надлежащим судебным извещением.

Установление судом обстоятельств, объективно препятствовавших заявителю обратиться в суд в срок, установленный ст. 256 ГПК РФ, послужило основанием для отмены определения об отказе в удовлетворении заявления в связи с пропуском срока обращения в суд

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2012 г. № 206-КГ12-3 по заявлению Ч. (извлечение)

Барнаульский гарнизонный военный суд 12 июля 2011 г. удовлетворил заявление *Ч.*, в котором он просил признать незаконным приказ командира воинской части от 7 декабря 2010 г. в части досрочного увольнения в связи с несоблюдением условий контракта о прохождении военной службы.

Рассмотрев дело в кассационном порядке 30 августа 2011 г., Западно-Сибирский окружной военный суд решение суда первой инстанции отменил и в удовлетворении требований *Ч.* отказал в связи с пропуском им срока обращения с заявлением в суд.

В кассационной жалобе *Ч.*, утверждая, что причины пропуска им срока обращения с заявлением в суд являются уважительными и требования его обоснованны, просил отменить кассационное определение окружного военного суда и оставить в силе решение гарнизонного военного суда.

Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению, поскольку окружным военным судом при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм процессуального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела следует, что порядок увольнения *Ч.* с военной службы соблюден не был, а с приказом командира воинской части от 7 декабря 2010 г. об увольнении в запас и материалами, послужившими основанием для его увольнения, он был ознакомлен только в судебном заседании.

По делу, в частности, установлено, что в ноябре 2010 г. *Ч.* было предложено уволиться с военной службы по собственному желанию и этот вопрос 18 ноября 2010 г. был предметом рассмотрения аттестационной комиссии. Когда же 10 декабря 2010 г. *Ч.* от сослуживцев стало известно о своем увольнении, он обратился в строевую часть с просьбой ознакомить его с основанием увольнения, однако с приказом его не ознакомили и запись в военном билете об увольнении не произвели. Только после обращения в феврале 2011 г. в прокуратуру *Ч.* узнал, что основанием к его увольнению явилось якобы невыполнение им условий контракта, что и послужило причиной для его обращения 24 марта 2011 г. в суд.

Показания *Ч.* об указанных обстоятельствах дела командованием в судебном заседании не только не были опровергнуты, но и были подтверждены объяснениями представителя воинского должностного лица Б. о том, что аттестационная комиссия вопрос о соответствии заявителя занимаемой воинской должности, а также причины, которые могут служить основанием для его досрочного увольнения с военной службы, не рассматривала. При этом, согласно протоколу судебного заседания от 8 апре-

ля 2011 г. выписка из приказа командира воинской части от 7 декабря 2010 г. об увольнении Ч. в запас, а также письменные документы, подтверждающие обоснованность его увольнения, до сведения заявителя были доведены только в суде.

Кроме того, свидетель К. показал в суде, что на построении 18 ноября 2010 г. до них, в том числе до Ч., довели информацию о предстоящем заседании аттестационной комиссии по вопросу их предстоящего увольнения по собственному желанию, после чего они обратились в военную прокуратуру, где им были разъяснены положения действующего законодательства.

Из исследованной в судебном заседании копии заявления Ч. от 7 февраля 2011 г. в военную прокуратуру усматривается, что поводом к его обращению послужили неосведомленность, по каким статье и пункту Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» он был уволен, а также отказ в выдаче ему копии приказа об увольнении и материалов, на основании которых было произведено увольнение.

Таким образом, судом было установлено, что Ч. по независящим от него причинам в течение длительного времени после издания приказа об увольнении с военной службы не был осведомлен об основаниях и причинах своего увольнения, то есть был лишен возможности сделать вывод о наличии нарушений своих прав указанными действиями командования и представить в суд сведения, подтверждающие факт совершения оспариваемых действий.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно ч. 1 ст. 247 ГПК РФ во взаимосвязи с пп. 4, 5 ч. 1 ст. 131 и ст. 132 ГПК РФ в заявлении заинтересованного лица в суд должно быть указано, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения его прав и свобод, какие решения, действия (бездействие) должны быть признаны незаконными, какие права и свободы лица нарушены этими решениями, действиями (бездействием), обстоятельства, на которых лицо основывает свои требования, с приложением документов, подтверждающих обстоятельства, на которых основываются эти требования.

Наличие перечисленных обстоятельств, объективно препятствующих заявителю обратиться в суд в срок, установленный ст. 256 ГПК РФ, послужило основанием для рассмотрения судом первой инстанции его заявления по существу.

Отменяя решение гарнизонного военного суда и принимая по делу новое решение – об отказе в удовлетворении заявления, суд кассационной инстанции, напротив, исходил из того, что Ч. узнал о нарушении своих прав 10 декабря 2011 г. и с этого момента имел возможность оспорить приказ о своем увольнении.

Однако данный вывод противоречит установленным в судебном заседании обстоятельствам дела, согласно которым заявитель только в феврале 2011 г., после обращения в военную прокуратуру, смог точно установить основания своего увольнения и прийти к выводу о нарушении своих прав на прохождение военной службы.

Согласно ч. 1 ст. 256 ГПК РФ гражданин вправе обратиться в суд с заявлением в течение трех месяцев со дня, когда ему стало известно о нарушении его прав и свобод.

Поскольку Ч. обратился в суд 24 марта 2011 г., то есть менее чем через три месяца после того, когда ему стало известно о нарушении его прав увольнением в запас в связи с несоблюдением условий контракта, то есть в установленный ст. 256 ГПК РФ срок, Военная коллегия признала вывод гарнизонного военного суда о соблюдении им срока обращения с заявлением в суд и правомерности рассмотрения его заявления по существу обоснованным.

На основании изложенного, а также установив правильность решения гарнизонного военного суда по существу заявления Ч., Военная коллегия отменила кассационное определение Западно-Сибирского окружного военного суда от 30 августа 2011 г. и оставила в силе решение Барнаульского гарнизонного военного суда от 12 июля 2011 г.

Наличие противоречивых заключений экспертов о степени секретности изъятых у заявителя документов, а также односторонняя оценка исследованных в суде доказательств повлекли отмену решения суда

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 203-Г10-2С по заявлению К. (извлечение)

В связи с выявлением в июле 2009 г. в ходе проверки нарушения режима секретности в воинской части, командиром которой являлся К., а также обнаружением на его

рабочем столе неучтенных документов, которые по утвержденному командиром вышестоящей воинской части заключению комиссии содержали сведения, составляющие государственную тайну, этим же командиром 17 ноября 2009 г. был утвержден акт о нецелесообразности допуска К. к государственной тайне. После этого он приказом командующего войсками Приволжского регионального командования внутренних войск МВД России от 19 ноября 2009 г. освобожден от занимаемой должности и зачислен в распоряжение командира вышестоящей воинской части.

Посчитав свои права нарушенными, К. оспорил названное заключение, акт и приказ в судебном порядке.

Решением Приволжского окружного военного суда от 5 июля 2010 г. заявление К. было удовлетворено, оспариваемые документы были признаны незаконными.

В обоснование принятого решения суд указал, что выводы комиссии о секретности сведений, содержащихся в изъятых у К. документах, не могут быть признаны объективными из-за несоответствия их требованиям правовых актов, определяющих порядок отнесения тех или иных данных к сведениям, составляющим государственную тайну. Также суд пришел к выводу о том, что изъятие у заявителя документы на момент проверки в июле 2009 г. перестали быть секретными.

В кассационной жалобе представитель воинского должностного лица, чьи действия оспаривались, указывая на выявленные в ходе проверки нарушения заявителем режима секретности, ответственность за соблюдение которого тот должен нести как командир воинской части, неправомочность суда без проведения экспертизы определять факт утраты степени секретности изъятых у К. документов, а также секретность этих документов, что подтверждено заключением эксперта, просил решение суда отменить и принять новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

Военная коллегия, рассмотрев дело по кассационной жалобе представителя воинского должностного лица, отменила решение суда и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что К. прекращен доступ к государственной тайне в связи с выявлением в ходе проверки нарушения режима секретности в воинской части, ответственность за соблюдение которого должен нести К. как ее командир.

Следовательно, предметом доказывания по данному делу являлось установление фактов нарушения в воинской части, командиром которой является К., защиты государственной тайны и надлежащего режима секретности, а в случае их установления – степени вины К. в допущенных нарушениях.

Вместо выяснения указанных обстоятельств суд ограничился установлением степени секретности обнаруженных на рабочем столе К. документов.

Неправильное определение предмета доказывания по делу привело к тому, что судом были оставлены без внимания доказательства, свидетельствующие о том, что копируемые с секретного жесткого диска документы в нарушение установленного порядка передавались исполнителям, в том числе заявителю, без регистрации в секретной части.

Кроме того, в судебном заседании было установлено, что в ходе административного разбирательства командованием проводились три экспертизы степени секретности обнаруженных на рабочем столе К. документов, выводы которых существенно отличались друг от друга. Однако суд в решении проанализировал только последнее заключение, не истребовав у командования остальные.

Выявленные судом противоречия подлежали устранению путем исследования и оценки всех экспертиз, а при необходимости – допроса в судебном заседании членов комиссий и проведения повторной экспертизы другими экспертами.

Таким образом, придя к выводу о неправомерности прекращения заявителем допуска к государственной тайне, суд не только не учел, что К. как командир воинской части несет персональную ответственность за обеспечение защиты государственной тайны и надлежащего режима секретности, но и при наличии противоречивых доказательств не указал в судебном постановлении, по каким основаниям принял одни доказательства и отверг другие.

Односторонняя оценка доказательств, а также не критичное отношение к доводам заявителя об отсутствии грифа секретности у обнаруженных на его рабочем столе документов повлекли принятие судом первой инстанции преждевременного решения о незаконности действий командования, связанных с прекращением К. допуска к государственной тайне.

Обоснование кассационного определения доказательствами, достоверность которых оспаривалась заявителем и не проверялась судом первой инстанции, повлекло отмену судебных постановлений

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2012 г. № 205-КГ12-11 по заявлению Д. (извлечение)

Военная коллегия отменила решение Махачкалинского гарнизонного военного суда от 24 августа 2011 г. и кассационное определение Северо-Кавказского окружного военного суда от 19 октября 2011 г. по заявлению Д. об оспаривании действий директора ФСБ России и начальника Пограничного управления ФСБ России по Республике Дагестан, связанных с отказом в предоставлении документов для оформления удостоверения ветерана боевых действий и отказом в выдаче удостоверения ветерана боевых действий.

Из материалов дела следует, что при обращении с заявлением в суд о выдаче удостоверения ветерана боевых действий Д. приложила копии справок, подтверждающих, по ее мнению, участие в выполнении задач по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней территориях Северо-Кавказского региона, а также ответ на ее обращение начальника Пограничного управления.

Согласно указанному ответу обращение заявителя и приложенные к нему документы были рассмотрены комиссией Пограничного управления, по результатам рассмотрения положительного решения о признании ее ветераном боевых действий не принято с указанием оснований.

Не согласившись с ответом, Д. оспорила действия, в том числе начальника Пограничного управления, в судебном порядке.

Удовлетворяя частично заявление Д., суд первой инстанции исходил из того, что ее обращение комиссией Пограничного управления не рассматривалось, в связи с чем нашел необходимым внести на рассмотрение комиссии вопрос об оформлении и выдаче заявителю удостоверения ветерана боевых действий.

Отменяя решение гарнизонного военного суда и принимая по делу новое решение – об отказе в удовлетворении заявления, суд кассационной инстанции, в свою очередь, исходил из того, что документы Д. о выдаче удостоверения ветерана боевых действий комиссией Пограничного управления рассмотрены и по ним принято решение об отказе в этом, о чем заявителю сообщено письмом начальника Пограничного управления от 18 апреля 2011 г. № 21/304/8/2231.

Между тем в материалах дела отсутствует решение комиссии и суд не принял мер по истребованию из Пограничного управления указанного решения.

Из изложенного следует, что суд кассационной инстанции в нарушение ч. 1 ст. 195 ГПК РФ без приведения мотивов положил в основу решения доказательства, достоверность которых не проверялась судом первой инстанции, что не отвечает требованиям обоснованности судебного решения.

Кроме того, оценка законности решения комиссии Пограничного управления имеет существенное значение по данному делу.

Согласно Инструкции об организации в органах Федеральной службы безопасности Российской Федерации работы по оформлению, выдаче и учету удостоверений ветерана боевых действий, их дубликатов и дубликатов свидетельств (удостоверений) о праве на льготы, образцы которых утверждены до 1 января 1992 г., утвержденной приказом директора ФСБ России от 4 декабря 2008 г. № 588, в органах безопасности приказом руководителя, начальника органа безопасности на постоянной основе создается комиссия по рассмотрению заявлений и документов для оформления и выдачи удостоверений ветерана боевых действий.

По итогам рассмотрения поступивших документов комиссия готовит мотивированное заключение о выдаче (отказе в выдаче) удостоверения ветерана боевых действий, которое утверждается руководителем, начальником органа безопасности, а обоснованность принятого решения проверяется Службой организации кадровой работы ФСБ России.

Таким образом, без истребования и исследования в судебном заседании решения комиссии по рассмотрению заявлений и документов для оформления и выдачи удостоверения ветерана боевых действий Д., выяснения вопроса о фактически проведенном заседании комиссии и проверки соответствия действительности представ-

ленных заявителем справок о ее участии в боевых действиях не представляется возможным сделать вывод о законности и обоснованности действий начальника Пограничного управления ФСБ России по Республике Дагестан.

Допущенные судом нарушения норм материального и процессуального права повлияли на исход дела, и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов заявителя, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Данное обстоятельство в силу ст. 387 ГПК РФ явилось основанием для отмены Военной коллегией состоявшихся по делу судебных постановлений и ввиду невозможности принятия нового решения направления дела на новое рассмотрение в Махачкалинский гарнизонный военный суд.

Получение заявителем определения судьи об оставлении его кассационной жалобы без движения после истечения установленного судьей срока для устранения недостатков на кассационное обжалование решения суда признано основанием для продления заявителем процессуального срока для устранения указанных недостатков

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 24 июля 2012 г. № 208-КГ12-3 по заявлению С. (извлечение)

Согласно определению Хабаровского гарнизонного военного суда от 15 октября 2010 г., оставленному без изменения в кассационном порядке Дальневосточным окружным военным судом 27 января 2011 г., С. отказано в удовлетворении заявления о продлении срока для устранения недостатков на кассационное обжалование решения Хабаровского гарнизонного военного суда от 17 февраля 2010 г. по его заявлению. В обоснование принятого решения суд в определении указал, что определение судьи от 12 марта 2010 г. об оставлении кассационной жалобы без движения поступило по указанному заявителем адресу заблаговременно, в связи с чем тот имел возможность устранить указанные в определении недостатки, однако в установленный срок о продлении процессуального срока, назначенного судьей для устранения этих недостатков, не заявил.

Военная коллегия, рассмотрев дело по поданной по правилам гл. 41 ГПК РФ в редакции Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» кассационной жалобе С., в которой он указал на наличие определения судьи об оставлении его кассационной жалобы без движения после истечения установленного судьей срока для устранения недостатков в связи с нахождением в командировке, судебные постановления отменила и приняла решение о продлении заявителю срока для устранения недостатков на кассационное обжалование решения суда от 17 февраля 2010 г., приводя в обоснование следующие доводы.

Из материалов дела следует, что резолютивная часть решения гарнизонного военного суда по заявлению С. была оглашена 17 февраля 2010 г. в отсутствие заявителя. О вынесении резолютивной части решения и дате составления мотивированного решения С. судом не уведомлялся.

1 марта 2010 г. заявителю направлена судом копия решения, которая была им получена 3 марта 2010 г.

Поданная С. 9 марта кассационная жалоба определением судьи от 12 марта 2010 г. была оставлена без движения, и заявителю предложено устранить недостатки в срок до 23 марта 2010 г.

Согласно уведомлению о вручении копия названного определения судьи была направлена из суда в воинскую часть 18 марта и получена 22 марта 2010 г. не заявителем, а по доверенности иным лицом. Сам же заявитель с 20 по 26 марта находился в служебной командировке в г. Ростове-на-Дону, в связи с чем смог получить копию определения судьи только 29 марта 2010 г.

Указанные обстоятельства в суде опровергнуты не были.

При таких данных из материалов судебного производства с достаточной очевидностью следует, что С. узнал о вынесении судьей определения от 12 марта 2010 г. после получения его копии 29 марта 2010 г., а 2 апреля направил в суд заявление о продлении срока для устранения недостатков на кассационное обжалование решения гарнизонного военного суда от 17 февраля 2010 г.

Изложенное указывает на то, что подача названного заявления была обусловлена поздним получением заявителем копии оспариваемого определения.

При этом, судом не учтено, что установленное в ст. 372 ГПК РФ (в редакции, действовавшей до 1 января 2012 г.) общее правило, согласно которому частная жалоба может быть подана в течение десяти дней со дня вынесения определения судом первой инстанции, в его системном толковании с другими нормами процессуального права подразумевает возможность вынесения судом определения в присутствии лица, имеющего право на его обжалование.

ГПК РФ не требует направления лицу, подавшему заявление, извещения о времени и месте рассмотрения вопросов, в том числе об оставлении кассационной жалобы без движения. Поэтому ему может быть неизвестно о принятом судом процессуальном решении.

В целях обеспечения права на обжалование судебных постановлений, предусмотренных ст. 341 ГПК РФ (в редакции, действовавшей до 1 января 2012 г.), в соответствии с нормами гражданского процессуального законодательства лицам, участвующим в деле, если они не присутствовали при вынесении судом определений, высылаются их копии.

С учетом изложенного срок для подачи частных жалоб на определения об оставлении кассационных жалоб без движения подлежит исчислению со дня, когда лицу, обладающему правом их обжалования, стало известно об их вынесении.

Таким образом, С. правомерно поставил вопрос о продлении срока для устранения недостатков на кассационное обжалование, в связи с чем обжалуемые им определение Хабаровского гарнизонного военного суда от 15 октября 2010 г. и кассационное определение Дальневосточного окружного военного суда от 27 января 2011 г. подлежат отмене, а срок для устранения недостатков на подачу кассационной жалобы на решение гарнизонного военного суда от 17 февраля 2010 г. – продлению.

При исчислении срока, указанного в ч. 2 ст. 376 ГПК РФ, не учитывается время рассмотрения надзорной жалобы или истребованного по надзорной жалобе дела в суде надзорной инстанции

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20 мая 2010 г. № 208-В10-5 по заявлению Ф. (извлечение)

Решением Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда от 9 октября 2008 г. Ф. отказано в признании незаконными действий командира воинской части, связанных с привлечением к дисциплинарной ответственности и досрочным увольнением с военной службы.

Кассационным определением Дальневосточного окружного военного суда от 18 ноября 2008 г. решение суда первой инстанции было признано законным, а определением судьи того же суда от 19 июня 2009 г. Ф. отказано в передаче надзорной жалобы для ее рассмотрения в суде надзорной инстанции.

Получив копию надзорного определения судьи 29 июня 2009 г., то есть по истечении шестимесячного срока на обжалование, установленного ч. 2 ст. 376 ГПК РФ, Ф. обратилась с заявлением о восстановлении указанного срока.

Определением Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда от 27 июля 2009 г., оставленным без изменения кассационным определением судебной коллегии по гражданским делам Дальневосточного окружного военного суда от 3 сентября 2009 г., Ф. в удовлетворении заявления о восстановлении процессуального срока на подачу надзорной жалобы было отказано.

В надзорной жалобе поставлен вопрос об отмене указанных судебных постановлений в связи с пропуском процессуального срока для подачи надзорной жалобы по обстоятельствам, не связанным с действиями заявителя.

Военная коллегия жалобу удовлетворила, указав следующее.

Согласно ч. 2 ст. 376 ГПК РФ для обжалования в суд надзорной инстанции судебных постановлений установлен шестимесячный срок, исчисляемый со дня их вступления в законную силу.

Данный процессуальный срок предоставляется лицам, указанным в чч. 1, 3 ст. 376 ГПК РФ, для реализации своего права на обжалование судебных постановлений в порядке надзора.

Срок рассмотрения жалобы или дела в суде надзорной инстанции – это процессуальный срок, в течение которого судом надзорной инстанции должна быть рассмотрена надзорная жалоба (представление) или истребованное по надзорной жалобе дело, при этом продолжительность данного срока не зависит от лица, которое обращается в суд с надзорной жалобой.

Исходя из положений ст. 3 ГПК РФ заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд с защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод и законных интересов.

Однако время рассмотрения каждой надзорной жалобы (представления) на всех этапах надзорного производства, установленных гражданским процессуальным законодательством, превышает шестимесячный срок, предусмотренный ч. 2 ст. 376 ГПК РФ, что лишает заинтересованных лиц возможности реализовать свое право на обжалование судебных постановлений в порядке надзора.

Такое применение указанной нормы противоречит общим принципам, предусмотренным ст.ст. 2, 18, 46 Конституции Российской Федерации, исходя из которых каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются основной обязанностью государства, и именно они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием.

Исходя из изложенного время рассмотрения надзорной жалобы (представления) или истребованного по надзорной жалобе (представлению) дела в суде надзорной инстанции не должно учитываться при исчислении шестимесячного срока, в течение которого судебные постановления могут быть обжалованы в суд надзорной инстанции.

В суде установлено, что 24 апреля 2009 г. Ф. направила по почте в президиум Дальневосточного окружного военного суда надзорную жалобу на вступившее в силу 18 ноября 2008 г. решение. Копия надзорного определения от 19 июня 2009 г. получена Ф. согласно штемпелю на конверте 29 июня 2009 г.

При таких данных с учетом времени рассмотрения надзорной жалобы в окружном военном суде шестимесячный срок на подачу надзорной жалобы в Военную коллегию Верховного Суда Российской Федерации Ф. пропущен не был.

При принятии решения об отказе в удовлетворении заявления в связи с добровольным удовлетворением должностным лицом требований заявителя понесенные последним судебные расходы подлежат возмещению

Решением гарнизонного военного суда в удовлетворении заявления военнослужащего Т. об оспаривании действий военного комиссара области, связанных с невыплатой денежной компенсации за поднаем жилья, а также в возмещении судебных расходов было отказано, поскольку накануне заявителю была произведена оспариваемая выплата.

Отказывая Т. в удовлетворении заявления в части возмещения судебных расходов, суд исходил из положений ч. 1 ст. 98 ГПК РФ, согласно которой судебные расходы возмещаются стороне, в пользу которой состоялось решение суда. Поскольку заявителю отказано в удовлетворении основных требований, то судом было отказано и в возмещении судебных расходов.

Вместе с тем, судом оставлены без должного внимания следующие обстоятельства. Гражданско-процессуальное законодательство (гл. 7 ГПК РФ) исходит из того, что критерием присуждения судебных расходов при вынесении решения является вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного истцом требования.

Часть 1 ст. 101 ГПК РФ предусматривает, что если отказ от иска связан с добровольным удовлетворением ответчиком требования истца после предъявления иска, то все понесенные истцом по делу судебные расходы по просьбе истца взыскиваются с ответчика.

Таким образом, законодательно на ответчика возложена обязанность по компенсации истцу понесенных им судебных расходов на том основании, что истец заявил правомерные требования, которые были фактически признаны ответчиком и добровольно им удовлетворены в ходе процесса.

Как видно из обжалованного решения суда, Т. отказано в удовлетворении заявления о денежной компенсации за поднаем жилья только потому, что командование в ходе производства по данному делу добровольно выплатило заявителю оспариваемую компенсацию, тем самым фактически признав правомерность его требований.

Поскольку в процессуальном законе не имеется нормы, регулирующей распределение судебных расходов применительно к обстоятельствам аналогичных дел, судебная коллегия сочла необходимым с применением ч. 4 ст. 1 ГПК РФ положить в

основу принимаемого судебного постановления вышеизложенные требования ч. 1 ст. 101 ГПК РФ и принять новое решение – о взыскании в пользу заявителя понесенных судебных расходов в сумме 1 200 руб., размер которых был подтвержден соответствующими квитанциями.

Физические лица при подаче частных жалоб на определения судьи освобождаются от уплаты государственной пошлины

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 15 марта 2011 г. № 204-Г11-3 по заявлению А. (извлечение)

Определением первого заместителя председателя Уралского окружного военного суда от 28 декабря 2010 г. оставлена без движения частная жалоба А. на определение судьи того же суда о возврате заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного решения в разумный срок.

В частной жалобе заявитель просил определение отменить, ссылаясь на его незаконность.

Обсудив доводы частной жалобы, Военная коллегия определение отменила, а материалы производства направила в окружной военный суд со стадии принятия заявления к производству суда, указав следующее.

Из материалов производства усматривается, что А. после поступления к нему определения первого заместителя председателя окружного военного суда о возврате заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного решения в разумный срок обжаловал его в кассационном порядке.

Однако частная жалоба на указанное определение была оставлена без движения ввиду неуплаты заявителем государственной пошлины.

Согласно п. 1 ч. 7 ст. 333.36 НК РФ физические лица при подаче частных жалоб на определение судьи освобождаются от уплаты государственной пошлины.

Следовательно, требование об уплате государственной пошлины при подаче частной жалобы на определение судьи о возврате заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного решения в разумный срок на законе не основано.

Частное определение суда выносится при выявлении случаев нарушения закона

Приказом командира воинской части заместитель командира воинской части по воспитательной работе М. был привлечен к дисциплинарной ответственности и за исполнение обязанностей военной службы в состоянии опьянения предупрежден о неполном служебном соответствии.

Приказами того же командира М. как имеющий дисциплинарное взыскание за совершение грубого дисциплинарного проступка был полностью лишен премии по итогам 3-го и 4-го кварталов 2010 г., а также ему уменьшена выплата единовременного денежного вознаграждения по итогам 2010 г. на 20 %.

Полагая, что указанные выше действия командира нарушают его права, М. обратился в военный суд с заявлением, в котором просил признать действия командира воинской части, связанные с привлечением его к дисциплинарной ответственности и уменьшением дополнительных денежных выплат, незаконными и восстановить его права.

Ульяновский гарнизонный военный суд своим решением заявление М. оставил без удовлетворения. При этом, по результатам рассмотрения дела в адрес командующего войсками Центрального военного округа судом вынесено частное определение, где обращено внимание на ненадлежащее исполнение заявителем своих должностных обязанностей.

Рассмотрев материалы дела по кассационной и частной жалобам заявителя, судебная коллегия нашла решение суда первой инстанции законным и обоснованным, отменив при этом частное определение суда ввиду нарушения норм процессуально-го права.

В соответствии со ст. 226 ГПК РФ суд вправе вынести частное определение и направить его в соответствующие организации или соответствующим должностным лицам при выявлении случаев нарушения законности.

Как видно из материалов дела, суд, рассмотрев заявление М. об оспаривании действий командира воинской части, признал его не обоснованным и в удовлетворении отказал.

Вместе с тем, из частного определения в адрес командующего войсками Центрального военного округа следует, что суд, установив факт совершения грубого дисциплинарного проступка офицером М., за что последний и был привлечен к дисциплинарной ответственности, обращает внимание указанного должностного лица на факты нарушения уставных требований М., связанные с пьянством данного офицера, для принятия соответствующих мер.

При этом, каких-либо случаев нарушения законности со стороны командира винской части, чьи действия оспаривались заявителем, в частном определении суда не указано, напротив, суд действия указанного должностного лица признал законными и обоснованными, а принятие к заявителю по инициативе суда еще каких-либо мер воздействия не основано на законе.

Резолютивная часть решения должна быть объявлена в том же судебном заседании, которым закончилось разбирательство дела по существу

Рассмотрев 24 августа 2011 г. гражданское дело по заявлению военнослужащего М., оспорившего действия командования части, связанные с исключением его из списков личного состава части без предоставления отпуска и обеспечения вещевым имуществом, Краснояреченский гарнизонный военный суд объявил свое решение не в том же судебном заседании, а на следующий день – 25 августа 2011 г.

Данное обстоятельство явилось причиной отмены указанного решения Дальневосточным окружным военным судом в соответствии со ст. 364 ГПК РФ по следующим основаниям.

Согласно ч. 3 ст. 157 ГПК РФ судебное заседание по каждому делу происходит непрерывно, за исключением времени, назначенного для отдыха. До окончания рассмотрения начатого дела или до отложения его разбирательства суд не вправе рассматривать другие гражданские, уголовные и административные дела.

Согласно ст. 199 ГПК РФ решение суда принимается немедленно после разбирательства дела. Составление мотивированного решения суда может быть отложено на срок не более чем пять дней со дня окончания разбирательства дела, но резолютивную часть решения суд должен объявить в том же судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела.

Из системного толкования приведенных норм следует, что решение суда должно приниматься в тот же день, в который закончилось судебное разбирательство, и только в совещательной комнате.

Таким образом, в случае удаления суда в совещательную комнату после судебных прений и реплик участвующих в деле лиц и невозможности составления мотивированного решения в день окончания рассмотрения дела по существу резолютивную часть решения судья обязан огласить в тот же день. Решение по делу не может быть оглашено на следующий день.

Глава 2. Вопросы, связанные с порядком прохождения военной службы

Признание заявителя не годным к военной службе по имеющейся военно-учетной специальности дает ему право, но не обязывает его к досрочному увольнению с военной службы и не лишает его права продолжить военную службу на должности, позволяющей выполнять воинские обязанности, соответствующие состоянию его здоровья

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 210-В11-3 по заявлению К. (извлечение)

Решением Северодвинского гарнизонного военного суда от 3 марта 2010 г. заявление К. удовлетворено частично.

Суд признал незаконным приказ командира воинской части в части исключения К. из списков личного состава части, а также его действия, связанные с отказом в увеличении заявителю продолжительности отпуска по личным обстоятельствам на количество суток, необходимых для проезда в отпуск и обратно, и возложил на командира части обязанность восстановить заявителя в списках личного состава воинской части до обеспечения жильем по установленным нормам с последующим исключением из этих списков и предоставить 12 суток отпуска.

В удовлетворении требований об отмене приказа командующего Северным флотом в части увольнения заявителя с военной службы, восстановлении его в прежней должности, отмене приказа командира воинской части в части сдачи дел и должности старшего помощника командира по боевому управлению и производстве с 1 декабря 2009 г. дополнительных выплат К. отказано.

Кассационным определением Северного флотского военного суда от 8 апреля 2010 г. решение суда изменено, на командира воинской части возложена обязанность изменить дату прекращения К. производства дополнительных выплат с 30 ноября на 16 декабря 2009 г. и обеспечить за этот период указанными выплатами через дольствующий орган. В остальном решение оставлено без изменения, а кассационная жалоба заявителя – без удовлетворения.

В надзорной жалобе К. просил судебные постановления о незаконном увольнении с военной службы без обеспечения жильем для постоянного проживания отменить и принять по делу новое решение – об удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия пришла к следующим выводам.

Из материалов дела следует, что в связи с признанием годным к военной службе с незначительными ограничениями (не годным к военной службе в плавсоставе на подводных лодках) старший помощник командира по боевому управлению подводной лодки К., общая продолжительность военной службы которого составляет более 10 лет, 11 августа 2009 г. обратился по команде с рапортом об увольнении после обеспечения жильем в городах Щербинке, Королеве или Зеленограде Московской области. В тот же день он подтвердил свой выбор в ходе индивидуальной беседы.

Изложенное указывает на то, что заявитель, признанный не годным к военной службе по имеющейся военно-учетной специальности, поставил свое увольнение в зависимость от получения жилья по избранному месту жительства после увольнения в запас.

Согласно подп. «а» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы при признании его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе по имеющейся военно-учетной специальности (не отвечающим специальным требованиям), но годным к военной службе или годным к военной службе с незначительными ограничениями при отсутствии его согласия с назначением на другую воинскую должность (должность).

То есть признание заявителя военно-врачебной комиссией годным к военной службе с незначительными ограничениями дает ему право, но не обязывает его к досроч-

ному увольнению с военной службы и не лишает его права продолжить военную службу на должности, позволяющей выполнять воинские обязанности, соответствующие состоянию его здоровья.

Из изложенного следует, что, выражая свое несогласие на увольнение до обеспечения жильем, К. свободно выбрал вариант реализации права на жилище путем получения жилого помещения в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации в период дальнейшего прохождения военной службы на должности, учитывающей установленные ограничения по состоянию здоровья.

При таких данных К. не подлежал досрочному увольнению с военной службы в запас, в связи с чем командующий Северным флотом обязан был обеспечить ему возможность проходить военную службу до получения жилого помещения на должности, учитывающей установленные ограничения по состоянию здоровья.

Несмотря на это, приказом командующего Северным флотом К. был досрочно уволен в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления жилья.

Согласно подп. «а» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

При этом, в силу ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, без их согласия не могут быть уволены с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений.

Содержание названных законодательных норм указывает на то, что увольнение военнослужащего в связи с организационно-штатными мероприятиями может быть реализовано при невозможности дальнейшего прохождения им военной службы и при его согласии на такое увольнение.

Между тем сведений о том, что в период действия заключенного с заявителем контракта командованием рассматривался вопрос о его назначении на равные воинские должности, учитывающие установленные ограничения по состоянию здоровья, в деле не содержится.

Таким образом, вывод суда о законности приказа командующего Северным флотом в части досрочного увольнения К. с военной службы в запас основан на неправильном применении норм материального права, в связи с чем требование заявителя о восстановлении на военной службе подлежит удовлетворению.

Что касается заявления в части восстановления К. в прежней должности старшего помощника командира по боевому управлению подводной лодки до получения жилья с последующим представлением командиром воинской части к увольнению в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями, то его следует признать необоснованным ввиду невозможности заявителем исполнять эту должность по состоянию здоровья.

С учетом изложенного решение суда в части возложения на командира воинской части обязанности по удержанию заявителя в списках личного состава части без назначения на воинские должности с последующим исключением из этих списков после обеспечения его жильем не основано на законе.

Таким образом, К. подлежит восстановлению на военной службе до получения жилого помещения в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации на должности, учитывающей установленные ограничения по состоянию здоровья, и с учетом положений ч. 2 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Поскольку обстоятельства, имеющие значение для дела, были установлены на основании имеющихся доказательств, Военная коллегия отменила все состоявшиеся судебные постановления в части признания правомерным увольнения заявителя с военной службы без обеспечения жильем и возложения на командира части обязанности по удержанию заявителя в списках личного состава части без назначения на

воинские должности до предоставления жилого помещения и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое судебное постановление – об удовлетворении заявления К. в вышеуказанной части.

Зачисление военнослужащего в распоряжение командира (начальника) осуществляется в порядке, установленном Положением о порядке прохождения военной службы

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 19 августа 2010 г. № 210-В10-5 по заявлению Л. (извлечение)

Решением Гаджиевского гарнизонного военного суда от 9 декабря 2009 г. Л. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконными приказы командования о зачислении его с 31 июля 2009 г. в распоряжение командира (начальника) и исключении из списков личного состава воинской части в связи с убийством к новому месту военной службы, а также обязать командира воинской части произвести ему перерасчет денежного довольствия в соответствии с занимаемой им ранее должностью командира группы автоматике дивизиона живучести электро-механической боевой части.

Определением Северного флотского военного суда от 1 марта 2010 г. решение гарнизонного военного суда оставлено без изменения, а кассационная жалоба Л. – без удовлетворения.

В надзорной жалобе Л. просил отменить состоявшиеся по делу судебные постановления, обосновав это тем, что зачисление его в распоряжение командования было произведено на основании рекомендации флагманского врача о необходимости прохождения им военно-врачебной комиссии, а не на основании Положения о порядке прохождения военной службы.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы надзорной жалобы Л., Военная коллегия судебные постановления отменила, а дело направила на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд по следующим основаниям.

Признавая законным приказ командования о зачислении Л. в распоряжение, суд первой инстанции сослался на показания флагманского врача о том, что имеющееся у заявителя заболевание препятствует прохождению им службы в плавсоставе, а также на имеющиеся в деле медицинские документы.

При этом, суд оставил без внимания то, что Л. на момент зачисления в распоряжение командования военно-врачебную комиссию на предмет годности к военной службе не проходил и на стационарное медицинское обследование не направлялся.

Между тем данное обстоятельство имело существенное значение для дела.

В соответствии с п. 4 ст. 42 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий может проходить военную службу не на воинских должностях в случаях нахождения в распоряжении командира (начальника), а в силу п. 1 ст. 43 названного Закона освобождения военнослужащих от воинских должностей и зачисление их в распоряжение командования осуществляется в порядке, установленном Положением о порядке прохождения военной службы.

Согласно подп. «г» п. 2 ст. 13 Положения о порядке прохождения военной службы зачисление в распоряжение командира (начальника) допускается в связи с признанием военнослужащего, находящегося на стационарном лечении, не годным к военной службе, – до окончания стационарного лечения (срока освобождения от исполнения обязанностей по воинской должности, необходимого для оформления увольнения), но не более чем на срок, установленный Положением о военно-врачебной экспертизе.

При таких данных вывод суда о правомерности зачисления Л. в распоряжение командира (начальника) не основан на положениях действующего законодательства.

Поскольку при рассмотрении гражданского дела судом не исследовался период, в течение которого нарушенные права заявителя подлежали восстановлению, Военная коллегия нашла необходимым направить дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

При невозможности одновременного назначения супругов-военнослужащих при переводе на воинские должности в пределах одного населенного пункта (гарнизона) и в случае отказа от увольнения с военной службы одного из них перевод к новому месту военной службы не производится

М. оспорил действия командира части, связанные с назначением на равную воинскую должность и переводом к новому месту военной службы в п. Барабаш Приморского края.

Обосновывая несогласие с переводом к новому месту службы, М. указал, что его супруга проходит военную службу по контракту в воинской части, расположенной по прежнему месту службы заявителя в п. Покровка Приморского края. В настоящее время она находится в отпуске по уходу за ребенком, и вопрос о ее переводе к новому месту службы в п. Барабаш Приморского края вместе с мужем командованием не решался. При этом, он и его супруга увольняться с военной службы не желают.

Уссурийский гарнизонный военный суд в удовлетворении заявления М. отказал.

Тихоокеанский флотский военный суд решение гарнизонного суда отменил и направил дело на новое рассмотрение для выяснения указанных обстоятельств, имеющих значение для дела, по следующим основаниям.

В соответствии с п. 6 ст. 15 Положения о порядке прохождения военной службы если при переводе военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, к новому месту военной службы меняется место жительства его семьи, а жена (муж) этого военнослужащего также проходит военную службу по контракту, то одновременно с принятием решения о переводе военнослужащего к новому месту военной службы решается вопрос о переводе в данную местность его жены (мужа). При невозможности одновременного назначения супругов-военнослужащих на воинские должности в пределах одного населенного пункта (гарнизона) и в случае отказа от увольнения с военной службы одного из них перевод к новому месту военной службы не производится.

Указанные заявителем обстоятельства, касающиеся прохождения его супругой военной службы, судом с учетом требований приведенной правовой нормы не исследовались и не оценивались. Поэтому вывод гарнизонного военного суда о законности действий командира воинской части, связанных с переводом заявителя к новому месту военной службы, является преждевременным.

Не основанный на доказательствах вывод суда о том, что зачисление заявителя в распоряжение начальника академии было вызвано ликвидацией академии, повлек отмену принятых по делу судебных постановлений

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 201-КГ12-13 по заявлению К. (извлечение)

Солнечногорским гарнизонным военным судом 17 октября 2011 г. К., находящейся в отпуске по уходу за ребенком, было отказано в удовлетворении заявления, в котором она просила признать незаконными приказ начальника академии о зачислении в распоряжение и бездействие начальника академии, связанное с непредставлением ее к очередному воинскому званию.

Московский окружной военный суд, рассмотрев 15 декабря 2011 г. гражданское дело в кассационном порядке, оставил данное решение без изменения.

В кассационной жалобе К. и ее представитель, указывая на ошибочный вывод судов о расформировании академии, что привело к принятию незаконного решения о правомерности зачисления заявителя в распоряжение начальника академии и непредставления к присвоению ей очередного воинского звания, просили судебные постановления отменить.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационного представления, Военная коллегия нашла, что при рассмотрении дела судом допущено существенное нарушение норм материального права, выразившееся в следующем.

Из материалов дела следует, что старшему преподавателю кафедры пожарной безопасности академии майору К. на период с 16 октября 2010 г. по 15 апреля 2012 г. был предоставлен отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Приказом начальника академии от 20 октября 2010 г. заявитель зачислена в распоряжение начальника академии в связи с проведением организационно-штатных мероприятий.

Разрешая заявление К. о признании названного приказа незаконным и отказывая в его удовлетворении, суд первой инстанции исходил из того, что ввиду ликвидации старого штата академии не представлялось возможным назначить заявителя на иную воинскую должность из-за отсутствия таковых. Соглашаясь с принятым решением, окружной военный суд посчитал установленным, что академия была фактически расформирована и сформирована заново с новым штатом, в соответствии с которым сокращена не только занимаемая заявителем должность старшего преподавателя кафедры пожарной безопасности, но и сама кафедра.

Однако данный вывод материалами дела с достаточной очевидностью не подтвержден.

Согласно п. 5 ст. 32 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, во время отпуска по уходу за ребенком за военнослужащим женского пола сохраняется место военной службы и воинская должность.

В соответствии с подп. «з» п. 2 ст. 13 того же Положения зачисление военнослужащего женского пола, находящегося в отпуске по беременности и родам или по уходу за ребенком, проходящего военную службу по контракту, в распоряжение командира (начальника) допускается в случае расформирования воинской части и сокращения в связи с этим воинской должности, замещаемой данным военнослужащим.

Согласно ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» создание (упразднение), деятельность и комплектование других войск, воинских формирований и органов, а также управление ими осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Порядок реорганизации и ликвидации юридического лица определен, в частности, ГК РФ.

В соответствии со ст. 57 ГК РФ реорганизация юридического лица (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) может быть осуществлена по решению его учредителей (участников) либо органа юридического лица, уполномоченного на то учредительными документами.

Согласно ст. 58 ГК РФ при преобразовании юридического лица одного вида в юридическое лицо другого вида (изменении организационно-правовой формы) к вновь возникшему юридическому лицу переходят права и обязанности реорганизованного юридического лица в соответствии с передаточным актом.

Статьей 59 ГК РФ предусмотрено, что передаточный акт и разделительный баланс должны содержать положения о правопреемстве по всем обязательствам реорганизованного юридического лица в отношении всех его кредиторов и должников, включая и обязательства, оспариваемые сторонами.

Передаточный акт и разделительный баланс утверждаются учредителями (участниками) юридического лица или органом, принявшим решение о реорганизации юридических лиц, и представляются вместе с учредительными документами для государственной регистрации вновь возникших юридических лиц или внесения изменений в учредительные документы существующих юридических лиц.

При этом, ст. 61 ГК РФ предусмотрено, что ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом.

Кроме того, согласно пп. 1, 2 Типового положения о военном образовательном учреждении высшего профессионального образования, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 января 2009 г. № 82, военным образовательным учреждением высшего профессионального образования, к одному из видов которого в силу п. 5 данного Положения относится и военная академия, является федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования, имеющее статус юридического лица и реализующее в соответствии с лицензией профессиональные образовательные программы высшего профессионального образования. Высшее военно-учебное заведение приобретает

права юридического лица со дня его государственной регистрации. При этом, право на создание, реорганизацию и ликвидацию высшего военно-учебного заведения принадлежит Правительству Российской Федерации.

Таким образом, разрешая требования К. о признании незаконным приказа начальника академии о зачислении ее в распоряжение, суд первой инстанции должен был исследовать обстоятельства, связанные с реформированием (ликвидацией) академии, в целях установления, имела ли место реорганизация академии либо указанная академия была ликвидирована, и исходя из этого установить, имело ли место сокращение численности или штата военнослужащих либо зачисление заявителя в распоряжение вызвано ликвидацией академии. Для этого суду необходимо было истребовать передаточный акт, выписку из государственного реестра, Устав академии, а при необходимости – другие документы.

Однако суд первой инстанции, вынося решение, указанные обстоятельства в полном объеме не исследовал, названные документы не истребовал, несмотря на то, что они имеют существенное значение для правильного рассмотрения дела.

Поскольку в соответствии с п. 2 ст. 47 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» одним из условий присвоения военнослужащему очередного воинского звания является замещение им должности, для которой штатом предусмотрено воинское звание, равное или более высокое, чем воинское звание, присваиваемое военнослужащему, оценка законности бездействия начальника академии, связанного с непредставлением заявителя к очередному воинскому званию, зависит от разрешения вопроса о правомочности нахождения ее в распоряжении начальника академии.

На основании изложенного Военная коллегия отменила решение Солнечногорского гарнизонного военного суда от 17 октября 2011 г., кассационное определение Московского окружного военного суда от 15 декабря 2011 г. и направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Не допускается привлечение военнослужащего к дисциплинарной ответственности повторно за один и тот же дисциплинарный проступок

Майор Б. проходил военную службу по контракту в должности заместителя командира дивизиона по ракетному вооружению.

Приказом командира воинской части от 4 июня 2010 г. за неудовлетворительное выполнение обязанностей по организации правильной и безопасной эксплуатации и ремонта вооружения и военной техники, проведение работ по обустройству и оборудованию сооружения и рабочих мест подразделения Б. предупрежден о неполном служебном соответствии, и в этом же приказе на соответствующих должностных лиц возложена обязанность подготовить документы на увольнение Б. с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Приказом командира воинской части от 5 октября 2010 г. Б. досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта.

Посчитав свои права нарушенными, Б. обратился в Казанский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконными приказами о привлечении его к дисциплинарной ответственности и об увольнении его с военной службы соответственно, поскольку, по его мнению, по результатам расследования в связи с гибелью рядового К. на него наложено два дисциплинарных взыскания, а именно: он предупрежден о неполном служебном соответствии и подвергнут досрочному увольнению с военной службы.

Казанский гарнизонный военный суд полностью удовлетворил требования Б.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе ответчиков, судебная коллегия окружного военного суда пришла к следующим выводам.

Согласно ст. 28.2, п. 2 ст. 28.3 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий привлекается к дисциплинарной ответственности за дисциплинарный проступок, то есть за противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности.

Не допускается привлечение военнослужащего к дисциплинарной ответственности повторно за один и тот же дисциплинарный проступок.

В соответствии со ст.ст. 54 и 67 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации предупреждение о неполном служебном соответствии и досрочное увольнение с военной службы в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта являются самостоятельными дисциплинарными взысканиями.

Судом первой инстанции установлено, что в связи с проведенным разбирательством по факту гибели военнослужащего К. приказом командира воинской части от 4 июня 2010 г. за неудовлетворительное выполнение обязанностей по организации правильной и безопасной эксплуатации и ремонта вооружения и военной техники Б. привлечен к дисциплинарной ответственности, а именно: предупрежден о неполном служебном соответствии и одновременно приказано подготовить документы на его увольнение с военной службы в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта, что суд первой инстанции обоснованно расценил как применение двух дисциплинарных взысканий за один и тот же дисциплинарный проступок.

Поскольку применение двух дисциплинарных взысканий за один дисциплинарный проступок законом не предусмотрено, суд первой инстанции правомочно признал незаконным увольнение Б. с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта и восстановил его на военной службе.

Обоснованность применения к заявителю дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии подтверждена материалами служебного разбирательства, в связи с чем признание его судом незаконным не основано на действующем законодательстве.

С учетом изложенного судебная коллегия окружного военного суда изменила решение суда первой инстанции в части применения к заявителю дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии, признав его законным и обоснованным, а в остальном решение оставлено без изменения.

Дисциплинарное взыскание – предупреждение о неполном служебном соответствии – может быть применено только к военнослужащему, занимающему штатную воинскую должность

В связи с организационно-штатными мероприятиями проходивший военную службу по контракту Л. освобожден от занимаемой должности и зачислен с 31 декабря 2009 г. в распоряжение командира части.

Приказом командующего войсками Южного военного округа от 30 октября 2010 г. Л. по результатам проведенной в указанной воинской части проверки состояния защиты государственной тайны предупрежден о неполном служебном соответствии за допущенные им нарушения режима секретности.

Л. обратился во Владикавказский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать приказ о привлечении его к дисциплинарной ответственности незаконным, однако в удовлетворении данного требования ему было отказано.

Северо-Кавказский окружной военный суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, решение суда первой инстанции в указанной части отменил в связи с неправильным применением норм материального права.

Согласно ст. 96 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации дисциплинарное взыскание – предупреждение о неполном служебном соответствии – применяется один раз за время пребывания военнослужащего в занимаемой штатной воинской должности.

Следовательно, данное дисциплинарное взыскание применяется в тех случаях, когда военнослужащим допущено существенное нарушение своих должностных обязанностей, свидетельствующее о неполном соответствии его требованиям, предъявляемым по занимаемой им воинской должности.

По делу установлено, что Л. предупрежден о неполном служебном соответствии в период, когда он не занимал штатной воинской должности, а находился в распоряжении, а поэтому данное дисциплинарное взыскание не могло быть применено.

С учетом изложенного судом кассационной инстанции принято новое решение – о признании приказа о предупреждении Л. о неполном служебном соответствии незаконным и на командующего войсками военного округа возложена обязанность отменить приказ в указанной части.

К военнослужащим, находящимся в распоряжении, могут применяться все предусмотренные Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации дисциплинарные взыскания, за исключением взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии

В связи с невозможностью своевременного исключения из списков личного состава части уволенный с военной службы сержант Г. был зачислен в распоряжение командира части.

В октябре 2010 г. командир части применил в отношении Г. дисциплинарное взыскание в виде снижения в воинском звании на одну ступень, что было оспорено последним в суд.

Красноярский гарнизонный военный суд признал наложение указанного дисциплинарного взыскания на Г. недопустимым и удовлетворил его заявление.

Западно-Сибирский окружной военный суд состоявшееся решение отменил и оставил требования Г. без удовлетворения по следующим основаниям.

Признавая заявление обоснованным, гарнизонный военный суд исходил из того, что наложение указанного взыскания нарушает права данного военнослужащего, так как по условиям снятия взыскания и восстановления заявителя в прежнем воинском звании требуется назначение этого лица на соответствующую воинскую должность, что в данном случае исключается.

Между тем приведенное истолкование закона противоречит подлежащим применению нормам материального права.

Дисциплинарная ответственность за совершение военнослужащими дисциплинарных проступков, согласно Федеральному закону «О статусе военнослужащих», общевоинским уставам Вооруженных Сил Российской Федерации и другим нормативным актам, относится к правовым средствам поддержания воинской дисциплины, в связи с чем соответствующие воинские должностные лица на правах единоначалия наделяются властными полномочиями по наложению на подчиненных военнослужащих дисциплинарных взысканий.

В силу ст. 55 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации к солдатам, матросам, сержантам и старшинам, проходящим военную службу по контракту, может применяться дисциплинарное взыскание в виде снижения в воинском звании ефрейтора (старшего матроса) и сержанта (старшины).

В соответствии со ст.ст. 59 и 98 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации командир полка вправе снижать в воинском звании ефрейторов, старших матросов, сержантов и старшин на одну ступень от старшего сержанта, главного старшины и ниже, о чем издается приказ.

Данный Устав не содержит каких-либо ограничений в части назначения дисциплинарного взыскания в отношении военнослужащих, состоящих в распоряжении командиров (начальников).

Отсутствует какая-либо правовая норма, обязывающая воинское должностное лицо гарантировать военнослужащему, привлеченному к дисциплинарной ответственности, восстановление в прежнем статусе, включая воинское звание, и в законодательстве о порядке прохождения военной службы.

Приведенный вывод согласуется с правовой позицией, отраженной в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2010 г. № 1622-О-О, в соответствии с которой военнослужащий, не исключенный по каким-либо причинам из списков личного состава воинской части, считается проходящим военную службу в добровольном порядке. При этом, на него полностью распространяются все права и обязанности военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. В этой связи он в зависимости от характера и тяжести содеянного подлежит привлечению к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой или уголовной ответственности.

Как усматривается из материалов дела, основанием для привлечения Г. к дисциплинарной ответственности послужило его неприбытие на службу без уважительных причин 10, 16 и 18 октября 2010 г. Изданию оспоренного приказа предшествовало наложение на заявителя в связи с совершением других проступков менее строгих средств дисциплинарного воздействия, которые не привели к желаемому результату.

Учитывая изложенное, а также не усматривая существенных отступлений от требований гл. 4 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации при наложении на Г. указанного взыскания, кассационная инстанция нашла оспоренный приказ командира части законным, изданным в пределах предоставленных полномочий.

Течение срока привлечения к материальной ответственности военнослужащих начинается с момента, когда соответствующему должностному лицу стало известно о причиненном ущербе

Командир воинской части обратился в Иркутский гарнизонный военный суд с иском к Т. о взыскании материального ущерба, причиненного при исполнении служебных обязанностей.

Решением Иркутского гарнизонного военного суда по итогам предварительного судебного заседания в удовлетворении иска отказано в связи с пропуском срока исковой давности.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе истца, Восточно-Сибирский окружной военный суд пришел к следующему.

В соответствии с п. 4 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие могут быть привлечены к материальной ответственности в течение трех лет со дня обнаружения ущерба.

Следовательно, рассмотрение судом вопроса о пропуске срока давности привлечения к материальной ответственности прямо зависит от установления точной даты, когда соответствующему должностному лицу стало известно о причиненном ущербе.

В принятом по делу решении суд первой инстанции сослался на акты и приложения к ним ведомости по приему дел и должности, утвержденные командиром воинской части и командиром второго подразделения этой же воинской части, от 21 июня и 9 декабря 2005 г. соответственно.

В связи с изложенным суд первой инстанции посчитал, что течение указанного срока начиналось с 21 июня 2005 г.

Однако судом было оставлено без внимания то, что в соответствии с копиями ведомостей некомплекта кабельного хозяйства техники энергомеханического отделения второго подразделения части, приложенными к актам от 21 июня и 9 декабря 2005 г., по учету числится и имеется в наличии один комплект кабелей 85 Кб. Недостачи имущества данного вида не выявлено. Ведомости и акты подписаны соответствующими должностными лицами, в том числе и Т. как лицом, ответственным за хранение указанного имущества, и утверждены командованием.

При этом, в материалах дела отсутствуют какие-либо сведения, достоверно указывающие об осведомленности командования о недостатке вплоть до ноября 2009 г.

Следовательно, истец не имел оснований полагать, что указанное военное имущество утрачено и вывод суда о пропуске срока давности привлечения к материальной ответственности является необоснованным, поскольку он не подтверждался материалами дела.

Началом течения срока для привлечения к материальной ответственности Т. следует считать дату фактического обнаружения недостатка согласно акту № 51, то есть 6 ноября 2009 г.

В связи с вышеизложенным судебное решение было отменено ввиду несоответствия выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела, а дело направлено на новое рассмотрение со стадии назначения судебного заседания.

Материально ответственное лицо несет материальную ответственность за вверенное имущество, если не докажет, что оно правомочно выдано другому лицу

При сдаче дел и должности командира батареи старшим лейтенантом Ш. в связи с увольнением с военной службы была выявлена недостача 8 бронежилетов стоимостью 15 507 руб. 20 коп., принятых им под отчет.

В добровольном порядке причиненный государству материальный ущерб Ш. не возместил, в связи с чем командир воинской части обратился в военный суд с иском заявлением, в котором просил взыскать с Ш. в пользу воинской части 15 507 руб. 20 коп.

Решением Казанского гарнизонного военного суда иск к Ш. был удовлетворен частично. С ответчика в пользу воинской части взыскано 3 000 руб., а в остальной части исковых требований на сумму 12 507 руб. 20 коп. отказано по причине того, что утрата 5 жилетов была допущена военнослужащими, которым Ш. их передал для пользования.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе ответчика, судебная коллегия отменила решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Правильно сославшись на ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» о полной материальной ответственности военнослужащих в случае, если ущерб причинен военнослужащим, которому имущество было передано под отчет для хранения, выдачи, пользования и других целей, а также на ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, обязывающую каждую сторону доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений, гарнизонный военный суд пришел к ошибочному выводу о недоказанности истцом виновности Ш. в утрате 5 бронежилетов.

Так, командиром воинской части в обоснование иска в судебное заседание были представлены копии актов приема-передачи дел и должности командира батареи, согласно которым Ш. принял на ответственное хранение 20 бронежилетов, а только 12 из них сдал принимающему у него должность офицеру. Данный факт Ш. не оспаривался.

Доказательств того, что не по его вине произошла утрата вверенного ему имущества воинской части, Ш. в суд не представил, соответствующих ходатайств об истребовании накладных о передаче бронежилетов другим военнослужащим его подразделения в судебном заседании не заявлял, хотя в соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК РФ именно на него как на ответчика возложена обязанность по доказыванию возражений относительно исковых требований.

Не представлено Ш. доказательств невиновности и в суд кассационной инстанции.

Заявления Ш. о том, что оспариваемые бронежилеты им якобы были переданы на хранение другим военнослужащим, самовольно оставившим воинскую часть, опровергаются вышеприведенными актами, собственноручно подписанными Ш.

При таких обстоятельствах, с учетом требований ст. 144 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, согласно которым командир роты отвечает за состояние и сохранность вооружения, военной техники и другого имущества роты, судебная коллегия окружного военного суда пришла к выводу о том, что вина Ш. в утрате вверенных ему 8 бронежилетов, принадлежащих воинской части, на сумму 15 507 руб. 20 коп. доказана.

Поэтому на основании ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» Ш. должен нести материальную ответственность в полном размере причиненного воинской части ущерба, то есть в пределах указанной выше суммы.

Противоправность поведения, являющаяся одним из обязательных условий привлечения к материальной ответственности, предполагает совершение действий либо бездействия, сопряженных с неисполнением либо неправильным исполнением военнослужащим нормативно установленных обязанностей

До увольнения с военной службы полковник запаса П. проходил ее в должности начальника отдела организационно-мобилизационного и комплектования – заместителя командира воинской части по организационно-мобилизационной работе.

По результатам проверки финансово-экономической и хозяйственной деятельности воинской части, проведенной в июне 2009 г., был выявлен факт излишней выплаты денежного довольствия бывшему военнослужащему Г. в связи со следующими обстоятельствами.

В феврале 2007 г. Г. уволили с военной службы и в порядке реализации гарантии, предусмотренной в абз. 2 п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», зачислили в распоряжение командира воинской части до обеспечения жилым помещением, которое состоялось 30 августа 2008 г.

26 ноября 2009 г. Г. исключили из списков личного состава части.

Согласно заключению по итогам проведенного командованием воинской части административного расследования размер переплаты Г. денежного довольствия, исчисленного за период с 3 сентября 2008 г. по 26 ноября 2009 г., составил 255 872 руб. 12 коп.

В сентябре 2010 г. командир воинской части предъявил к П. и другим лицам иск о возмещении в долях указанного ущерба.

В обоснование заявленных к названному лицу требований в размере одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет на общую сумму 14 361 руб. 60 коп. командир воинской части указал на обусловленность причиненного вреда недобросовестным исполнением ответчиком обязанностей начальника отдела в указанный период.

Решением Новосибирского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, в иске было отказано исходя из следующего.

Основания и порядок привлечения бывших военнослужащих к материальной ответственности за ущерб, причиненный ими государству при исполнении служебных обязанностей, определяются федеральными законами «О статусе военнослужащих» и «О материальной ответственности военнослужащих».

Согласно п. 1 ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих», ст. 3 и п. 2 ст. 9 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» на граждан, уволенных с военной службы, может быть возложен указанный вид ответственности лишь при одновременном наличии нескольких условий. К их числу относятся: наступление реального ущерба, противоправность поведения лица во время исполнения обязанностей военной службы, его вина, а также причинная связь между действиями (бездействием) причинителя вреда и наступившим ущербом.

Противоправность поведения предполагает совершение действий либо бездействия, сопряженных с неисполнением либо неправильным исполнением военнослужащим нормативно установленных обязанностей.

Как видно, основаниями исковых требований в споре выступают обстоятельства, свидетельствующие о некачественном исполнении ответчиком обязанностей начальника отдела в соответствии с Наставлением по учету личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным приказом министра обороны Российской Федерации от 19 декабря 2005 г.

Между тем ни одна из норм упомянутого Наставления, равно как и прилагаемых к нему форм учета не содержат предписаний, обязывающих начальника отдела контролировать обеспечение жилыми помещениями военнослужащих, зачисленных в распоряжение командира (начальника) согласно подп. «и» п. 2 ст. 13 Положения о порядке прохождения военной службы.

Следовательно, оценка командованием воинской части поведения П. как противоправного, применительно к исполнению им обязанностей по указанной воинской должности, в связи с заявленными имущественными претензиями является необоснованной.

Материальную ответственность за ущерб, причиненный излишними денежными выплатами, несут непосредственно командиры (начальники) воинских частей, виновные в незаконном увольнении военнослужащего (лица гражданского персонала) и обладающие на законных основаниях всей полнотой власти в отношении подчиненных работников, в том числе и правом увольнения

На О., проходящую военную службу по контракту в филиале № 6 ФГУ «354 ОВКГ» МО РФ в должности заместителя начальника филиала госпиталя по медицинской части – начальника части, на основании приказа начальника названного филиала в связи с его убытием в отпуск и на период с 14 октября по 2 ноября 2010 г. временно были возложены обязанности начальника вышеуказанного филиала.

2 ноября 2010 г. в связи с госпитализацией начальника филиала О. на основании своего рапорта издала приказ о продлении своих полномочий в качестве временно исполняющей обязанности начальника данного филиала до момента окончания стационарного лечения начальника госпиталя.

10 ноября 2010 г. О. своим приказом № 227 на основании подп. «а» п. 6 ст. 81 ТК РФ издала приказ об увольнении с занимаемой должности главной медицинской сестры К. за прогул.

13 января 2011 г. решением Промышленного районного суда г. Оренбурга К. была восстановлена на работе в филиале № 6 ФГУ «354 ОВКГ» МО РФ в прежней должности.

В январе 2011 г. военным прокурором Оренбургского гарнизона в адрес начальника филиала № 6 ФГУ «354 ОВКГ» МО РФ было направлено представление по факту невыполнения требований Конституции Российской Федерации и ТК РФ при увольнении К. с предложением рассмотреть вопрос о привлечении О. к дисциплинарной ответственности.

Приказом начальника филиала № 6 ФГУ «354 ОВКГ» МО РФ от 3 февраля 2011 г. № 15 во исполнение представления об устранении нарушений закона, направленного военным прокурором Оренбургского гарнизона, О. за нарушение трудового законодательства был объявлен выговор.

В исковых заявлениях, в последствии соединенных в одно производство, начальник ФГУ «354 ОВКГ» МО РФ и начальник филиала № 6 ФГУ «354 ОВКГ» МО РФ просили суд привлечь О. к материальной ответственности и взыскать с нее 26 931 руб. в пользу филиала № 6 ФГУ «354 ОВКГ» МО РФ.

Оренбургский гарнизонный военный суд требования истцов удовлетворил в полном объеме.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе О., судебная коллегия Уральского окружного военного суда решение гарнизонного военного суда отменила по следующим основаниям.

Порядок и основания привлечения военнослужащих к материальной ответственности за ущерб, причиненный государству при исполнении служебных обязанностей, определяются федеральными законами «О статусе военнослужащих» и «О материальной ответственности военнослужащих».

В соответствии с ч. 4 ст. 4 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» командиры (начальники) воинских частей, виновные в незаконном увольнении военнослужащего (лица гражданского персонала) с военной службы (работы), незаконном переводе лица гражданского персонала на другую работу, незаконном назначении военнослужащего (лица гражданского персонала) на должность, не предусмотренную штатом (штатным расписанием) воинской части, либо на должность, оплачиваемую выше фактически занимаемой должности, несут материальную ответственность за ущерб, причиненный излишними денежными выплатами, произведенными в результате незаконного увольнения военнослужащего (лица гражданского персонала), незаконного перевода лица гражданского персонала на другую работу, незаконного назначения военнослужащего (лица гражданского персонала) на должность, в размере причиненного ущерба, но не более трех окладов месячного денежного содержания и трех месячных надбавок за выслугу лет.

Таким образом, из анализа вышеприведенной нормы закона следует, что материальную ответственность за ущерб, причиненный излишними денежными выплатами, несут непосредственно командиры (начальники) воинских частей, виновные в незаконном увольнении военнослужащего (лица гражданского персонала) и обладающие всей полнотой власти в отношении подчиненных работников, в том числе и правом увольнения последних по предусмотренным ТК РФ основаниям.

Как следует из материалов дела, в частности из мотивировочной части вступившего в законную силу решения Промышленного районного суда г. Оренбурга от 13 января 2010 г., увольнение К. произведено О. как ненадлежащим должностным лицом, поскольку она полномочий по увольнению работников филиала, делегированных ей руководителем ФГУ «354 ОВКГ» МО РФ, не имела и к моменту издания этого приказа не могла исполнять обязанности начальника госпиталя без подтверждения ее полномочий соответствующим должностным лицом.

Именно данное обстоятельство и послужило основанием для восстановления К. на работе.

Поскольку О. не могла рассматриваться как начальник, к ней не могла быть применена и ст. 4 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», а к дисциплинарной ответственности она уже привлечена.

Соответственно ссылка суда первой инстанции в решении на то, что у командования госпиталя имелись все основания для привлечения О. к материальной ответственности, поскольку именно она была виновна в незаконном увольнении работника, является несостоятельной.

В соответствии со ст.ст. 2 и 4 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» срок обнаружения ущерба, причиненного излишними денежными выплатами, произведенными в результате незаконного увольнения военнослужащего (лица гражданского персонала), следует исчислять со дня производства этих выплат, а не со дня вступления в законную силу решения суда о восстановлении уволенного на военной службе (работе)

Представитель начальника пограничного управления обратился в суд с иском заявлением, в котором просил в порядке привлечения к материальной ответственности взыскать с бывшего начальника Государственной морской инспекции пограничного управления Д. 26 008 руб. 59 коп. в возмещение материального ущерба, причиненного в результате произведенного им незаконного увольнения с работы лица гражданского персонала, в последующем восстановленного на работе по решению суда, что повлекло излишние денежные выплаты.

Северокавказский гарнизонный военный суд в удовлетворении иска отказал в связи с истечением установленного законом трехлетнего срока привлечения к материальной ответственности.

Северо-Кавказский окружной военный суд решение суда в кассационном порядке отменил ввиду неправильного применения норм материального права по следующим основаниям.

Суд первой инстанции в своем решении указал, что днем обнаружения ущерба следует считать дату принятия Краснодарским краевым судом решения от 16 октября 2007 г., которым признан незаконным изданный Д. приказ об увольнении с работы лица гражданского персонала, в пользу которого с пограничного управления взысканы заработная плата за время вынужденного прогула и другие выплаты.

В связи с тем что исковое заявление подано представителем начальника пограничного управления в феврале 2011 г., судом сделан вывод об истечении установленного законом трехлетнего срока, когда Д. мог быть привлечен к материальной ответственности, и на этом основании отказано в удовлетворении исковых требований.

Однако такой вывод суда первой инстанции нельзя признать правильным.

Пункт 4 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» предусматривает, что военнослужащие могут быть привлечены к материальной ответственности в соответствии с этим Федеральным законом в течение трех лет со дня обнаружения ущерба.

Согласно п. 4 ст. 4 вышеназванного Федерального закона командиры (начальники) воинских частей, виновные в незаконном увольнении военнослужащего (лица гражданского персонала) с военной службы (работы), несут материальную ответственность за ущерб, причиненный излишними денежными выплатами, произведенными в результате незаконного увольнения военнослужащего (лица гражданского персонала).

В соответствии со ст. 2 того же Федерального закона под реальным ущербом понимаются, в частности, излишние денежные выплаты, произведенные воинской частью.

Как усматривается из материалов дела, после принятия Краснодарским краевым судом решения от 16 октября 2007 г. в тот же день был выдан исполнительный лист.

Между тем в последующем, 17 января 2008 г., указанным судом вынесено определение о разъяснении решения суда, а 5 февраля 2010 г. по заявлению взыскателя вынесено определение о внесении уточнений в ранее выданный исполнительный лист.

29 декабря 2010 г. исполнительный документ поступил в Управление Федерального казначейства по Краснодарскому краю, а 19 января 2011 г. присужденные денежные суммы пограничным управлением перечислены на расчетный счет взыскателя.

При таких данных днем обнаружения ущерба следует считать дату перечисления пограничным управлением платежным поручением взыскателю присужденных денежных средств, после чего возникло право требования возмещения Д. ущерба, причиненного излишними денежными выплатами, произведенными в результате незаконного увольнения.

В случае отчисления курсанта из военного образовательного учреждения профессионального образования в связи с невыполнением им как военнослужащим условий контракта о прохождении военной службы с него взыскиваются средства федерального бюджета, затраченные на его военную и специальную подготовку, в размере, указанном в контракте

В приказом начальника Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного (далее – Военная академия связи) от 1 августа 2007 г. был зачислен на первый курс. 8 июня 2009 г. он заключил контракт о прохождении военной службы на время обучения в образовательном учреждении и пять лет военной службы после его окончания.

В соответствии с приказом начальника Военной академии связи от 30 апреля 2010 г. В. отчислен из числа курсантов в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта.

В связи с отчислением В. начальник Военной академии связи обратился в суд с иском, в котором просил взыскать с В. в пользу Военной академии связи в счет возмещения средств, затраченных на его военную и специальную подготовку, 133 216 руб.

Казанский гарнизонный военный суд иск Военной академии связи удовлетворил частично, взыскав с В. 120 000 руб., а в остальной части требований отказал.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе ответчика, Приволжский окружной военный суд решение суда первой инстанции изменил, указав следующее.

Принимая решение о частичном удовлетворении требований истца, гарнизонный военный суд, правильно установив, что В. был отчислен из военного образовательного учреждения профессионального образования в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта и в соответствии с п. 7 ст. 35 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» обязан возместить средства федерального бюджета, затраченные на его военную и специальную подготовку, неверно определил размер средств, подлежащих возмещению.

Сославшись на Постановление Правительства Российской Федерации от 25 июня 2007 г. № 402 «Об исчислении размера подлежащих возмещению средств федерального бюджета, затраченных на военную и специальную подготовку граждан Российской Федерации в военных образовательных учреждениях профессионального образования», вступившее в силу с 1 июля 2007 г., суд не принял во внимание положение п. 7 ст. 35 вышеназванного Закона о том, что при заключении контрактов о прохождении военной службы с гражданами, обучающимися в военных образовательных учреждениях профессионального образования, условие о возмещении средств, указанных в названном пункте, а также размер подлежащих возмещению средств включаются в контракт о прохождении военной службы.

Как следовало из подп. «в» п. 2 копии контракта о прохождении военной службы, заключенного между В. и начальником академии, В. добровольно дал обязательство возместить в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», средства федерального бюджета, затраченные на его военную или специальную подготовку, в размере 49 956 руб.

При этом, каких-либо иных условий в контракте не оговорено, в связи с чем соглашаться с большей, чем указано в контракте, суммой, подлежащей взысканию с В., у суда первой инстанции оснований не имелось.

Установленная приказом министра обороны Российской Федерации возможность перечисления военнослужащим денежного довольствия на счет в банке при сохранении за ними права получать денежное довольствие по месту военной службы прав военнослужащих не нарушает

Решение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2012 г. № ВКГПИ12-54 по заявлению Ж. (извлечение)

Ж. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением, в котором просил признать незаконным и недействующим п. 2 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700, в той части, в которой этим пунктом предусмотрена выплата денежного

довольствия военнослужащим путем перечисления на указанный военнослужащим счет в банке на условиях, определенных в Министерстве обороны Российской Федерации, а по решению министра обороны Российской Федерации может производиться через Федеральное казенное учреждение «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации» или иные финансово-экономические органы.

Военная коллегия не нашла оснований для удовлетворения заявления, указав в обоснование следующее.

Согласно п. 2 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700, денежное довольствие военнослужащим выплачивается по месту их военной службы либо перечисляется на указанный военнослужащим счет в банке на условиях, определенных в Министерстве обороны Российской Федерации. По решению министра обороны Российской Федерации денежное довольствие может выплачиваться через Федеральное казенное учреждение «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации» или иные финансово-экономические органы.

Содержание названной правовой нормы указывает на то, что Порядком предусмотрены два альтернативных способа выплаты военнослужащим денежного довольствия – по месту военной службы либо на указанный военнослужащим счет в банке, что предусматривает заключение с банком договора банковского счета с использованием банковской карты.

Поскольку в силу ч. 1 ст. 421 ГК РФ принуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, которые не распространяются на спорные правоотношения, незаключение военнослужащим договора банковского счета с использованием банковской карты свидетельствует о необходимости выплаты ему денежного довольствия по месту военной службы.

При таких данных установление в Порядке выплаты денежного довольствия военнослужащим путем перечисления на указанный военнослужащим счет в банке, при условии альтернативного способа обеспечения денежным довольствием, прав заявителя не нарушает и закону не противоречит.

Что касается установления министром обороны Российской Федерации учреждения или органа, осуществляющего выплату денежного довольствия, то есть определения порядка выплаты, то этот вопрос, в силу предписаний пп. 7, 30, 43 и 44 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, относится к компетенции министра обороны Российской Федерации.

Установление министром обороны Российской Федерации критериев выплаты дополнительного материального стимулирования в зависимости от исполнения военнослужащим обязанностей по воинской должности находится в его компетенции

Решение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2011 г. № ВКГПИ11-42 по заявлению М. (извлечение)

М. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением, в котором просил признать недействующим п. 7 приложения к приказу министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010 «О дополнительных мерах по повышению эффективности использования фондов денежного довольствия военнослужащих и оплаты труда лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации».

М. полагал, что названный пункт, определяющий выплату конкретных размеров дополнительного материального стимулирования в пределах объемов бюджетных средств, по результатам исполнения военнослужащим должностных обязанностей в период, за который производится дополнительное материальное стимулирование, то есть только в период исполнения обязанностей по воинской должности, противоречит Федеральному закону от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» и лишает военнослужащего, добросовестно исполнявшего свои должностные обязанности, права на дополнительное материальное стимулирование по итогам периода, за который производится это стимулирование.

Также М. указал, что применение командованием на практике оспариваемой нормы привело к тому, что он был лишен дополнительного материального стимулирования не только за период нахождения в распоряжении командира (начальника), но и за время исполнения должностных обязанностей, поскольку на момент поступления денежных средств в часть он был освобожден от занимаемой должности.

Решением Военной коллегии в удовлетворении заявления было отказано по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона «О статусе военнослужащих» система материального и иных видов обеспечения военнослужащих устанавливается с учетом занимаемых ими воинских должностей, присвоенных воинских званий, общей продолжительности военной службы, в том числе и в льготном исчислении, выполняемых задач, условий и порядка прохождения ими военной службы.

При этом, в соответствии с п. 9 ст. 13 Федерального закона «О статусе военнослужащих» министром обороны Российской Федерации в пределах выделенных ассигнований могут устанавливаться военнослужащим не указанные в ст. 13 этого Закона дополнительные выплаты, которые определяются дифференцированно в зависимости от нахождения в подчинении военнослужащих личного состава, сложности, объема и важности выполняемых ими задач (см. примечание 1).

Содержание названных законодательных норм в их взаимосвязи указывает на то, что условием установления министром обороны Российской Федерации указанных дополнительных выплат является наличие выделенных на эти цели ассигнований и их выплата производится военнослужащим в зависимости от степени выполнения ими совокупного объема обязанностей. При этом, дифференциация объема таких обязанностей находится в компетенции министра обороны Российской Федерации.

Из сказанного следует, что определение критериев, по которым устанавливаются дополнительные выплаты военнослужащим в пределах выделенных ассигнований, находится в компетенции министра обороны Российской Федерации, а оценка заявителем правильности определения таких критериев является вмешательством в его нормотворческую деятельность.

Кроме того, согласно п. 7 Указа Президента Российской Федерации от 26 декабря 2006 г. № 1459 «О дополнительных мерах по повышению эффективности использования средств на оплату труда работников федеральных органов исполнительной власти» министру обороны Российской Федерации предоставлено право использовать разницу между средствами, выделяемыми из федерального бюджета на соответствующий год на денежное довольствие военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, и средствами федерального бюджета, предназначенными на содержание фактической численности указанных военнослужащих, имеющейся на 1 января соответствующего года, на материальное стимулирование военнослужащих в виде дополнительной выплаты наряду с дополнительными выплатами, установленными законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации министром обороны Российской Федерации издан приказ от 26 июля 2010 г. № 1010, в п. 7 приложения к которому установлено, что конкретные размеры дополнительного материального стимулирования определяются в пределах объемов бюджетных средств, выделенных на указанные цели, по результатам исполнения военнослужащими и лицами гражданского персонала должностных обязанностей в период, за который производится дополнительное материальное стимулирование.

Следовательно, установление критериев выплаты дополнительного материального стимулирования в зависимости от исполнения военнослужащим обязанностей по воинской должности находится в компетенции министра обороны Российской Федерации.

При таких данных Военная коллегия нашла доводы М. о несоответствии Федеральному закону «О статусе военнослужащих» п. 7 приложения к приказу министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010 несостоятельными.

Что касается несогласия заявителя с лишением дополнительного материального стимулирования за время исполнения должностных обязанностей и принятыми в связи с его обращением в суд по этому поводу судебными постановлениями, то он вправе обжаловать названные постановления в порядке надзора.

Примечание 1: с 1 января 2012 г. отдельные выплаты военнослужащим устанавливаются одновременно с денежным довольствием в соответствии с Федеральным законом от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», иными федеральными законами, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти и нормативными правовыми актами иных федеральных государственных органов.

Примечание 2: Кассационной коллегией Верховного Суда Российской Федерации данное решение оставлено без изменения, а кассационная жалоба заявителя – без удовлетворения (определение от 6 октября 2011 г. № КАС11-593).

Срок выплаты денежной компенсации за участие в мероприятиях, которые проводятся без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени, определяется правилами, установленными для предоставления очередного отпуска

Подполковник юстиции запаса Д. с 1 марта 2007 г. был зачислен в распоряжение военного прокурора Московского военного округа, где проходил военную службу вплоть до исключения его из списков личного состава прокуратуры 9 января 2011 г. в связи с увольнением с военной службы.

29 декабря 2010 г. Д. обратился с рапортом о выплате ему денежной компенсации вместо предоставления 117 дополнительных суток отдыха за его участие в 2005 – 2006 гг. в мероприятиях, которые проводятся без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени, но рапорт удовлетворен не был.

В связи с изложенным Д. обратился с заявлением в Московский гарнизонный военный суд, в котором просил суд признать вышеуказанные действия должностного лица незаконными и обязать его выплатить ему денежную компенсацию, предусмотренную приказом ФСБ России от 31 мая 2007 г. № 278 за 117 не предоставленных ему дополнительных суток отдыха.

Принимая решение об удовлетворении заявления Д., гарнизонный военный суд исходил из того, что заявитель за период его участия в 2005 – 2006 гг. в мероприятиях, которые проводятся без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени, имел право на предоставление 117 дополнительных суток отдыха, которое он решил реализовать при увольнении с военной службы в декабре 2010 г. путем получения денежной компенсации вместо них.

Московский окружной военный суд признал данный вывод суда первой инстанции ошибочным, не основанным на требованиях процессуального закона и не соответствующим обстоятельствам дела по следующим основаниям.

Согласно п. 3 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» боевое дежурство, учения и другие мероприятия, перечень которых определяется министром обороны Российской Федерации, проводятся при необходимости без ограничения продолжительности еженедельного служебного времени. Военнослужащим, участвующим в мероприятиях, которые проводятся без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени, по их просьбе вместо предоставления дополнительных суток отдыха может выплачиваться денежная компенсация в размере денежного содержания за каждые положенные дополнительные сутки отдыха.

Исходя из анализа положений ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, порядок и сроки предоставления дополнительных суток отдыха, а равно и выплаты денежной компенсации вместо них, должны быть такими же, как порядок и сроки предоставления отпусков.

Учитывая, что пп. 11 – 14 ст. 29 вышеуказанного Положения предоставление основного отпуска ограничено пределами с 1 января текущего года по 31 марта следующего года, дополнительные сутки отдыха за 2005 – 2006 г. могли быть использованы заявителем в течение 2006 г. и 1-го квартала 2007 г., равно как в этом же порядке ему могла быть выплачена и денежная компенсация за непредоставленные дополнительные сутки отдыха в 2006 г. Однако впервые о выплате ему оспариваемой денежной компенсации Д. обратился с рапортом лишь 29 декабря 2010 г.

В соответствии со ст. 256 ГПК РФ военнослужащий вправе обратиться в военный суд с заявлением об оспаривании решений, действий (бездействия) органа военного управления или командира (начальника) воинской части в течение трех месяцев со дня, когда ему стало известно о нарушении его прав и свобод.

Поскольку Д. о нарушении праве – непредоставлении дополнительных суток отдыха или невыплате в указанные периоды времени денежной компенсации за непредоставленные дополнительные сутки отдыха – становилось известно ежегодно и он имел право на предоставление дополнительных суток отдыха в период с 1 января года, в котором он приобрел право на дополнительные сутки отдыха, по 31 марта следующего года, то есть не позднее 31 марта 2007 г., судебная коллегия по гражданским делам Московского окружного военного суда пришла к выводу о том, что Д. пропустил установленный законом срок на обращение с заявлением в суд.

В связи с изложенным, а также с учетом требований п. 1 ст. 4 ГК РФ о действии гражданского законодательства во времени окружной военный суд пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения требования заявителя, решение гарнизонного военного суда отменил и в удовлетворении требований Д. отказал.

Военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, назначенным в связи с проводимыми организационно-штатными мероприятиями на воинские должности с меньшими месячными окладами, выплата сохраненного оклада по прежней воинской должности производится только при прохождении военной службы на той воинской должности, на которую они были назначены с сохранением указанного оклада

В связи с проведением организационно-штатных мероприятий и сокращением занимаемой воинской должности, предусматривающей 18-й тарифный разряд, К. неоднократно назначался на иные воинские должности, предусматривающие более низкий тарифный разряд, которые в дальнейшем также сокращались по организационно-штатным мероприятиям. 15 декабря 2010 г. командир части издал приказ об установлении заявителю с 1 декабря 2010 г. 14-го тарифного разряда, а 31 декабря 2010 г. внес в него изменения, издав приказ, который установил К. 13-й тарифный разряд.

Полгая свои права нарушенными, К. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать указанные приказы командира части в части установления ему окладов по воинской должности по 14-му и 13-му тарифным разрядам неправомерными и отменить их, а также обязать командира части произвести ему перерасчет денежного довольствия за декабрь 2010 г. и январь 2011 г., единовременного денежного вознаграждения за 2010 г. и материальной помощи за 2011 г. исходя из оклада по воинской должности по 18-му тарифному разряду.

Удовлетворяя требования заявителя, Гаджиевский гарнизонный военный суд исходил из того, что за военнослужащими, назначенными с их согласия в связи с проводимыми организационно-штатными мероприятиями на воинские должности с меньшими месячными окладами, сохраняются месячные оклады и размеры ежемесячного денежного поощрения по ранее занимаемым воинским должностям на время их военной службы в новых воинских должностях, в том числе и после выведения их в распоряжение соответствующих командиров.

Северный флотский военный суд признал данный вывод ошибочным по следующим основаниям.

На основании п. 1 Постановления Правительства Российской Федерации от 17 марта 1999 г. № 305 министру обороны Российской Федерации предоставлено право сохранять за военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, назначенными с их согласия на воинские должности с меньшими месячными окладами в связи с проводимыми организационно-штатными мероприятиями, месячные оклады и размеры ежемесячного денежного поощрения по ранее занимаемым воинским должностям на время их военной службы в новых воинских должностях.

Таким образом, названной категории военнослужащих выплату сохраненного оклада по прежней воинской должности разрешено производить исключительно в период военной службы на той воинской должности, на которую они были назначены с сохранением указанного оклада.

Между тем из материалов дела усматривается, что К. проходил военную службу по контракту в должности помощника командира части по финансово-экономической работе, для которой был предусмотрен 18-й тарифный разряд. С 1 декабря 2005 г. занимаемая заявителем должность была сокращена и при назначении на иные воинские должности, предусматривающие более низкий тарифный разряд, ему сохранялся для расчета по выплате денежного довольствия 18-й тарифный разряд в течение всего периода военной службы.

С 22 февраля 2010 г. К. в связи с проводимыми организационно-штатными мероприятиями был освобожден от занимаемой должности, на которую он был назначен с сохранением оклада по ранее занимаемой им должности, и зачислен в распоряжение командира другой воинской части. Следовательно, уже с этого момента он утратил право на получение денежного довольствия по 18-му тарифному разряду.

В связи с изложенным Северный флотский военный суд признал действия командира, связанные с начислением заявителю в декабре 2010 г. денежного довольствия исходя из 14-го, а затем и 13-го тарифных разрядов, правомерными, решение суда первой инстанции отменил и вынес новое решение – об отказе К. в удовлетворении требований.

Принятие Правительством Российской Федерации решения о возможности исчисления отдельным категориям офицеров пенсии при увольнении их с военной службы исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до перевода на должности с меньшим должностным окладом, правомерно было расценено судом как установление им дополнительных гарантий социального обеспечения, а не как ущемление прав остальных военнослужащих

Решение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 г. № ВКГПИ11-36 по заявлению З. (извлечение)

З. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением, в котором просил признать недействующим подп. «а» п. 9 Постановления Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семьям в Российской Федерации» в части слов «не менее одного года» в предложении «В таком же порядке могут исчисляться пенсии при увольнении с военной службы также офицерам в званиях подполковника, ему равном и выше, переведенным в интересах службы по состоянию здоровья, возрасту или в связи с организационно-штатными мероприятиями с должностей, которые они занимали не менее одного года, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет».

По мнению заявителя, названные положения Постановления нарушают его право на получение пенсии, исчисленной в соответствии с должностным окладом, который ему был установлен до перевода в связи с организационно-штатными мероприятиями на должность с меньшим должностным окладом, которую он занимал менее одного года перед увольнением с военной службы в запас.

Военная коллегия отказала в удовлетворении заявления по следующим основаниям.

Согласно ст. 43 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» пенсии, назначаемые лицам, к которым относится заявитель, исчисляются из денежного довольствия военнослужащих. Для исчисления им пенсии учитываются в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, оклады по должности, воинскому или специаль-

ному званию (без учета повышения окладов за службу в отдаленных, высокогорных местностях и в других особых условиях) и процентная надбавка за выслугу лет, включая выплаты в связи с индексацией денежного довольствия.

В соответствии со ст. 4 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4469-1, которым с 1 февраля 1993 г. введен в действие Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 г., Совету Министров Российской Федерации поручено разработать и утвердить нормативные акты о порядке применения указанного Закона по вопросам, отнесенным к компетенции Совета Министров Российской Федерации.

Из изложенного следует, что, принимая Постановление от 22 сентября 1993 г. № 941, Совет Министров – Правительство Российской Федерации действовал в пределах своей компетенции и во исполнение ст. 43 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г.

Согласно подп. «а» п. 9 Постановления от 22 сентября 1993 г. № 941 офицерам, переведенным по состоянию здоровья или возрасту с летной работы, подводных лодок (подводных крейсеров), атомных надводных кораблей (в том числе офицерам органов безопасности, обслуживающим атомные надводные корабли и атомные подводные крейсера, включая вторые экипажи и экипажи строящихся крейсеров) и минных тральщиков на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет, пенсия при последующем увольнении их с военной службы может исчисляться исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до указанного перевода; в таком же порядке могут исчисляться пенсии при увольнении с военной службы также офицерам в званиях подполковника, ему равном и выше, переведенным в интересах службы по состоянию здоровья, возрасту или в связи с организационно-штатными мероприятиями с должностей, которые они занимали не менее одного года, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет.

Анализ положений оспариваемого нормативного правового акта и Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. позволяет прийти к выводу о том, что абз. 2 подп. «а» п. 9 Постановления Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 фактически ввел в действие дополнительную льготу по исчислению пенсии офицерам, переведенным в связи с организационно-штатными мероприятиями с должностей, которые они занимали не менее одного года, на должности с меньшим должностным окладом. Данный факт свидетельствует не об ущемлении прав военнослужащих, а об установлении дополнительных гарантий социального обеспечения отдельных категорий офицеров.

При таких данных оспариваемое заявителем положение Постановления Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 не только не противоречит Закону Российской Федерации от 12 февраля 1993 г., но и непосредственно направлено на его исполнение и способствует увеличению прав на пенсионное обеспечение и объема социальных гарантий военнослужащим.

С учетом изложенного Военная коллегия признала, что подп. «а» п. 9 Постановления Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 в оспариваемой части не противоречит нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

Кассационной коллегией Верховного Суда Российской Федерации данное решение оставлено без изменения, а кассационная жалоба заявителя – без удовлетворения (определение от 24 ноября 2011 г. № КАС11-610).

Невыяснение судом правовой природы дополнительных выплат, установленных для военнослужащих ФСБ России, повлекло отмену решения о возможности их получения военнослужащими военных следственных органов, содержащихся за счет штатной численности ФСБ России

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 12 января 2012 г. № 212-В11-12 по заявлению Р. (извлечение)

Решением Калининградского гарнизонного военного суда от 11 мая 2011 г., оставленным без изменения кассационным определением Балтийского флотского во-

енного суда от 14 июня 2011 г., удовлетворено заявление Р., в котором он просил возложить на руководителя военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации обязанность по изданию приказа о выплате, а на начальника Пограничного управления ФСБ России по Калининградской области – по производству выплаты специальной надбавки и ежемесячной надбавки за объем и значимость выполняемых задач, установленных приказами ФСБ России от 5 октября 2005 г. № 588 и от 15 ноября 2003 г. № 739 соответственно.

В обоснование принятого решения суд указал, что заявитель, проходящий военную службу в военном следственном отделе, который содержится за счет численности ФСБ России, имеет право на получение названных надбавок, а руководитель этого отдела правомочен издавать приказы о выплате надбавок, поскольку это не противоречит закону и не нарушает права и законные интересы других лиц.

В надзорной жалобе представитель начальника Пограничного управления ФСБ России по Калининградской области просил судебные постановления отменить, а дело направить на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд. В обоснование жалобы он указал на оставление судами без внимания того обстоятельства, что в ФСБ России не принималось решений о выплате военнослужащим военного следственного управления специальной надбавки и ежемесячной надбавки за объем и значимость выполняемых задач, относящихся к дополнительным выплатам, и приказов об этом не издавалось, а руководитель военного следственного отдела такие приказы издавать не правомочен.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы, приведенные в надзорной жалобе, Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела следует, что Р. занимает воинскую должность в военном следственном отделе Следственного комитета Российской Федерации, сформированном за счет штатной численности ФСБ России, и обеспечивается денежным довольствием в Пограничном управлении ФСБ России по Калининградской области.

Приказом ФСБ России от 15 ноября 2003 г. № 739 военнослужащим и гражданскому персоналу органов федеральной службы безопасности и пограничных войск была установлена ежемесячная надбавка за объем и значимость выполняемых задач в пределах ежегодно утверждаемых директором ФСБ России лимитов денежных средств для выплаты надбавки.

Приказом ФСБ России от 5 октября 2005 г. № 588 военнослужащим органов федеральной службы безопасности, проходящим военную службу по контракту, установлена специальная надбавка.

В период с 7 сентября 2007 г. по 31 декабря 2010 г. Пограничным управлением Р. выплачивалась ежемесячная надбавка за объем и значимость выполняемых задач в размере 20 % должностного оклада, а с 1 января 2011 г. выплата этой надбавки была прекращена. Специальная надбавка Р. не выплачивалась.

Отказ в выплате названных надбавок руководством Пограничного управления был обоснован отсутствием решения уполномоченного должностного лица военного следственного управления об объявлении приказов ФСБ России от 5 октября 2005 г. № 588 и от 15 ноября 2003 г. № 739 в военных следственных органах. Этот отказ заявитель оспорил в суде.

Таким образом, предметом судебной проверки является определение законности действий начальника Пограничного управления ФСБ России по Калининградской области, связанных с отказом в выплате заявителю, как военнослужащему, содержащемуся за счет штатной численности ФСБ России, специальной надбавки и ежемесячной надбавки за объем и значимость выполняемых задач, установленных приказами ФСБ России.

Правовое положение сотрудников военных следственных органов Следственного комитета, включая условия оплаты их труда, определяются федеральными законами «О статусе военнослужащих», «О Следственном комитете Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами.

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона «О статусе военнослужащих» система материального и иных видов обеспечения военнослужащих устанавливается с учетом занимаемых ими воинских должностей, присвоенных воинских званий, общей продолжительности военной службы, в том числе и в льготном исчислении, выполняемых задач, условий и порядка прохождения ими военной службы.

При этом, в соответствии с п. 9 ст. 13 Федерального закона «О статусе военнослужащих», действовавшим на момент возникновения спорных правоотношений, руководителем федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, в пределах выделенных ассигнований могут устанавливаться военнослужащим не указанные в ст. 13 этого Закона дополнительные выплаты, которые устанавливаются дифференцированно в зависимости от нахождения в подчинении военнослужащих личного состава, сложности, объема и важности выполняемых ими задач.

Аналогичные положения в отношении сотрудников военных следственных органов закреплены в Федеральном законе «О Следственном комитете Российской Федерации».

Согласно пп. 2, 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» Председатель Следственного комитета издает организационно-распорядительные документы, утверждает положения и инструкции по вопросам деятельности Следственного комитета, утверждает в пределах своей компетенции структуру и штатное расписание следственных органов и учреждений Следственного комитета.

В силу п. 24 Положения, утвержденного приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 7 сентября 2007 г. № 10 (далее – Положение), руководитель военного следственного управления, являясь руководителем военных следственных органов, устанавливает военнослужащим военных следственных органов размер надбавки за сложность, напряженность и специальный режим службы, а также иные надбавки и дополнительные денежные выплаты.

Таким образом, определение категорий военнослужащих, которым устанавливаются дополнительные выплаты, находится в компетенции руководителя федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, а условием их установления является наличие выделенных на эти цели ассигнований.

Согласно приказам ФСБ России от 5 октября 2005 г. № 588 и от 15 ноября 2003 г. № 739 специальная надбавка и ежемесячная надбавка за объем и значимость выполняемых задач установлены в соответствии с п. 9 ст. 13 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Между тем из содержания названных приказов нельзя сделать определенный вывод о наличии либо отсутствии права на получение указанных надбавок военнослужащими военных следственных органов, содержащихся за счет штатной численности ФСБ России, исходя из лимитов денежных средств, утвержденных директором ФСБ России.

Выяснение указанных вопросов, находящихся в компетенции директора ФСБ России, имеет существенное значение для правильного разрешения дела. Однако ни один из этих вопросов в судебном заседании не исследовался, а директор ФСБ России, вопрос о правах и обязанностях которого подлежал разрешению судом, к участию в деле не привлекался.

При таких данных принятое решение не может быть признано законным, в связи с чем судебные постановления подлежат отмене независимо от доводов надзорной жалобы, а дело – направлению на новое рассмотрение.

Поскольку на основании п. 24 Положения руководитель военного следственного управления устанавливает военнослужащим военных следственных органов иные

надбавки и дополнительные денежные выплаты, суду также следует обсудить вопрос о привлечении к участию в деле наряду с директором ФСБ России руководителем названного управления Следственного комитета.

При новом судебном рассмотрении дела суду необходимо исследовать правовую природу указанных надбавок, возможность и условия их выплаты военнослужащим военных следственных органов, содержащихся за счет штатной численности ФСБ России, а также уяснить во взаимосвязи с нормативными правовыми актами, изданными в отношении сотрудников военных следственных органов, содержание приказов ФСБ России от 5 октября 2005 г. № 588 и от 15 ноября 2003 г. № 739 в части наличия либо отсутствия права на получение выплат заявителем в пределах установленных лимитов и правомочности издания приказов о выплате надбавок руководителем военного следственного отдела.

Кроме того, суду надлежит выяснить компетенцию руководителя военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по установлению дополнительных выплат, предусмотренных приказами ФСБ России, механизм принятия такого решения – совместно с директором ФСБ России либо единолично, а также необходимость в этом при условии издания соответствующих приказов директором ФСБ России.

Только после этого можно будет сделать вывод о праве заявителя на получение указанных надбавок, а также о правомочности руководителя военного следственного отдела устанавливать названные выплаты в соответствии с п. 3 Порядка, утвержденного приказом ФСБ России от 5 октября 2005 г. № 588, и п. 5 Инструкции, утвержденной приказом ФСБ России от 15 ноября 2003 г. № 739, согласно которым основанием для выплаты этих надбавок является приказ соответствующего должностного лица органа безопасности, имеющего право издания приказов по личному составу.

На основании изложенного Военная коллегия решение Калининградского гарнизонного военного суда от 11 мая 2011 г. и кассационное определение Балтийского флотского военного суда от 14 июня 2011 г. по заявлению Р. отменила, а дело направила на новое рассмотрение в Калининградский гарнизонный военный суд.

Истечение срока нахождения военнослужащего в распоряжении не может являться основанием для прекращения выплаты ему денежного довольствия

Владивостокским гарнизонным военным судом было удовлетворено заявление М., в котором он оспорил действия начальника финансово-экономического отдела Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю, связанные с невыплатой денежного довольствия после истечения срока нахождения в распоряжении командира (начальника).

Тихоокеанский флотский военный суд решение гарнизонного суда по заявлению М. оставил без изменения, а кассационную жалобу представителя должностного лица – без удовлетворения, указав в кассационном определении, что решение суда первой инстанции соответствует положениям ст.ст. 12, 13 Федерального закона «О статусе военнослужащих», ст. 42 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», ст.ст. 13, 14 Положения о порядке прохождения военной службы.

Ссылки в кассационной жалобе на то, что по истечении установленного срока нахождения в распоряжении соответствующим должностным лицом не принималось решение о выплате М. денежного довольствия, обоснованными признаны быть не могут. В соответствии с указанными нормативными правовыми актами решение вопросов о дальнейшем прохождении военной службы военнослужащим, зачисленным в распоряжение, так же как и решение о продолжении выплаты ему денежного довольствия после истечения срока нахождения в распоряжении, является обязанностью соответствующих должностных лиц. Неисполнение либо несвоевременное исполнение ими этих обязанностей основанием к ограничению права военнослужащего на получение денежного довольствия быть не может.

Глава 3. Жилищные вопросы

При определении круга лиц, относящихся к членам семьи военнослужащего, имеющих право на обеспечение жилым помещением, следует руководствоваться ЖК РФ
Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2010 г. № 201-В10-20 по заявлению Р. (извлечение)

Решением Тверского гарнизонного военного суда от 23 декабря 2009 г. удовлетворено заявление старшего прапорщика Р., в котором она просила признать незаконными действия военного комиссара и жилищной комиссии военного комиссариата Тверской области, связанные с исключением внучки заявителя из числа членов ее семьи и распределением жилых помещений без учета права внучки на жилую площадь, а также обязать жилищную комиссию предоставить ей квартиру на себя, двух дочерей и внучку, проживающих вместе с ней в качестве членов семьи в общежитии, с учетом очереди в списках нуждающихся в жилых помещениях.

Определением Московского окружного военного суда от 11 февраля 2010 г. решение гарнизонного военного суда было отменено и по делу принято новое решение – об отказе Р. в удовлетворении заявления.

В обоснование принятого решения суд кассационной инстанции указал, что при определении круга лиц, относящихся к членам семьи военнослужащего, имеющих право на обеспечение жильем, следует руководствоваться Федеральным законом «О статусе военнослужащих», согласно п. 5 ст. 2 которого внуки к таким членам семьи не отнесены.

В надзорной жалобе Р., утверждая, что внучка находится на ее иждивении и является членом семьи, просила отменить кассационное определение окружного военного суда и оставить в силе решение суда первой инстанции.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы надзорной жалобы Р., Военная коллегия жалобу удовлетворила по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Р. вместе с двумя дочерьми и внучкой, 2007 года рождения, проживает в двух комнатах общежития и все они признаны нуждающимися в жилом помещении для постоянного проживания. Однако в последующем внучка заявителя решением жилищной комиссии военного комиссариата Тверской области была снята с жилищного учета, а приказом военного комиссара исключена из членов семьи Р.

Исходя из изложенного юридически значимым обстоятельством для правильного разрешения дела являлось установление принадлежности внучки к членам семьи заявителя как нанимателя жилого помещения.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данным в п. 22 постановления от 14 февраля 2000 г. № 9 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», при решении вопроса о том, кого следует относить к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение жилым помещением, следует руководствоваться нормами жилищного законодательства.

В соответствии с ч. 5 ст. 100 ЖК РФ к пользованию специализированными жилыми помещениями, к которым на основании п. 2 ч. 1 ст. 92 ЖК РФ относятся жилые помещения в общежитиях, применяются правила, предусмотренные ст. 65, чч. 3 и 4 ст. 67 и ст. 69 того же Кодекса.

Из содержания названных норм следует, что к членам семьи нанимателя служебного жилого помещения относятся проживающие совместно с ним его супруг, а также дети и родители нанимателя. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы признаются членами семьи нанимателя такого жилого помещения, если они вселены нанимателем в качестве членов его семьи и ведут с ним общее хозяйство.

В суде установлено, что малолетняя внучка вселена в занимаемое Р. жилое помещение в качестве члена ее семьи.

Следовательно, вывод суда кассационной инстанции об отсутствии оснований для признания внучки Р. членом ее семьи и о правомерности в связи с этим снятия жилищной комиссией внучки с учета нуждающихся в жилом помещении, а также отказа в распределении заявителю жилого помещения на семью из четырех человек является ошибочным.

Что касается суждения суда кассационной инстанции о том, что при определении круга лиц, относящихся к членам семьи военнослужащего, имеющих право на обеспечение жильем, следует руководствоваться п. 5 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», то оно не основано на законе.

Таким образом, окружным военным судом допущены нарушения норм материального права, выразившиеся в неправильном применении закона, которые Военная коллегия рассмотрела как существенные, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов Р., что в соответствии со ст. 387 ГПК РФ явилось основанием для отмены кассационного определения и оставления в силе решения суда первой инстанции.

Сын супруги военнослужащего, не являющийся их совместным ребенком, может быть включен в список лиц для получения военнослужащим жилищного сертификата только в случае признания его в установленном порядке членом семьи военнослужащего

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2012 г. № 208-В12-3 по заявлению Е. (извлечение)

Комсомольский-на-Амуре гарнизонный военный суд 6 июня 2011 г. удовлетворил заявление Е., в котором он просил признать незаконным приказ воинского должностного лица в части увольнения с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями без обеспечения государственным жилищным сертификатом на состав семьи из трех человек.

Дальневосточный окружной военный суд 26 июля 2011 г. решение суда отменил и принял по делу новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

В надзорной жалобе от 26 декабря 2011 г. Е., утверждая, что окружным военным судом допущено существенное нарушение норм материального права, просил кассационное определение отменить.

Военная коллегия отменила кассационное определение и направила дело на новое рассмотрение в Дальневосточный окружной военный суд, указав в обоснование своего решения следующее.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

При рассмотрении дела судом кассационной инстанции допущены существенные нарушения норм материального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела следует, что Е., общая продолжительность военной службы которого в календарном исчислении составляет более 10 лет, в связи с сокращением в 2009 г. должности и предстоящим увольнением с военной службы в запас был зачислен в распоряжение командира (начальника) до обеспечения государственным жилищным сертификатом на него и супругу.

В декабре 2010 г. на Е. и его супругу был оформлен жилищный сертификат, от получения которого он отказался в связи с изъявлением желания получить сертификат также на сына супруги от первого брака Т.

В связи с изложенным командованием заявителю было разъяснено, что для этого Т. должен быть признан членом его семьи в судебном порядке.

Ленинским районным судом г. Комсомольска-на-Амуре 30 марта 2011 г. был установлен факт нахождения Т. на иждивении заявителя.

21 апреля 2011 г. Е. обратился с заявлением к руководителю Федерального государственного учреждения Восточного регионального управления жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации с просьбой переоформить жилищный сертификат на трех человек в связи с изменением состава семьи.

Однако к тому времени приказом командующего войсками Восточного военного округа от 13 апреля 2011 г. заявитель был уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Не согласившись с увольнением без обеспечения жилищным сертификатом на трех человек, Е. оспорил указанный приказ в судебном порядке.

К заявлению Е. приложил, в частности, выписку из протокола № 8 от 15 июля 2009 г. заседания жилищной комиссии воинской части о включении его в список граждан – получателей государственного жилищного сертификата с составом семьи из трех человек.

В кассационном заседании окружного военного суда по ходатайству представителя должностного лица к материалам дела была приобщена копия протокола № 8 от 15 июля 2009 г. заседания жилищной комиссии той же воинской части о включении Е. в список граждан – получателей государственного жилищного сертификата с составом семьи из двух человек.

Отказывая Е. в удовлетворении требований о восстановлении на военной службе, суд кассационной инстанции сослался на выполнение командованием обязательств по обеспечению его жилищным сертификатом исходя из количества членов семьи, добровольно указанных им в 2009 г. в рапорте, а также на возможность заявителя в тот же период включить Т. в список лиц для получения сертификата без предварительного признания его в судебном порядке находящимся на иждивении.

Однако такой вывод не основан на исследованных в судебном заседании материалах дела.

Согласно подп. «а», «б» п. 17 Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011 – 2015 гг., утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 марта 2006 г. № 153, членами семьи гражданина – участника подпрограммы признаются: в отношении военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность военной службы которых в календарном исчислении составляет 10 лет и более: постоянно проживающие совместно с ним супруга (супруг), их дети, родители; другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы, а в исключительных случаях и иные лица, постоянно проживающие совместно с данным гражданином, если они признаны членами семьи данного гражданина в судебном порядке.

Из изложенного следует, что сын супруги заявителя от первого брака Т., не являющийся их совместным ребенком, вопреки утверждению суда кассационной инстанции, мог быть включен в список лиц для получения жилищного сертификата только в случае признания его членом семьи Е. в судебном порядке.

Неправильное истолкование судом кассационной инстанции положений данного нормативного правового акта свидетельствует о нарушении норм материального права, которое с учетом обстоятельств дела следует признать существенным.

В судебном заседании Е. показал, что в 2009 г. он был лишен возможности указать сына супруги от первого брака в качестве члена своей семьи, поскольку не располагал данными об оказании Т. материальной помощи его отцом, и только при получении ответа из отдела судебных приставов по Сахалинской области 17 января 2011 г. он обратился с рапортом о внесении в личное дело сведений о нахождении Т. на иждивении, в связи с чем ему было рекомендовано обратиться в суд.

Также из решения Ленинского районного суда г. Комсомольска-на-Амуре от 30 марта 2011 г. следует, что в обоснование необходимости признания сына супруги находящимся на иждивении было заявлено о его совместном проживании с заявителем и об утрате супругой в 2007 г. исполнительного листа на удержание алиментов с отца Т.

Проверка указанных обстоятельств имела существенное значение для дела, поскольку позволила бы установить причины несвоевременного обращения Е. с просьбой о признании Т. членом семьи в судебном порядке и дать оценку их уважительности.

Кроме того, наличие в деле двух взаимоисключающих копий протокола № 8 от 15 июля 2009 г. заседания жилищной комиссии воинской части относительно состава членов семьи заявителя, включенных в список граждан – получателей жилищного сертификата, требовало от суда выяснить, какая из этих копий является подлинной.

Однако этого сделано не было.

Между тем только после установления названных обстоятельств можно будет дать оценку действиям командования по выполнению предусмотренных ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обязательств по обеспечению Е. жилищным сертификатом в последний год военной службы, а также утверждению представителя воинского должностного лица о злоупотреблении заявителем правом, что на основании ст. 10 ГК РФ может указывать на необоснованность требований заявителя по восстановлению на военной службе.

Поскольку в судебном заседании Е. также указывал на незаконность действий должностных лиц, связанных с отказом в переоформлении ему жилищного сертификата на трех человек, суду надлежало выяснить, не был ли заявитель в связи с увольнением с военной службы исключен из списка лиц для получения жилищного сертификата, и в случае исключения – рассмотреть вопрос о привлечении к участию в деле уполномоченного органа военного управления в целях проверки законности его действий, в том числе с учетом положений п. 46 Правил, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 марта 2006 г. № 153, о праве владельца сертификата на его замену при наличии обстоятельств, потребовавших замены выданного сертификата.

Поскольку заявитель и члены ее семьи обеспечены общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы, она правомерно поставила вопрос о признании ее нуждающейся в жилом помещении

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2012 г. № 207-КГ12-3 по заявлению Г. (извлечение)

Согласно решению Читинского гарнизонного военного суда от 29 декабря 2011 г., оставленному без изменения в апелляционном порядке 13 марта 2012 г. Восточно-Сибирским окружным военным судом, Г. отказано в удовлетворении заявления, в котором она просила обязать начальника Федерального государственного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» («Востокрегионжилье») Министерства обороны Российской Федерации признать ее и дочь нуждающимися в жилом помещении.

В кассационной жалобе Г., указывая на обеспеченность ее и дочери жилым помещением ниже учетной нормы и нуждаемость в связи с этим в улучшении жилищных условий, просила отменить вынесенные судебные постановления и принять по делу новое решение – об удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы жалобы, Военная коллегия признала жалобу подлежащей удовлетворению в связи с существенным нарушением норм материального права по следующим основаниям.

В обоснование принятого решения суд первой инстанции указал, что заявитель, дав согласие на приватизацию занимаемого по договору социального найма жилого помещения, ухудшила жилищные условия и утратила возможность сдать государствену полученное ранее от органов местного самоуправления жилье.

Соглашаясь с тем, что судом первой инстанции принято правильное по существу решение, окружной военный суд, вместе с тем, указал, что Г. вместе с двумя детьми может претендовать на получение только 14,04 квадратного метра общей площади жилого помещения, тогда как минимальный размер общей площади жилого помещения, которое выделяется на такой, как у нее, состав семьи, должен составлять не менее 36 квадратных метров.

Такие выводы судов не основаны на законе.

Из материалов дела усматривается, что Г. вместе с матерью, братом и сыном, а с 8 июня 2009 г., кроме того, с дочерью проживает в квартире общей площадью жилого помещения 66,6 квадратного метра, предоставленной в 1992 г. ее бабушке органом местного самоуправления.

При таких данных в квартире, в которой проживает заявитель, на одного человека приходится менее 14 квадратных метров общей площади жилого помещения.

Согласно решению Думы городского округа «Город Чита» от 10 ноября 2005 г. (в редакции от 1 июля 2010 г.) учетная норма жилого помещения в целях принятия на учет граждан, нуждающихся в улучшении жилых помещений, установлена в размере 14 квадратных метров общей площади жилого помещения на одного человека.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, признаются граждане, являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения и обеспеченные общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Поскольку Г. и члены ее семьи обеспечены общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы, она правомерно поставила вопрос о признании ее нуждающейся в жилом помещении, а отказ начальника ФГУ «Востокрегионжилье» является незаконным.

Дача заявителем согласия на приватизацию занимаемого по договору социального найма жилого помещения не свидетельствует об умышленном ухудшении ею жилищных условий, поскольку она сохранила право пользования этим помещением.

Что касается выводов судов об отсутствии оснований для признания Г. нуждающейся в жилом помещении в связи с невозможностью сдачи занимаемого ею жилого помещения государству, а также о ее праве на получение только 14,04 квадратного метра общей площади жилого помещения, то они основаны на неправильном толковании норм материального права и применении закона, не подлежащего применению.

Согласно чч. 1, 3 ст. 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» норма площади жилого помещения, предоставляемого военнослужащему в собственность бесплатно или по договору социального найма, составляет 18 квадратных метров общей площади жилого помещения на одного человека, а с учетом конструктивных и технических параметров многоквартирного дома или жилого дома жилое помещение может быть предоставлено общей площадью, превышающей размер общей площади жилого помещения, но не более девяти квадратных метров общей площади жилого помещения в общей сложности, а для одиноко проживающего военнослужащего – не более 18 квадратных метров общей площади жилого помещения.

Каких-либо дополнительных условий, ограничивающих право военнослужащего, признанного в установленном порядке нуждающимся в жилом помещении, эта норма не содержит. При этом, содержащееся в ч. 7 ст. 57 ЖК РФ требование об учете площади занимаемого гражданином жилого помещения при определении общей площади жилого помещения, предоставляемого по договору социального найма, относится только к жилому помещению, находящемуся у него в собственности.

При таких данных утверждение суда апелляционной инстанции о необходимости при определении нормы предоставления заявителю жилого помещения по договору социального найма вычета площади, приходящейся на долю Г. и ее дочери в жилых помещениях, где они зарегистрированы, является ошибочным.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможно восстановление нарушенных жилищных прав Г., а также защита охраняемых законом публичных интересов.

На основании изложенного Военная коллегия решение Читинского гарнизонного военного суда от 29 декабря 2011 г. и апелляционное определение Восточно-Сибирского окружного военного суда от 13 марта 2012 г. по заявлению Г. в связи с существенным нарушением норм материального права отменила и приняла по делу новое решение, которым признала незаконным отказ начальника Федерального государственного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации признать Г. нуждающейся в жилом помещении и обязала его рассмотреть вопрос о признании ее нуждающейся в жилом помещении с составом семьи два человека (заявитель и ее дочь).

Военнослужащие имеют право на предоставление жилых помещений по месту проживания военной службы

Московский окружной военный суд оставил без изменения решение Одинцовского гарнизонного военного суда, которым удовлетворено заявление полковника К. об оспаривании действий Центральной жилищно-бытовой комиссии (ЦЖБК) войсковой части 95006, связанных со снятием заявителя с учета нуждающихся в жилых помещениях.

К. и члены его семьи решением ЦЖБК воинской части от 18 июня 2010 г. были сняты с учета нуждающихся в жилых помещениях в г. Москве, поскольку ранее занимаемое жилое помещение в г. Кубинка Одинцовского района Московской области было выведено из числа служебных жилых помещений.

Полагая свои права нарушенными, К. обратился в военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконным вышеназванное решение ЦЖБК воинской части. Судом первой инстанции заявление К. удовлетворено.

Согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» государство гарантирует военнослужащим предоставление жилых помещений или выделение денежных средств на их приобретение в порядке и на условиях, которые устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Военнослужащим-гражданам, проходящим военную службу по контракту, и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются не позднее трехме-

сячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, с учетом права на дополнительную жилую площадь. Служебные жилые помещения предоставляются в населенных пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить служебные жилые помещения в указанных населенных пунктах – в других близлежащих населенных пунктах.

Указанным военнослужащим, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных образовательных учреждений профессионального образования), и совместно проживающим с ними членам их семей, на первые пять лет военной службы предоставляются служебные жилые помещения или общежития. При продолжении военной службы свыше указанных сроков им предоставляются жилые помещения на общих основаниях.

Таким образом, указанная норма гарантирует определенным в ней категориям военнослужащих обеспечение жилым помещением от федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, прежде всего именно по месту прохождения военной службы.

Исходя из положений ст.ст. 52 и 99 ЖК РФ, жилые помещения по договорам социального найма, в том числе и специализированные жилые помещения, предоставляются гражданам, которые приняты на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

Согласно материалам дела заявитель был назначен на воинскую должность после окончания военного образовательного учреждения профессионального образования в 1985 г. В период прохождения военной службы в воинской части, дислоцированной в г. Кубинка Московской области, в 1995 г. ему была предоставлена служебная трехкомнатная квартира в этом городе. Решением ЦЖБК войсковой части 95006 от 21 октября 2009 г. К. и члены его семьи признаны нуждающимися в жилых помещениях по месту его военной службы в войсковой части 95006 в г. Москве.

Таким образом, суд правомерно признал незаконным и отменил решение ЦЖБК воинской части от 18 июня 2010 г., поскольку К. в соответствии с требованиями п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» подлежит обеспечению жилым помещением по месту его военной службы, которым в настоящее время является г. Москва.

Обеспечение жильем К. по прежнему месту его военной службы в г. Кубинка Московской области, применительно к оспариваемым правоотношениям, не имеет правового значения, поскольку заявитель по месту его военной службы в г. Москве жилым помещением не обеспечен.

Обеспечение военнослужащего жильем по месту военной службы ниже учетной нормы является препятствием для его увольнения в запас

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2010 г. № 211-В10-1 по заявлению Ш. (извлечение)

Решением 35-го гарнизонного военного суда, оставленным без изменения Тихоокеанским флотским военным судом, Ш. откано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным его увольнение в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе без обеспечения жильем.

Рассмотрев материалы дела по надзорной жалобе Ш., Военная коллегия судебные постановления отменила и приняла по делу новое решение – об удовлетворении заявления по следующим основаниям.

В суде установлено, что заявитель, общая продолжительность военной службы которого составляет более 10 лет, решением жилищной комиссии войсковой части признан нуждающимся в улучшении жилищных условий в связи с обеспечением его и членов семьи жилым помещением в г. Петропавловске-Камчатском ниже учетных норм, установленных решением Городской Думы Петропавловск-Камчатского городского округа от 17 мая 2006 г.

Несмотря на то что согласия на увольнение без обеспечения жильем по установленным нормам Ш. не давал, 21 марта 2009 г. он был уволен в запас и с 28 сентября 2009 г. исключен из списков личного состава части.

В соответствии с ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет

10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе без предоставления им жилых помещений.

Таким образом, приказы воинских должностных лиц об увольнении заявителя с военной службы и исключении в связи с этим из списков личного состава воинской части без предоставления жилья противоречат положениям ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Военнослужащие – граждане Российской Федерации принимаются на учет нуждающихся в жилых помещениях на основании их заявлений и представленных вместе с заявлениями документов, подтверждающих право соответствующих граждан состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях

Решение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2012 г. № ВГКПИ12-15 по заявлению Щ. (извлечение)

Щ. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением, в котором просил признать незаконным и недействующим подп. «д» п. 1 Инструкции о предоставлении военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, жилых помещений по договору социального найма, утвержденной приказом министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2010 г. № 1280, согласно которому для признания военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, имеющих право на предоставление жилых помещений по договору социального найма, нуждающимися в жилых помещениях они подают заявление, к которому прилагаются, в частности, выписки из домовых книг, копии финансовых лицевых счетов с мест жительства военнослужащих и членов их семьи за последние пять лет до подачи заявления.

Военная коллегия не нашла оснований для удовлетворения заявления, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что поводом обращения Щ. с указанным заявлением в суд послужило требование жилищных органов, куда он обратился с просьбой о предоставлении жилого помещения по договору социального найма, представить выписки из домовых книг и копии финансовых лицевых счетов с мест жительства его и членов семьи за последние пять лет до подачи заявления, как это установлено подп. «д» п. 1 Инструкции.

Согласно чч. 3, 4 ст. 52 ЖК РФ (в редакции ч. 4 ст. 52 ЖК РФ, действующей до 1 января 2013 г.) принятие на учет граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях осуществляется органом местного самоуправления на основании заявлений данных граждан и представленных вместе с заявлениями документов, подтверждающих право соответствующих граждан состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

Конкретный перечень документов, которые прилагаются к заявлению военнослужащего о признании его нуждающимся в жилом помещении, указан в Правилах признания нуждающимися в жилых помещениях военнослужащих – граждан Российской Федерации, обеспечиваемых на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512.

В соответствии с подп. «г» п. 3 Правил указанные военнослужащие к заявлению о признании нуждающимися в жилом помещении прилагают, в частности, выписки из домовых книг, копии финансовых лицевых счетов с мест жительства военнослужащего и членов его семьи за последние пять лет до подачи заявления. При этом, в п. 2 Постановления Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512 федеральным органам исполнительной власти предписано привести свои нормативные правовые акты в соответствии с указанным Постановлением.

При таких данных указание министром обороны Российской Федерации в подп. «д» п. 1 Инструкции, утвержденной приказом от 30 сентября 2010 г. № 1280, о необходимости приложения военнослужащими к заявлению о признании нуждающимися в жилом помещении, в частности, выписки из домовых книг, копий финансовых лицевых счетов с мест жительства военнослужащего и членов его семьи за последние пять лет до подачи заявления не противоречит ЖК РФ и соответствует Постановлению Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512, дословно воспроизводя его положения.

Что касается утверждения в заявлении об отсутствии у граждан обязанности при принятии их на жилищный учет представлять документы, получаемые по межведомственным запросам органом, осуществляющим принятие на учет, то эти положения, закрепленные в новой редакции ч. 4 ст. 52 ЖК РФ, в соответствии с пп. 5, 9 ст. 28 Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты» вступают в силу только с 1 января 2013 г. До этого момента регулирование в сфере жилищных отношений вопросов обеспечения реализации указанных требований Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» осуществляется законодательными актами Российской Федерации.

Установив, что оспариваемый (в части) нормативный правовой акт не противоречит федеральному закону или другому нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, Военная коллегия на основании ч. 1 ст. 253 ГПК РФ отказала Щ. в удовлетворении заявления.

Примечание: Апелляционной коллегией Верховного Суда Российской Федерации решение оставлено без изменения, а апелляционная жалоба заявителя – без удовлетворения (определение от 22 мая 2012 г. № АПЛ12-308).

Решение жилищной комиссии воинской части о снятии заявителя с учета нуждающихся в жилых помещениях, принятое после установления неправомерных действий должностных лиц комиссии при решении вопроса о принятии заявителя на такой учет, основано на законе

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 204-В11-5 по заявлению Т. (извлечение)

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 29 ноября 2010 г. Т. отказано в удовлетворении заявления, в котором она просила признать незаконным утвержденное командиром части решение жилищно-бытовой комиссии об исключении ее, мужа, двух дочерей и внучки с учета нуждающихся в жилом помещении.

Кассационным определением Уральского окружного военного суда от 18 января 2011 г. решение суда в части разрешения требований о восстановлении в списке нуждающихся в жилом помещении отменено и принято новое решение – о признании незаконным решения жилищно-бытовой комиссии в части исключения Т. из списка очередников на получение жилого помещения на условиях социального найма и возложении на жилищно-бытовую комиссию обязанности восстановить заявителя и членов ее семьи в указанных списках.

Мотивируя принятое решение, окружной военный суд указал, что из протокола жилищно-бытовой комиссии не усматривается, что Т. была снята с учета нуждающихся в жилом помещении согласно требованиям ЖК РФ, в связи с чем исключение ее из списка очередников на получение жилого помещения по договору социального найма является необоснованным.

В надзорной жалобе представитель воинского должностного лица, указав на беспечность Т. жильем по установленным нормам, отсутствие оснований для постановки ее на учет нуждающихся в жилом помещении и правомерность в связи с этим исключения заявителя с указанного учета, на который она была поставлена в нарушение закона, просил кассационное определение отменить, оставив в силе решение гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия нашла надзорную жалобу подлежащей удовлетворению.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом кассационной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела следует, что Т. и члены ее семьи по месту военной службы в г. Челябинске с 1981 г. обеспечены жилым помещением для постоянного проживания по установленным исполнительным комитетом Челябинского областного Совета народных депутатов от 27 марта 1984 г. нормам.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 29 ЖК РСФСР, действовавшей на момент признания Т. в 2004 г. нуждающейся в улучшении жилищных условий, нуждающимися в улучшении жилищных условий признаются граждане, имеющие обеспеченность жилой площадью на одного члена семьи ниже уровня, устанавливаемого Советом министров автономной республики, исполнительным комитетом краевого, областного, Московского и Ленинградского городских Советов народных депутатов.

Изложенное указывает на то, что Т. не могла быть признана нуждающейся в жилом помещении исходя из обеспеченности ее жильем по установленным нормам. Другие основания признания заявителя нуждающейся в жилом помещении, предусмотренные ст. 29 ЖК РСФСР и ст. 51 ЖК РФ, по делу не установлены.

В суде также установлено, что Т. после рождения внуки в марте 2004 г., несмотря на отсутствие предусмотренных законом оснований, была признана нуждающейся в улучшении жилищных условий, а после установления неправомерных действий должностных лиц жилищно-бытовой комиссии воинской части решением той же комиссии от 23 сентября 2010 г. снята с учета нуждающихся в жилом помещении.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ граждане снимаются с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях в случае выявления неправомерных действий должностных лиц органа, осуществляющего принятие на учет, при решении вопроса о принятии на учет.

Таким образом, суд первой инстанции, признавая законным решение жилищно-бытовой комиссии от 23 сентября 2010 г., пришел к правильному выводу о том, что Т. и члены ее семьи не имеют права на восстановление в списках нуждающихся в жилом помещении по договору социального найма, а вывод суда кассационной инстанции об обратном не основан на законе. Отсутствие в протоколе жилищно-бытовой комиссии ссылки на нормы ЖК РФ не может служить основанием для отмены правильного по существу решения.

Поскольку допущенные судом кассационной инстанции нарушения норм материального права повлияли на исход дела и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав заявителя, Военная коллегия отменила кассационное определение Уральского окружного военного суда от 21 октября 2010 г. и оставила в силе решение Челябинского гарнизонного военного суда от 29 ноября 2010 г.

Совершение заявителем умышленных действий в целях создания искусственного ухудшения жилищных условий, которые привели к состоянию, требующему участия со стороны Министерства обороны Российской Федерации в обеспечении его другим жильем, является основанием для отказа в признании его нуждающимся в жилом помещении

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2011 г. № 203-В10-19 по заявлению Г. (извлечение)

Решением Кировского гарнизонного военного суда от 1 апреля 2010 г. признаны незаконными решение жилищной комиссии военного института от 24 декабря 2009 г. и действия начальника института, утвердившего это решение, об отказе в удовлетворении рапорта Г. от 21 декабря 2009 г. об оставлении его в списках нуждающихся в жилом помещении в связи со сменой места жительства, а также о снятии заявителя с учета лиц, нуждающихся в жилом помещении, на который он был поставлен решением жилищной комиссии того же института 23 июня 2006 г.

На начальника института судом была возложена обязанность направить на повторное рассмотрение жилищной комиссии рапорт Г. и утвердить решение жилищной комиссии о признании заявителя нуждающимся в улучшении жилищных условий.

Удовлетворяя заявление, суд первой инстанции в решении указал, что Г. в период проживания вместе со своей семьей в квартире, нанимателем которой являлась его мать, членом ее семьи не являлся, в связи с чем его последующий выезд в квартиру, принадлежащую на праве собственности отцу заявителя, не свидетельствует о том, что он перестал быть нуждающимся в жилом помещении.

Кассационным определением Приволжского окружного военного суда от 11 мая 2010 г. решение суда в части удовлетворения требований отменено и принято новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

Окружной военный суд признал правомерными действия жилищной комиссии об отказе Г. в признании нуждающимся в жилом помещении, поскольку с учетом квартиры, в которой заявитель, его жена и дети проживали как члены семьи нанимателя, и квартиры отца, принадлежащей ему на праве собственности, на каждого из проживающих приходилось общей площади жилых помещений более учетной нормы, установленной органом местного самоуправления.

В надзорной жалобе Г., указывая на фактическую нуждаемость в улучшении жилищных условий, просил кассационное определение отменить, оставив в силе решение гарнизонного военного суда.

Расмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия нашла кассационное определение законным.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом кассационной инстанции таких нарушений не допущено.

Из материалов дела усматривается, что Г. с 1982 г. по 1996 г. вместе с родителями и братом проживал в качестве члена семьи в г. Кирове в квартире, нанимателем которой являлась его мать, а в 2004 г. вновь был вселен в эту квартиру вместе с женой и несовершеннолетней дочерью.

После рождения 24 февраля 2006 г. у заявителя сына, в связи с чем доля общей площади жилого помещения на каждого из проживающих в квартире стала менее 9 квадратных метров учетной нормы (59,4 квадратного метра на семь человек), Г. обратился в жилищную комиссию института и 23 июня 2006 г. решением этой комиссии был признан нуждающимся в жилом помещении.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, признаются граждане, являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма и обеспеченные общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Следовательно, основанием для признания Г. нуждающимся в жилом помещении являлась обеспеченность на каждого члена семьи, в том числе заявителя, его жены и детей, общей площадью квартиры, нанимателем которой являлась его мать, менее учетной нормы.

То обстоятельство, что заявитель признан нуждающимся в жилом помещении как член семьи нанимателя, не отрицалось Г. и в надзорной жалобе.

Последующее утверждение заявителя об обратном и ссылка в связи с этим на необходимость установления наличия письменного согласия на его вселение в квартиру в качестве члена семьи и ведения с нанимателем общего хозяйства в данном случае правового значения не имеют, поскольку после повторного вселения Г. в эту квартиру, фактического проживания в ней в качестве члена семьи и постановки перед жилищной комиссией института вопроса о признании его в таком качестве нуждающимся в улучшении жилищных условий его мать не оспаривала, в том числе в судебном порядке, право Г., его жены и детей на равное с ней пользование жилым помещением.

Таким образом, суд кассационной инстанции пришел к правильному выводу о том, что Г., его жена и дети проживали в квартире, нанимателем которой являлась его мать, в качестве членов семьи.

Из материалов дела также усматривается, что 16 июня 2006 г., то есть до заседания жилищной комиссии, Г. совместно с женой и детьми снялся с регистрационного учета по прежнему месту жительства и в августе 2006 г. вселился на основании договора найма жилого помещения в квартиру, приобретенную незадолго до этого его отцом в собственность.

После этого Г. вновь обратился в жилищную комиссию института с рапортом об оставлении его в списках нуждающихся в улучшении жилищных условий в связи с переездом по новому адресу, однако получил отказ.

Изложенное указывает на то, что в результате совершенных действий Г. перестал быть членом семьи нанимателя жилого помещения и добровольно утратил право пользования наравне с нанимателем всеми правами, вытекающими из договора най-

ма жилого помещения, что позволило ему поставить вопрос о праве на получение жилого помещения без учета площади указанной квартиры и обеспеченности жильем его родителей и брата.

То есть Г. совершил умышленные действия в целях создания ухудшения жилищных условий, которые привели к состоянию, требующему участия со стороны Министерства обороны Российской Федерации в обеспечении его другим жильем большей площади.

Согласно ст. 53 ЖК РФ граждане, которые с намерением приобретения права состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях совершили действия, в результате которых такие граждане могут быть признаны нуждающимися в жилых помещениях, принимаются на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях не ранее чем через пять лет со дня совершения указанных намеренных действий.

При таких данных Г. может быть поставлен на учет нуждающихся в жилом помещении только по истечении пяти лет с момента снятия с регистрационного учета по прежнему месту жительства.

Из изложенного следует, что суд кассационной инстанции пришел к правильному выводу о том, что жилищные права Г. в связи с отказом в постановке на учет нуждающихся в жилом помещении и снятием с такого учета нарушены не были, и правомерно отказал в удовлетворении его заявления, отменив в этой части решение гарнизонного военного суда.

Само по себе наличие решения уполномоченного органа о распределении военнослужащему жилого помещения не может расцениваться как предоставление жилого помещения

Приказом командующего Тихоокеанским флотом от 30 сентября 2009 г. П. зачислен в распоряжение начальника 535 КП МА ТОФ в связи с проведением организационно-штатных мероприятий (далее – ОШМ). Приказом начальника 535 КП МА ТОФ от 1 октября 2009 г. определено считать П. находящимся в распоряжении по окончании его стационарного лечения.

На основании представления начальника 535 КП МА ТОФ от 12 ноября 2009 г. и заключения врио начальника управления МА ТОФ приказом командующего ТОФ, изданным в этот же день, П. досрочно уволен с военной службы по состоянию здоровья – в связи с признанием военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе.

Приказом начальника 535 КП МА ТОФ от 23 ноября 2009 г. (с последующими изменениями) П. исключен из списков личного состава.

Считая действия командования, связанные с зачислением его в распоряжение, увольнением с военной службы без обеспечения жильем помещением и исключением из списков личного состава без производства полного расчета, нарушающими его права, П. обратился в суд с заявлением о признании этих действий незаконными.

Решением Владивостокского гарнизонного военного суда от 10 февраля 2010 г. в удовлетворении заявления отказано.

Определением судьи Владивостокского гарнизонного военного суда от 27 февраля 2010 г. П. также отказано в принятии дополнительного решения по его заявлению об оспаривании действий командования в части, касающейся признания незаконным приказа начальника 535 КП МА ТОФ от 1 октября 2009 г. о зачислении его в распоряжение в связи с ОШМ.

Кассационным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 18 марта 2010 г. решение Владивостокского гарнизонного военного суда от 10 февраля 2010 г. в части отказа П. в удовлетворении требований об отмене приказа от 23 ноября 2009 г. (с последующими изменениями) об исключении его из списков личного состава части с 24 ноября 2009 г. признано незаконным. Суд второй инстанции обязал начальника 535 КП МА ТОФ восстановить П. в списках личного состава части до 18 марта 2010 г. В остальной части решение гарнизонного военного суда оставлено без изменения. Кроме того, определением суда кассационной инстанции от 18 марта 2010 г. заявителю отказано в удовлетворении его частной жалобы на определение судьи Владивостокского гарнизонного военного суда от 27 февраля 2010 г.

В порядке надзора П. обжаловались действия командования, связанные с нарушениями, допущенными при зачислении его в распоряжение в связи с проведением

ОШМ, увольнении с военной службы и исключении из списков личного состава воинской части, а также в связи с необеспечением жилым помещением в избранном месте жительства – г. Владивостоке.

Принимая по делу решение об отказе в удовлетворении требований заявителя, гарнизонный военный суд указал, что соответствующее командование действовало в пределах предоставленных ему полномочий и на законных основаниях, поэтому препятствий для увольнения заявителя с военной службы не имелось.

Суд кассационной инстанции в своем определении признал решение суда первой инстанции в части, касающейся увольнения заявителя с военной службы и зачисления его в распоряжение правильным, а в части исключения из списков личного состава без обеспечения жилым помещением решение отменил и принял новое, которым обязал начальника 535 КП МА ТОФ изменить дату исключения П. из списков личного состава части на 18 марта 2010 г., поскольку 17 марта решением жилищной комиссии заявителю распределена в г. Владивостоке однокомнатная квартира общей площадью 38 квадратных метров в новом доме.

Однако данные выводы гарнизонного и флотского военных судов являются ошибочными, поскольку основаны на неверном толковании норм материального права.

П., общая продолжительность военной службы которого составляет более 10 лет, признанный в установленном порядке нуждающимся в жилом помещении и подлежащий увольнению в запас по состоянию здоровья, 2 июля 2009 г. при проведении с ним беседы изъявил желание уволиться с военной службы по состоянию здоровья с оставлением его в списках очередников на получение жилого помещения.

Однако 6 и 13 июля 2009 г. П. подал рапорты начальнику 535 КП МА ТОФ и начальнику МА ТОФ соответственно, в которых выразил несогласие с увольнением без обеспечения жилым помещением и просил приостановить увольнение.

Таким образом, П. в период прохождения военной службы жильем обеспечен не был и своего согласия на увольнение в запас без предоставления такового не давал, избрав способом реализации своего права получение квартиры в избранном постоянном месте жительства в г. Владивостоке.

Данные обстоятельства являются юридически значимыми и имеют существенное значение для правильного разрешения дела.

Согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» государство гарантирует военнослужащим предоставление жилых помещений в порядке и на условиях, которые устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 23 названного Федерального закона военнослужащие-граждане, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, без их согласия не могут быть уволены с военной службы в запас по состоянию здоровья без предоставления им жилых помещений.

Из изложенного следует, что на командование возлагается обязанность по обеспечению данной категории военнослужащих жилыми помещениями до их увольнения с военной службы.

Между тем из материалов дела видно, что вопрос обеспечения П. жилой площадью в период прохождения военной службы и по избранному месту жительства после увольнения судом первой инстанции не исследовался.

Суд кассационной инстанции при рассмотрении дела хотя и пришел к выводу о незаконности действий начальника 535 КП МА ТОФ по исключению заявителя из списков личного состава воинской части до предоставления ему жилья, однако необоснованно посчитал, что право заявителя на обеспечение жильем восстановлено в полном объеме, сославшись при этом только на справку председателя жилищной комиссии МА ТОФ о распределении 17 марта 2010 г. П. квартиры. Данная справка представлена в суд кассационной инстанции представителем должностного лица.

Вывод об обеспеченности П. жилой площадью судом кассационной инстанции сделан лишь на основании вышеназванной справки, каких-либо иных доказательств, подтверждающих это обстоятельство, суду представлено не было.

Однако фактическое обеспечение жилой площадью не может быть подтверждено только решением жилищной комиссии ввиду того, что процедура получения жилого помещения включает в себя ряд других мероприятий, направленных на реализацию принятого решения и надлежащее оформление жилой площади лицу, которому она

распределена (утверждение решения жилищной комиссии командиром войсковой части, проверка материалов в КЭЧ (МИС), заключение договора социального найма и др.).

Кроме того, распределенное жилое помещение, по утверждению П., к заселению не готово, находится в стадии строительства, соответствующая государственная регистрация не произведена. Эти вопросы судом кассационной инстанции оставлены без внимания.

Довод заявителя о том, что приказ командующего ТОФ от 30 сентября 2009 г. нарушает его право быть уволенным по состоянию здоровья именно с занимаемой должности, а не после зачисления в распоряжение в связи с ОШМ, что, по мнению П., повлекло уменьшение размера денежного довольствия, получаемого им перед увольнением с военной службы, судами первой и кассационной инстанций также оставлен без внимания.

При этом, в отношении приказа начальника 535 КП МА ТОФ от 1 октября 2009 г. о законности зачисления заявителя в распоряжение суд решения не принял и в вынесении дополнительного решения П. в этой части отказал необоснованно.

Из содержания поданного в гарнизонный военный суд заявления видно, что П. просил признать незаконными приказы как об увольнении с военной службы и исключении из списков личного состава воинской части, так и о зачислении его в распоряжение. Указанные требования подтвердил в судебном заседании и его представитель, отвечая на вопрос председательствующего.

Вышеизложенные обстоятельства указывают на то, что судами первой и кассационной инстанций допущены нарушения норм материального и процессуального права, которые Военная коллегия расценила как существенные, повлиявшие на исход дела и в силу ст. 387 ГПК РФ являющиеся основанием для отмены указанных судебных постановлений гарнизонного и флотского военных судов и направления дела на новое рассмотрение в тот же гарнизонный военный суд.

Увольнение военнослужащего, не обеспеченного по месту военной службы жилым помещением и отказавшегося получить таковое в период проведения мероприятий по его увольнению в связи с избранием места жительства в другом населенном пункте, признано незаконным

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2012 г. № 201-В11-60 по заявлению Ч. (извлечение)

Кассационным определением Московского окружного военного суда от 23 декабря 2010 г. отменено решение Тамбовского гарнизонного военного суда от 11 ноября 2010 г. в части отказа в удовлетворении требований Ч. о признании незаконными приказов об увольнении его с военной службы и исключении из списков личного состава части и принято новое решение – о признании указанных приказов незаконными и восстановлении заявителя на военной службе до обеспечения жилым помещением по избранному месту жительства после увольнения в запас.

В надзорной жалобе командир воинской части, указав на обеспеченность Ч. жильем по установленным нормам по месту военной службы, просил кассационное определение отменить в той части, в которой было отменено решение суда первой инстанции, и оставить в силе решение гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы, приведенные в надзорной жалобе, Военная коллегия нашла кассационное определение законным.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом кассационной инстанции таких нарушений не допущено.

Из материалов дела следует, что преподаватель Тамбовского высшего военного авиационного инженерного училища радиозлектроники Ч., общая продолжительность военной службы которого составляет более 10 лет, зачисленный с 15 сентября 2009 г. в распоряжение начальника училища в связи с проведением организационно-штатных мероприятий и представленный к увольнению в запас, просил оставить его на военной службе до обеспечения жилым помещением по избранному месту жительства в г. Москве.

17 марта 2010 г. командование предложило заявителю заключить договор социального найма на распределенную ранее в доме-новостройке трехкомнатную квартиру общей площадью 63,15 квадратного метра (согласно списку, утвержденному уполномоченным воинским должностным лицом 4 июня 2009 г.), в которую он вселен не был, и 16 июня 2010 г. уведомили о принятии главой администрации г. Тамбова постановления от 11 июня того же года о предоставлении его семье, состоящей из пяти человек, двухкомнатной квартиры общей площадью 47,4 квадратного метра, ранее предоставленной для временного проживания.

После того как Ч. отказался от оформления документов на указанные жилые помещения и стал настаивать на обеспечении жильем по избранному месту жительства, он был уволен в запас и исключен из списков личного состава части.

Изложенное указывает на то, что заявитель на момент увольнения в запас по месту службы жильем по установленным нормам обеспечен не был и поставил свое увольнение в зависимость от получения жилого помещения в избранном месте жительства в г. Москве.

Данные обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Согласно п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, без их согласия не могут быть уволены с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений.

При таких данных законные основания для увольнения Ч. с военной службы в запас отсутствовали.

Предоставление заявителю жилых помещений с возможностью оформления договоров социального найма в марте и июне 2010 г., то есть в период проведения мероприятий по увольнению в запас, не свидетельствует об обеспеченности его жильем, поскольку к этому времени он на основании п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» принял решение о перемене места жительства.

К тому же представители командования показали в суде, что до момента заключения договора социального найма, то есть до 17 марта 2010 г., Ч. не вправе был вселяться в распределенное ему жилое помещение в доме-новостройке.

Установив указанные обстоятельства, суд кассационной инстанции пришел к правильному выводу о незаконности увольнения заявителя с военной службы без обеспечения жильем по избранному месту жительства, в связи с чем правомерно отменил в этой части решение гарнизонного военного суда.

На основании изложенного Военная коллегия кассационное определение Московского окружного военного суда от 23 декабря 2010 г. по заявлению Ч. оставила без изменения, а надзорную жалобу командира воинской части – без удовлетворения.

Право состоять на учете нуждающихся в служебном жилом помещении возникает у членов семьи военнослужащего лишь при условии, если в населенном пункте по месту прохождения им военной службы они не обеспечены жильем помещением

Санкт-Петербургский гарнизонный военный суд удовлетворил заявление военнослужащего Д. и обязал жилищно-бытовую комиссию воинской части внутренних войск МВД России включить жену и дочь заявителя в состав членов его семьи, подлежащих обеспечению служебным жилым помещением совместно с военнослужащим. При этом, суд указал в решении, что члены семьи заявителя ранее были приняты на учет в качестве нуждающихся в получении жилого помещения на основании соответствующих документов. Поскольку командованием не было представлено доказательств, опровергающих их достоверность, оснований для снятия их с учета у жилищной комиссии не имелось.

Отменяя данное решение, Ленинградский окружной военный суд указал следующее.

Основания предоставления специализированного жилого помещения, на которое претендуют члены семьи заявителя, определены в ст. 99 ЖК РФ. Согласно ч. 2 данной нормы специализированные жилые помещения предоставляются по установленным ЖК РФ основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте.

Как установлено в судебном заседании, Д. проходит военную службу в Санкт-Петербурге. Его жена в 1991 г., а дочь с рождения в 2006 г. были вселены в квартиру матери жены заявителя в Санкт-Петербурге и в настоящее время проживают в этой квартире в качестве членов семьи собственника. При этом, на каждого проживаю-

щего в квартире приходится общая площадь, превышающая учетную норму, установленную в Санкт-Петербурге для принятия на учет нуждающихся в жилом помещении. Таким образом, права на получение служебного жилого помещения в этом населенном пункте члены семьи заявителя не имеют.

При таких обстоятельствах следует полагать, что на жилищный учет члены семьи заявителя были приняты жилищной комиссией воинской части ошибочно.

Согласно п. 6 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ неправомерные действия органа, осуществляющего принятие граждан на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, являются основанием для снятия их с указанного учета. Принимая во внимание то, что решением жилищной комиссии воинской части члены семьи заявителя сняты с учета на основании приведенной правовой нормы, что прямо указано в протоколе заседания комиссии, повода для его отмены у суда не имелось.

На основании изложенного окружной военный суд судебное постановление отменил и принял новое решение – об отказе Д. в удовлетворении заявления.

При изменении места нахождения в распоряжении, связанном с расформированием воинской части и перемещением военнослужащего в новую воинскую часть в другой гарнизон, военнослужащий подлежит включению в списки очередников на получение жилых помещений со времени принятия на учет и включения в указанные списки по предыдущему месту военной службы

Решением жилищной комиссии воинской части, дислоцированной в п. Кубинка Одинцовского района Московской области, В. признан нуждающимся в жилом помещении с 9 августа 2002 г.

В связи с проведением организационно-штатных мероприятий и расформированием воинской части приказом вышестоящего командования 1 июля 2009 г. заявитель был зачислен в распоряжение командира другой воинской части, дислоцированной в г. Долгопрудном Московской области.

Решениями жилищной комиссии воинской части В. признан нуждающимся в получении жилья с даты обращения, то есть с 27 октября 2009 г., а в сохранении даты признания его нуждающимся в получении жилья по прежнему месту военной службы с 9 августа 2002 г. ему было отказано.

Полагая свои права нарушенными, В. обратился в военный суд с заявлением, в котором просил признать указанные действия незаконными, признать его и членов его семьи нуждающимися в жилье с 9 августа 2002 г., обязать командира и жилищную комиссию воинской части признать это обстоятельство, а также возложить обязанность на командира воинской части и на начальника КЭЧ района внести изменения в список нуждающихся в жилой площади и отправить изменения в адрес Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации.

Одинцовский гарнизонный военный суд в удовлетворении указанного заявления отказал, ссылаясь на перевод В. к новому месту военной службы в другой гарнизон.

Такой вывод на законе не основан.

Установлено, что В., подлежащий увольнению с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, не уволен ввиду необеспеченности жильем для постоянного проживания. Кроме того, его зачисление в распоряжение командира воинской части было осуществлено в связи с организационно-штатными мероприятиями по причине расформирования воинской части, где он ранее проходил военную службу, и обусловлено необходимостью обеспечения его положенными видами довольствия до предоставления ему жилого помещения.

При таких данных решение гарнизонного военного суда было обоснованно отменено и принято новое решение – об удовлетворении требований заявителя.

В соответствии с п. 4 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, имеющим в собственности индивидуальные жилые дома (квартиры), при переводе на новое место военной службы в другую местность на период военной службы в данной местности предоставляются служебные жилые помещения или общежития

По решению жилищной комиссии управления Уральского регионального командования внутренних войск МВД России от 6 октября 2010 г., утвержденному командующим войсками, М. было отказано в принятии на учет военнослужащих, нуждающихся в получении жилых помещений по договору социального найма.

Полгая такое решение незаконным, заявитель просила суд отменить его и обязать командующего войсками Уральского регионального командования внутренних войск МВД России направить на повторное рассмотрение в жилищную комиссию документы о включении ее в список нуждающихся в получении жилого помещения по договору социального найма. Гарнизонным военным судом требования М. были удовлетворены.

Из материалов дела видно, что М. проживала в двухкомнатной квартире в г. Березовском Свердловской области. Согласно договору передачи квартиры в собственность граждан 4 апреля 1997 г. данная квартира была передана в собственность М. и ее дочери в равных долях. Указанный договор зарегистрирован в администрации г. Березовский. По решению Березовского городского суда Свердловской области от 15 апреля 2010 года был произведен раздел этой квартиры в натуре.

В соответствии с п. 4 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, имеющим в собственности индивидуальные жилые дома (квартиры), при переводе на новое место военной службы в другую местность на период военной службы в данной местности предоставляются служебные жилые помещения или общежития.

Как видно из заявления, поданного в Нижнетагильский гарнизонный военный суд, М. просила поставить ее в очередь на получение жилого помещения по договору социального найма.

Согласно ст. 11 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в РСФСР» от 4 июля 1991 г. № 1541-1 каждый гражданин имеет право на приобретение в собственность бесплатно, в порядке приватизации, жилого помещения в государственном и муниципальном жилищном фонде социального использования только один раз. М. такое право уже использовала и имеет в собственности жилое помещение.

С учетом требований п. 4 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» М., имеющей в собственности жилое помещение, может быть предоставлено лишь служебное жилое помещение, а не жилое помещение по договору социального найма.

Окружной военный суд решение Нижнетагильского гарнизонного военного суда по заявлению М. отменил и отказал в удовлетворении ее требования.

Жилые помещения по договорам социального найма не предоставляются иностранным гражданам, лицам без гражданства, если международным договором Российской Федерации не предусмотрено иное

Решением Брянского гарнизонного военного суда отказано в удовлетворении заявления майора У. об оспаривании действий 108-й региональной жилищной комиссии военных представительств, связанных с отказом в предоставлении жилого помещения с учетом матери заявителя, находящейся у него на иждивении – гражданки Украины.

Судебная коллегия окружного военного суда решение суда первой инстанции оставила без изменения, указав следующее.

В силу ст. 40 Конституции Российской Федерации малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Согласно п. 5 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» к членам семей военнослужащих, на которых распространяются социальные гарантии, установленные данным Федеральным законом, относятся, в частности, лица, находящиеся на иждивении военнослужащих, если иное не установлено другими федеральными законами.

Вместе с тем, из Федерального закона «О статусе военнослужащих», равно как и из ст. 40 Конституции Российской Федерации, не вытекают гарантии бесплатного предоставления жилья как военнослужащим – иностранным гражданам, которые в соответствии с абз. 16 п. 1 ст. 15 вышеуказанного Закона размещаются на весь срок военной службы в общежитиях, так и, тем более, иностранным гражданам, которые являются членами семей военнослужащих – граждан Российской Федерации.

ЖК РФ также не предусматривает возможность обеспечения жилыми помещениями за счет средств военного ведомства иностранных граждан.

Более того, ч. 5 ст. 49 ЖК РФ предусмотрен прямой запрет на предоставление жилых помещений по договорам социального найма иностранным гражданам.

При таких данных мать заявителя, являясь гражданкой иностранного государства – Украины, не имеет права на обеспечение жильем за счет средств Министерства обороны Российской Федерации, несмотря на то, что она вселена в занимаемое им жилое помещение в качестве члена семьи нанимателя. Ее нахождение на иждивении заявителя при указанных обстоятельствах правового значения не имеет.

Отсутствие у заявителя необходимой общей продолжительности военной службы лишает его права нахождения на жилищном учете после увольнения с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта

Ж. обратился в суд с заявлением, в котором оспорил решение командира и жилищной комиссии воинской части о распределении двухкомнатной квартиры другому военнослужащему воинской части.

Полагая, что данное жилое помещение было распределено в нарушение порядка очередности и этим нарушаются его права, заявитель, с учетом уточнений, просил суд признать указанное решение незаконным и отменить его.

Суд первой инстанции заявление удовлетворил.

Вместе с тем, при разрешении судом требований заявителя не были приняты во внимание следующие обстоятельства.

В соответствии с ч. 1 ст. 57 ЖК РФ жилые помещения предоставляются гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в порядке очередности исходя из времени принятия таких граждан на учет.

Однако суд не учел, что на основании разъяснения, содержащегося в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих», существенным и необходимым условием удовлетворения заявления, помимо несоответствия оспариваемых решения, действия (бездействия) законодательству, является факт нарушения этим решением, действием (бездействием) прав и свобод заявителя.

Правильно установив, что Ж. состоял на учете нуждающихся в получении жилого помещения ранее, чем З., суд первой инстанции, тем не менее, не придал значения тому факту, что заявитель не мог претендовать на получение спорной квартиры, поскольку на момент принятия обжалуемого решения он не являлся военнослужащим, будучи уволенным с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и исключенным из списков личного состава воинской части в июле 2009 г.

Данное обстоятельство, с учетом отсутствия у заявителя необходимой общей продолжительности военной службы (20 лет), в силу п. 13 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» лишало его права нахождения на жилищном учете после увольнения с военной службы по указанному выше основанию.

Таким образом, оспариваемое заявителем решение каких-либо его прав и свобод не затрагивает, а поэтому оснований для удовлетворения требований не имелось. Определением суда кассационной инстанции данное решение в связи с неправильным применением норм материального права было отменено и принято новое решение – об отказе в удовлетворении заявленных требований.

Действующее законодательство не предусматривает права на получение жилья военнослужащими в избранном месте постоянного жительства после увольнения с военной службы с сохранением за ними в собственности по установленным нормам жилых помещений по месту военной службы

Решение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2011 г. № ВКГПИ11-61 по заявлению К. (извлечение)

К. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением, в котором просил признать недействующими подп. «в» п. 16.1 и подп. «ж» п. 44 Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» федеральной целевой программы “Жилище” на 2002 – 2010 годы, утвержденных Постановов-

лением Правительства Российской Федерации от 21 марта 2006 г. № 153, в той части, в какой они налагают на гражданина обязанность передать в муниципальную собственность жилое помещение, принадлежащее ему на праве собственности.

Заявитель полагал, что названное требование Правил не вытекает из содержания Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», п. 14 ст. 15 которого предполагает сдачу, после получения жилья по избранному месту жительства, только такого жилого помещения, которое ранее было предоставлено государством. Кроме того, по мнению заявителя, поскольку рыночные цены на жилье превышают размер предоставляемой государством субсидии, гражданам вправе добавить к предоставленной субсидии для приобретения жилья по избранному месту жительства собственные средства, вырученные от реализации жилого помещения по месту службы.

Решением Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации в удовлетворении заявления было отказано по следующим основаниям.

Согласно п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, отвечающие ряду требований, обеспечиваются жилыми помещениями при увольнении с военной службы и при перемене места жительства. При этом, документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства представляются указанными гражданами и совместно проживающими с ними членами их семей при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

Из приведенных нормативных положений следует, что военнослужащие, не обеспеченные при увольнении с военной службы жилыми помещениями, при перемене места жительства не утрачивают право на обеспечение жильем.

Порядок и условия предоставления жилых помещений или выделения денежных средств на их приобретение, в соответствии с п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В настоящее время в Российской Федерации действуют Правила учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. № 1054.

В указанных Правилах учета урегулирован порядок учета соответствующих категорий граждан, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, то есть тех лиц, которым законодательством Российской Федерации уже предоставлено право на получение жилья.

Согласно подп. «и» п. 7 Правил учета избрание постоянного места жительства после увольнения с военной службы является самостоятельным основанием признания граждан нуждающимися в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий.

Вместе с тем, наличие у таких граждан в собственности индивидуального жилого дома (квартиры), в соответствии с подп. «а» п. 10 Правил учета, является препятствием для признания их нуждающимися в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий.

Таким образом, действующее законодательство не предусматривает права на получение жилья военнослужащими в избранном месте постоянного жительства после увольнения с военной службы с сохранением за ними в собственности по установленным нормам жилых помещений по месту военной службы.

Из изложенного следует, что указание в оспариваемых заявителем подп. «в» п. 16.1 и подп. «ж» п. 44 Правил учета на необходимость принятия участником подпрограммы, проживающим в жилом помещении, принадлежащем ему на праве собственности, обязательства о сдаче или о безвозмездном отчуждении этого жилого помещения Федеральному закону «О статусе военнослужащих» не противоречит.

Названные Правила утверждены Правительством Российской Федерации в пределах предоставленной ему компетенции.

Что касается размера субсидии, то величины норматива стоимости 1 квадратного метра общей площади жилья по Российской Федерации обоснованы экономическими и социальными условиями, определяющими как рыночные цены на жилье в конкретном регионе, так и соответствующие финансовые затраты государства на жилищные субсидии, выдаваемые на основе жилищных сертификатов. В силу этого размер жилищной субсидии может составлять в условиях рыночной экономики как полный эквивалент стоимости жилья, так и усредненную расчетную величину денежных средств, позволяющих гражданину в зависимости от особенностей избранного им места жительства приобрести жилье в собственность либо полностью за счет средств, получаемых в виде субсидии, либо с добавлением собственных (заемных) средств.

Установив, что оспариваемый (в части) нормативный правовой акт не противоречит федеральному закону или другому нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, Военная коллегия на основании ч. 1 ст. 253 ГПК РФ в удовлетворении заявления К. отказала.

Примечание: Кассационной коллегией Верховного Суда Российской Федерации данное решение оставлено без изменения, а кассационная жалоба заявителя – без удовлетворения (определение от 13 декабря 2011 г. № КАС11-711).

В соответствии с п. 8 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» правом на дополнительную жилую площадь обладают лишь имеющие ученую степень военнослужащие – научные работники, а не члены их семей

Майор медицинской службы М. обратился в суд с заявлением, в котором указал, что решением жилищной комиссии воинской части ему на состав семьи из трех человек была выделена двухкомнатная квартира в г. Воронеже общей площадью 54,5 квадратного метра, от которой он отказался, поскольку его супруга – старший преподаватель Воронежского государственного аграрного университета является кандидатом исторических наук и в соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 февраля 1930 г. «О праве пользования дополнительной жилой площадью» имеет право на дополнительную площадь в виде отдельной комнаты либо 20 квадратных метров жилой площади.

Полагая свои права нарушенными, М. просил суд признать решение жилищной комиссии воинской части незаконным и обязать жилищную комиссию пересмотреть принятое решение.

Воронежский гарнизонный военный суд в удовлетворении заявления отказал.

Оставляя без изменения решение гарнизонного военного суда, Московский окружной военный суд указал в кассационном определении следующее.

Федеральный закон «О статусе военнослужащих» определяет основы государственной политики в области правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан Российской Федерации, уволенных с военной службы, и членов их семей. Пункт 8 ст. 15 названного Закона устанавливает, в частности, категории военнослужащих, имеющих право на дополнительную общую площадь жилого помещения размером не менее 15 квадратных метров и не более 25 квадратных метров.

Право на получение дополнительной общей площади жилого помещения (либо дополнительной жилой площади) по своему характеру является льготой, предоставляемой военнослужащим с учетом их особого правового статуса, обусловленного характером военной службы, предусматривающей выполнение ими специфических задач обороны страны, сопряженных с опасностью для их жизни и здоровья, а также с иными специфическими условиями прохождения военной службы.

Учел суд также и то, что согласно ч. 3 ст. 50 ЖК РФ федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, законами субъектов Российской Федерации, устанавливающими порядок предоставления жилых помещений по договорам социального найма иным, определенным федеральным законом, указом Президента Российской Федерации или законом субъекта Российской Федерации категориям граждан, признанных по установленным этим Кодексом и (или) федеральным законом, указом Президента Российской Федерации или законом субъекта Российской Федерации основаниям нуждающимися в жилых помещениях, могут быть установлены иные нормы предоставления жилья. Однако федеральными законами от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической поли-

тике» и от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании») для научных работников какие-либо иные нормы предоставленного жилого помещения по договорам социального найма не установлены.

Примечание: при разрешении дел указанной категории следует иметь в виду позицию Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу предоставления военнослужащим дополнительной общей площади жилого помещения (либо дополнительной жилой площади), изложенную им в определении от 24 февраля 2005 г. № 50-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Восточно-Сибирского окружного военного суда о проверке конституционности пункта 8 статьи 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих”».

При предоставлении военнослужащему, реализующему в соответствии с п. 8 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» право на дополнительную общую площадь жилого помещения, размер общей площади жилого помещения на одного человека (18 квадратных метров) увеличивается в пределах от 15 до 25 квадратных метров

М., проходящему военную службу по контракту в воинском звании «подполковник юстиции» и в должности старшего помощника военного прокурора Екатеринбургского гарнизона, как нуждающемуся в жилом помещении, на состав семьи пять человек с учетом его права на дополнительную жилую площадь решением жилищной комиссии военной прокуратуры Приволжско-Уральского военного округа были распределены две квартиры общей площадью 121,5 квадратного метра. Данное решение было согласовано соответствующими должностными лицами и утверждено командующим войсками Центрального военного округа.

Не оспаривая право М. на получение жилого помещения на весь состав семьи по договору социального найма, начальник ФГУ «Центральное региональное управление жилищного обеспечения» своим решением в заключении договора на выделенные жилые помещения отказал. При этом, отказ был мотивирован только тем, что общая площадь предоставленных М. квартир превышает установленные нормы на 2,5 квадратного метра.

В заявлении М. просил суд признать незаконным решение начальника ФГУ «Центральное региональное управление жилищного обеспечения» об отказе заключить с ним договор социального найма жилых помещений.

Екатеринбургский гарнизонный военный суд решение начальника ФГУ «Центральное региональное управление жилищного обеспечения» признал незаконным и возложил на него обязанность отменить его и повторно рассмотреть вопрос о заключении с М. договора социального найма на распределенные ему жилые помещения.

При этом, суд первой инстанции учитывал, что согласно положениям ч. 4 ст. 44 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуроры, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, обеспечиваются в соответствии с нормами, установленными законодательством Российской Федерации, отдельными жилыми помещениями и имеют право на дополнительную жилую площадь.

М. состоит в должности старшего помощника военного прокурора гарнизона и, таким образом, согласно ст. 55 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» является прокурором.

В соответствии с ч. 8 ст. 48 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» офицеры органов военной прокуратуры имеют статус военнослужащих и обладают правами и социальными гарантиями, установленными Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и указанным Федеральным законом.

Вопросы, касающиеся нормы предоставления жилых помещений военнослужащим, регламентируются ст. 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих», согласно которой норма предоставления площади жилого помещения, предоставляемого в соответствии с указанным Федеральным законом по договору социального найма, составляет 18 квадратных метров общей площади жилого помещения на одного человека. При предоставлении военнослужащему, реализующему в соответствии с п. 8 ст. 15 названного Федерального закона право на дополнительную общую площадь жилого помещения, размер общей площади жилого помещения на одного человека (18 квадратных метров) увеличивается в пределах от 15 до 25 квадратных метров.

С учетом конструктивных и технических параметров многоквартирного дома или жилого дома жилое помещение, предоставляемое по договору социального найма,

может быть предоставлено общей площадью, превышающей размер общей площади жилого помещения, определенный исходя из нормы предоставления площади жилого помещения. Такое превышение может составлять не более девяти квадратных метров общей площади жилого помещения в общей сложности, а для одиноко проживающего военнослужащего – не более 18 квадратных метров общей площади жилого помещения.

Хотя должности военных прокуроров и не указаны в п. 8 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», следует прийти к выводу, что исходя из системного толкования ч. 1 ст. 7 ЖК РФ, ч. 4 ст. 44 и ч. 1 ст. 49 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», определенные в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» размеры дополнительно предоставляемой отдельным категориям военнослужащих общей площади жилого помещения применимы и в отношении их.

Таким образом, М. с составом семьи пять человек, наличием льготы на дополнительную жилую площадь и конструктивных особенностей дома имеет право на получение жилого помещения в размере до 124 квадратных метров (18 x 5 + 25 + 9), и, следовательно, предоставление истцу квартир общей площадью 121,5 квадратного метра не противоречит требованиям законодательства.

При таких обстоятельствах Уральский окружной военный суд признал решение суда первой инстанции о незаконности решения начальника ФГУ «Центральное региональное управление жилищного обеспечения» об отказе заключить с М. договор социального найма жилых помещений правильным.

При определении права военнослужащего на дополнительную общую площадь жилого помещения необходимо различать понятия воинской части и организации Вооруженных Сил Российской Федерации

Начальник КЭЧ района К. накануне увольнения с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями жилищной комиссией признан нуждающимся в жилом помещении по избранному постоянному месту жительства в г. Волгограде, с учетом права на дополнительную общую площадь жилого помещения, как командир воинской части.

Решением указанной жилищной комиссии от 24 февраля 2010 г. К. на состав семьи из двух человек распределена двухкомнатная квартира в г. Волгограде общей площадью 51 квадратный метр.

К. отказано в согласовании списка распределения данной квартиры ввиду превышения нормы предоставления площади жилого помещения и отсутствия у него права на дополнительную жилую площадь жилого помещения как командира воинской части.

Полагая, что этим нарушены его права, К. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать указанные действия незаконными.

Решением Улан-Удэнского гарнизонного военного суда заявление удовлетворено. Принимая решение об удовлетворении заявления, суд первой инстанции сослался на ст. 2 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», согласно которой под воинской частью понимаются органы военного управления, объединения, соединения, воинские части, корабли, организации, военные образовательные учреждения профессионального образования, в которых в соответствии с законодательством Российской Федерации военнослужащие проходят военную службу.

Восточно-Сибирский окружной военный суд отменил решение суда первой инстанции и принял по делу новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

Статья 2 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» определяет основные понятия, применяемые для целей указанного Закона, в числе которых раскрыто понятие и воинской части. Однако указанный Закон регулирует отношения, связанные с привлечением военнослужащих к материальной ответственности, и не затрагивает вопросы обеспечения их жильем, в связи с чем применению не подлежал.

Право военнослужащих на жилище закреплено в ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Согласно п. 8 ст. 15 указанного Закона офицеры в воинских званиях «полковник», ему равно и выше, проходящие военную службу либо уволенные с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе,

состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, а также командиры воинских частей, военнослужащие, имеющие почетные звания Российской Федерации, военнослужащие – преподаватели военных образовательных учреждений профессионального образования, военных кафедр при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, военнослужащие – научные работники, имеющие ученые степени и (или) ученые звания, имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения размером не менее 15 и не более 25 квадратных метров.

По смыслу ст. 11 Федерального закона «Об обороне», в которой определен общий состав Вооруженных Сил Российской Федерации, воинские части и организации являются отдельными составными частями.

В п. 1 Инструкции о порядке определения, организации и ведения учета действительных и условных наименований органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденной приказом министра обороны Российской Федерации от 12 апреля 2001 г., отдельно раскрыты понятия воинской части и организации Вооруженных Сил Российской Федерации, которые тождественными не являются.

При этом, в примечании к данному пункту указано, что к воинским частям относятся: все полки, независимо от их подчиненности (им равные и выше); корабли 1, 2 и 3 ранга; отдельные батальоны (дивизионы, эскадрильи и им равные), не входящие в состав полков (им равных и выше); отдельные роты, не входящие в состав батальонов (дивизионов, эскадрилий и им равных) и полков (им равных и выше).

Как следует из Положения о 235-й КЭЧ района, последняя является некоммерческой организацией, созданной собственником для достижения целей и задач, связанных с обеспечением всеми видами квартирного довольствия приписанных к ней воинских частей.

Анализ вышеприведенных правовых норм позволяет прийти к выводу о том, что начальник КЭЧ района не относится к категории лиц, указанных в п. 8 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», имеющих право на получение жилого помещения с учетом дополнительной общей площади размером не менее 15 и не более 25 квадратных метров, в связи с чем действия должностного лица, отказавшего заявителю в согласовании списка распределения квартиры ввиду превышения нормы предоставления площади жилого помещения и отсутствия у него права на дополнительную жилую площадь жилого помещения, являются законными и прав заявителя не нарушают.

Требования п. 8 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» о праве на дополнительную площадь жилого помещения на заявителя не распространяются, поскольку он занимается преподавательской деятельностью на основании трудового договора

Начальник службы безопасности полетов – летчик З., достигший 8 июня 2008 г. предельного возраста пребывания на военной службе и имеющий общую продолжительность военной службы в календарном исчислении более 28 лет, с составом семьи три человека с 2003 г. признан нуждающимся в жилом помещении и внесен в соответствующую автоматизированную систему учета квартирных органов Министерства обороны Российской Федерации.

Занимаемая заявителем воинская должность была сокращена с 1 декабря 2009 г., в связи с чем З. был зачислен в распоряжение командира воинской части до обеспечения жильем помещением.

8 апреля 2010 г. З. заключил с Краснодарским высшим военным училищем летчиков трудовой договор на ведение преподавательской деятельности в качестве преподавателя кафедры.

11 октября 2010 г. заявитель обратился по команде за выдачей справки о праве в соответствии с п. 8 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» на дополнительную общую площадь жилого помещения, в чем ему командиром воинской части было отказано.

Полагая свои права нарушенными, З. просил суд признать за ним право на дополнительную общую площадь жилого помещения как военнослужащего – гражданина, преподавателя военного образовательного учреждения профессионального образования и обязать командира воинской части повторно рассмотреть вопрос о выдаче ему справки о льготах с учетом этого права.

Гарнизонный военный суд в удовлетворении заявления З. отказал.

В соответствии со ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» право на труд реализуется таковыми посредством прохождения ими военной службы. Военнослужащие не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, если она не препятствует исполнению обязанностей военной службы.

Пунктом 8 ст. 15 указанного Закона предусмотрено, что военнослужащие – преподаватели военных образовательных учреждений профессионального образования, военных кафедр при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, военнослужащие – научные работники, имеющие ученые степени и (или) ученые звания, имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения размером не менее 15 квадратных метров и не более 25 квадратных метров.

По смыслу данной нормы Закона право на дополнительную жилую площадь имеют военнослужащие, назначенные в установленном порядке на должности преподавателей.

З. на воинскую должность преподавателя военного образовательного учреждения профессионального образования в установленном порядке не назначался, состоит в распоряжении командира воинской части, занимается преподавательской деятельностью на основании трудового договора, поэтому гарнизонный военный суд пришел к правильному выводу о том, что требования п. 8 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» о праве на дополнительную площадь жилого помещения на заявителя не распространяются, и обоснованно отказал в удовлетворении заявления.

Превышение нормы предоставления жилого помещения с учетом конструктивных и технических параметров многоквартирного дома допускается лишь в случае отсутствия возможности распределения военнослужащему жилого помещения исходя из установленных норм

Центральной жилищной комиссией Северо-Кавказского регионального командования внутренних войск МВД России полковнику В. на состав семьи из одного человека распределена однокомнатная квартира общей площадью 35,91 квадратного метра в г. Ростове-на-Дону.

В. обратился в Ростовский-на-Дону гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать указанное решение жилищной комиссии незаконным и обязать ее распределить ему жилое помещение с учетом права на дополнительную жилую площадь.

Гарнизонный военный суд заявление В. удовлетворил.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, Северо-Кавказский окружной военный суд признал, что судом первой инстанции допущено неправильное толкование норм материального права.

Согласно п. 8 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» офицеры в воинских званиях полковника, ему равно и выше, проходящие военную службу, имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения размером не менее 15 и не более 25 квадратных метров.

В пп. 1 и 3 ст. 15.1 того же Федерального закона установлено, что норма предоставления площади жилого помещения, предоставляемого в соответствии с этим Федеральным законом в собственность бесплатно или по договору социального найма, составляет 18 квадратных метров общей площади жилого помещения на одного человека. При этом, с учетом конструктивных и технических параметров многоквартирных домов размер общей площади жилых помещений может превышать размер общей площади жилых помещений, определенный исходя из данной нормы предоставления площади жилого помещения, но не более чем на 9 квадратных метров в общей сложности, а для одиноко проживающего военнослужащего – не более 18 квадратных метров общей площади жилого помещения.

С учетом изложенного В. имеет право на получение жилого помещения общей площадью не менее 33 квадратных метров (18 квадратных метров + 15 квадратных метров) и не более 43 квадратных метров (18 квадратных метров + 25 квадратных метров).

Превышение нормы предоставления жилого помещения с учетом конструктивных и технических параметров многоквартирного дома допускается лишь в случае отсутствия возможности распределения военнослужащему жилого помещения исходя из установленных норм.

Поэтому решение жилищной комиссии о распределении заявителю жилого помещения, с учетом его права на дополнительную жилую площадь, общей площадью 35,91 квадратного метра (18 квадратных метров + 17,91 квадратного метра) является правомерным.

Право на дополнительную жилую площадь, предусмотренное п. 8 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», сохраняется лишь за уволенными с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями военнослужащими в воинском звании полковника, ему равном и выше. Иные категории военнослужащих, перечисленные в этом пункте, право на дополнительную жилую площадь имеют только в период прохождения военной службы

П., имея ученую степень «кандидат военных наук», проходил военную службу в должности преподавателя кафедры тактики, оперативного использования и инженерно-технического обеспечения внутренних войск Военно-инженерного университета. С составом семьи из четырех человека он проживал в двухкомнатной квартире общей площадью 43 квадратных метра, полученной им от военного ведомства в 1996 г. Решением жилищной комиссии от 29 мая 1997 г. он был включен в список военнослужащих, нуждающихся в улучшении жилищных условий. Приказом главнокомандующего внутренними войсками МВД России от 11 марта 2000 г. П. был уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями с оставлением в списках очередников, нуждающихся в улучшении жилищных условий. На его обращение к главнокомандующему внутренними войсками МВД России с просьбой разъяснить, имеет ли он право на дополнительную жилую площадь, был дан ответ, в котором указано, что П. состоит в списках для улучшения жилищных условий, а права на дополнительную жилую площадь не имеет, так как в связи с увольнением с военной службы он соответствующей должности преподавателя не занимает.

Полагая свои права нарушенными, заявитель обратился в Московский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконными действия главнокомандующего внутренними войсками МВД России, связанные с отказом в признании за ним права на дополнительную жилую площадь.

Гарнизонный военный суд заявление П. удовлетворил.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, Московский окружной военный суд решение гарнизонного военного суда отменил и в удовлетворении заявления П. отказал по следующим основаниям.

Согласно п. 8 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» офицеры в воинских званиях полковника, ему равном и выше, проходящие военную службу либо уволенные с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, а также командиры воинских частей, военнослужащие, имеющие почетные звания Российской Федерации, военнослужащие – преподаватели военных образовательных учреждений профессионального образования, военных кафедр при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, военнослужащие – научные работники, имеющие ученые степени и (или) ученые звания, имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения размером не менее 15 и не более 25 квадратных метров.

Таким образом, из указанной категории военнослужащих право на дополнительную жилую площадь сохраняется лишь за уволенными с военной службы военнослужащими в воинском звании полковника, ему равном и выше. Иные категории военнослужащих, перечисленные в п. 8 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», могут реализовать право на дополнительную жилую площадь только в период прохождения ими военной службы на соответствующих должностях.

Поскольку после увольнения с военной службы П. военнослужащим – преподавателем либо научным работником быть перестал, а право на дополнительную жилую площадь реализуется при предоставлении жилого помещения, вывод суда первой инстанции о неправомерности действий главнокомандующего внутренними войсками МВД России, связанных с указанием в ответе заявителю об отсутствии у него права на дополнительную жилую площадь, является неправильным.

Наличие у военнослужащих в собственности индивидуального жилого дома (квартиры) является препятствием для признания их нуждающимися в жилых помещениях по избранному месту жительства после увольнения с военной службы

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2011 г. № 212-В11-8 по заявлению С. (извлечение)

Решением Калининградского гарнизонного военного суда от 25 августа 2010 г., оставленным без изменения кассационным определением Балтийского флотского военного суда от 28 сентября 2010 г., удовлетворено заявление С., в котором он просил признать незаконным утвержденное начальником Пограничного управления ФСБ России по Калининградской области решение жилищной комиссии управления от 6 июля 2010 г. об отказе в признании заявителя и членов его семьи нуждающимися в жилом помещении по избранному месту жительства после увольнения с военной службы в г. Калининграде.

Суд признал незаконными действия начальника Пограничного управления, связанные с утверждением протокола заседания жилищной комиссии управления от 6 июля 2010 г., обязал его отменить в указанной части протокол заседания жилищной комиссии и включить С. с членами семьи в список нуждающихся в жилом помещении в г. Калининграде с даты подачи им соответствующего рапорта.

В надзорной жалобе представитель воинского должностного лица, утверждая, что наличие у С. по месту прохождения военной службы в собственности жилья является препятствием для признания его нуждающимся в жилом помещении в другом населенном пункте, просил судебные постановления отменить.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы, содержащиеся в надзорной жалобе, Военная коллегия пришла к следующим выводам.

Из материалов дела следует, что постановлением Администрации г. Советска Калининградской области от 8 мая 1996 г. С. был обеспечен по месту военной службы по установленным нормам двухкомнатной квартирой, которую в августе 2000 г. приватизировал в равных долях с супругой и дочерью, а в мае 2010 г. ввиду предстоящего увольнения в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями обратился к начальнику Пограничного управления с рапортом, в котором просил признать его нуждающимся в жилом помещении по избранному месту жительства в г. Калининграде. В рапорте С. также указал, что при обеспечении его жильем он и члены семьи обязуются освободить и сдать в установленном законом порядке занимаемую квартиру.

Следовательно, на момент обращения к начальнику Пограничного управления с рапортом о признании нуждающимся в жилом помещении в г. Калининграде С. имел в собственности жилое помещение по установленным нормам.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, отвечающие ряду требований, обеспечиваются жилыми помещениями при увольнении с военной службы и при перемене места жительства, при этом документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства представляются указанными гражданами и совместно проживающими с ними членами их семей при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

Из приведенных нормативных положений следует, что военнослужащие, не обеспеченные при увольнении с военной службы жилыми помещениями, при перемене места жительства не утрачивают право на обеспечение жильем. Такая же правовая позиция сформулирована в определениях Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2011 г. № 403-О-О и 17 декабря 2009 г. № 1619-О-О.

Порядок и условия предоставления жилых помещений или выделения денежных средств на их приобретение, в соответствии с п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В настоящее время в Российской Федерации действуют Правила учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуж-

дающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. № 1054.

В указанных Правилах учета урегулирован порядок учета соответствующих категорий граждан, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, то есть тех лиц, которым законодательством Российской Федерации уже предоставлено право на получение жилья.

Согласно подп. «и» п. 7 Правил учета избрание постоянного места жительства после увольнения с военной службы является самостоятельным основанием признания граждан нуждающимися в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий.

Вместе с тем, наличие у таких граждан в собственности индивидуального жилого дома (квартиры), в соответствии с подп. «а» п. 10 Правил учета, является препятствием для признания их нуждающимися в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий.

В системном толковании с действующими нормами жилищного законодательства подп. «а» п. 10 Правил учета допускает возможность улучшения гражданами жилищных условий, независимо от наличия у них в собственности жилых помещений, но с учетом общих требований – предоставления жилой площади в пределах социальной нормы общей площади жилого помещения, установленной субъектами Российской Федерации. Такое понимание этой правовой нормы вытекает из решения Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2001 г. № ВКПИ01-01, вынесенного в порядке гл. 24 ГПК РФ.

Кроме того, в соответствии с подп. «в» п. 16.1 Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011 – 2015 гг., утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 марта 2006 г. № 153, участником подпрограммы может быть гражданин, проживающий в жилом помещении, принадлежащем ему и (или) членам его семьи на праве собственности. Для получения сертификата такой гражданин в соответствии с подп. «ж» п. 44 Правил обязан представить обязательство о сдаче или о безвозмездном отчуждении жилого помещения в государственную или муниципальную собственность.

Таким образом, действующее законодательство не предусматривает права на получение жилья военнослужащими в избранном месте постоянного жительства после увольнения с военной службы, имеющими в собственности жилые помещения по установленным нормам, за исключением реализации ими права на жилище путем выдачи государственных жилищных сертификатов.

Поскольку С. имеет в собственности жилье по установленным нормам, он может быть признан нуждающимся в жилом помещении по избранному месту жительства только после передачи его в государственную или муниципальную собственность в порядке, установленном ст. 9.1 Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», либо в случае приобретения жилья по избранному им месту жительства посредством использования средств социальной выплаты, удостоверяемой государственным жилищным сертификатом, с последующим безвозмездным отчуждением имеющегося у него по месту военной службы жилого помещения.

При таких данных суду следовало выяснить, какой способ обеспечения жильем в г. Калининграде (за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения или путем получения государственного жилищного сертификата) избрал С. и передал ли имеющуюся у него в собственности квартиру в государственную или муниципальную собственность в случае принятия им решения об обеспечении его жилым помещением.

Однако указанные выше юридически значимые обстоятельства судом выяснены не были.

Военная коллегия нашла, что допущенные нарушения, с учетом установленных судом обстоятельств дела, являются существенными, в связи с чем обжалуемые судебные постановления отменила, а дело направила на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Кроме того, Военная коллегия указала, что, обязав начальника Пограничного управления отменить оспариваемое решение жилищной комиссии от 6 июля 2010 г. и вынести новое решение – о признании С. нуждающимся в жилом помещении, суд необоснованно возложил на воинское должностное лицо обязанность, которая относится к компетенции жилищной комиссии, не привлеченной к участию в деле. Поэтому при новом рассмотрении дела суду необходимо разрешить вопрос о привлечении к участию в деле жилищной комиссии Пограничного управления.

Прекращение права пользования жилым помещением в связи с выездом к месту проживания мужем (женой) военной службы при вступлении в брак не является намеренным ухудшением своих жилищных условий

Г. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать незаконными действия жилищной комиссии и командира воинской части, связанные с отказом включить его жену Г-ву в список нуждающихся в получении жилого помещения.

Отказывая в удовлетворении требования заявителя, Северодвинский гарнизонный военный суд указал, что по состоянию на 4 апреля 2008 г. жена заявителя была обеспечена жильем по установленным нормам в г. Северодвинске, выписавшись из которого намеренно ухудшила свои жилищные условия.

Северный флотский военный суд признал, что такой вывод суда не основан на исследованных в суде материалах дела.

Как установлено в ходе судебного разбирательства, жена заявителя с 1984 г. проживала в г. Северодвинске в квартире общей площадью 41,6 квадратного метра вместе с родителями и братом.

4 апреля 2008 г. жена заявителя съехала с регистрационного учета по вышеуказанному адресу, выехала из квартиры и стала проживать совместно с мужем и ребенком в общежитии в том же городе, где и была зарегистрирована. В феврале 2009 г. брат Г-вой переоформил договор социального найма указанной выше квартиры на свое имя.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 69 ЖК РФ право пользования жилым помещением по договору социального найма наравне с его нанимателем имеют члены его семьи, к которым относятся проживающие совместно с ним его супруг, а также дети и родители данного нанимателя. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы признаются членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, если они вселены нанимателем в качестве членов его семьи и ведут с ним общее хозяйство либо признаны членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма в судебном порядке.

Таким образом, по смыслу разъяснений, содержащихся в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», сестра нанимателя жилого помещения по договору социального найма могла быть признана членом его семьи, обладающим такими же правами, какие имеет наниматель, лишь при условии совместного проживания и ведения общего хозяйства.

Однако Г-ва после заключения брака выехала из указанной выше квартиры для проживания с мужем и ребенком, то есть совместно со своим братом не проживала. Это обстоятельство подтверждалось представленными Г. в суд копиями справки из жилищно-эксплуатационной конторы и договора социального найма жилого помещения.

Поэтому Г-ва, перестав проживать в квартире брата и быть членом семьи нанимателя этого жилого помещения, утратила право пользования данным жилым помещением.

Принимая решение по делу, флотский военный суд учел также положения п. 4 Инструкции о предоставлении военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, жилых помещений по договору социального найма, утвержденной приказом министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2010 г. № 1280, согласно которой не являются действиями по намеренному ухудшению жилищных условий вселение военнослужащими в жилые помещения супругов, а также их регистрация по адресу воинской части, в которой военнослужащие проходят военную службу, если до вселения или регистрации по адресу воинской части указанные лица про-

извели действия по прекращению права пользования жилыми помещениями в связи с выездом к месту прохождения военнослужащими военной службы при вступлении с ними в брак.

С учетом изложенного суд кассационной инстанции признал утверждение суда о намеренном ухудшении Г-вой своих жилищных условий несостоятельным.

Отказ военнослужащего от предложенного жилого помещения по установленным нормам в связи с нахождением жилья в экологически неблагоприятном, по его мнению, районе города не является препятствием для увольнения с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями

Приказом командира воинской части Д. был уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Полагая, что увольнение с военной службы в нарушение требований действующего законодательства было произведено без обеспечения его жилым помещением, Д. обратился в суд с заявлением, в котором просил обязать командира части отменить приказ в отношении его и принять меры по восстановлению его на военной службе до реализации им права на получение жилья по установленным нормам.

Воронежский гарнизонный военный суд в удовлетворении заявления Д. отказал по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» государство гарантирует военнослужащим предоставление жилых помещений в порядке и на условиях, которые устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии с требованиями абз. 2 п. 1 ст. 23 названного Федерального закона военнослужащие-граждане, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений.

Из изложенного следует, что на должностных лиц возлагается обязанность по обеспечению данной категории военнослужащих жилыми помещениями до их увольнения с военной службы.

Д. перед увольнением с военной службы предлагалось жилое помещение для постоянного проживания по установленным нормам в г. Воронеже. Однако от получения предоставляемого жилого помещения заявитель отказался, мотивируя данный отказ нахождением жилого помещения, по его мнению, в экологически неблагоприятном районе города. При этом, каких-либо доказательств о непригодности для проживания предложенного жилого помещения в материалах дела не имеется.

Названные обстоятельства свидетельствуют о том, что после необоснованного отказа заявителя от предложенного ему жилого помещения для постоянного проживания у командования воинской части не имелось препятствий для его увольнения с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями с оставлением его в списках военнослужащих воинской части, нуждающихся в жилых помещениях.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского окружного военного суда решение Воронежского гарнизонного военного суда оставила без изменения.

Законодательство Российской Федерации не содержит каких-либо условий, позволяющих военнослужащему выдвигать дополнительные требования к предоставляемому ему социальному жилью, а отказ от его заселения по мотивам отсутствия права выбора жилого помещения необоснован

Приказом командующего армией от 26 октября 2007 г. майор Б., достигший предельного возраста пребывания на военной службе, обеспеченный служебным жилым помещением по месту прохождения военной службы, зачислен в распоряжение командира воинской части до обеспечения жилым помещением в соответствии с нормами, установленными действующим законодательством.

Приказом от 19 марта 2010 г. командир воинской части исключил Б. без его на то согласия из списков личного состава, с оставлением на жилищном учете.

Полагая нарушенными свои жилищные права, Б. оспорил приказ о своем исключении из списков воинской части.

Омский гарнизонный военный суд своим решением от 1 июля 2010 г. оставил заявление Б. без удовлетворения. По мнению Б., поскольку он подпадает под условия, установленные п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», то имеет право выбора конкретного жилого помещения, в том числе и места его нахождения.

Окружной военный суд, рассматривая кассационную жалобу, указал следующее.

Согласно п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений. При желании указанных военнослужащих получить жилые помещения не по месту увольнения с военной службы они обеспечиваются жилыми помещениями по избранному месту постоянного жительства в порядке, предусмотренном п. 14 ст. 15 названного Федерального закона.

Как видно из материалов дела и не оспаривалось сторонами, Б. отвечал всем условиям, изложенным в данной норме Закона, и настаивал на обеспечении его жильем до прекращения с ним военно-служебных отношений именно по месту военной службы в г. Омске. При этом, соблюдение своих жилищных прав Б. связывал с предоставлением ему готового жилого помещения в названном населенном пункте по установленным нормам, но только отвечающего его выбору, а не выбору командования.

Решением жилищной комиссии Б. выделена на состав семьи из четырех человек отдельная благоустроенная четырехкомнатная квартира в г. Омске общей площадью 81,1 квадратного метра, то есть по установленным нормам.

Зная о принятом решении, Б. засвидетельствовал свой отказ от получения данного жилого помещения.

Такой отказ суд кассационной инстанции обоснованно расценил как одну из форм злоупотребления заявителем своим жилищным правом, в силу чего, на основании положений ст. 10 ГК РФ, данное право судебной защите не подлежит исходя из следующего.

Согласно п. 1 ст. 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» норма предоставления площади жилого помещения при предоставлении по договору социального найма жилых помещений, находящихся в федеральной собственности или переданных из федеральной собственности в муниципальную собственность, либо при предоставлении жилых помещений, находящихся в федеральной собственности, в собственность бесплатно на основании решения федерального органа исполнительной власти составляет 18 квадратных метров общей площади жилого помещения на одного человека.

Данное положение Закона, как и упомянутые выше положения ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» при выделении Б. жилого помещения по месту прохождения военной службы в г. Омске, исходя из состава его семьи четыре человека, командованием были соблюдены.

Жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства).

Оснований полагать, что распределенное Б. жилое помещение не соответствует указанным условиям, из материалов дела не усматривается.

Как жилищное, так и военно-административное законодательство не содержат каких-либо иных условий, позволяющих военнослужащему выдвигать дополнительные требования к предоставляемому ему социальному жилью и соответственно по этим мотивам заявлять свой отказ от его заселения.

Таким образом, Б., как отвечающему указанным выше требованиям, изложенным в абз. 2 п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», на законных основаниях и в пределах срока его военной службы командованием было рас-

предельно отвечающее требованиям жилищного законодательства жилое помещение по установленным нормам в административных границах г. Омска, то есть по месту прохождения военной службы.

В связи с изложенным должностное лицо обеспечило соблюдение жилищных прав заявителя до прекращения с ним военно-служебных отношений и имело право исключить Б. из списков личного состава воинской части, поскольку несогласие заявителя с заселением в предоставленное ему жилое помещение обуславливалось исключительно его волеизъявлением и не было основано на положениях действующего законодательства.

В силу изложенного вывод суда первой инстанции о том, что оспариваемые действия должностного лица не нарушили жилищных прав заявителя, является правильным.

Кроме того, суд кассационной инстанции констатировал, что решение жилищной проблемы заявителя путем предоставления ему социального жилья от Министерства обороны Российской Федерации возможно и после его исключения из списков личного состава воинской части, поскольку после такого исключения он оставлен на жилищном учете нуждающихся в получении жилого помещения.

Если военнослужащий распорядился полученным ранее от Министерства обороны Российской Федерации по установленным нормам жильем помещением и не может его сдать в установленном порядке, то он не имеет права требовать повторного предоставления жилого помещения по договору социального найма в порядке, определенном ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», даже по истечении срока, предусмотренного ст. 53 ЖК РФ

Решением Рязанского гарнизонного военного суда от 2 февраля 2010 г., оставленным без изменения кассационным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского окружного военного суда от 15 апреля 2009 г., частично удовлетворено заявление П. об оспаривании действий начальника и жилищной комиссии Рязанского высшего военного командного училища связи, связанных с отказом заявителю в признании нуждающимся в жилом помещении.

Согласно материалам дела решением жилищной комиссии П. отказано в признании нуждающимся в жилом помещении, поскольку им не представлена справка о сдаче квартирно-эксплуатационным органам Министерства обороны Российской Федерации ранее предоставленного ему жилого помещения.

Заявитель был обеспечен по норме по прежнему месту военной службы двухкомнатной квартирой, расположенной в г. Краснодаре, общей площадью 48,6 квадратного метра. Названное жилое помещение им было приватизировано, а затем в 2002 г. продано.

В соответствии с положениями ст. 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище. Обязывая органы государственной власти создавать для этого условия, Конституция Российской Федерации, вместе с тем, закрепляет, что малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами, предписывая тем самым законодателю определять категории граждан, нуждающихся в жилище, а также конкретные формы, источники и порядок обеспечения их жильем с учетом реальных финансово-экономических и иных возможностей, имеющихся у государства.

По смыслу ст. 59 и п. «г» ст. 71 Конституции Российской Федерации военная служба представляет собой особый вид федеральной государственной службы, что обуславливает и правовой статус военнослужащих, выражающийся в частности, в особом порядке реализации их конституционного права на жилище, которое осуществляется на основе как общего, так и специального законодательства и по специальным правилам.

Реализуя вышеуказанные правомочия в рамках специального правового регулирования, законодатель в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» установил основы государственной политики в области правовой и социальной защиты военнослужащих и членов их семей, предусмотрев механизм реализации ими права на жилище и определив источники и формы обеспечения их жильем, в том числе при обеспечении жилой площадью в домах государственного и муниципального жилищного фонда на условиях договора социального найма.

О специальном характере положений Федерального закона «О статусе военнослужащих», регламентирующих жилищные права военнослужащих, говорится и в ст. 49 ЖК РФ, согласно которой жилые помещения по договорам социального найма предоставляются иным определенным федеральным законом категориям граждан, признанных по установленным ЖК РФ и (или) федеральным законом основаниям нуждающимися в жилых помещениях. Данные помещения предоставляются в установленном ЖК РФ порядке только в том случае, если иной порядок не предусмотрен федеральным законом.

Пунктом 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» определено, что государство гарантирует военнослужащим предоставление жилых помещений или выделение денежных средств на их приобретение в порядке и на условиях, которые устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Порядок реализации права на жилище определен в ст.ст. 15 и 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Указанные нормативные акты подлежали применению в системном единстве и предусматривают при предоставлении военнослужащим жилых помещений как дополнительные права (например, право на дополнительную площадь), так и дополнительные обязанности (например, обязанность по сдаче ранее полученного жилья).

В соответствии с требованиями ч. 4 ст. 52 ЖК РФ при принятии граждан на учет в качестве нуждающихся в жилье должны быть представлены документы, предоставляющие право состоять на учете. Для военнослужащих при постановке на учет необходимо было подать рапорт с приложением к нему копии справки о сдаче жилого помещения в КЭЧ района, а при получении жилого помещения – представить подлинную справку о действительной сдаче в КЭЧ района жилья, полученного от Министерства обороны Российской Федерации.

Из анализа положений ст.ст. 15 и 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» следует, что реализация права на жилье военнослужащих, заключивших контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., осуществляется путем предоставления за счет Министерства обороны Российской Федерации жилья для постоянного проживания в период военной службы (после первых пяти лет военной службы) с передачей этого жилья при увольнении в запас им в собственность или с условием его сдачи для последующего обеспечения жильем по избранному месту жительства.

Предоставляя определенной в указанных нормах Закона категории военнослужащих гарантии обеспечения жильем для постоянного проживания (в собственность бесплатно или по договору социального найма), названный Закон возлагает на Министерство обороны Российской Федерации обязанность по предоставлению им такого жилья только один раз за все время военной службы, что, в свою очередь, предполагает обязанность военнослужащего сдать выделенное ему по месту прохождения военной службы жилое помещение. Исключений из этого правила для военнослужащих, обеспеченных жильем для постоянного проживания в период прохождения военной службы, Законом не предусмотрено.

Из анализа вышеприведенных правовых норм следует, что если военнослужащий распорядился полученным ранее от Министерства обороны Российской Федерации по установленным нормам жильем помещением и не может его сдать в установленном порядке, то он не имеет права требовать повторного предоставления жилого помещения по договору социального найма в порядке, определенном ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», даже по истечении срока, предусмотренного ст. 53 ЖК РФ.

Последующее обеспечение таких военнослужащих жильем возможно на общих основаниях в порядке, предусмотренном гл. 7 ЖК РФ, то есть по решению органа местного самоуправления по месту жительства (избранного места жительства после увольнения в запас) военнослужащего, а не Министерством обороны Российской Федерации.

После предоставления служебного жилья военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в закрытых военных городках, они считаются обеспеченными жильем помещениями на весь срок военной службы в закрытых военных городках. Граждане принимаются на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях органом, осуществляющим принятие на учет, на основании поданных ими заявлений

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 2 декабря 2010 г. № 208-В10-10 по жалобе Л. (извлечение)

Решением Хабаровского гарнизонного военного суда от 18 сентября 2009 г. заявление Л. удовлетворено частично.

Суд признал незаконным решение жилищной комиссии отдела военного образования Дальневосточного военного округа от 17 апреля 2009 г. в части исключения супруга Л. – Лун. с членами семьи из списка лиц, нуждающихся в получении жилого помещения, и распределения квартиры 118 в доме П-35/07 Т. На жилищную комиссию была возложена обязанность рассмотреть вопрос о распределении указанной квартиры с участием Лун. и членов его семьи.

Кроме того, судом признаны неправомерными действия начальника Хабаровской КЭЧ, связанные с исключением Лун. и членов его семьи из списков автоматизированной системы учета военнослужащих, нуждающихся в получении жилого помещения, и на данное должностное лицо возложена обязанность по восстановлению Лун. и членов его семьи в указанных списках с 24 сентября 2001 г., а с отдела военного образования Дальневосточного военного округа в пользу Л. взыскано 1 000 руб. в качестве компенсации морального вреда и 200 руб. в качестве расходов по уплате государственной пошлины.

В удовлетворении требований Л. о признании незаконными действий начальника военного госпиталя, связанных с исключением ее из списков личного состава военного госпиталя без обеспечения жильем помещением, отказано.

Кассационным определением судебной коллегии по гражданским делам Дальневосточного окружного военного суда от 22 декабря 2009 г. решение суда в части удовлетворенных требований отменено и принято новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

В надзорных жалобах Л. и ее супруг просили кассационное определение отменить, оставив в силе решение гарнизонного военного суда. В обоснование жалоб они утверждали о незаконности решения жилищной комиссии отдела военного образования округа от 17 апреля 2009 г. об исключении Лун. из списков лиц, нуждающихся в получении жилья, поскольку заявитель с 24 сентября 2001 г. состояла в списках очередников в качестве члена семьи Лун., до ноября 2008 г. ей отказывали в постановке на учет как военнослужащей, а на момент принятия жилищной комиссией оспариваемого решения она обладала статусом гражданина, имеющего общую продолжительность военной службы более 10 лет и уволенного в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия пришла к следующим выводам.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом кассационной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела усматривается, что Л. и ее супруг после окончания в 1994 г. учебного заведения прибыли для дальнейшего прохождения военной службы в воинские части, дислоцированные в закрытом военном городке г. Хабаровска. В феврале 2001 г., в период прохождения военной службы в закрытом военном городке, Лун. и его семье по установленным нормам было предоставлено служебное жилое помещение.

Данное обстоятельство является юридически значимым.

Согласно абз. 8 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» служебные жилые помещения предоставляются на весь срок военной службы в закрытых военных городках военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и совместно проживающим с ними членам их семей.

Следовательно, после предоставления служебного жилого помещения военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в закрытых военных городках, они считаются обеспеченными жильем помещениями на весь срок военной службы в закрытых военных городках и оснований для оставления их в списках нуждающихся в улучшении жилищных условий не имеется.

Данный вывод не противоречит положениям абз. 2 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» о предоставлении военнослужащим, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., к которым относятся

супруги Л. и Лун., жилых помещений на общих основаниях после пяти лет прохождения военной службы, поскольку положения, содержащиеся в абз. 8 п. 1 ст. 15 названного Закона, являются специальной нормой и подлежат применению в отношении военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на весь срок их военной службы в закрытых военных городках.

В суде также установлено, что после перевода Лун. к новому месту военной службы на кафедру военной и экстремальной медицины Дальневосточного государственного медицинского университета он и члены его семьи решением жилищной комиссии отдела военного образования Дальневосточного военного округа в сентябре 2001 г. были признаны нуждающимися в получении жилья для постоянного проживания и Лун. оставался в списках нуждающихся вплоть до его увольнения в 2007 г. по истечении срока контракта при общей продолжительности военной службы менее 20 лет, а его супруга продолжала проходить военную службу в закрытом военном городке.

Из изложенного следует, что после перевода Лун. к новому месту военной службы, дислоцированному вне закрытого военного городка, он и Л. в качестве члена семьи приобрели право на признание их нуждающимися в жилом помещении. Вместе с тем, самостоятельного права на признание нуждающейся в жилом помещении заявитель не приобрела вплоть до окончания военной службы в закрытом военном городке.

При таких данных существенное значение для дела имеет установление даты перевода Л. к новому месту военной службы на кафедру военной и экстремальной медицины Дальневосточного государственного медицинского университета. Однако в материалах дела эти сведения отсутствуют.

В судебном заседании Л. утверждала, и с этим согласился суд первой инстанции, что сразу после перевода к новому месту военной службы из закрытого военного городка жилищной комиссией отдела военного образования ей было отказано в признании нуждающейся в получении жилого помещения.

Однако в материалах дела имеется только один рапорт Л. о включении ее вместе с членами семьи в очередь на получение жилья для постоянного проживания, датированный 12 сентября 2008 г., по результатам рассмотрения которого жилищная комиссия отдела военного образования округа решением от 5 ноября 2008 г. зачислила заявителя в очередь, после чего сведения о ней были внесены начальником Хабаровской КЭЧ в автоматизированную систему учета военнослужащих.

В соответствии с ч. 3 ст. 52 ЖК РФ граждане принимаются на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях органом, осуществляющим принятие на учет, на основании поданных ими заявлений.

Такой же порядок принятия на учет нуждающихся в получении жилых помещений военнослужащих был установлен в Инструкции о порядке обеспечения жилыми помещениями в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденной приказом министра обороны Российской Федерации от 15 февраля 2000 г. № 80, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений. Согласно п. 27 Инструкции для принятия на учет нуждающихся в получении жилых помещений военнослужащими подается в порядке подчиненности рапорт.

При указанных обстоятельствах Л. могла быть поставлена на самостоятельный учет нуждающихся в жилом помещении только после подачи рапорта.

Данное обстоятельство указывает на необходимость установления судом наличия либо отсутствия доказательств факта отказа в признании Л. нуждающейся в жилом помещении для постоянного проживания ранее 12 сентября 2008 г. Однако судом эти обстоятельства установлены также не были.

Таким образом, вывод суда кассационной инстанции о соблюдении жилищных прав заявителя при отсутствии в материалах дела данных о датах перевода Л. из закрытого военного городка к новому месту военной службы и обращения ее с рапортом о постановке в очередь на получение жилья для постоянного проживания ранее 12 сентября 2008 г. является преждевременным.

С учетом изложенного Военная коллегия кассационное определение Дальневосточного окружного военного суда по заявлению Л. отменила, а дело направила на новое кассационное рассмотрение в тот же суд.

Служебные жилые помещения предоставляются по установленным ЖК РФ основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2011 г. № 202-В10-21 по заявлению Н. (извлечение)

Решением Псковского гарнизонного военного суда от 18 февраля 2010 г. по заявлению Н. признано незаконным утвержденное командиром воинской части решение жилищной комиссии об отказе в признании заявителя нуждающимся в служебном жилом помещении и постановке на регистрационный учет и на командира и жилищную комиссию воинской части возложена обязанность по повторному рассмотрению этого вопроса.

Обосновывая решение об удовлетворении заявления, суд первой инстанции сослался на необеспеченность Н. по месту военной службы жилым помещением.

Кассационным определением Ленинградского окружного военного суда от 5 апреля 2010 г. решение суда в части удовлетворения требований отменено и принято новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

В надзорной жалобе Н., утверждая, что имеет право на обеспечение по месту военной службы служебным жильем, просит кассационное определение отменить, оставив в силе решение гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом кассационной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела следует, что после заключения брака в 1993 г. Н. в г. Пскове вселился в квартиру, нанимателем которой впоследствии стала его супруга. В 2004 г. Н. поступил на военную службу по контракту в органы федеральной службы безопасности в воинскую часть, дислоцированную в том же городе. После расторжения в августе 2009 г. брака и выезда из квартиры бывшая жена заявителя в судебном порядке добилась расторжения с ним договора социального найма жилого помещения.

После этого заявитель обратился по команде с рапортом об обеспечении его служебным жилым помещением в связи с его отсутствием по месту прохождения военной службы, однако решением жилищной комиссии воинской части от 15 декабря 2009 г., утвержденным командиром, ему в этом было отказано.

В обоснование отказа указывалось на ухудшение заявителем жилищных условий и отсутствие факта прибытия его к новому месту службы на момент заключения в 2004 г. контракта о прохождении военной службы.

Такое решение командования суд кассационной инстанции признал незаконным. При этом, суд указал в определении, что условия предоставления военнослужащим служебного жилья содержатся в абз. 2 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», одним из которых является прибытие военнослужащего на новое место военной службы. Заявитель на момент поступления на военную службу проживал в том же населенном пункте, что в совокупности с наличием у него на тот период жилья для постоянного проживания препятствовало признанию его впоследствии нуждающимся в служебном жилом помещении.

То есть суд посчитал, что при предоставлении военнослужащим жилых помещений действующим законодательством установлены по сравнению с другими гражданами определенные ограничения исходя из их особого правового статуса.

Такое толкование закона является неправильным.

В соответствии с ч. 2 ст. 4 ЖК РФ устанавливаемые этим Кодексом жилищные правоотношения распространяются на всех граждан Российской Федерации и изъятий не содержат.

Согласно ч. 2 ст. 99 ЖК РФ специализированные жилые помещения, к которым относится служебное жилье, предоставляются по установленным указанным Кодексом основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте.

Следовательно, единственным условием предоставления служебных жилых помещений гражданам, имеющим право их получения, является отсутствие у них в собственности, пользовании и владении других жилых помещений в соответствующем населенном пункте.

Н. на момент обращения к командованию с просьбой об обеспечении его служебным жилым помещением указанным выше требованиям отвечал.

Что касается особого правового статуса военнослужащих, выражающегося, в частности, в порядке жилищного обеспечения, которое осуществляется на основе специального законодательства и по специальным правилам, то он указывает на необходимость закрепления за нуждающимися в улучшении жилищных условий военнослужащими дополнительных гарантий и компенсаций. Такие гарантии и компенсации закреплены в Федеральном законе «О статусе военнослужащих», ст. 15 которого также не содержит положений о возможности ограничения предусмотренных жилищным законодательством прав военнослужащих – граждан Российской Федерации.

При этом, в п. 1 ст. 15 названного Закона прямо указано, что предоставление военнослужащим жилых помещений осуществляется в порядке и на условиях, которые устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Более того, содержание названной статьи указывает на то, что военнослужащие, поступившие на военную службу по контракту после 1 января 1998 г., обеспечиваются служебными жилыми помещениями на весь срок военной службы.

Аналогичное положение содержится в Инструкции по организации в органах федеральной службы безопасности работы, связанной с предоставлением служебных жилых помещений, утвержденной приказом ФСБ России от 9 октября 2006 г. № 478.

Согласно п. 3 Инструкции служебные жилые помещения предоставляются в установленном законодательством Российской Федерации порядке военнослужащим, не обеспеченным жилыми помещениями, в соответствующем населенном пункте или в непосредственной близости от него для создания необходимых жилищно-бытовых условий при исполнении ими служебных (должностных) обязанностей по месту военной службы.

Таким образом, вывод гарнизонного военного суда о наличии у Н. права на служебное жилое помещение основан на законе.

При этом, суд первой инстанции правомерно указал в решении, что содержащееся в абз. 2 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» требование об обеспечении прибывших на новое место военной службы военнослужащих служебными жилыми помещениями не позднее трехмесячного срока со дня прибытия не ограничивает права остальных военнослужащих, нуждающихся в жилом помещении, а возлагает на командование обязанность по обеспечению их жильем в указанные сроки.

Расторжение с Н. договора социального найма жилого помещения, нанимателем которого является его бывшая супруга, не может служить основанием для отказа в предоставлении ему служебного жилого помещения, поскольку ст. 53 ЖК РФ, предусматривающая последствия намеренного ухудшения гражданами жилищных условий, распространяется на правоотношения, связанные с принятием на учет в качестве нуждающихся в жилом помещении по договору социального найма, а не в служебном жилье.

Допущенные судом кассационной инстанции нарушения норм материального права повлияли на исход дела, и без их устранения невозможно восстановление и защита нарушенных прав заявителя.

Данное обстоятельство явилось основанием для отмены Военной коллегией в порядке надзора кассационного определения Ленинградского окружного военного суда от 5 апреля 2010 г. в вышеуказанной части и оставления в силе решения Псковского гарнизонного военного суда от 18 февраля 2010 г.

Военнослужащие, обеспечиваемые служебными жилыми помещениями, в течение первых пяти лет военной службы по контракту не могут быть исключены из списков нуждающихся в улучшении жилищных условий по месту жительства до призыва (поступления) на военную службу

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2011 г. № 201-В10-31 по заявлению Б. (извлечение)

Решением Калужского гарнизонного военного суда от 10 февраля 2010 г. удовлетворено частично заявление Б., в котором он просил признать незаконным, отме-

нить решение жилищной комиссии воинской части от 22 октября 2009 г. о признании права на жилое помещение по избранному месту жительства после увольнения с военной службы в отставку только за заявителем и его супругой и восстановить его в списке нуждающихся в жилом помещении с 19 мая 1987 г. с составом семьи из шести человек – он, супруга, две дочери, внук и внучка.

Суд признал незаконным утвержденное командиром части решение жилищной комиссии от 22 октября 2009 г. в части исключения из числа членов семьи Б. его дочери Татьяны и внучки Валерии, проживающих совместно с ним, и обязал жилищную комиссию и командира части повторно рассмотреть вопрос Б. о составе членов его семьи, подлежащих обеспечению жилым помещением совместно с заявителем для постоянного проживания в избранном месте жительства после увольнения с военной службы.

В удовлетворении заявления об отнесении к членам семьи Б. его дочери Ларисы и внука Александра, проживающих отдельно от заявителя, и изменении даты принятия на жилищный учет дано отказано.

Кассационным определением Московского окружного военного суда от 18 марта 2010 г. решение суда в части удовлетворенных требований отменено и принято новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

Окружной военный суд признал правомерными действия жилищной комиссии, связанные с исключением из числа членов семьи заявителя для получения жилья по избранному месту жительства его дочерей и их детей, поскольку они не относятся к категории членов семьи военнослужащего, установленной п. 5 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Кроме того, обе дочери заявителя являются военнослужащими и имеют ограничения на выбор места жительства в период прохождения военной службы, в связи с чем они могут быть обеспечены жилым помещением по месту военной службы, а по избранному месту жительства – только при увольнении с военной службы.

В надзорной жалобе Б. просил кассационное определение отменить, вынести новое решение – о признании членами его семьи дочери Татьяны и внучки Валерии и признать за ним право на получение его семьей в составе четырех человек жилья в избранном месте жительства после его увольнения в отставку.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия пришла к следующим выводам.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом кассационной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела следует, что заявитель, родившийся 27 апреля 1952 г. и проживающий с 1991 г. после перевода к новому месту службы вместе с женой и дочерью Татьяной в служебной квартире в закрытом военном городке, после достижения предельного возраста пребывания на военной службе 28 октября 2002 г. обратился в жилищную комиссию с заявлением о признании его нуждающимся в жилом помещении по избранному месту жительства после увольнения с военной службы.

Решением жилищной комиссии воинской части от 26 марта 2004 г. Б. был поставлен на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий в связи с отселением из закрытого военного городка, в том числе с учетом дочери Татьяны.

После рождения 24 мая 2005 г. у Татьяны дочери и вселения ее в служебную квартиру заявителя жилищная комиссия 30 октября 2006 г. приняла решение ходатайствовать о выделении Б. и членам его семьи, в том числе дочери Татьяне и внучке Валерии, жилой площади по избранному им месту жительства после увольнения с военной службы в Московской области.

Допрошенная в судебном заседании в качестве свидетеля дочь заявителя Б. Татьяна показала, что с 1991 г. она проживает вместе с родителями в качестве члена семьи нанимателя жилого помещения, ведет с ними общее хозяйство, а после рождения дочери отец и мать принимают участие в ее содержании и воспитании. Эти показания не опровергнуты.

Таким образом, в суде установлена принадлежность дочери заявителя Татьяны и внучки Валерии к членам семьи Б. как нанимателя жилого помещения.

В соответствии с ч. 5 ст. 100 и чч. 2 – 4 ст. 31 ЖК РФ члены семьи нанимателя служебного жилого помещения имеют равное с нанимателем право пользования жилым помещением, а согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данным в п. 22 постановления от 14 февраля 2000 г. № 9 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», при решении вопроса о том, кого следует отнести к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение жилым помещением, необходимо руководствоваться нормами жилищного законодательства.

Согласно п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обеспечение жильем помещением военнослужащих, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемещении места жительства осуществляется федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба.

Следовательно, Б. в 2004 и 2006 гг. правомерно поставил перед командованием вопрос об обеспечении его, супруги, дочери Татьяны и внучки Валерии жилым помещением по избранному месту жительства после увольнения с военной службы.

Не отпали основания к обеспечению заявителя жилым помещением с учетом его дочери и внучки и в 2009 г.

В суде установлено, что дочь заявителя Татьяна в декабре 2006 г. поступила на военную службу по контракту в ту же воинскую часть, где проходил военную службу заявитель. То есть 22 октября 2009 г. на момент заседания жилищной комиссии, по решению которой она вместе с дочерью была снята с учета нуждающихся в получении жилого помещения в качестве члена семьи заявителя, срок ее военной службы составлял менее пяти лет.

На основании п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту сохраняется право на жилье помещения, занимаемые ими до поступления на военную службу, и они не могут быть исключены из списков нуждающихся в улучшении жилищных условий по месту жительства до призыва (поступления) на военную службу.

При таких данных дочь заявителя Татьяна в силу прямого указания в законе не могла быть в 2009 г. исключена из списков нуждающихся в жилом помещении в качестве члена семьи заявителя.

Что касается внучки заявителя, то ввиду ее малолетнего возраста и установленных в суде данных об участии Б. и его супруги в ее содержании и воспитании, она также продолжает оставаться членом семьи нанимателя жилого помещения и сохраняет право на улучшение жилищных условий.

Таким образом, суд первой инстанции, признавая незаконным решение жилищной комиссии воинской части от 22 октября 2009 г., пришел к правильному выводу о том, что Б., его жена, дочь Татьяна и внучка Валерия имеют право на получение жилого помещения для постоянного проживания по избранному заявителем месту жительства после увольнения с военной службы, а вывод суда кассационной инстанции об обратном не основан на законе.

Указанное обстоятельство явилось основанием для отмены в порядке надзора кассационного определения Московского окружного военного суда от 18 марта 2010 г. и оставления в силе решения Калужского гарнизонного военного суда от 10 февраля 2010 г.

Отчуждение военнослужащим-собственником жилого помещения, находящегося по месту прохождения им военной службы, признано обстоятельством, исключающим право на получение денежной компенсации за (наем) поднаем жилого помещения в том же населенном пункте в силу добровольного прекращения права пользования прежним жилым помещением

В заявлении в суд Л. просил признать незаконными действия начальника Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации (УФСБ) по Санкт-Петербургу и Ленинградской области по невыплате ему компенсации за наем жилого помещения в установленных порядке и размерах в соответствии с законодательством Российской Федерации; взыскать с УФСБ денежную компенсацию за наем жилого помещения в размере 120 000 руб. с 1 октября 2010 г. по 31 мая 2011 г.

Санкт-Петербургский гарнизонный военный суд удовлетворил заявление на том основании, что заявитель по месту службы не обеспечен служебным жилым помещением, состоит на учете нуждающихся в жилом помещении, проживает на условиях найма и имеет право на получение спорной компенсации.

Ленинградский окружной военный суд решение суда первой инстанции отменил и принял по делу новое решение – об отказе в удовлетворении заявления по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что на момент поступления на военную службу по контракту Л. на праве собственности принадлежала комната в коммунальной квартире в г. Санкт-Петербурге, в которой он фактически проживал. В 2009 г. заявитель эту комнату продал, после чего поставил вопрос о выплате ему денежной компенсации за наем жилого помещения.

Указанные обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Согласно ст. 10 ГК РФ не допускаются действия граждан, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах; в этом случае суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права.

В соответствии с п. 2 Положения о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909, и Инструкцией о мерах по реализации в органах федеральной службы безопасности Постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909, утвержденной приказом ФСБ России от 9 ноября 2005 г. № 665, одним из условий выплаты указанной компенсации является необеспеченность военнослужащего по месту службы жилыми помещениями или жилой площадью в общежитии.

Поскольку действия Л., являвшегося собственником жилого помещения, а затем распорядившегося им путем продажи, что привело к отсутствию у него по месту службы жилого помещения, и поставившего вопрос о выплате денежной компенсации за наем жилых помещений, свидетельствуют о злоупотреблении им своим правом, то оснований для удовлетворения его заявления у суда не имелось.

Отчуждение членом семьи военнослужащего жилого помещения, приобретенного в период совместного проживания, обоснованно признано ухудшением жилищных условий

Проходящий военную службу по контракту П. в апреле 2008 г. вместе с дочерью был принят на учет нуждающихся в жилом помещении. При этом, в решении жилищной комиссии было указано, что супруга заявителя имеет в собственности трехкомнатную квартиру общей площадью 61,8 квадратного метра в г. Пугачеве Саратовской области.

Решением жилищной комиссии той же воинской части от 11 июня 2010 г. заявитель в связи с утратой оснований, дающих право на получение жилого помещения по договору социального найма, был снят с жилищного учета, и в удовлетворении рапорта о восстановлении на таком учете заявителю было отказано.

Данные действия были оспорены П. в суде.

Московский гарнизонный военный суд в удовлетворении заявления П. отказал по следующим основаниям.

Согласно подп. 1 п. 1 и п. 2 ст. 51 ЖК РФ гражданами, нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, признаются не являющиеся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения. При наличии у гражданина и (или) членов его семьи нескольких жилых помещений, занимаемых по договорам социального найма и (или) принадлежащих им на праве собственности, определение уровня обеспеченности общей площадью жилого помещения осуществляется исходя из суммарной общей площади всех указанных жилых помещений.

Как установлено в судебном заседании, супруга П. в 2000 г., то есть в период нахождения в браке с заявителем и совместного проживания с ним, приобрела в соб-

стенность трехкомнатную квартиру общей площадью 61,8 квадратного метра в г. Пугачеве Саратовской области, а 17 мая 2010 г. подарила это жилое помещение своей матери.

Поскольку П. фактически отказался от данного жилого помещения, являющегося в соответствии со ст.ст. 33 и 34 СК РФ совместной собственностью супругов, дав согласие на передачу его супругой этой квартиры в собственность ее матери, Московский окружной военный суд признал вывод гарнизонного военного суда о намеренном ухудшении заявителем и членами его семьи жилищных условий с намерением приобретения права состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях правильным. В соответствии со ст. 53 ЖК РФ заявитель мог быть принят на такой учет не ранее чем через пять лет со дня совершения этих действий.

Основанием возникновения права на использование накоплений, учтенных на именном накопительном счете участника накопительно-ипотечной системы, является увольнение военнослужащего, общая продолжительность военной службы которого составляет 10 лет и более

Лейтенанту И. командиром воинской части было отказано в предоставлении документов, необходимых для перечисления накоплений, учтенных на его именном накопительном счете участника накопительно-ипотечной системы, поскольку его общая продолжительность военной службы составляет менее 10 лет.

Полагая свои права нарушенными, И. обратился в Брянский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать названные действия командира воинской части незаконными и обязать его представить документы для перечисления накоплений, учтенных на его именном накопительном счете участника накопительно-ипотечной системы.

Судом первой инстанции в удовлетворении заявления И. отказано. Судебная коллегия по гражданским делам окружного военного суда оставила это решение суда без изменения.

Согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» государство гарантирует военнослужащим предоставление жилых помещений или выделение денежных средств на их приобретение в порядке и на условиях, которые устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии с п. 2 ст. 10 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» основанием возникновения права на использование накоплений, учтенных на именном накопительном счете участника, в соответствии с этим Федеральным законом является увольнение военнослужащего, общая продолжительность военной службы которого составляет 10 лет и более.

Пунктом 2 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих», п. 7 ст. 3 Положения о порядке прохождения военной службы установлено, что определение общей продолжительности военной службы производится в календарном исчислении. В случаях, установленных федеральными законами и иными нормативными актами Российской Федерации, общая продолжительность военной службы определяется в льготном исчислении.

Согласно материалам дела И. досрочно уволен с военной службы в запас по основанию, предусмотренному подп. «а» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в связи с организационно-штатными мероприятиями), общая продолжительность военной службы заявителя в календарном исчислении составляет 7 лет 8 месяцев.

Таким образом, И., увольняемый с военной службы, общая продолжительность военной службы которого составляла менее 10 лет, в соответствии с п. 2 ст. 10 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» не имеет права на использование накоплений, учтенных на его именном накопительном счете участника накопительно-ипотечной системы.

Глава 4. Увольнение с военной службы

Военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, представляется к увольнению с военной службы, если не изъявит желания заключить новый контракт до истечения срока действующего контракта

Б., проходившая военную службу в войсковой части 37427, обратилась в Санкт-Петербургский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просила признать незаконным приказ командира воинской части от 3 декабря 2010 г. в части ее увольнения с военной службы, и обязать указанное должностное лицо отменить его.

Решением гарнизонного военного суда от 30 марта 2011 г. данное требование заявителя удовлетворено по следующим основаниям.

Вопросы, связанные с порядком определения срока военной службы, срока контракта о прохождении военной службы и времени его истечения, а также вопросы увольнения с военной службы регламентируются Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» и Положением о порядке прохождения военной службы, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

Пункт 6 Инструкции по организации прохождения военной службы офицерами и прапорщиками (мичманами) в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденной приказом министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2002 г. № 350, определяет, что для заключения нового контракта военнослужащий, у которого заканчивается срок действующего контракта, подает по команде рапорт должностному лицу, которое вправе заключить с ним новый контракт, до окончания срока предыдущего контракта. Военнослужащим рекомендуется подавать такие рапорты не позднее чем за четыре месяца до истечения срока действующего контракта.

Из п. 8 ст. 9 Положения о порядке прохождения военной службы следует, что командир (начальник), который вправе заключать контракт с военнослужащим, принимает решение о заключении нового контракта или об отказе в его заключении не позднее чем за три месяца до истечения срока действующего контракта.

Однако требования п. 8 ст. 9 указанного Положения определяют исключительно срок принятия командиром (начальником) решения о заключении контракта с военнослужащим, на тот момент желающим заключить контракт, и не могут ограничивать самого военнослужащего в праве на заключение нового контракта после определенного данным пунктом трехмесячного срока до окончания действующего контракта.

Как установлено в ходе судебного заседания, срок действия контракта Б. о прохождении военной службы истекал в апреле 2010 г.

27 февраля 2010 г. Б., изъявив желание продолжить военную службу до достижения предельного возраста пребывания на военной службе, подала соответствующий рапорт и подписала новый контракт. В установленный срок рапорт Б. командиром воинской части рассмотрен не был, и в дальнейшем какого-либо решения по нему не принималось. При этом, по истечении срока действия контракта Б. продолжала исполнять обязанности военной службы.

Согласно п. 11 ст. 9 указанного Положения военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, представляется к увольнению с военной службы, если не изъявит желания заключить новый контракт до истечения срока действующего контракта.

Таким образом, при получении рапорта Б. о заключении нового контракта у командира войсковой части 37427 не имелось законных оснований для отказа в его заключении, поскольку отсутствовали основания для проведения мероприятий, связанных с ее увольнением.

Военнослужащему, в отношении которого ведется предварительное следствие или уголовное дело в отношении которого передано в суд, может быть отказано в заключении нового контракта

Капитан 3 ранга С. обратился в Новороссийский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконными действия воинских должностных лиц, связанные с увольнением с военной службы по истечении срока контракта.

В судебном заседании установлено, что заявителю было отказано в заключении нового контракта о прохождении военной службы, поскольку последний 23 марта 2011 г. был освобожден от занимаемой должности в связи с возбуждением в отношении его уголовного дела, в период окончания контракта (29 июля 2011 г.) находился под следствием, в последующем был осужден приговором Новороссийского гарнизонного военного суда от 13 сентября 2011 г. к наказанию в виде ограничения по военной службе сроком на восемь месяцев, с удержанием в доход государства 10 % денежного довольствия ежемесячно, а затем уволен с военной службы по истечении срока контракта.

Как следует из подп. «в» п. 2 ст. 13 Положения о порядке прохождения военной службы, зачисление военнотружашего, проходящего военную службу по контракту, в распоряжение командира в связи с возбуждением в отношении его уголовного дела, допускается до вынесения решения по уголовному делу.

В соответствии с п. 10 ст. 9 названного Положения военнотружашему, не достигшему предельного возраста пребывания на военной службе, не может быть отказано в заключении нового контракта, за исключением случаев, когда он подлежит досрочному увольнению с военной службы по основаниям, установленным Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», а также при наличии оснований, указанных в п. 3 ст. 4 названного Положения, из которого следует, что контракт не может быть заключен с военнотружашим, в отношении которого вынесен обвинительный приговор и которому назначено наказание, в отношении которого ведется дознание либо предварительное следствие или уголовное дело в отношении которого передано в суд, имеющим неснятую или непогашенную судимость за совершенные преступления, а также отбывающим наказание в виде лишения свободы.

Гарнизонный военный суд обоснованно пришел к выводу, что поскольку срок действия контракта о прохождении военной службы у заявителя истек 29 июля 2011 г., в период нахождения его в распоряжении командования в связи с возбуждением в отношении его уголовного дела, а в последующем в отношении его был постановлен обвинительный приговор с назначением наказания, то оснований для заключения с ним нового контракта у должностных лиц не имелось.

Статья 148 УИК РФ не запрещает увольнять военнотружашего, которому по приговору суда назначено наказание в виде ограничения по военной службе и оно не отбыто до конца, а лишь обязывает командира направить в суд соответствующее представление о замене оставшейся не отбытой части наказания более мягким видом наказания либо об освобождении от наказания, что, как было установлено в суде, командиром воинской части и было сделано.

При наличии предусмотренных в законе оснований военнотружаший без его согласия не может быть уволен с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. № 211-В10-2 по заявлению Б. (извлечение)

Б. обратился во Владивостокский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконным приказ командующего Тихоокеанским флотом об увольнении в запас по достижении им предельного возраста пребывания на военной службе без предоставления жилого помещения по установленным нормам.

Решением Владивостокского гарнизонного военного суда от 14 сентября 2009 г., оставленным без изменения кассационным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 19 октября 2009 г., Б. в удовлетворении заявления отказано.

В надзорной жалобе Б., указывая на свое право быть уволенным с военной службы в запас только после предоставления ему жилья по установленным нормам, просил судебные постановления отменить и принять по делу новое решение – об удовлетворении заявления.

Военная коллегия решение Владивостокского гарнизонного военного суда от 4 сентября 2009 г. и определение Тихоокеанского флотского военного суда от 19 октября 2009 г. отменила и приняла по делу новое решение – о признании приказа командующего Тихоокеанским флотом в части увольнения Б. с военной службы незаконным и обязала его восстановить Б. на военной службе в прежней или равной должности до обеспечения жилым помещением по установленным нормам.

В обоснование были приведены следующие доводы.

Судом установлено, что решением жилищной комиссии воинской части Б., проходящий военную службу на о. Русский, входящем в состав г. Владивостока, и проживающий там вместе с женой и двумя совершеннолетними детьми в двухкомнатной квартире общей площадью 47,5 квадратного метра, признан нуждающимся в улучшении жилищных условий и включен в списки очередников по месту военной службы.

26 августа 2008 г. Б. обратился по команде с рапортом, в котором просил обеспечить его жильем в г. Владивостоке, после чего представить к увольнению с военной службы в связи с достижением 7 февраля 2009 г. предельного возраста.

Несмотря на это, заявитель 28 июля 2009 г. был уволен с военной службы в запас без обеспечения жильем.

Отказывая в удовлетворении требований заявителя, суд первой инстанции указал, что свое согласие с увольнением в запас в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе Б. 14 июля 2009 г. выразил в листе беседы, а просьбу об увольнении после обеспечения жильем он заявил позднее в рапорте от 26 августа 2009 г., то есть после издания приказа об увольнении. Между тем такой рапорт в материалах дела отсутствует и он в суде не исследовался.

Суд кассационной инстанции, оставляя решение гарнизонного военного суда без изменения, указал, что права заявителя подлежат реализации в соответствии с п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», то есть как увольняемого военнослужащего, избравшего место жительства, отличное от места прохождения военной службы.

Однако такой вывод является ошибочным, поскольку о. Русский, где Б. проходил военную службу, входит в состав г. Владивостока.

Кроме того, судами оставлено без внимания то обстоятельство, что согласно решению Думы г. Владивостока от 29 сентября 2005 г. № 94 «Об установлении нормы предоставления и учетной нормы площади жилого помещения в г. Владивостоке» для постановки на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях определена норма в размере 13 квадратных метров общей площади на человека.

Из материалов дела усматривается, что заявитель, его супруга и двое их совершеннолетних разнополых детей проживают в двухкомнатной квартире общей площадью 47,5 квадратного метра, то есть менее установленной учетной нормы.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе без предоставления им жилых помещений.

Таким образом, законных оснований для увольнения Б. с военной службы у командования не имелось, а выводы судов об обратном основаны на неверном толковании норм материального права, в связи с чем являются ошибочными.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту и не достигшие предельного возраста пребывания на военной службе, не могут быть уволены с военной службы без их согласия до приобретения ими права на пенсию за выслугу лет, за исключением случаев досрочного увольнения по основаниям, установленным федеральным законом

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2011 г. № 210-В11-9 по заявлению Б. (извлечение)

Решением Североморского гарнизонного военного суда от 3 сентября 2010 г. удовлетворено заявление Б., в котором он просил признать незаконными приказ командующего Северным флотом об увольнении заявителя с военной службы в запас по истечении срока контракта и приказ командира воинской части об исключении его из списков личного состава воинской части, а также обязать командира части заключить с ним новый контракт о прохождении военной службы.

Кассационным определением Северного флотского военного суда от 21 октября 2010 г. решение суда отменено и принято новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

В надзорной жалобе Б., утверждая, что действующим законодательством предусмотрено право проходить военную службу до достижения предельного возраста пребывания на ней, просил кассационное определение отменить, оставив в силе решение гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Из материалов дела следует, что заявитель, 1980 года рождения, общая продолжительность военной службы которого в льготном исчислении составляет менее 17 лет, после получения согласия 15 февраля 2010 г. обратился по команде с рапортом о переводе в другую воинскую часть на должность заместителя начальника узла связи, после чего в отношении его состоялось заседание аттестационной комиссии о целесообразности перевода и подготовлено соответствующее представление, которое вместе с другими документами 3 марта 2010 г. было направлено начальнику морской авиации Северного флота для принятия решения.

27 апреля 2010 г., до истечения срока действующего контракта, заявитель изъявил желание заключить новый контракт.

Следовательно, Б., не достигший предельного возраста пребывания на военной службе и не имеющий права на пенсию, надлежащим образом выразил свое желание проходить военную службу по контракту после истечения срока действующего контракта.

Согласно п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, проходящие военную службу по контракту и не достигшие предельного возраста пребывания на военной службе, не могут быть уволены с военной службы без их согласия до приобретения ими права на пенсию за выслугу лет, за исключением случаев досрочного увольнения по основаниям, установленным Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе».

В соответствии с п. 10 ст. 9 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащему, не достигшему предельного возраста пребывания на военной службе, не может быть отказано в заключении нового контракта, за исключением случаев, когда он подлежит досрочному увольнению с военной службы по основаниям, установленным Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», а также при наличии оснований, указанных в п. 3 ст. 4 Положения о порядке прохождения военной службы.

Командованием не представлено в судебном заседании данных о наличии оснований, установленных в названном Федеральном законе и Положении о порядке прохождения военной службы, к досрочному увольнению заявителя с военной службы.

При таких данных законные основания к увольнению Б. с военной службы по истечении срока контракта и отказу в заключении нового контракта отсутствовали.

Обращение Б. с рапортом о заключении нового контракта менее чем за три месяца до истечения срока действующего контракта в силу п. 11 ст. 9 Положения о порядке прохождения военной службы не препятствовало заключению с ним такого контракта. При этом, содержащееся в п. 8 ст. 9 Положения требование о сроке принятия командованием решения относительно заключения с военнослужащим контракта определяет порядок действий командования, то есть процедурный вопрос, и не ограничивает период, в течение которого военнослужащий вправе изъявить желание заключить новый контракт.

Таким образом, увольнение Б. в запас по истечении срока контракта и отказ в заключении нового контракта являются незаконными, а вывод суда кассационной инстанции об обратном свидетельствует о неправильном толковании им закона.

Поскольку допущенные судом кассационной инстанции нарушения норм материального права повлияли на исход дела и без их устранения невозможно восстановление и защита нарушенных прав заявителя, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение Северного флотского военного суда от 21 октября 2010 г. и оставила в силе решение Североморского гарнизонного военного суда от 3 сентября 2010 г.

Увольнение военнослужащего, заключившего контракт о прохождении военной службы сверх предельного возраста пребывания на военной службе, возможно без его желания, в частности в случае сокращения должности

9 июня 2007 г. майор П. заключил с начальником учебно-научного центра новый контракт сверх предельного возраста до 9 июня 2012 г.

Приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 22 января 2010 г. П. в связи с проведением организационно-штатных мероприятий освобождена от занимаемой воинской должности и зачислена в распоряжение начальника учебно-научного центра.

Приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 5 мая 2010 г. П. уволена с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, а приказом начальника учебно-научного центра исключена из списков личного состава.

Полагая свои права нарушенными, П. обратился в суд с заявлением, в котором просила суд отменить приказ главнокомандующего Сухопутными войсками и начальника учебно-научного центра об увольнении ее с военной службы и исключении из списков личного состава, поскольку рапорт об увольнении не подавала и своего согласия на увольнение с военной службы не давала.

Московский гарнизонный военный суд заявление удовлетворил частично. Суд обязал главнокомандующего Сухопутными войсками и начальника учебно-научного центра внести в приказы от 5 мая 2010 г. и от 26 мая 2010 г. соответствующие изменения, касающиеся увольнения П. с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на ней не в запас, а в отставку.

В удовлетворении иных требований заявителю отказано.

При кассационном рассмотрении дела решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

По делу достоверно установлено, что в июне 2004 г. П. достигла предельного возраста пребывания на военной службе и она, независимо от заключения до 2012 г. нового контракта, приобрела безусловное право на увольнение с военной службы по указанному основанию, поскольку подп. «а» п. 3 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы предусматривает право военнослужащего на увольнение по достижении предельного возраста даже до истечения срока, на который продлена его служба.

В январе 2010 г. в учебно-научном центре проводились организационно-штатные мероприятия, в соответствии с которыми занимаемая П. воинская должность была сокращена. В связи с этим приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 22 января 2010 г., который П. не оспорен, она освобождена от занимаемой воинской должности и зачислена в распоряжение начальника учебно-научного центра.

Согласно подп. «а» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Подпунктом «а» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождении военной службы определено, что увольнение военнослужащего в связи с организационно-штатными мероприятиями может производиться при отсутствии других оснований для увольнения при сокращении занимаемой им воинской должности, невозможности назначения на равную воинскую должность и отсутствии его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность, а также по истечении сроков нахождения в распоряжении командира (начальника), установленных п. 4 ст. 42 указанного Федерального закона и названным Положением, при невозможности назначения на равную воинскую должность и отсутствии его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность.

Руководством учебно-научного центра, как это видно из дела, в связи с организационно-штатными мероприятиями, сокращением занимаемой заявителем должности и невозможностью дальнейшего использования П. на военной службе было принято решение об увольнении ее с военной службы.

То есть на момент возникновения спорных правоотношений заявитель имела право на увольнение с военной службы по двум основаниям – в связи с организационно-штатными мероприятиями либо по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

Таким образом, увольнение заявителя по достижении предельного возраста пребывания на военной службе не противоречит нормам права и не нарушает прав военнослужащего, а подача рапорта в данном конкретном случае не является обязательным условием такого увольнения.

Отсутствие возможности назначения военнослужащего на воинскую должность правомерно явилось основанием для его увольнения с военной службы

Г. обратилась в Одинцовский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором оспорила действия должностных лиц, связанные с увольнением с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями, без ее согласия и предоставления других должностей.

Решением гарнизонного военного суда в удовлетворении заявления отказано по следующим основаниям.

Приказом командира войсковой части 73407 от 26 октября 2010 г. прапорщик Г. досрочно уволен с военной службы в запас по подп. «а» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», то есть в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Согласно сообщению заместителя директора Департамента кадровой политики МЧС России от 23 ноября 2010 г. по состоянию на 1 ноября 2010 г. в войсках гражданской обороны МЧС России имелось девять вакантных воинских должностей, подлежащих замещению прапорщиками, ВУС которых не соответствует ВУС должности, занимаемой Г.

Из сообщения директора Организационно-мобилизационного департамента МЧС России от 23 ноября 2010 г. следует, что вакантных должностей, замещаемых солдатами и сержантами, проходящими военную службу по контракту, в войсках гражданской обороны МЧС России не имеется.

Из справки от 25 ноября 2010 г. об укомплектовании войсковой части 73407 личным составом военнослужащих следует, что по состоянию на 1 ноября 2010 г. вакантные должности, замещаемые прапорщиками, а также должности солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту, подлежащие замещению военнослужащими-женщинами, в войсковой части 73407 отсутствуют.

Согласно подп. «а» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Подпунктом «а» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы определено, что увольнение военнослужащего в связи с организационно-штатными мероприятиями может производиться при отсутствии других оснований для увольнения при сокращении занимаемой им воинской должности, невозможности назначения на равную воинскую должность и отсутствии его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность, а также по истечении сроков нахождения в распоряжении командира (начальника), установленных п. 4 ст. 42 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и Положением, при невозможности назначения на равную воинскую должность и отсутствии его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность.

По делу установлено, что увольнение с военной службы обеспеченной жилым помещением Г. обусловлено проводимыми в МЧС России организационно-штатными мероприятиями, в результате которых войсковая часть 62124 расформирована. При этом, ни в штате войсковой части 73407, ни в войсках гражданской обороны МЧС России вакантных должностей, которые соответствовали бы штатно-должностной категории и воинской учетной специальности ранее занимаемой Г. должности, не имелось.

При таких данных суд пришел к правильному выводу, что командир воинской части не имел реальной возможности предложить Г. иную воинскую должность, обоснованно издал приказ об увольнении ее с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Наличие возможности назначения военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, на равную воинскую должность повлекло отмену приказа об увольнении с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2010 г. № 203-В10-7 по заявлению Ш. (извлечение)

Ш. обратилась в Оренбургский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просила признать незаконным и отменить приказ командира воинской части об увольнении ее с военной службы в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями и восстановить ее в равной воинской должности.

Решением Оренбургского гарнизонного военного суда от 13 августа 2009 г., оставленным без изменения кассационным определением судебной коллегии по гражданским делам Приволжского окружного военного суда от 15 сентября 2009 г., Ш. в удовлетворении заявления отказано.

Военная коллегия, рассмотрев материалы гражданского дела по надзорной жалобе Ш., названные судебные постановления отменила и надзорную жалобу удовлетворила по следующим основаниям.

Согласно материалам дела Ш., проходившая военную службу по контракту в должности медицинской сестры – анестезиста отделения анестезиологии и реанимации, в мае 2009 г. в связи с проводимыми организационно-штатными мероприятиями была зачислена в распоряжение командира вышестоящей воинской части (общевойсковой дивизии), а затем по причине отсутствия вакантных должностей в указанной воинской части уволена с военной службы в запас.

В соответствии с подп. «а» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и при отсутствии других оснований для увольнения.

При этом, необходимыми условиями для увольнения военнослужащего с военной службы по данному основанию согласно положениям подп. «а» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, являются:

сокращение занимаемой им воинской должности (должности), невозможность назначения на равную воинскую должность (должность) и отсутствие его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность (должность);

истечение сроков нахождения в распоряжении командира (начальника), установленных п. 4 ст. 42 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и Положением, и отсутствие его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность (должность).

Согласно п. 4 ст. 42 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий может проходить военную службу не на воинских должностях в случаях: нахождения в распоряжении командира (начальника) – не более трех месяцев; нахождения в распоряжении командира (начальника) в связи с проведением организационно-штатных мероприятий – не более шести месяцев.

Таким образом, по смыслу закона для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями необходимо наличие следующих взаимосвязанных обстоятельств: невозможность назначения на равную воинскую должность (должность) и отсутствие его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность (должность), а также истечение срока нахождения такого военнослужащего в распоряжении командира (начальника) в связи с проведением организационно-штатных мероприятий и отсутствие его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность (должность).

Из изложенного следует, что решению об увольнении военнослужащего по указанному выше основанию должны предшествовать действия командования по уточнению возможности его использования по военной службе, тем более когда военнослужащий настаивает на ее прохождении в дальнейшем.

В суде установлено, что Ш. заключен контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации сроком до 23 сентября 2017 г. В мае 2009 г. она зачислена в распоряжение командира воинской части, приказом которого от 30 июня того же года уволена с военной службы в запас Вооруженных Сил Российской Федерации в связи с организационно-штатными мероприятиями. До этого она добросовестно исполняла возложенные на нее обязанности согласно заключенному контракту и желала продолжать военную службу.

Ответчиком не представлено сведений о том, что командование при наличии должностей предлагало Ш. равнозначные, высшие и низшие должности в этой части, а также в частях и подразделениях, подчиненных указанной воинской части, в том числе медицинских подразделениях, для дальнейшего прохождения военной службы и что она отказалась от перемещения на предложенные должности.

При таких данных применение судами положений подп. «а» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы в обоснование выводов о правомерности действий командования, связанных с увольнением заявителя с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями, следует признать ошибочным.

Изложенные обстоятельства дела и приведенные положения закона указывают на то, что судами первой и кассационной инстанций при вынесении решения и определения допущены нарушения норм материального права, выразившиеся в неправильном применении закона, которые Военная коллегия признала существенными, повлиявшими на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов Ш.

Действия командования, связанные с отказом в увольнении с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями с предварительным обеспечением жильем, судом кассационной инстанции признаны правомерными

В соответствии с директивой Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации должность старшего офицера 3-го отдела 1-го управления, которую занимал З., была сокращена. 19 марта 2009 г. он обратился по команде с рапортом об увольнении его с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями, с предварительным обеспечением жилым помещением. Приказом соответствующего начальника З. освобожден от занимаемой должности и зачислен в распоряжение начальника управления с 11 мая 2009 г.

З. просил возложить на начальника и жилищную комиссию управления обязанность обеспечить его и членов семьи жилым помещением для постоянного проживания во внеочередном порядке по месту прохождения военной службы по нормам и в порядке, предусмотренном жилищным законодательством на момент написания им рапорта об увольнении с военной службы, а после обеспечения жилым помещением просил возложить на начальника управления обязанность в установленном порядке представить документы на его увольнение с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Гарнизонный военный суд заявление удовлетворил.

Судом кассационной инстанции данное решение в связи с неправильным применением норм материального права и несоответствием выводов суда, изложенных в решении, обстоятельствам дела, отменено и принято новое решение – об отказе в удовлетворении требований заявителя.

При этом, суд кассационной инстанции исходил из следующего.

Согласно подп. «а» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Подпунктом «а» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы определено, что увольнение военнослужащего в связи с организационно-штатными мероприятиями может производиться при отсутствии других оснований для увольнения при сокращении занимаемой им воинской должности, невозможности назначения на равную воинскую должность и отсутствии его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность, а также по истечении сроков нахождения в распоряжении командира (начальника), установленных п. 4 ст. 42 указанного Федерального закона и Положением, при невозможности назначения на равную воинскую должность и отсутствии его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность.

Согласно п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений. При желании указанных военнослужащих получить жилые помещения не по месту увольнения с военной службы они обеспечиваются жилыми помещениями по избранному месту постоянного жительства в порядке, предусмотренном п. 14 ст. 15 указанного Федерального закона.

Из материалов дела усматривается, что З. зачислен в распоряжение начальника управления, в своем рапорте выразил волеизъявление об увольнении с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «а» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в связи с организационно-штатными мероприятиями), с предварительным обеспечением жилым помещением по месту военной службы. Решением жилищной комиссии заявитель признан нуждающимся в жилом помещении, имеет общую продолжительность военной службы свыше 10 лет.

Таким образом, заявитель, имея право быть уволенным с военной службы по избранному им основанию, отказался от этого права, поставив его в зависимость от предоставления жилого помещения, то есть фактически высказал желание продолжить военную службу, поскольку без его согласия уволен он быть не может, как это и предусмотрено ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Кроме того, согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» государство гарантирует военнослужащим предоставление жилых помещений в порядке и на условиях, которые определяются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В силу ч. 1 ст. 57 ЖК РФ жилые помещения предоставляются гражданам, состоявшим на учете нуждающихся в жилых помещениях, в порядке очередности, исходя из времени принятия их на учет и включения в списки на получение жилых помещений. Аналогичные требования указаны в п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Таким образом, действующее законодательство предусматривает обеспечение граждан жильем в порядке очередности, исходя из времени принятия их на учет и включения в соответствующие списки на получение жилья среди такой же категории граждан, имеющих аналогичные социальные гарантии.

Между тем согласно материалам дела З. находится на жилищном учете и состоит со 2 августа 2006 г. в общей очереди военнослужащих управления на получение жилых помещений по договору социального найма.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 1 постановления от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» указал, что к бездействию относится неисполнение органом государственной власти, органом местного самоуправления, должностным лицом, государственным или муниципальным служащим обязанности, возложенной на них нормативными правовыми и иными актами, определяющими полномочия этих лиц (должностными инструкциями, положениями, регламентами, приказами). К бездействию, в частности, относится нерассмотрение обращения заявителя уполномоченным лицом. Таких нарушений командованием и жилищной комиссией прав заявителя не установлено.

Определение окружного военного суда соответствует правовой позиции, изложенной в п. 2.1 определения Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2007 г. № 721-О-О, и является правильным.

Существенным нарушением условий контракта со стороны федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, может быть признано такое нарушение, которое лишает военнослужащего возможности воспользоваться наиболее значимыми для него правами, социальными гарантиями и компенсациями, предусмотренными законодательством о порядке прохождения военной службы и статусе военнослужащих

В связи с проводимыми организационно-штатными мероприятиями приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 28 августа 2010 г. М. зачислена в распоряжение командующего войсками Западного военного округа с постановкой на все виды довольствия в войсковую часть 93622. С 1 января 2011 г. изменился порядок финансирования, однако до 28 апреля 2011 г., то есть до момента рассмотрения дела в Реутовском гарнизонном военном суде, войсковая часть 93622 на финансовое обеспечение поставлена не была.

По указанной причине М. с 1 декабря 2010 г. не выплачивалось денежное довольствие, с января 2011 г. – денежная компенсация за поднаем жилья.

М. обратилась по команде с рапортом, в котором просила уволить ее с военной службы в связи с существенным и систематическим нарушением в отношении ее условий контракта.

Решением гарнизонного военного суда заявление М. удовлетворено по следующим основаниям.

В соответствии с контрактом о прохождении военной службы от 17 сентября 2008 г. Министерство обороны Российской Федерации взяло на себя обязательство обеспечить М. соблюдение прав, получение льгот, гарантий и компенсаций, установленных законодательными и иными нормативными правовыми актами, определяющими статус военнослужащего и порядок прохождения военной службы.

В силу ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» М. как офицер не вправе заниматься иной оплачиваемой деятельностью, поскольку свое право на труд она реализовала посредством прохождения военной службы. Ежемесячное денежное довольствие для М. является единственным источником ее доходов.

В соответствии со ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» государство гарантирует военнослужащим предоставление жилых помещений или выделение денежных средств на их приобретение в порядке и на условиях, которые устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Указанному военнослужащему, заключившему контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., и совместно проживающим с ними членам их семей на первые пять лет военной службы предоставляются служебные жилые помещения или общежития. При продолжении военной службы свыше указанных сроков им предоставляются жилые помещения на общих основаниях.

В случае отсутствия указанных жилых помещений воинские части арендуют жилые помещения для обеспечения военнослужащих-граждан и совместно проживающих с ними членов их семей или по желанию военнослужащих-граждан ежемесячно выплачивают им денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации.

При таких обстоятельствах дела суд пришел к обоснованному выводу, что М. имеет право на досрочное увольнение с военной службы в связи с существенным и систематическим нарушением в отношении ее условий контракта.

При увольнении с военной службы в соответствии с подп. «а» п. 3 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с существенным нарушением в отношении военнослужащего условий контракта должны быть установлены указанные нарушения

1 мая 2008 г. старшина 1 статьи Ж. во время прохождения военной службы в качестве курсанта школы техников Тихоокеанского военно-морского института им. С.О. Макарова ВУНЦ ВМФ «Военно-Морская Академия» (ТОВМИ) заключил контракт о прохождении военной службы на время обучения в школе техников и пять лет военной службы после ее окончания на должностях мичманов и прапорщиков. Подпунктом «б» п. 2 контракта установлена обязанность Министерства обороны Российской Федерации обеспечить Ж. качественный учебно-воспитательный процесс по избранной специальности, практику и стажировку, выдачу по окончании школы техников диплома о среднем профессиональном образовании и присвоить воинское звание «мичман». Вместе с тем, по окончании указанного образовательного учреждения Ж. воинское звание «мичман» присвоено не было, а он был выпущен из школы техников с прежним воинским званием и проходит военную службу в войсковой части 99396.

Полагая свои права нарушенными, Ж. обратился во Владивостокский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконным отказ командира войсковой части уволить его с военной службы в связи с существенным нарушением в отношении его условий контракта.

Решением гарнизонного военного суда заявление Ж. было удовлетворено.

Из копии контракта следует, что Министерство обороны Российской Федерации обязуется присвоить Ж. воинское звание «мичман» по окончании обучения. Копия диплома о среднем профессиональном образовании свидетельствует о том, что командованием ТОВМИ были выполнены обязательства о выдаче Ж. после завершения обучения диплома установленного образца.

Копией приказа командира войсковой части 99333 подтверждается, что Ж. зачислен в списки личного состава части на все виды обеспечения и назначен на воинскую должность техника без присвоения воинского звания «мичман».

Оценив представленные доказательства, суд пришел к обоснованному выводу о том, что в отношении Ж., безусловно, было допущено нарушение условий заклю-

ченного между заявителем и Министерством обороны Российской Федерации контракта о прохождении военной службы, заключающееся в неправомерности ему воинского звания «мичман», что было прямо предусмотрено подп. «б» п. 2 этого контракта, и указанное нарушение условий контракта является существенным, так как Федеральный закон «О статусе военнослужащих» для воинского звания «прапорщик» («мичман») предусматривает сравнительно большие социальные гарантии и льготы, чем для военнослужащих, имеющих воинское звание «сержант» («старшина»).

Поскольку заявитель обратился к командиру войсковой части 99333 с рапортом, в котором заявил о своем желании быть уволенным с военной службы по указанному выше основанию, и командир воинской части обладал полномочиями по увольнению с военной службы военнослужащих, суд возложил на указанное должностное лицо обязанность уволить заявителя с военной службы в запас на основании подп. «а» п. 3 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в связи с существенным нарушением в отношении военнослужащего условий контракта).

Отказ заявителя от увольнения с военной службы по состоянию здоровья до обеспечения жильем был ошибочно расценен как его согласие с увольнением по истечении срока контракта о прохождении военной службы

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2010 г. № 203-В10-17 по жалобе И. (извлечение)

Решением Саратовского гарнизонного военного суда от 18 декабря 2009 г. признаны незаконными приказы командования в части увольнения И. с военной службы и исключения его из списков личного состава воинской части и на воинских должностных лиц возложена обязанность восстановить заявителя на военной службе и в списках личного состава воинской части до обеспечения жильем помещением.

В обоснование удовлетворения требований заявления суд первой инстанции в решении указал, что И. после признания его ограниченно годным к военной службе заблаговременно, до истечения срока контракта, выразил желание уволиться с военной службы по состоянию здоровья, в связи с чем в соответствии с действующим законодательством имел право на выбор основания увольнения.

Поскольку заявитель в судебном заседании фактически подтвердил невозможность по объективным причинам сдать имевшуюся у него квартиру по прежнему месту военной службы, он, согласно выводу суда, приобрел право на повторное обеспечение жильем помещением.

Кассационным определением Приволжского окружного военного суда от 9 марта 2010 г. решение суда было отменено и принято новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

Не соглашаясь с выводами гарнизонного военного суда, суд кассационной инстанции указал, что с рапортом об увольнении по состоянию здоровья И. не обращался и нуждающимся в жилом помещении признан не был.

В надзорной жалобе И., утверждая, что у него имеется право на увольнение с военной службы по состоянию здоровья после получения жилья, просил кассационное определение отменить, оставив в силе решение гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом кассационной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела следует, что после признания И., общая продолжительность военной службы которого составляет более 20 лет, ограниченно годным к военной службе и в связи с окончанием 25 мая 2009 г. срока контракта заявитель дважды, 25 мая и 3 июня 2009 г., обращался по команде с рапортами о том, что по состоянию здоровья новый контракт он заключить не может, и ставил вопрос об обеспечении его жильем, то есть продолжать военную службу И. не желал.

В связи с изложенным командование 8 июня и 20 июля 2009 г. провело с заявителем беседы, в ходе которых он отказался быть уволенным с военной службы по состоянию здоровья до обеспечения жильем.

Изложенное указывает на то, что заявитель поставил свое увольнение в зависимость от получения жилья.

В суде установлено, что на момент окончания срока контракта заявитель имел право быть уволенным в запас по двум основаниям: по истечении срока контракта о прохождении военной службы и по состоянию здоровья.

Согласно п. 13 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, не обеспеченные на момент увольнения с военной службы жилыми помещениями, не могут быть исключены без их согласия из списка очередников на получение жилых помещений (улучшение жилищных условий) по последнему перед увольнением месту военной службы. Указанный порядок обеспечения жилыми помещениями распространяется и на военнослужащих, увольняемых с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более.

Поскольку с учетом общей продолжительности военной службы И. его увольнение с военной службы в запас по истечении срока контракта могло быть произведено без предоставления жилья, требование заявителя о предоставлении жилого помещения в период прохождения военной службы означало его отказ от увольнения по истечении срока контракта о прохождении военной службы и желание быть уволенным по иному основанию.

При таких данных вывод суда первой инстанции о том, что И. выразил согласие уволиться с военной службы по состоянию здоровья, что нашло отражение, в частности, в его рапортах и беседах с командованием, основан на материалах дела.

Согласно подп. «б» п. 3 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, имеет право на досрочное увольнение с военной службы по состоянию здоровья в связи с признанием военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе.

Следовательно, для увольнения указанного военнослужащего по состоянию здоровья, помимо признания его ограниченно годным к военной службе, необходимо согласие быть уволенным по состоянию здоровья.

По данному делу названные условия имеют место.

Таким образом, гарнизонный военный суд правомерно признал незаконными приказы командования в части увольнения заявителя с военной службы по истечении срока контракта и исключения из списков личного состава воинской части.

Правильным является решение суда первой инстанции и в части возложения на командование обязанности по обеспечению И. жилым помещением.

В суде установлено, что в 1990 г. заявителю, его жене и дочери от Министерства обороны была предоставлена однокомнатная квартира.

После убытия в 2003 г. к новому месту службы и расторжения брака в 2005 г. И. в судебном порядке предпринял меры к изменению договора социального найма жилого помещения и его принудительному обмену, а также к получению справки из КЭЧ о сдаче жилого помещения, однако решениями Балашовского городского суда Саратовской области от 22 декабря 2005 г., Балашовского районного суда Саратовской области от 7 апреля 2009 г. и Саратовского гарнизонного военного суда от 17 марта 2009 г. ему в этом было отказано.

В суде заявитель пояснил, что он обращался в Администрацию г. Балашова с заявлением о размене квартиры, однако предпринятые Администрацией меры положительного результата также не дали. Это пояснение ничем не опровергнуто.

Из изложенного следует, что И. принял все зависящие от него меры по сдаче доли жилого помещения, в связи с чем он не может быть признан обеспеченным жилым помещением.

В соответствии с ч. 3 ст. 52 ЖК РФ приняты на учет граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях осуществляется органом, осуществляющим принятие на учет, на основании заявлений данных граждан.

Из материалов дела усматривается, что до увольнения с военной службы в запас заявитель установленным порядком обратился в жилищную комиссию воинской части с рапортом о признании его нуждающимся в жилом помещении.

Таким образом, И. правомерно поставил вопрос об обеспечении его жилым помещением в период прохождения военной службы с последующим увольнением с военной службы в запас по состоянию здоровья.

Вывод суда кассационной инстанции об обратном свидетельствует о неправильном истолковании закона.

Указанное обстоятельство явилось основанием для отмены в порядке надзора кассационного определения Приволжского окружного военного суда и оставления в силе решения Саратовского гарнизонного военного суда по заявлению И.

Решение о досрочном увольнении военнослужащего с военной службы в связи с переводом на федеральную государственную гражданскую службу должно быть основано не только на волеизъявлении военнослужащего, но и на объективных данных, свидетельствующих о возможности его поступления на конкретную должность федеральной государственной гражданской службы

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2012 г. № 201-КГ12-6 по заявлению Г. (извлечение)

Московский гарнизонный военный суд 7 июля 2011 г. отказал Г. в удовлетворении заявления в части оспаривания приказа министра обороны Российской Федерации о досрочном увольнении заявителя с военной службы в связи с переводом на федеральную государственную гражданскую службу (подп. «ж» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»).

Московский окружной военный суд, рассмотрев 25 августа 2011 г. дело в кассационном порядке, оставил данное решение без изменения.

В кассационной жалобе Г., указывая на то, что его согласие на увольнение в связи с переводом на федеральную государственную гражданскую службу было обусловлено сделанным ему командованием предложением о прохождении федеральной государственной гражданской службы в созданном Департаменте, просил судебные постановления отменить и принять новое решение – об удовлетворении его требований в полном объеме.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Военная коллегия пришла к выводу о том, что судом кассационной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела следует, что в связи с расформированием воинской части, в которой Г. проходил военную службу, он дал согласие и в связи с этим был отобран кандидатом для комплектования Департамента Министерства обороны Российской Федерации на должность федеральной государственной гражданской службы. После этого Г. обратился по команде с рапортом об увольнении с военной службы в связи с переводом на федеральную государственную гражданскую службу и с заявлением о принятии на федеральную государственную гражданскую службу.

Однако после увольнения Г. с военной службы по названному основанию в приеме на государственную гражданскую службу ему было отказано.

Несмотря на исследование в судебном заседании доказательств, характеризующих направленность и сущность действий различных должностных лиц Министерства обороны Российской Федерации как в период, предшествующий увольнению заявителя с военной службы, так и в последующий период, они оценки в решении суда не получили.

Отказывая в удовлетворении требований Г., суды пришли к выводу, что действующее законодательство не гарантирует военнослужащему, уволенному в связи с переводом на федеральную государственную гражданскую службу, принятие на такую. Что же касается должностного лица, к компетенции которого относится увольнение, то оно не должно и не может, по мнению судов, предвидеть дальнейших событий, поскольку обладает лишь полномочиями, связанными с увольнением с военной службы.

Такой вывод основан на ошибочном истолковании норм материального права.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» государственная гражданская служба и военная служба входят в единую систему государственной службы. При этом, военная служба является видом федеральной государственной службы.

Согласно ст. 8 названного Федерального закона должности государственной службы подразделяются на должности федеральной государственной гражданской и государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации, воинские должности и должности правоохранительной службы.

Впоследствии Федеральным законом от 6 июля 2006 г. № 105-ФЗ п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» был дополнен подп. «ж», согласно которому военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть уволен досрочно в связи с переводом на федеральную государственную гражданскую службу. Данная норма корреспондирует п. 3 ст. 8 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», закрепляющему возможность учреждения в одном федеральном государственном органе должностей государственной службы различных видов, что, в свою очередь, предполагает необходимость увольнения военнослужащего с военной службы при его переводе на федеральную государственную гражданскую службу.

В данном случае под переводом понимается совокупность юридических и фактических действий, в результате которых бывший военнослужащий продолжает проходить федеральную государственную службу, но только иного вида, то есть его служебная (трудовая) деятельность не прекращается, что и является гарантией соблюдения конституционного права на труд.

Что касается волеизъявления военнослужащего на увольнение по подп. «ж» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», то само по себе оно не обязывает командира (начальника) принять в отношении его положительное решение, поскольку такое решение должно быть основано не только на волеизъявлении военнослужащего, но и на объективных данных, свидетельствующих о возможности его поступления на конкретную должность федеральной государственной гражданской службы.

В связи с изложенным суду надлежало выяснить, предшествовали ли увольнению Г. подготовительные мероприятия, проводимые федеральным государственным органом – будущим нанимателем и направленные на оценку возможности назначения его на должность федеральной государственной гражданской службы, а также имелись ли к этому препятствия. Однако этого сделано не было.

Между тем только после установления указанных обстоятельств можно дать оценку действиям командования, связанным с представлением заявителя к увольнению, и увольнению его по подп. «ж» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Невыяснение судом названных обстоятельств привело к тому, что суд оставил без внимания другие имеющие значение для дела обстоятельства, связанные с возможностью продолжения Г. военной службы либо выбора им иного основания увольнения, хотя без этого невозможно принятие решения по заявленным им требованиям.

На основании изложенного Военная коллегия отменила решение гарнизонного военного суда от 7 июля 2011 г. и кассационное определение окружного военного суда от 25 августа 2011 г., а дело в указанной части направила на новое рассмотрение в Московский гарнизонный военный суд.

Наличие поданного военнослужащим рапорта для увольнения с военной службы по собственному желанию и заключение аттестационной комиссии воинской части не являются безусловными основаниями для увольнения по данному основанию

Лейтенант Д. обратился в Черняховский гарнизонный военный суд с заявлением об оспаривании действий командира войсковой части 90151 и командующего Балтийским флотом, связанных с отказом в увольнении по собственному желанию. Решением суда в удовлетворении заявления было отказано по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что командованием войсковой части 90151 после подачи Д. рапорта об увольнении по собственному желанию с ним была проведена беседа, аттестационная комиссия и он был установленным порядком представлен к увольнению по избранному основанию. Представление командира части было поддержано начальником береговых войск Балтийского флота, однако командующий Балтийским флотом, в рамках предоставленных ему полномочий, в увольнении заявителя по данному основанию отказал, посчитав указанные обстоятельства досрочного увольнения заявителя недостаточными.

Для увольнения военнослужащего с военной службы по данному основанию согласно положениям пп. 12 и 13 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы требуется наличие рапорта военнослужащего и, если это необходимо, других документов, а также соответствующего заключения аттестационной комиссии.

Согласно п. 14 той же статьи Положения перед представлением военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, к увольнению с военной службы уточняются данные о прохождении им военной службы, с ним проводится индивидуальная беседа, как правило, командиром воинской части.

В соответствии с рапортом Д. от 13 октября 2010 г. он добровольно обратился к командованию с просьбой об увольнении в запас по собственному желанию по п. 6 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Из исследованных в суде листа беседы, аттестационного листа, выписки из протокола заседания аттестационной комиссии, представления, справок о семейном положении, личного дела офицера следует, что Д. в декабре 2010 г. был представлен к увольнению с военной службы в соответствии с поданным рапортом по собственному желанию.

Согласно сопроводительному письму начальника отдела кадров Балтийского флота от 28 февраля 2011 г. Д. в увольнении по собственному желанию отказано в связи с отсутствием оснований для увольнения по указанной статье Закона.

По смыслу Закона в случае, предусмотренном п. 6 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», военнослужащим право увольнения с военной службы по собственному желанию не предоставлено – военнослужащему дано только право на рассмотрение его обращения аттестационной комиссией.

Такой порядок реализации права военнослужащих на свободу распоряжения своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии обусловлен спецификой военной службы, связанной в первую очередь с необходимостью беспрекословного выполнения военнослужащими поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни, для обеспечения обороны и безопасности страны. Поэтому наличие у военнослужащего самого желания уволиться с военной службы не является достаточным основанием для возникновения у него права требования увольнения с военной службы. Командующим Балтийским флотом, наделенным правом разрешать вопросы увольнения офицеров Балтийского флота, доводы военнослужащего Д. признаны недостаточными (неуважительными) для увольнения с военной службы досрочно, поэтому заявителю было обоснованно отказано в увольнении с военной службы по собственному желанию, что признано судом соответствующим действующему законодательству.

Отказ военнослужащего от увольнения по собственному желанию до издания приказа об увольнении является основанием для прекращения процедуры увольнения

Приказом командующего Балтийским флотом от 15 марта 2010 г. Н. досрочно уволен с военной службы по собственному желанию в соответствии с п. 6 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», а приказом командира войсковой части 70023 с 21 июня 2010 г. исключен из списков личного состава.

Полагая свои права нарушенными, Н. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать данные приказы незаконными и обязать соответствующих должностных лиц восстановить его на военной службе и в списках личного состава войсковой части, обеспечив за этот период всеми положенными видами довольствия.

В обоснование своих требований Н. указал, что хотя первоначально в своем рапорте от 12 января 2010 г. он изъявил желание уволиться с военной службы по собственному желанию, однако уже 19 января 2010 г. он подал командиру войсковой части 70023 новый рапорт, в котором просил не реализовывать предыдущий, что осталось без внимания командования.

Решением 224-го гарнизонного военного суда заявление Н. признано обоснованным. При этом, суд пришел к выводу, что заявитель, подав по команде рапорт об отказе от увольнения по собственному желанию, действовал в соответствии с положениями Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Согласно ч. 6 ст. 51 Федерального закона от 26 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, по заключению аттестационной комиссии может быть уволен с

военной службы досрочно по собственному желанию при наличии у него уважительных причин. Аналогичное положение содержится в п. 13 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

Из изложенного следует, что для увольнения военнослужащего с военной службы по собственному желанию необходимо, чтобы военнослужащий привел уважительные причины для увольнения, а аттестационная комиссия, в свою очередь, рассматривая направленные ей материалы, а также непосредственно заслушав военнослужащего, должна убедиться, что причины для увольнения у военнослужащего уважительные.

Поскольку заявитель изменил свою позицию относительно взысканного им намерения уволиться с военной службы по собственному желанию и до принятия уполномоченным должностным лицом по этому поводу соответствующего решения настаивал на прохождении военной службы, то оснований для издания приказа командующего Балтийским флотом от 15 марта 2010 г. не имелось.

При увольнении с военной службы в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта необходимо установить, какие конкретно условия контракта нарушены

С. обратился в Нижегородский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать состоявшиеся в отношении его приказы об увольнении с военной службы и об исключении из списков личного состава воинской части незаконными.

Решением суда заявление С. удовлетворено по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что 15 марта 2010 г. С. убыл в командировку, прибыв из которой 20 марта, узнал о своем увольнении с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта приказом командира войсковой части 54096 от 16 марта 2010 г. В ответ на его обращение о причине увольнения командование воинской части никаких объяснений не дало.

Основанием наложенного на С. дисциплинарного взыскания в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта явились результаты анонимного анкетирования военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, согласно которым С. являлся «негативным лидером».

В качестве основания досрочного увольнения заявителя с военной службы командир воинской части сослался на материалы административного расследования.

Из изложенного на одном листе «Административного расследования» следует, что в результате проведенного анонимного анкетирования военнослужащих выявлены неуставные взаимоотношения со стороны, в частности, сержанта С.

Указанный документ, зарегистрированный в воинской части 17 марта 2010 г., содержит датированную 17 марта резолюцию командира воинской части об увольнении, в частности, С.

Принимая решение по заявлению С. об оспаривании привлечения его к дисциплинарной ответственности в виде досрочного увольнения с военной службы, суд руководствовался следующими правовыми нормами.

Согласно ст. 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» (в редакции Федерального закона от 25 декабря 2009 г. № 339-ФЗ) военнослужащий привлекается к дисциплинарной ответственности за дисциплинарный проступок, то есть за противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности. Военнослужащий привлекается к дисциплинарной ответственности только за тот дисциплинарный проступок, в отношении которого установлена его вина.

Вина военнослужащего при привлечении его к дисциплинарной ответственности должна быть доказана в порядке, установленном указанным Федеральным законом и другими федеральными законами, и установлена решением командира или вступившим в законную силу постановлением судьи военного суда.

Военнослужащий, привлекаемый к дисциплинарной ответственности, не обязан доказывать свою невиновность. Неустрашимые сомнения в виновности военнослужащего, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, толкуются в его пользу.

Согласно ст. 28.8 указанного Федерального закона по каждому факту совершения военнослужащим дисциплинарного проступка проводится разбирательство.

В ходе разбирательства должны быть собраны доказательства, на основании которых могут быть установлены обстоятельства, подлежащие выяснению при привлечении военнослужащего к дисциплинарной ответственности.

Аналогичные положения содержатся и в гл. 3 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации.

Поскольку приказ командира войсковой части 54096, связанный с привлечением С. к дисциплинарной ответственности и увольнением его с военной службы, не соответствовал приведенным правовым нормам (не установлена вина заявителя в совершении проступка, как не назван и сам проступок, не проведено разбирательство), гарнизонный военный суд признал его незаконным и необоснованным.

Военнослужащий вправе оспорить в военном суде не только обоснованность привлечения к дисциплинарной ответственности, но и соответствие наложенного дисциплинарного взыскания тяжести совершенного проступка и степени его вины

Лейтенант К. приказом командующего Тихоокеанским флотом от 20 мая 2011 г. уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта на том основании, что, по мнению командира войсковой части 30973, ненадлежащее исполнение К. своих должностных обязанностей привело к самоубийству 28 апреля 2011 г. его подчиненного Х. в связи с моральным и физическим давлением на него матросов Ч. и С., а также младшего сержанта А.

К. обратился с заявлением в 35-й гарнизонный военный суд с требованием признать оспариваемый приказ необоснованным и незаконным. В обоснование данных требований К. ссылаясь на то, что не имел упущений по службе, которые бы привели к самоубийству 28 апреля 2011 г. матроса Х. Кроме того, в период с 1 апреля по 25 мая 2011 г. К. находился в основном отпуске за 2011 г. и по службе характеризуется положительно.

Решением гарнизонного военного суда заявление К. удовлетворено по следующим основаниям.

В соответствии с подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Вместе с тем, из смысла правовых норм указанного Закона в их совокупности с нормами общевоинских уставов следует, что под невыполнением военнослужащим условий контракта, влекущим его досрочное увольнение с военной службы, подразумевается совершение военнослужащим виновных действий, несовместимых с взятыми на себя обязательствами по контракту о прохождении военной службы.

Между тем суду не было представлено каких-либо убедительных доказательств совершения заявителем таких действий.

Как видно из служебной карточки и служебной характеристики, за весь период военной службы К., до издания оспариваемого приказа о его увольнении, характеризовался положительно и имел лишь одно дисциплинарное взыскание за «неудовлетворительную работу по изучению индивидуально-деловых качеств подчиненного личного состава и незнание обстановки в воинском коллективе», наложенное приказом командующего войсками Восточного военного округа от 7 мая 2011 г. в связи с самоубийством 28 апреля 2011 г. матроса Х.

Из материалов дела и объяснений сторон следует, что перед изданием командующим Тихоокеанским флотом оспариваемого приказа аттестационный лист, содержащий отзыв или вывод о несоответствии К. занимаемой воинской должности или о наличии у него существенных недостатков в исполнении общих, должностных или специальных обязанностей, аттестационной комиссией не рассматривался вовсе и заседание аттестационной комиссии воинской части с участием заявителя, а также его непосредственного или прямого командира (начальника) не проводилось.

Согласно объяснениям сторон в судебном заседании К. перед изданием оспариваемых приказов вообще не была предоставлена возможность каким-либо образом дать свои объяснения по поводу предъявленного ему обвинения в халатности, поскольку командиром войсковой части 30973 и командующим Тихоокеанским флотом были сделаны выводы о ненадлежащем исполнении К. обязанностей по службе без получения каких-либо объяснений в ходе проведенного административного расследования и, как видно из материалов дела, без установления его вины в этом.

Представленное суду представителем должностных лиц заключение по материалам административного расследования от 30 апреля 2011 г., подписанное командующим войсками и силами на Северо-Востоке Российской Федерации, не только не содержало описания обстоятельств проступка (правонарушения), который вменен в вину К., но также не содержало сведений, какие при этом законы, нормы воинских уставов, приказов, наставлений или правил им нарушены, какова причинная связь между этими действиями (бездействием) и наступившими вредными последствиями, не отражено отношение виновного лица к совершенному проступку, если таковой вообще имел место.

Таким образом, соответствующими должностными лицами вина заявителя как в совершенном самоубийстве Х., так и в ненадлежащем выполнении им своих обязанностей по военной службе надлежащим образом установлена не была, что не позволило им принять обоснованное решение о дальнейшем прохождении К. военной службы.

При таких обстоятельствах оспариваемый приказ командующего Тихоокеанским флотом об увольнении заявителя с военной службы суд признал необоснованным.

Если после применения дисциплинарного взыскания – предупреждение о неполном служебном соответствии – военнослужащий не исправил свое поведение образцовым выполнением воинского долга и взыскание не сыграло своей воспитательной роли, командир (начальник) вправе принять решение о досрочном увольнении такого военнослужащего с военной службы

П., начальник продовольственной службы Серпуховского военного института ракетных войск, досрочно уволен с военной службы в запас в соответствии с подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта).

Полагая свои права нарушенными, П. обратился в 235-й гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконным приказ о его увольнении с военной службы. Решением гарнизонного военного суда в удовлетворении заявления П. отказано по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что приказом начальника Серпуховского военного института ракетных войск от 18 июня 2010 г. П. объявлено дисциплинарное взыскание – предупреждение о неполном служебном соответствии – за невыполнение должностных обязанностей, нарушения требований ст. 26 Федерального закона «О статусе военнослужащих», ст.ст. 113, 128 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, Руководства по войсковому (корабельному) хозяйству в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом министра обороны Российской Федерации от 23 июля 2004 г. № 222, выразившиеся в несоблюдении санитарно-гигиенических требований при хранении и обработке продуктов, приготовлении и приеме пищи, содержании помещений столовой и столовой-кухонной посуды, технологического, холодильного, немеханического оборудования, в невыполнении требований безопасности при их эксплуатации.

Согласно приказу начальника Серпуховского военного института ракетных войск от 2 июля 2010 г. указанным воинским должностным лицом по результатам проверки продовольственной службы по отдельным вопросам принято решение: начальника продовольственной службы П. за систематические нарушения должностных обязанностей и в соответствии с требованиями ст. 96 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации рассмотреть на аттестационной комиссии Серпуховского военного института ракетных войск на предмет досрочного увольнения с военной службы в запас как имеющего неснятое дисциплинарное взыскание – предупреждение о неполном служебном соответствии.

Аттестационной комиссией Серпуховского военного института ракетных войск 15 октября 2010 г. принято решение представить П. к увольнению с военной службы за невыполнение им условий контракта.

Из представления к увольнению с военной службы от 19 октября 2010 г. следует, что П. при решении задач продовольственной службы настойчивости для достижения желаемого результата не проявляет, стремится найти причины для невыполнения задач повседневной деятельности. В нарушение требований ст.ст. 113 и 128 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации организацией установленного учета материальных средств продовольственной службы с апреля 2010 г. не занимается. Работой подчиненного личного состава службы не руководит.

Названные обстоятельства подтверждаются имеющимися в материалах дела актами о результатах инвентаризации продовольственного склада и овощехранилища от 9 апреля 2010 г., из которых следует, что в ходе инвентаризации выявлена недостача 7 наименований овощей на общую сумму 231 225 руб. 35 коп., в том числе сверх норм естественной убыли в размере 192 921 руб. 93 коп., а на продовольственном складе имеется недостача 6 наименований продуктов на общую сумму 609 руб. 10 коп. и излишки 30 наименований продуктов на общую сумму 114 765 руб. 16 коп., актом ревизии хозяйственной деятельности продовольственной службы Серпуховского военного института ракетных войск от 25 марта 2010 г., материалами административного расследования от 4 мая 2010 г., актом проверки продовольственной службы Серпуховского военного института ракетных войск по отдельным вопросам от 11 июня 2010 г.

Исходя из изложенного гарнизонный военный суд правомерно пришел к выводу о том, что у командования имелись достаточные основания для представления к увольнению и увольнения П. с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта и, как следствие, о законности оспоренного заявителем приказа.

Совершение военнослужащим единичного грубого дисциплинарного проступка может являться достаточным основанием для его досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта

Решением 35-го гарнизонного военного суда удовлетворено заявление А. об оспаривании действий командующего Тихоокеанским флотом, связанных с досрочным увольнением А. с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Фактическим основанием для досрочного увольнения А. с военной службы явилась установленный в ходе проведения административного расследования факт сокрытия А. преступления, совершенного мичманом Б., и возбуждение в связи с этим в отношении А. уголовного дела.

Согласно материалам административного расследования А., являясь помощником командира корабля, в нарушение действующего законодательства не произвел доклад вышестоящему командованию о травме, причиненной мичманом Б. матросу Кич.

В дальнейшем при проведении телесного осмотра сотрудниками военной прокуратуры матрос К. по указанию А. представился Кич. и предъявил при этом военный билет последнего с переклеенной фотографией, который был передан ему А.

В связи с изложенными обстоятельствами А. был рассмотрен аттестационной комиссией воинской части, которая согласовала представление его к увольнению с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и сделала вывод о том, что он не соответствует занимаемой должности.

Указанные обстоятельства были установлены судом первой инстанции, однако судом сделан вывод о том, что они не могут являться основанием для досрочного увольнения А. с военной службы ввиду того, что по службе он характеризовался положительно и дисциплинарных взысканий не имел.

Данный вывод суда является ошибочным.

Установленный командованием факт сокрытия А. преступления, что является грубым дисциплинарным проступком, свидетельствует о существенном и грубом нарушении заявителем условий заключенного им контракта о прохождении военной службы и может являться основанием для его досрочного увольнения.

Тихоокеанский флотский военный суд решение гарнизонного военного суда по данному делу отменил и принял новое решение, которым в удовлетворении требования А. отказал в связи с необоснованностью.

Участие военнослужащего в заседании аттестационной комиссии при рассмотрении вопроса о досрочном увольнении с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта обязательно

Приказом командующего войсками Западного военного округа от 28 апреля 2011 г. подполковник Е. досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта, на основании того, что 6 апреля 2011 г. при производстве работ имело место происшествие на складе.

Решением Тамбовского гарнизонного военного суда заявление Е. о признании незаконным приказа о его досрочном увольнении с военной службы удовлетворено по следующим основаниям.

Из протокола заседания аттестационной комиссии следует, что представление об увольнении Е. по указанному выше основанию было рассмотрено только 29 апреля 2011 г. Заключением аттестационной комиссии и прямыми командиров было принято решение о досрочном увольнении заявителя.

Согласно ст.ст. 26, 27 Положения о порядке прохождения военной службы в целях всесторонней и объективной оценки военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, определения их соответствия занимаемой воинской должности и перспектив дальнейшего служебного использования, проводится аттестация.

На заседании аттестационной комиссии рассматриваются, в частности, результаты аттестации военнослужащего и представления к досрочному увольнению с военной службы военнослужащих, увольняемых по решению командования.

Порядок организации и проведения аттестации определяется руководителем соответствующего федерального органа исполнительной власти, в котором проводится аттестация.

Пункт 5 ст. 27 Положения закрепляет, что на заседания аттестационной комиссии воинской части в необходимых случаях могут приглашаться аттестуемые военнослужащие, командиры (начальники) подразделений, в подчинении которых находятся аттестуемые военнослужащие, и другие должностные лица.

Это, однако, не предполагает, что аттестационная комиссия может не учитывать значение рассматриваемых ею вопросов и принимаемых по ним решений для дальнейшей судьбы военнослужащих и в связи с этим произвольно разрешать вопрос о необходимости приглашения аттестуемого военнослужащего на свои заседания.

Поскольку рассмотрение вопроса о досрочном увольнении военнослужащего с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта является крайней мерой, когда применение иной формы воздействия на военнослужащего, в том числе дисциплинарного характера, и использование его на военной службе невозможно, то участие военнослужащего в заседании аттестационной комиссии обязательно.

Исходя из представленных в суд документов, должностными лицами была нарушена процедура представления подполковника Е. к увольнению с военной службы.

Решение об увольнении Е. с военной службы было принято после происшествия на складе. В то же время не установлено, в чем конкретно выразилась его вина, а также ни должностным лицом, ни его представителем не представлены документы, подтверждающие обоснованность представления к увольнению Е. с военной службы.

Указанное обстоятельство свидетельствует о невыполнении должностными лицами процессуальной обязанности, закрепленной в ч. 1 ст. 249 ГПК РФ.

С учетом изложенного, а также того, что приказ об увольнении Е. датирован 28 апреля 2011 г., а все документы по представлению заявителя к увольнению изготовлены 29 апреля 2011 г., действия командующего по изданию приказа об увольнении Е. с военной службы гарнизонный военный суд признал незаконными.

Неудовлетворительная оценка при сдаче нормативов по физической подготовке может являться причиной для увольнения с военной службы военнослужащего в связи с невыполнением условий контракта

Приказом командира войсковой части 14020 от 2 ноября 2011 г. сержант З. досрочно уволен с военной службы на основании подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и с 3 ноября 2011 г. исключен из списков личного состава части.

Утверждая, что с его стороны отсутствуют факты несоблюдения условий контракта, З. просил признать указанный приказ командира воинской части незаконным, обязать должностное лицо восстановить его на военной службе в равной должности с обеспечением за период незаконного увольнения всеми положенными видами довольствия.

Решением гарнизонного военного суда в удовлетворении заявления З. отказано по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что З., в конце 2010 г. при сдаче физической подготовки получил неудовлетворительную оценку, до момента его представления к увольнению осенью 2011 г. по данному основанию норматив по физической подготовке на положительную оценку не сдал, уклонялся от приведения своей физической формы в соответствие с требованиями, предъявляемыми действующим законодательством.

В соответствии со ст. 12 Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации в случае, если военнослужащий, не выполнивший установленных контрольные нормативы по физической подготовке, по истечении пятимесячного срока повторно не сдаст проверку физической подготовленности, он представляется для рассмотрения на аттестационную комиссию.

Таким образом, вывод суда о наличии у командования оснований для того, чтобы, признав уровень физической подготовки З. не соответствующим предъявляемым к нему требованиям, расценить это обстоятельство как невыполнение заявителем условий контракта, соответствует материалам дела и основан на правильном применении норм материального права.

Совершение военнослужащим преступления может являться основанием для его увольнения в связи с невыполнением условий контракта

Старший лейтенант Л. обратился в гарнизонный военный суд с просьбой признать незаконными действия командующего Балтийским флотом, связанные с досрочным увольнением его с военной службы в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта, а также действия командира войсковой части 20963, связанные с исключением его из списков личного состава части, в связи с чем просил обязать указанных должностных лиц отменить соответствующие приказы, восстановить его на военной службе и в списках личного состава части.

Гарнизонный военный суд в удовлетворении требований Л. отказал. Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы жалобы, Балтийский флотский военный суд признал решение законным и обоснованным.

В решении правильно указано, что заявитель, проходивший военную службу по контракту, согласно условиям данного контракта добровольно давал обязательства в период прохождения военной службы добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Названное условие заключенного заявителем контракта о прохождении военной службы обязывало Л. в течение всего периода времени его военной службы по контракту добросовестно исполнять действующие законы и нормативные правовые акты, а также возложенные на него должностные обязанности, в том числе не совершать правонарушений и преступлений.

Имевший место в 2011 г. факт совершения заявителем на службе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, выразившегося в мошенничестве, и прекращение судом уголовного дела в связи с деятельным раскаянием, то есть по неработающему основанию, не оспаривались Л. в судебном заседании.

При этом, сам по себе факт прекращения уголовного преследования Л. лишь в связи с его деятельным раскаянием, вопреки его ошибочному мнению, подтвердил совершение заявителем преступления и при этом аннулировал все правовые последствия, связанные с привлечением к уголовной ответственности, но не с фактом его отношения к исполнению условий заключенного им контракта о прохождении военной службы и фактом грубого нарушения этих условий.

Обоснованно суд первой инстанции указал в решении и то, что при изложенных обстоятельствах факт добросовестной службы заявителя до и после совершения преступления не ставит под сомнение законность оснований к досрочному увольнению заявителя с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Поскольку Л. был исключен из списков части во исполнение указанного приказа об увольнении с военной службы и его права на обеспечение различными видами довольствия при исключении из списков части нарушены не были, то и оспоренный приказ командира войсковой части 20963 суд также обоснованно признал законным.

При прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим военнослужащий может быть уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта

Старший лейтенант А. обратился в гарнизонный военный суд с заявлением об оспаривании приказа командующего Балтийским флотом от 12 августа 2010 г., которым заявитель был досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта о прохождении военной службы.

Под невыполнением указанным военнослужащим условий контракта о прохождении военной службы командующий флотом посчитал то, что А. в 2010 г. за различные упущения по службе четырежды привлекался к дисциплинарной ответственности и, кроме того, 3 мая 2010 г., управляя транспортным средством, нарушил Правила дорожного движения, что привело к дорожно-транспортному происшествию, в результате которого погиб человек.

А., ссылаясь на то, что постановлением судьи от 29 июля 2010 г. уголовное дело по обвинению его в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, было прекращено ввиду примирения с потерпевшим, обратился в Балтийский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором оспорил вышеназванный приказ о его досрочном увольнении с военной службы и просил обязать командующего флотом данный приказ отменить.

Суд первой инстанции указанные требования А. удовлетворил полностью: признал незаконным приказ командующего Балтийским флотом от 12 августа 2010 г. и обязал названное воинское должностное лицо этот приказ в части, касающейся заявителя, отменить.

Удовлетворяя требование заявителя, суд первой инстанции исходил из того, что единственным поводом к досрочному увольнению А. с военной службы послужило то, что он в личное время совершил дорожно-транспортное происшествие, уголовное дело по которому было прекращено ввиду примирения с потерпевшим.

Между тем такой вывод свидетельствует о его несоответствии обстоятельствам дела, а также о неправильном толковании судом первой инстанции норм материального права, регулирующих оспариваемые правоотношения.

Заявителем не оспаривалось то, что в период действия контракта о прохождении военной службы в 2010 г. он, наряду с одним поощрением, четыре раза привлекался к дисциплинарной ответственности за различные упущения по службе, на что указывают записи в его служебной карточке и выписки из соответствующих приказов.

Кроме того, о неудовлетворительном исполнении А. служебных обязанностей в период действия контракта о прохождении военной службы свидетельствует и исследованный в судебном заседании аттестационный лист, согласно которому за период службы заявитель характеризовался «с посредственной стороны», «требовал контроля» за исполнением им должностных обязанностей, повышением своих знаний «занимался не систематически», общевоинскими уставами в повседневной деятельности «руководствовался не всегда», имел «невысокие дисциплину и исполнительность».

Помимо этого, согласно постановлению о прекращении уголовного дела от 29 июня 2010 г., которое А. не обжаловалось, последний при управлении транспортным средством 3 мая 2010 г., то есть в период действия контракта о прохождении военной службы, грубо нарушил Правила дорожного движения, что привело к дорожно-транспортному происшествию и повлекло смерть человека. Согласившись с прекращением в отношении его данного уголовного дела, А. тем самым признал предъявленное ему обвинение в совершении этого общественно опасного уголовно наказуемого деяния.

В связи с изложенным прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям в силу ст. 25 и ч. 2 ст. 27 УПК РФ и вопреки ошибочному мнению заявителя об обратном не опровергало факт грубого нарушения им при управлении транспортным средством Правил дорожного движения и наступивших в связи с этим негативных последствий, что, в свою очередь, также отрицательно характеризует А. Указанные нарушения Правил дорожного движения и УК РФ, которые заявитель при заключении контракта о прохождении военной службы добровольно обязывался соблюдать, свидетельствовали о негативном отношении этого военнослужащего к исполнению положений действующего законодательства.

Все указанные объективные обстоятельства, которые не вызывают сомнений в их достоверности, позволяли командующему Балтийским флотом расценить совокупность негативного поведения названного военнослужащего и его отрицательные характеристики как неисполнение А. условий заключенного контракта о прохождении военной службы.

Таким образом, командующий Балтийским флотом, издавая 12 августа 2010 г. приказ о досрочном увольнении старшего лейтенанта А. с военной службы в связи с

невыполнением условий контракта, в сложившейся ситуации действовал правомерно и обоснованно, в пределах предоставленных ему должностных полномочий, а изданный им и оспоренный заявителем приказ является законным.

Определением флотского военного суда решение гарнизонного военного суда отменено и принято новое решение – об отказе в удовлетворении требований А.

Увольнение с военной службы военнослужащих, являющихся подозреваемыми или обвиняемыми в совершении преступлений, до вступления в законную силу приговора суда, при отсутствии других оснований для увольнения, противоречит законодательству

Капитан запаса Ф. обратился в гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконными действия командующего ВДВ, связанные с изданием приказа от 26 ноября 2010 г. об увольнении его с военной службы.

Из материалов дела следует, что 21 сентября 2010 г. в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

30 сентября 2010 г. командиром воинской части Ф. был представлен к освобождению от занимаемой воинской должности и зачислению в распоряжение командира войсковой части 71211 в связи с возбуждением в отношении его уголовного дела. При этом, в названном представлении заявитель характеризовался по службе только положительно.

Из служебной карточки усматривается, что за период службы в войсковой части 71211 заявитель каких-либо дисциплинарных взысканий не имел.

Из листа беседы от 24 ноября 2010 г. следует, что с Ф. была проведена беседа по вопросу досрочного увольнения с военной службы в связи с возбуждением в отношении его уголовного дела. В данном листе беседы указано, что заявитель с увольнением с военной службы был не согласен.

В соответствии с п. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

Как отметил Европейский Суд по правам человека в своем Постановлении от 18 марта 2010 г. по делу «Кузьмин против Российской Федерации», презумпция невиновности, предусмотренная п. 2 ст. 6 Конвенции, не сводится лишь к процессуальным гарантиям по уголовным делам. Ее сфера действия является более широкой, включая требование, чтобы представители государства или публичной власти не заявляли о том, что лицо виновно в преступлении, пока его вина не будет установлена судом.

До вступления в законную силу обвинительного приговора суда законных оснований утверждать, в силу ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации, что преступление, в совершении которого обвиняют заявителя, действительно имело место быть и его совершением Ф. нарушил условия контракта, не имелось.

В соответствии со ст. 47 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащий привлекается к дисциплинарной ответственности только за тот дисциплинарный проступок, в отношении которого установлена его вина. При этом, вина военнослужащего, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, должна быть доказана в порядке, определенном федеральными законами.

Порядок установления виновности лица в совершении преступления определен УПК РФ. Иного порядка установления виновности лица в совершении уголовно наказуемого деяния, в том числе в процессе дисциплинарного разбирательства, действующим законодательством не предусмотрено.

Согласно ст. 14 УПК РФ обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном указанным Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Каких-либо данных о том, что на момент совершения оспариваемых действий имелся вступивший в законную силу приговор суда, не имеется.

Так как приказом командира войсковой части 65451 от 3 ноября 2010 г. заявитель был освобожден от занимаемой воинской должности и зачислен в распоряжение командира войсковой части 71211 в связи с возбуждением в отношении военнослужащего уголовного дела, то в соответствии с подп. «в» п. 2 ст. 13 Положения о порядке прохождения военной службы Ф. не мог быть представлен к увольнению и уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта до вынесения приговора по уголовному делу.

При таких обстоятельствах Ярославский гарнизонный военный суд обоснованно признал приказ об увольнении с военной службы незаконным и обязал командующего ВДВ его отменить.

Военнослужащий может быть уволен с военной службы в связи с нарушением запретов, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих», за совершение действий, связанных с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов и препятствующих добросовестному исполнению военнослужащим должностных обязанностей

Приказом начальника Пограничного управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 29 ноября 2009 г. С. уволен с военной службы на основании подп. «е.1» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

С. обратился в гарнизонный военный суд с заявлением, в котором оспорил обоснованность его увольнения с военной службы. Решением гарнизонного военного суда в удовлетворении заявления С. отказано по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» на военнослужащего распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции» и ст.ст. 17, 18 и 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», за исключением ограничений, запретов и обязанностей, препятствующих исполнению военнослужащим обязанностей по осуществлению оперативно-розыскной деятельности или обеспечению безопасности Российской Федерации.

В ст. 18 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в числе требований к служебному поведению гражданского служащего установлена его обязанность исполнять должностные обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне, не совершать действия, связанные с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному их исполнению.

Из справки по факту нарушения правил несения пограничной службы сотрудниками отделения пограничного контроля «Торфяновка-грузовое» КПП «Торфяновка» в г. Выборге следует, что 5 июля и 3 августа 2009 г. С. в период исполнения обязанностей в смене пограничных нарядов по досмотру транспортных средств и грузов на международном автомобильном пункте пропуска «Торфяновка» за вознаграждение устранил препятствие для незаконного перемещения через таможенную границу партии сигарет на значительную сумму.

Поскольку указанные действия С. совершил вопреки установленным законом требованиям к его служебному поведению, они обоснованно были расценены командованием как нарушение запретов, предусмотренных ст. 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Довод С. о том, что он не участвовал в контрабанде сигарет, опровергается сведениями, содержащимися в постановлении заместителя руководителя 301-го военного следственного отдела от 5 марта 2010 г. об отказе в возбуждении уголовного дела. В нем указано, что результаты контроля и записи телефонных переговоров, показания другого подозреваемого и иные доказательства подтверждают причастность С. к совершению контрабанды. Об этом же свидетельствует основание отказа в возбуждении уголовного дела в отношении С. из-за отсутствия в деянии состава преступления, предусмотренного ст. 188 УК РФ, так как контрабанда не превышала крупного размера.

Правильный вывод сделан судом первой инстанции и по поводу нарушения С. требований ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции», поскольку он не выполнил обязанность уведомлять командование, органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему сослуживца, склонившего его к совершению коррупционного правонарушения. Отсутствие порядка уведомления в период его совершения не освобождало заявителя от этой обязанности, так как она прямо предусмотрена ч. 1 названной правовой нормы.

По смыслу ч. 2 ст. 9 указанного Закона уведомление о фактах обращения исключается из должностных (служебных) обязанностей государственного или муниципального служащего при условии, если по данному факту проведена или проводится про-

верка. Принимая во внимание то, что на момент обращения в целях склонения С. к правонарушению никаких проверок по данному факту не проводилось, его довод об освобождении от обязанности уведомления был признан судом необоснованным.

Военнослужащий не вправе заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе участвовать в управлении коммерческими организациями

М. приказом командира войсковой части 95006 от 25 сентября 2009 г. был досрочно уволен с военной службы в связи с нарушением запретов, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих», а приказом от 17 ноября 2009 г. исключен из списков личного состава воинской части с 19 ноября 2010 г.

Полагая свои права нарушенными, М. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать незаконными вышеуказанные приказы о его досрочном увольнении с военной службы и исключении из списков личного состава воинской части, обязав указанное должностное лицо отменить их, восстановив его на военной службе.

Московский гарнизонный военный суд отказал в удовлетворении указанных требований по следующим основаниям.

Основанием к досрочному увольнению с военной службы явилось то обстоятельство, что М., в нарушение требований п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и заключенного с ним контракта о прохождении военной службы, занимался предпринимательской деятельностью путем участия в качестве учредителя в ООО «Частное охранное предприятие “Альфа-Гром”».

В суде первой инстанции бесспорно был установлен факт участия М. в предпринимательской деятельности, который свидетельствовал о невыполнении им условий контракта и нарушении запретов, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих», что подтверждалось данными, полученными командованием войсковой части 95006 из инспекции ФНС России по г. Наро-Фоминску Московской области в июне 2009 г., в которых, со ссылкой на выписку из Единого государственного реестра юридических лиц по состоянию на 10 июня 2009 г., содержались сведения о том, что заявитель был зарегистрирован участником ООО «Частное охранное предприятие “Альфа-Гром”» в период с 28 октября 2005 г. по 13 апреля 2009 г.

Согласно материалам дела в Едином государственном реестре юридических лиц значится запись о том, что М. перестал быть учредителем вышеуказанного общества с 13 апреля 2009 г. на основании договора купли-продажи своей доли в уставном капитале общества и протокола общего собрания участников данного общества от 2 апреля 2009 г., в результате чего были произведены соответствующие регистрационные записи.

С учетом указанных обстоятельств судебная коллегия по гражданским делам Московского окружного военного суда обоснованно оставила решение гарнизонного военного суда без изменения, а жалобу М. – без удовлетворения.

По неуспеваемости представляются к увольнению в связи с отчислением из военно-учебного заведения курсанты, если они не допущены к промежуточной аттестации или получили в ходе ее проведения оценку «неудовлетворительно» или «незачет»

Ч. проходил военную службу и обучение в 324-й учебной группе филиала Военной академии связи г. Краснодар (далее – филиал ВАС) на должности курсанта, в воинском звании «рядовой». В рамках проведения промежуточной аттестации в соответствии с программой обучения на 1-й семестр 2010 – 2011 гг. при сдаче 9 декабря 2010 г. зачета с оценкой по дисциплине «Техническое обеспечение специальной связи» Ч. была получена оценка «неудовлетворительно». В последующем приказом начальника филиала ВАС от 21 декабря 2010 г. заявитель был отчислен из числа курсантов по неуспеваемости и досрочно уволен с военной службы в запас в связи с отчислением из военного образовательного учреждения профессионального образования.

Считая свои права нарушенными, Ч. просил Екатеринбургский гарнизонный военный суд признать незаконным и отменить приказ начальника филиала ВАС от 21 декабря 2010 г. о его досрочном увольнении с военной службы в связи с отчислением из военно-учебного заведения профессионального образования.

Решением гарнизонного военного суда в удовлетворении заявления Ч. отказано по следующим основаниям.

Согласно исследованному в суде учебному плану военно-учебного заведения, а также выписке из расписания учебных занятий филиала ВАС на 1-й семестр 2010 – 2011 гг. в 324-й группе курсантов 9 декабря 2010 г. проводилась промежуточная аттестация успеваемости курсантов в виде зачета с оценкой по дисциплине «Техническое обеспечение специальной связи».

Как усматривается из журнала учета самостоятельной работы, курсантам 324-й группы 8 декабря 2010 г. было предоставлено время для самостоятельной подготовки к зачету по указанной дисциплине. При этом, из названного журнала, а также листа нарядов 2-го взвода 3-й роты на декабрь 2010 г. видно, что Ч. на самостоятельной подготовке присутствовал, в наряды не привлекался. Подтвердил данные обстоятельства в суде и сам заявитель, указав при этом на то, что времени для самоподготовки к зачету с оценкой по дисциплине «Техническое обеспечение специальной связи» ему было предоставлено достаточно.

Из учебной карточки Ч., ответа на экзаменационный билет, а также выписки из протокола заседания ученого совета филиала ВАС от 21 декабря 2010 г. видно, что курсант Ч. получил 9 декабря 2010 г. на зачете по дисциплине «Техническое обеспечение специальной связи» оценку «неудовлетворительно», при этом с данной оценкой заявитель был согласен. Подтвердил эти обстоятельства в суде и сам Ч., сообщив, что с полученной оценкой он был согласен как в день ее объявления 9 декабря 2010 г. по окончании ответа на вопросы билета, так и во время проведения ученого совета – 21 декабря 2010 г. Каких-либо возражений и просьб по данным обстоятельствам он не высказывал, с просьбами о пересдаче не обращался.

В соответствии с выпиской из приказа начальника филиала ВАС от 12 января 2010 г., а также копией аттестата доцента по кафедре технического обеспечения зачет по указанной дисциплине принимался в учебной группе надлежам уполномоченным на то должностным лицом с соответствующим уровнем образования и квалификации – доцентом Ш. Подтвердил данные обстоятельства в суде и Ч., сообщив о том, что данный преподаватель читал в их группе лекции по дисциплине «Техническое обеспечение специальной связи».

Порядок контроля успеваемости и качества подготовки слушателей и курсантов высшего военно-учебного заведения, а также порядок их отчисления из военно-учебного заведения определен Руководством по организации работы высшего военно-учебного заведения Министерства обороны Российской Федерации, утвержденным приказом министра обороны Российской Федерации от 12 марта 2003 г. № 80 (в редакции от 27 января 2010 г.).

Пункт 51 Руководства устанавливает то, что промежуточная аттестация имеет целью определить степень достижения учебных целей по учебной дисциплине (курсу) и проводится в форме зачетов, экзаменов, защиты курсовых работ (проектов, задач). Формы промежуточной аттестации устанавливаются учебным планом.

В соответствии с п. 94 Руководства курсанты представляются к отчислению из военно-учебного заведения в установленном порядке по неуспеваемости, если они не допущены к промежуточной аттестации или получили в ходе ее проведения оценку «неудовлетворительно» или «незачет».

Возможность пересдачи при получении неудовлетворительной оценки Руководством не предусмотрена. Нормы п. 94 Руководства носят императивный характер и предписывают соответствующим должностным лицам принимать решение об отчислении курсантов в случае получения ими неудовлетворительной оценки по одной из дисциплин в ходе промежуточной аттестации.

С учетом изложенного суд отверг как несостоятельные доводы заявителя и его представителя о том, что руководство филиала ВАС должно было предоставить возможность передать данную дисциплину.

Из содержания п. 94 Руководства усматривается то, что порядок прохождения военной службы лицами, отчисленными из высшего военно-учебного заведения, определяется Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» и Положением о порядке прохождения военной службы, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

Согласно подп. «ж» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий подлежит увольнению с военной службы в связи с отчислением из военного образовательного учреждения профессионального образования.

При таких данных суд пришел к обоснованному выводу о том, что начальник филиала ВАС в пределах предоставленных ему полномочий принял законное и обоснованное решение об отчислении заявителя из числа курсантов по неуспеваемости и его досрочном увольнении с военной службы в связи с отчислением из военного образовательного учреждения профессионального образования.

Военнослужащий может быть досрочно уволен с военной службы в связи с лишением допуска к государственной тайне только в том случае, если отсутствует возможность назначения его на другую воинскую должность и не имеется иных оснований для увольнения

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2011 г. № 205-В11-12 по заявлению К. (извлечение)

Решением Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 1 июня 2010 г., оставленным без изменения кассационным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 21 июля 2010 г., К. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконными приказы командования в части увольнения его с военной службы в связи с лишением допуска к государственной тайне и исключения из списков личного состава военкомата.

В обоснование принятого решения суд указал, что заявитель перед увольнением не высказывал просьб о прохождении военной службы на должностях, не связанных с допуском к государственной тайне, либо об увольнении в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями.

В надзорной жалобе К., утверждая, что судами существенно нарушены нормы материального права, что выразилось в оставлении ими без внимания положений закона о праве выбора военнослужащим оснований увольнения при наличии нескольких из них, а также что увольнение военнослужащего в связи с лишением его допуска к государственной тайне возможно только при отсутствии других оснований к увольнению, просил судебные постановления отменить и направить дело на новое рассмотрение.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела следует, что военный комиссар Егорлыкского района Ростовской области К. приказом командующего войсками Северо-Кавказского военного округа был уволен с военной службы по п. «г» ч. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с лишением его 17 декабря 2009 г. допуска к государственной тайне.

Согласно п. «г» ч. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и п. «г» ч. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с лишением допуска к государственной тайне при лишении допуска к государственной тайне военнослужащего, занимающего воинскую должность (должность), связанную с допуском к государственной тайне, при невозможности назначения на другую воинскую должность (должность) и отсутствии других оснований для увольнения.

Содержание названных правовых норм указывает на то, что военнослужащий может быть досрочно уволен с военной службы в связи с лишением допуска к государственной тайне только в том случае, если отсутствует возможность назначения его на другую воинскую должность и не имеется других оснований для увольнения.

При таких данных существенное значение для дела имело выяснение судом наличия возможности назначения К. на другую воинскую должность и отсутствие у него других оснований для увольнения.

Поскольку данные обстоятельства судом выяснены не были, Военная коллегия обжалуемые судебные постановления отменила, а дело направила на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Увольнение с военной службы в связи с лишением допуска к государственной тайне осуществляется при невозможности назначения военнослужащего на другую воинскую должность и отсутствии других оснований для увольнения

Майор запаса У. обратился в гарнизонный военный суд с заявлением, в котором доказал, что он приказом командира войсковой части 29452 от 7 сентября 2011 г. досрочно уволен с военной службы в запас в связи с лишением допуска к государственной тайне.

Полагая, что он уволен необоснованно, У. указал в заявлении, по его мнению, на существенные нарушения законодательства, которые произвели должностные лица при его увольнении с военной службы.

Решением Нижнетагильского гарнизонного военного суда в удовлетворении заявления У. отказано по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что согласно приказу командира войсковой части 34583 от 25 июля 2011 г. майор У. лишен допуска к государственной тайне с 1 августа 2011 г.

В соответствие с подп. «г» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с отказом в допуске к государственной тайне или лишением указанного допуска, при невозможности назначения на другую воинскую должность и отсутствии других оснований для увольнения.

В судебном заседании исследованы ответы кадровых органов Министерства обороны Российской Федерации, из которых следует, что на момент увольнения У. с военной службы воинских должностей, согласно специальности заявителя или родственников ей, не связанных с работой со сведениями, составляющими государственную тайну, не было.

Таким образом, военный суд пришел к обоснованному выводу, что командир войсковой части 29452, досрочно увольняя заявителя с военной службы, действовал в пределах предоставленных ему прав и полномочий, в связи с чем заявление У. признано необоснованным.

При принятии решений об увольнении с военной службы военнослужащих женского пола – одиноких матерей, имеющих детей до 14 лет, командование должно учитывать социальные гарантии для указанных категорий военнослужащих, предусмотренные п. 25 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы

Ефрейтор Д. проходила военную службу по контракту в воинской части, в должности писаря. Приказом главнокомандующего внутренних войск МВД России от 18 августа 2010 г. данная должность была сокращена. Заявитель воспитывала ребенка в возрасте до 14 лет, будучи одинокой матерью. В браке Д. никогда не состояла, фамилию не изменяла.

Д. приказом командира воинской части от 28 сентября 2010 г. была досрочно уволена с военной службы с зачислением в запас по подп. «а» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в связи с организационно-штатными мероприятиями) и исключена из списков личного состава воинской части с 29 сентября 2010 г.

Полагая свои права нарушенными, Д. обратилась в гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просила отменить приказ об увольнении с военной службы, восстановить ее в равной или вышестоящей должности.

До рассмотрения дела в суде по существу нарушенные права Д. были восстановлены командованием в добровольном порядке, поскольку в нарушение п. 25 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы 13 сентября 2010 г. аттестационной комиссией воинской части было принято решение ходатайствовать об увольнении Д. с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями. В последующем указанное решение было отменено.

С учетом того что приказом командира воинской части от 25 апреля 2011 г. приказ от 28 сентября 2010 г. в части досрочного увольнения Д. с военной службы и исключения из списков личного состава был отменен и Д. освобождена с 28 сентября 2010 г. от воинской должности и зачислена в распоряжение воинского должностного лица в связи с проведением организационно-штатных мероприятий для решения вопроса дальнейшего прохождения военной службы, допущенные нарушения прав Д. командованием были устранены в полном объеме.

При таких обстоятельствах гарнизонный военный суд пришел к правильному выводу о том, что заявитель обосновано была зачислена в распоряжение командира воинской части, так как не представлялось возможным восстановить Д. на военной службе в прежней должности в связи с ее сокращением, а с согласия заявителя – в равной или не ниже должности, в связи с их отсутствием в воинской части.

Кроме того, Д. приказом командира воинской части от 2 июня 2011 г. назначена на равную воинскую должность и с 7 июня 2011 г. приступила к исполнению должностных обязанностей.

При рассмотрении вопросов обоснованности увольнения с военной службы военнослужащих женского пола следует отличать военнослужащих – одиноких матерей от военнослужащих – матерей, воспитывающих детей без отца

Подполковник П. с 1 апреля 2009 г. была освобождена от занимаемой воинской должности в военкомате г. Санкт-Петербурга и выведена в распоряжение командующего войсками Ленинградского военного округа. Ей в марте 2009 г. была предложена вышестоящая должность, на которую не последовало согласия о назначении. После того как от предложенных других воинских должностей П. отказалась, она была уволена в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Решением Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда П. отказано в удовлетворении требований о признании ее увольнения с военной службы незаконным по следующим основаниям.

П. заявила, что является одинокой матерью, имеющей ребенка в возрасте до 12 лет, и поэтому не могла быть уволена с военной службы в запас.

Как установил суд, П. не может относиться к категории одиноких матерей, так как находится в разводе с мужем. При этом, суд также отметил, что ее сын в настоящее время обучается в суворовском военном училище и состоит на полном государственном обеспечении.

При изложенных обстоятельствах суд обоснованно пришел к выводу о необходимости отказа в удовлетворении требований П. о признании незаконным и недействующим с момента его издания приказа воинского должностного лица в части ее досрочного увольнения с военной службы в запас.

Примечание: в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2010 г. (утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2010 г., в редакции постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2010 г.) указано, какие лица могут быть отнесены к числу одиноких матерей.

Официального определения понятия одинокой матери не содержится ни в ТК РФ, ни в иных федеральных законах.

Вместе с тем, в области социальной защиты материнства и детства общепризнанным считалось понятие одинокой матери как не состоящей в браке, если в свидетельствах о рождении детей запись об отце ребенка отсутствует или эта запись произведена в установленном порядке по указанию матери (при сохранении права на получение установленных выплат в случае вступления одинокой матери в брак). При этом, наравне с такими матерями соответствующие денежные выплаты назначались женщинам, не состоящим в браке, записанным в качестве матерей усыновленных ими детей, а в отдельные периоды – также вдовам, имеющим детей и не получающим на них пенсию по случаю потери кормильца или социальную пенсию (например, п. 3 Постановления Совета Министров СССР от 12 августа 1970 г. № 659 «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты пособий беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям» и п. 8 названного Положения, п. 4 Временного положения о порядке назначения и выплаты единовременного пособия при рождении ребенка, единого ежемесячного пособия на детей, государственного пособия одиноким матерям, утвержденного Постановлением Совета Министров СССР от 24 ноября 1990 г. № 1177, п. 41 Положения о порядке назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1995 г. № 883).

Тем самым указанные граждане признавались нуждающимися в повышенной социальной защите, поскольку являлись единственными родителями (усыновителями) детей, то есть единственными лицами, наделенными родительскими правами и несущими родительские обязанности по воспитанию своих детей (родных или усыновленных).

Правом на выбор основания увольнения с военной службы военнослужащий может воспользоваться только до увольнения с военной службы и только при указанных в нормативных правовых актах обстоятельствах

Приказом командующего Балтийским флотом от 9 сентября 2010 г. капитан К. досрочно уволен с военной службы по подп. «г» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», то есть в связи с лишением допуска к государственной тайне.

Заключением военно-врачебной комиссии военного комиссариата Калининградской области от 21 октября 2011 г. К. был признан ограниченно годным к военной службе.

14 ноября 2011 г. К. обратился к командующему Балтийским флотом об изменении основания его досрочного увольнения. Он просил изменить основание досрочного увольнения и уволить его по подп. «б» п. 3 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», то есть по состоянию здоровья – в связи с признанием военнослужащего военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе.

Поскольку командующий Балтийским флотом отказал К. в изменении основания досрочного увольнения, он обратился с заявлением в Калининградский гарнизонный военный суд.

Решением гарнизонного военного суда заявление К. было удовлетворено. Балтийский флотский военный суд отменил решение суда первой инстанции и принял новое решение, не передавая дело на новое рассмотрение, отказал в удовлетворении требований заявителя по следующим основаниям.

В соответствии с подп. «г» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с отказом в допуске к государственной тайне или лишением указанного допуска.

Согласно данным из приказа военного коменданта г. Калининграда от 6 августа 2010 г. «О нарушении правил обращения с секретной документацией» на основании ст. 23 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» и п. «б» ст. 15 Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2010 г. № 63, допуск капитана К. к государственной тайне прекращен 6 августа 2010 г. Из данного обстоятельства следует, что с 6 августа 2010 г. у соответствующего командования появилось законное основание к досрочному увольнению К. с военной службы.

В соответствии с подп. «б» п. 3 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» досрочное увольнение военнослужащего по состоянию здоровья – в связи с признанием военнослужащего военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе производится исключительно по инициативе и волеизъявлению военнослужащего, основанному на заключении военно-врачебной комиссии о его ограниченной годности к военной службе.

Как правильно установил суд первой инстанции, и данное обстоятельство признается заявителем, на 9 сентября 2010 г., когда командующий Балтийским флотом принял решение о досрочном увольнении К. с военной службы, отсутствовало заключение военно-врачебной комиссии о его ограниченной годности к военной службе.

Напротив, за 15 дней до издания командующим Балтийским флотом соответствующего приказа в отношении К. последний 25 августа 2010 г. был освидетельствован военно-врачебной комиссией Федерального государственного учреждения Министерства обороны Российской Федерации «Лечебно-диагностический центр Балтийского флота» и признан по группе «А» – годным к военной службе.

Издавая данный приказ, командующий Балтийским флотом правомерно исходил из того обстоятельства, что на 9 сентября 2010 г. иных оснований к досрочному увольнению К. с военной службы не имелось.

Согласно данным из истории болезни, К. был освидетельствован военно-врачебной комиссией военного комиссариата Калининградской области и признан ограниченно годным к военной службе лишь 21 октября 2011 г., то есть более чем через год и один месяц после того, как был досрочно уволен с военной службы.

Из вышеизложенного следует, что волеизъявление К. на изменение основания своего досрочного увольнения с военной службы появилось у него более чем через год после его досрочного увольнения.

Согласно требованиям п. 11 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащих, проходящий военную службу по контракту и имеющий несколько оснований для увольнения с военной службы, вправе выбрать основание увольнения и уволиться по избранному им основанию. Вместе с тем, действующее законодательство не содержит норм, которые бы позволяли гражданам, уволенным с военной службы на законных основаниях, через какое-то время, по своему усмотрению, требовать изменить основания увольнения, а воинским должностным лицам – удовлетворять такие требования военнослужащих.

С учетом того что К. был признан ограниченно годным к военной службе лишь 21 октября 2011 г., он правом выбора основания досрочного увольнения с военной службы не обладал.

Признавая данный приказ незаконным, и возлагая на командующего Балтийским флотом обязанность изменить основание досрочного увольнения К. с военной службы, суд первой инстанции неправильно применил материальный закон, что повлияло на исход дела и привело к его неправильному разрешению. В соответствии с требованиями п. 4 ч. 1 ст. 362 и ст. 363 ГПК РФ неправильное применение норм материального права явилось основанием для отмены решения суда в кассационном порядке.

Незаконное увольнение военнослужащего без обеспечения жильем является основанием для восстановления его на военной службе

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2010 г. № 210-В10-2 по заявлению С. (извлечение)

С. обратился в Северодвинский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконными приказ командующего Северным флотом об увольнении с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе и приказ командира воинской части об исключении из списков личного состава части без предоставления жилого помещения по избранному после увольнения постоянному месту жительства.

Решением Северодвинского гарнизонного военного суда от 31 июля 2009 г. приказ командующего Северным флотом об увольнении С. с военной службы признан законным, а приказ командира воинской части от 6 июля 2009 г. № 140 в части исключения С. из списков личного состава части признан незаконным и постановлено обязать командира части отменить названный приказ, восстановить С. в списках личного состава части по 27 июля 2009 г. и обеспечить его всеми видами довольствия с 8 по 27 июля того же года.

Кассационным определением Северного флотского военного суда от 17 сентября 2009 г. по жалобе заявителя названное судебное решение оставлено без изменения, а постановлением президиума Северного флотского военного суда от 10 декабря 2009 г. решение суда первой инстанции и определение кассационной инстанции отменены в части обоснованности исключения С. из списков личного состава части.

По делу было принято новое решение – о частичном удовлетворении требований С., обязывающее командира воинской части отменить приказ от 6 июля 2009 г. № 140 и восстановить С. в списках личного состава части до обеспечения его жильем помещением в избранном месте жительства. В остальном названные судебные постановления оставлены без изменения, а надзорная жалоба С. – без удовлетворения.

Рассмотрев материалы дела по надзорной жалобе С., Военная коллегия отменила решение Северодвинского гарнизонного военного суда от 31 июля 2009 г., кассационное определение Северного флотского военного суда от 17 сентября 2009 г. и постановление президиума Северного флотского военного суда от 10 декабря 2009 г. по следующим основаниям.

В суде установлено, что в 2002 г. С. установленным порядком сдал выделенную ему и его семье по прежнему месту службы квартиру и убыл в составе экипажа для дальнейшего прохождения военной службы в г. Северодвинск Архангельской области, где ему и членам семьи было предоставлено общежитие.

Решением жилищной комиссии воинской части от 25 июня 2007 г. С., достигший предельного возраста пребывания на военной службе и имеющий выслугу свыше 28 лет, признан нуждающимся в улучшении жилищных условий.

По достижении предельного возраста пребывания на военной службе С. просил уволить его в запас после предоставления жилого помещения по избранному месту жительства, о чем дважды указывал в листах беседы, а также в трех рапортах.

В абз. 2 п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» содержится запрет на увольнение по достижении предельного возраста пребывания на военной службе военнослужащих, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 и более лет, не имеющих жилого помещения для постоянного проживания, без их согласия.

При желании таких военнослужащих получить жилое помещение по избранному месту жительства они обеспечиваются им в порядке, предусмотренном п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилых помещений.

В связи с тем что С. и члены его семьи обеспечены жилым помещением специализированного фонда в общежитии, которое в соответствии со ст. 94 ЖК РФ выделяется для временного проживания военнослужащих на период их военной службы, законные основания для увольнения его в запас отсутствовали.

Следовательно, решение президиума флотского военного суда о признании незаконным приказа командира воинской части об исключении С. из списков личного состава воинской части в полном объеме прав заявителя не восстанавливало.

Разъяснения, согласно которым в случае незаконного увольнения с военной службы военнослужащего без обеспечения его жилым помещением он на основании п. 2 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» подлежит восстановлению на службе в прежней (или с его согласия – равной или не ниже) должности с возмещением всех причиненных убытков и компенсации морального вреда, содержится в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 9. При этом, указано, что достижение военнослужащим предельного возраста состояния на военной службе не может служить препятствием к принятию такого решения.

Поскольку фактические обстоятельства, имеющие значение для дела, были установлены на основании исследованных доказательств, Военная коллегия приняла по делу новое решение – об удовлетворении заявления С., признав незаконными приказы воинских должностных лиц об увольнении заявителя с военной службы и исключении из списков личного состава части, обязав их восстановить С. в прежней (а с его согласия – в равной или не ниже) должности и в списках личного состава части и обеспечить всеми видами довольствия, недополученного после необоснованного увольнения.

В год увольнения с военной службы дополнительные отпуска должны быть предоставлены военнослужащему в полном объеме

К. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать незаконным приказ командира войсковой части 20634 от 6 декабря 2010 г. о предоставлении ему основного отпуска за 2010 г. и исключении из списков личного состава воинской части с 4 января 2011 г., и просил суд обязать командира войсковой части 20634 предоставить ему основной отпуск за 2010 г. и дополнительный отпуск продолжительностью 15 суток как ветерану боевых действий с оплатой стоимости проезда к месту проведения отпуска и обратно.

Решением Владикавказского гарнизонного военного суда заявление К. удовлетворено частично.

Суд обязал командира войсковой части 20634 отменить приказ от 6 декабря 2010 г. в части, касающейся исключения К. из списков личного состава войсковой части 20634 и предоставить основной ежегодный отпуск за 2010 г. с реализацией права на бесплатный проезд к месту использования основного отпуска и обратно, после чего исключить из списков личного состава войсковой части 20634 установленным порядком.

В удовлетворении требования о предоставлении дополнительного отпуска судом отказано на том основании, что заявитель не обращался с рапортом о его предоставлении.

Между тем такой вывод суда не основан на нормах материального права.

Пунктом 5.1 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусмотрено, что военнослужащим – ветеранам боевых действий предоставляется отпуск продолжительностью 15 суток.

Согласно п. 24 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, уволенный с военной службы, должен быть исключен из списков лич-

ного состава воинской части в день истечения срока его военной службы (уволненный досрочно – не позднее дня истечения срока его военной службы) и не позднее чем через месяц со дня поступления в воинскую часть выписки из приказа об увольнении военнослужащего с военной службы.

В соответствии с пп. 16 и 18 ст. 29 указанного Положения предоставление отпусков военнослужащему осуществляется с таким расчетом, чтобы последний из них был использован полностью до дня истечения срока его военной службы. При невозможности предоставления основного и дополнительных отпусков до дня истечения срока военной службы они могут быть предоставлены военнослужащему при его увольнении последовательно, без разрыва между отпусками. В этом случае исключение военнослужащего из списков личного состава воинской части производится по окончании последнего из отпусков.

Согласно ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы дополнительные отпуска в год увольнения с военной службы предоставляются военнослужащим в полном объеме. При этом, указанное требование Положения о порядке прохождения военной службы в зависимости от написания военнослужащим соответствующего рапорта не поставлено. Поскольку судом первой инстанции неправильно были применены нормы материального права, решение в указанной части судом второй инстанции было отменено и принято новое решение – об удовлетворении требований К.

Отпуска по личным обстоятельствам при увольнении с военной службы предоставляются военнослужащим, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более

С. обратилась 1 марта 2010 г. с рапортом к командиру войсковой части 93401 и просила предоставить ей отпуск по личным обстоятельствам продолжительностью 30 суток, который предусмотрен п. 10 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», как военнослужащему, достигшему предельного возраста. Однако ей в этом было отказано, поскольку общая продолжительность ее военной службы составляет менее 20 лет.

С. обратилась в Нижнетагильский гарнизонный военный суд с заявлением о признании указанных действий командира войсковой части 93401 незаконными.

Гарнизонный военный суд отказал в удовлетворении заявления С. по следующим основаниям.

В п. 10 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» определено, что военнослужащим, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, в один год из трех лет до достижения ими предельного возраста пребывания на военной службе либо в год увольнения с военной службы по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, кроме основного отпуска, по их желанию предоставляется отпуск по личным обстоятельствам продолжительностью 30 суток. Указанный отпуск предоставляется также военнослужащим, проходящим в соответствии с федеральными законами военную службу после достижения ими предельного возраста пребывания на военной службе и не использовавшим указанный отпуск ранее. Данный отпуск предоставляется один раз за период военной службы.

Из данной статьи усматривается, что отпуск по личным обстоятельствам продолжительностью 30 суток военнослужащему, проходящему в соответствии с федеральными законами военную службу после достижения им предельного возраста пребывания на военной службе и не использовавшему указанный отпуск ранее, может быть предоставлен, только если общая продолжительность военной службы составляет 20 лет и более.

На 1 января 2010 г. календарная выслуга лет С. составляла 15 лет 7 месяцев 26 дней, льготной выслуги лет С. не имела.

Таким образом, в связи с тем, что у С. общая продолжительность военной службы составляла менее 20 лет, командир войсковой части 93401 на законных основаниях отказал заявителю в предоставлении ей отпуска по личным обстоятельствам продолжительностью 30 суток, в связи с чем военный суд признал указанное заявление С. необоснованным.

Увольнение с военной службы не препятствует реализации права военнослужащего на профессиональную переподготовку

К. в заявлении в Вологодский гарнизонный военный суд просил признать незаконным приказ командира войсковой части 61201 от 12 октября 2010 г. об исключе-

нии его из списков личного состава, обязать командира части отменить этот приказ в данной части и восстановить его в списках личного состава до реализации права на профессиональную переподготовку. В обоснование заявления К. указал, что он незаконно исключен из списков личного состава, поскольку не был направлен на профессиональную переподготовку, хотя просил об этом в рапортах от 24 апреля 2009 г. и 12 октября 2010 г.

Гарнизонный военный суд отказал в удовлетворении заявления К. Ссылаясь на ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих», п. 16 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы и приказ министра обороны Российской Федерации от 18 марта 2009 г. № 95 «О порядке и условиях профессиональной переподготовки по одной из гражданских специальностей военнослужащих – граждан Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту», суд сделал вывод, что командованием были приняты необходимые меры для направления К. на переподготовку в период прохождения военной службы. То обстоятельство, что право на переподготовку не было реализовано, не является основанием для восстановления заявителя на военной службе.

В кассационной жалобе К. просил отменить решение вследствие неправильного применения норм материального права и принять новое решение – об удовлетворении заявления.

Оспаривая действия командира войсковой части 61201, К. полагал, что это должностное лицо было не вправе исключать его из списков личного состава до прохождения профессиональной переподготовки.

Однако данное суждение не основано на законе.

В соответствии с п. 4 ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане, проходящие военную службу по контракту, общая продолжительность военной службы которых составляет пять лет и более, в год увольнения с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями имеют право пройти профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей без взимания с них платы за обучение и с сохранением обеспечения всеми видами довольствия. В случае увольнения указанных военнослужащих с военной службы в период обучения они имеют право на завершение учебы бесплатно.

Из содержания данной правовой нормы следует, что предметом ее регулирования является определенная социальная гарантия, направленная на адаптацию военнослужащего в условиях после увольнения с военной службы. Никаких правоотношений в сфере прохождения военной службы она не устанавливает, а поэтому при разрешении спора по поводу законности увольнения с военной службы применению не подлежит.

Вопреки утверждению К., из п. 4 ст. 19 названного Закона не вытекает вывод о том, что утрата статуса военнослужащего лишает его права на профессиональную переподготовку. Напротив, законодатель предусмотрел возможность ее прохождения после увольнения военнослужащего с военной службы на безвозмездной основе. В связи с этим следует признать ошибочным довод К. о том, что увольнение с военной службы сделало невозможным реализацию его права на профессиональную переподготовку.

Изложенное выше дает основания полагать, что нарушение права К. на получение гражданской специальности подлежит устранению путем прохождения профессиональной переподготовки. Восстановления на военной службе для защиты этого права в данном случае не требуется, в связи с чем судебная коллегия по гражданским делам окружного военного суда оставила решение гарнизонного военного суда без изменения, а жалобу К. – без удовлетворения.

Указание в приказе министра обороны Российской Федерации о возможности завершения военнослужащим профессиональной переподготовки по одной из гражданских специальностей после увольнения его с военной службы закону не противоречит
Решение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2011 г. № ВКГПИ11-50 по заявлению Л. (извлечение)

Л. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением, в котором просил признать недействующим п. 19 Порядка и условий профессиональной переподготовки по одной из гражданских специальностей военнослужащих – граждан Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту, утвержденных

приказом министра обороны Российской Федерации от 18 марта 2009 г. № 95, в части слов «как правило» в формулировке «Военнослужащие проходят профессиональную переподготовку, как правило, с таким расчетом, чтобы она закончилась до дня исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части», противоречащим Федеральному закону от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» и ограничивающим его права на обеспечение всеми видами довольствия как военнослужащего в период переподготовки.

В обоснование заявления Л. указал на то, что действующее законодательство позволяет, по его мнению, сделать вывод о праве военнослужащего самому выбирать варианты профессиональной подготовки – либо в период военной службы с сохранением обеспечения всеми видами довольствия, либо после исключения из списков личного состава воинской части бесплатно; в свою очередь, министр обороны Российской Федерации не вправе издавать приказы, ограничивающие гарантированные Федеральным законом права военнослужащих.

Военная коллегия отказала в удовлетворении заявления по следующим основаниям.

Согласно п. 4 ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, общая продолжительность военной службы которых составляет пять лет и более (не считая времени обучения в военных образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования), в год увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, истечении срока военной службы, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями имеют право пройти профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей без взимания с них платы за обучение и с сохранением обеспечения всеми видами довольствия в порядке и на условиях, которые определяются Министерством обороны Российской Федерации, продолжительностью до четырех месяцев. В случае увольнения указанных военнослужащих с военной службы в период обучения они имеют право на завершение учебы бесплатно.

Содержание названной правовой нормы указывает на то, что перечисленные в законе категории военнослужащих вправе пройти профессиональную переподготовку как в период военной службы, так и после ее окончания, однако в случае их увольнения в период переподготовки они имеют право на завершение учебы бесплатно. Каких-либо указаний о праве военнослужащих самим выбирать время окончания профессиональной подготовки, вопреки утверждению в жалобе, в законе не содержится.

Из сказанного следует, что данная норма закрепляет право увольняемых военнослужащих на бесплатную профессиональную переподготовку в целях их социальной защиты посредством предоставления возможности ведения после увольнения с военной службы профессиональной деятельности по полученной в ходе учебы специальности. При этом, определение порядка и условий профессиональной переподготовки федеральным законом возложено на Министерство обороны Российской Федерации.

Во исполнение предписаний закона и в пределах своей компетенции министром обороны Российской Федерации издан приказ от 18 марта 2009 г. № 95, которым утверждены Порядок и условия профессиональной переподготовки по одной из гражданских специальностей военнослужащих – граждан Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту; в п. 19 документа установлено, что военнослужащие проходят профессиональную переподготовку, как правило, с таким расчетом, чтобы она закончилась до дня исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части.

Из изложенного следует, что содержащееся в оспариваемом пункте положение о возможности завершения профессиональной переподготовки военнослужащим после увольнения его с военной службы непосредственно вытекает из действующего законодательства, не противоречит ему и не содержит неопределенности в толковании.

Более того, указав в п. 19 Порядка на необходимость окончания переподготовки, как правило, до исключения из списков личного состава воинской части, министр обороны Российской Федерации предписал должностным лицам планировать время профессиональной переподготовки с таким расчетом, чтобы она была завершена до увольнения военнослужащего с военной службы.

На основании изложенного Военная коллегия признала, что оспариваемые заявителем положения не противоречат нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

Примечание: Кассационной коллегией Верховного Суда Российской Федерации данное решение оставлено без изменения, а кассационная жалоба заявителя – без удовлетворения (определение от 24 ноября 2011 г. № КАС11-596).

Запрет на исключение из списков личного состава части до проведения всех необходимых расчетов во распространяется на случаи, связанные с необеспечением военнотружущего выплатами, не относящимися к денежному довольствию

Ефрейтор запаса Ж. оспорила в судебном порядке состоявшийся в отношении ее приказ командира войсковой части 71599 об исключении из списков личного состава в связи с увольнением с военной службы, а также бездействие названного должностного лица, не компенсировавшего ей расходы по содержанию ребенка в детском дошкольном учреждении.

Новосибирский гарнизонный военный суд полностью удовлетворил заявленные требования, обяв командира части отменить указанный приказ и обеспечить Ж. приведенными выплатами.

Изменяя судебное решение по причине неправильного применения материального закона и оставляя заявление Ж. в части, касающейся оспоренного приказа, без удовлетворения, Западно-Сибирский окружной военный суд отметил следующее.

В соответствии с п. 16 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнотружущий на день исключения из списков личного состава должен быть полностью обеспечен установленным денежным довольствием, продовольственным и вещевым обеспечением. До проведения с военнотружущим всех необходимых расчетов он без его согласия из списков личного состава не исключается.

На момент исключения из списков части заявителю не были выплачены денежные средства на содержание ребенка в детском дошкольном образовательном учреждении за октябрь 2010 г. Данное обстоятельство суд обоснованно расценил как нарушение прав Ж. и возложил на соответствующее должностное лицо обязанность по его устранению путем передачи заявителю соответствующих денежных средств.

В то же время вывод суда о том, что указанное обстоятельство в силу п. 16 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы свидетельствует о незаконности приказа об исключении Ж. из списков личного состава части, является неверным.

Пункт 16 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы ограничивает право командиров по исключению военнотружущих из списков личного состава воинской части до проведения с ними необходимых расчетов только по денежному довольствию, вещевому и продовольственному обеспечению. Согласно ст.ст. 12 и 13 Федерального закона «О статусе военнотружущих» указанные выплаты в денежное довольствие военнотружущего не входят. Не относятся они к вещевому и продовольственному видам обеспечения.

Поскольку других обстоятельств, препятствующих изданию оспоренного приказа, по делу не усматривалось, увольнение Ж. с военной службы в данном случае нельзя признать противоречащим закону.

Злоупотребление правом на обеспечение вещевым имуществом при исключении увольняемого военнотружущего из списков личного состава воинской части не подлежит судебной защите

Капитан запаса М. обратился с заявлением в 101-й гарнизонный военный суд, в котором просил признать действия командира войсковой части 12466, связанные с необеспечением заявителя положенными видами вещевого имущества на момент исключения из списков личного состава воинской части незаконными, обязать воинское должностное лицо отменить приказ от 11 августа 2010 г., восстановить его в списках личного состава части.

Решением 101-го гарнизонного военного суда в удовлетворении заявления М. отказано по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что приказом командира воинской части от 11 августа 2010 г. М. был исключен из списков личного состава воинской части, снят со всех видов довольствия и обеспечения. Это решение воинского должностного лица, по мнению М., было принято без соблюдения требований действующего законода-

тельства, поскольку на день исключения из списков части он не был обеспечен вещевым имуществом. Своего согласия на исключение из списков личного состава воинской части без обеспечения вещевым имуществом он не давал.

В суде было установлено, что командование перед исключением из списков личного состава предпринимало меры к обеспечению заявителя вещевым имуществом. Уведомлениями от 6 августа 2010 г. и 9 августа 2010 г. подтверждалось, что командование письменно уведомляло заявителя о явке на вещевого склад для получения положенного вещевого имущества. М. устно сообщалось о необходимости прибыть на склад. Данный вывод основан на документах, имеющихся в материалах дела, и объяснениях свидетелей.

Суд установил, что никаких препятствий для своевременного получения заявителем вещевого имущества не имелось. Прибыв из отпуска 6 августа, по день исключения из списков личного состава воинской части 11 августа заявитель находился по месту службы. Однако ни в указанный период, ни позднее, вплоть до рассмотрения дела в военном суде, М. к командованию с просьбами оказать ему какое-либо содействие в получении вещевого имущества не обращался. К тому же право и возможность получения М. вещевого имущества не были утрачены.

При таких обстоятельствах гарнизонный военный суд пришел к выводу, что заявитель злоупотребил своим правом, что недопустимо в силу ст. 10 ГК РФ. По указанным причинам в восстановлении в списках личного состава воинской части заявителю было отказано.

Отказ военнослужащего в установленный для расчета с ним день явиться за положенным денежным довольствием и вещевым обеспечением послужил основанием для признания законным приказа об исключении его из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы в запас

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2010 г. № 201-В10-26 по жалобе Д. (извлечение)

Кассационным определением Московского окружного военного суда от 8 апреля 2010 г. отменено решение Московского гарнизонного военного суда от 4 марта 2010 г. об удовлетворении заявления Д. в части признания незаконным приказа командира воинской части от 11 сентября 2009 г. об исключении заявителя из списков личного состава части без выплаты единовременного пособия при увольнении с военной службы, денежного довольствия за период с 1 по 11 сентября 2009 г. и денежной компенсации за вещевое имущество и восстановлении его в списках личного состава части по 23 января 2010 г.

Суд кассационной инстанции, указав на отсутствие у Д. препятствий для получения причитающегося довольствия до дня исключения из списков личного состава воинской части, отменил решение в части удовлетворения заявления и принял по делу новое решение – об отказе в удовлетворении требований заявителя.

В надзорной жалобе Д., указывая на отсутствие в материалах дела доказательств уклонения его от получения положенного довольствия и фактическое получение им задолженности только в ноябре 2009 г., просил кассационное определение отменить, оставив в силе решение гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы гражданского дела и доводы надзорной жалобы, Военная коллегия не нашла оснований для удовлетворения надзорной жалобы.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Таких нарушений при рассмотрении дела судом кассационной инстанции не допущено.

Из решения суда первой инстанции следует, что вывод о нарушении командованием прав в отношении заявителя судом сделан после установления факта невыплаты ему положенных видов довольствия в день исключения из списков личного состава воинской части. В связи с этим суд, со ссылкой на п. 16 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, изменил дату исключения Д. из списков личного состава части на более позднюю.

При этом, судом были оставлены без внимания другие, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела, обстоятельства.

Согласно ч. 1 ст. 258 ГПК РФ основанием для удовлетворения заявления, рассматриваемого судом в порядке, предусмотренном гл. 25 ГПК РФ, является допущенное в отношении заявителя нарушение прав и свобод или препятствие к осуществлению заявителем его прав и свобод.

В силу п. 16 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, уволенный с военной службы, на день исключения из списков личного состава воинской части должен быть полностью обеспечен установленным денежным довольствием, продовольственным и вещевым обеспечением. До проведения с военнослужащим всех необходимых расчетов он из списков личного состава воинской части без его согласия не исключается.

Изложенное указывает на то, что существенными по данному делу являются обстоятельства, связанные с установлением причин необеспечения военнослужащего указанными в п. 16 ст. 34 Положения видами довольствия, а также его согласия либо несогласия с исключением из списков личного состава части без обеспечения этим довольствием.

Сам по себе факт неполучения военнослужащим денежного довольствия, продовольственного и вещевого обеспечения не указывает на нарушение его прав и свобод, свидетельствующее о безусловной необходимости восстановления в списках личного состава части.

Придя к ошибочному выводу об обратном, суд первой инстанции оставил без должного внимания сообщение командования, из которого следует, что препятствий для выплаты заявителю 11 сентября 2009 г. указанных видов довольствия не имелось, а от получения денежной компенсации вместо предметов вещевого имущества он дважды отказывался.

Наличие в воинской части денежных средств, необходимых для выплаты заявителю денежного довольствия и компенсации взамен вещевого имущества, подтверждено в суде также отчетами кассира об остатках денежных средств в кассе воинской части на конец дня 9 и 16 сентября 2009 г. и пояснениями представителя командира воинской части о том, что Д. не изъявил желания в установленный для расчета с ним день явиться за положенными денежными средствами, в связи с чем они были депонированы.

Таким образом, права заявителя на обеспечение денежным довольствием и вещевым обеспечением при исключении из списков личного состава воинской части нарушены не были, в связи с чем законные основания для его восстановления на военной службе после 11 сентября 2009 г. у командования отсутствовали.

Существенное значение для дела также имеет то обстоятельство, что в материалах дела отсутствуют данные о несогласии Д. с исключением из списков личного состава части до проведения с ним всех необходимых расчетов. В ходе беседы с ним 26 августа 2009 г. он лишь высказал просьбу о направлении его на профессиональную подготовку по выбранной гражданской специальности, что командованием было реализовано.

Установив названные юридически значимые обстоятельства, суд кассационной инстанции правомерно признал законным приказ от 11 сентября 2009 г. об исключении заявителя из списков личного состава воинской части, в связи с чем отменил решение гарнизонного военного суда об удовлетворении заявления Д.

Что касается невыплаты Д. единовременного пособия при увольнении с военной службы, предусмотренного ч. 3 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», то с учетом вышеизложенного, а также в связи с получением заявителем этого пособия 5 ноября 2009 г. оснований утверждать, что налицо нарушение его прав на обеспечение положенным довольствием на момент обращения в суд 9 декабря 2009 г. и необходимо отменить кассационное определение ввиду существенного нарушения норм материального права, не имелось.

Военнослужащий сохраняет свой статус и в день своего исключения из списков личного состава части в связи с увольнением с военной службы

В связи с помещением М. на стационарное лечение в госпиталь в день исключения из списков личного состава части и отказом командира части изменить ввиду этого дату исключения на день выписки он обратился с заявлением в 224-й гарнизонный военный суд, однако его требование не было удовлетворено.

Ленинградский окружной военный суд решение суда первой инстанции отменил и принял новое решение – об удовлетворении заявления М. по следующим основаниям.

В соответствии с п. 23 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военная служба оканчивается в день исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы.

Из изложенного следует, что военнослужащий сохраняет свой статус и в день своего исключения из списков личного состава части в связи с увольнением с военной службы.

Таким образом, в день исключения из списков личного состава 29 июля 2011 г. М. являлся военнослужащим и на него распространялись все установленные для военнослужащего права и льготы.

Поскольку 29 июля 2011 г. заявитель был помещен на стационарное лечение в военный госпиталь, он, в силу требований п. 11 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», не мог быть исключен из списков личного состава до окончания лечения, даже несмотря на то, что приказ об исключении из списков личного состава был издан до поступления М. в госпиталь. Установив впоследствии факт нахождения М. на стационарном лечении, командир части обязан был на основании указанной правовой нормы внести соответствующие коррективы в приказ, изменив дату исключения заявителя из списков личного состава.

Признание заявителя не годным к военной службе после утраты им статуса военнослужащего само по себе не может служить причиной изменения основания его увольнения с увольнения в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта на увольнение по состоянию здоровья

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 201-КГ12-14 по заявлению М. (извлечение)

Согласно решению Московского гарнизонного военного суда от 12 июля 2011 г., оставленному без изменения в кассационном порядке 22 сентября 2011 г. Московским окружным военным судом, частично удовлетворено заявление М.

Судом признано необоснованным указание командира воинской части в ответе на обращение М. в адрес первого заместителя министра обороны Российской Федерации и заместителя министра обороны Российской Федерации на отсутствие возможности изменения основания увольнения М. с военной службы. Суд также обязал заместителя министра обороны Российской Федерации внести изменения в изданный им ранее приказ в части, касающейся основания увольнения М. с военной службы, указав в качестве основания этого увольнения подп. «в» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (по состоянию здоровья – в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе). В удовлетворении заявления в части, касающейся оспаривания заявителем действий первого заместителя министра обороны Российской Федерации, судом отказано.

В кассационной жалобе представитель воинского должностного лица просил судебные постановления отменить и принять по делу новое решение. В обоснование жалобы он указал, что на момент издания приказа об увольнении М. с военной службы имелось единственное основание для увольнения – невыполнение им условий контракта о прохождении военной службы. При этом, в период увольнения с военной службы заявителю командованием было предоставлено право на прохождение военно-врачебной комиссии, от прохождения которой тот отказался, что было установлено вступившими в законную силу судебными постановлениями.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Военная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального и процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права, выразившиеся в следующем.

Из материалов дела следует, что приказом начальника вооружения Вооруженных Сил Российской Федерации – заместителя министра обороны Российской Федерации от 7 июня 2010 г. № 152 М. досрочно уволен в запас в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта о прохождении военной службы, на основании чего приказом командира воинской части он с 11 июня 2010 г. исключен из списков личного состава части.

Будучи несогласным с досрочным увольнением с военной службы в запас, М. оспорил названные приказы в судебном порядке. Однако 27 сентября 2010 г. Московский гарнизонный военный суд в удовлетворении заявления в части требований об отмене приказа начальника вооружения Вооруженных Сил Российской Федерации – заместителя министра обороны Российской Федерации от 7 июня 2010 г. № 152 об увольнении М. с военной службы и восстановлении в прежней должности ему отказал. Определением судебной коллегии по гражданским делам Московского окружного военного суда от 16 декабря 2010 г. решение суда в данной части оставлено без изменения, а в части исключения из списков личного состава части суд обязал командира части изменить дату исключения М. из названных списков на 18 июня 2010 г.

Из изложенного следует, что с 18 июня 2010 г. М. статус военнослужащего утрачил.

Также судебным решением от 27 сентября 2010 г. установлено, что в период увольнения заявителю командованием было предложено пройти медицинское освидетельствование, однако тот не только отказался от его прохождения, но и самостоятельно покинул госпиталь, где он находился на излечении, что лишило военно-врачебную комиссию возможности проведения такого освидетельствования. И только после увольнения на основании свидетельства о болезни от 8 декабря 2010 г. М. был признан не годным к военной службе.

После этого 24 декабря 2010 г. заявитель письменно обратился к начальнику вооружения Вооруженных Сил Российской Федерации – заместителю министра обороны Российской Федерации с просьбой об изменении основания его увольнения в приказе указанного должностного лица от 7 июня 2010 г. № 152 с «в связи с невыполнением военнослужажим условий контракта» (подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе») на «по состоянию здоровья – в связи с признанием военно-врачебной комиссией М. не годным к военной службе» (подп. «в» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»).

Командир воинской части, указав, что действует по поручению первого заместителя министра обороны Российской Федерации и заместителя министра обороны Российской Федерации, письмом от 11 февраля 2011 г. в удовлетворении указанной выше просьбы отказал.

Согласно ч. 2 ст. 61 ГПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда.

При таких данных, признавая необоснованным отказ в изменении основания увольнения с военной службы М. и обязывая воинское должностное лицо внести изменения в изданный ранее приказ, суд фактически пересмотрел вступившее в законную силу решение Московского гарнизонного военного суда от 27 сентября 2010 г., чего делать был не вправе.

Таким образом, выводы судов о правомерности требований заявителя о внесении изменений в ранее изданный заместителем министра обороны Российской Федерации приказ от 7 июня 2010 г. № 152 в части, касающейся основания увольнения М. с военной службы, а также о признании необоснованным указания командира части в ответе от 11 февраля 2011 г. на отсутствие возможности изменения основания увольнения заявителя с военной службы, не основаны на законе.

Данное обстоятельство указывает на незаконность решения Московского гарнизонного военного суда от 12 июля 2011 г. и кассационного определения судебной коллегии Московского окружного военного суда от 22 сентября 2011 г. по заявлению М.

Поскольку обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены на основании исследованных доказательств, Военная коллегия отменила названные судебные постановления и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение – об отказе М. в удовлетворении заявления.

Командиры (начальники) воинских частей, виновные в незаконном увольнении военнослужажим с военной службы, подлежат привлечению к материальной ответственности

Вступившим в законную силу решением Псковского гарнизонного военного суда от 20 декабря 2010 г. бывший военнослужажим войсковой части 74268 ефрейтор Б., уволенная с военной службы, восстановлена на военной службе до обеспечения ее жилым помещением по установленным нормам.

На основании указанного решения суда Б. за период незаконного увольнения с 19 октября 2010 г. по 11 января 2011 г. выплачено денежное довольствие в размере 30 466 руб.

21 июля 2011 г. военный прокурор Псковского гарнизона в интересах войсковой части 07264 обратился в гарнизонный военный суд с заявлением, в котором поставил вопрос о привлечении командира войсковой части 74268 к ограниченной материальной ответственности за незаконное увольнение Б.

Решением гарнизонного военного суда иск удовлетворен частично.

В соответствии с п. 4 ст. 4 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» командиры (начальники) воинских частей, виновные в незаконном увольнении военнослужащего (лица гражданского персонала) с военной службы (работы), несут материальную ответственность за ущерб, причиненный излишними денежными выплатами, произведенными в результате незаконного увольнения военнослужащего (лица гражданского персонала), в размере причиненного ущерба, но не более трех окладов месячного денежного содержания и трех месячных надбавок за выслугу лет.

Применив ст. 11 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», с учетом материального положения ответчика, степени и характера его вины, гарнизонный военный суд снизил размер денежных средств, подлежащих взысканию с ответчика.

Материальный ущерб в связи с незаконным исключением военнослужащего из списков личного состава воинской части при увольнении с военной службы подлежит возмещению в соответствии с п. 3 ст. 4 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих»

В Майкопский гарнизонный военный суд обратился с исковым заявлением военный прокурор Майкопского гарнизона в интересах ФКУ «Отдел финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Республике Адыгея», который просил на основании п. 4 ст. 4 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» привлечь военнослужащего войсковой части 21797 И. к ограниченной материальной ответственности в размере трех месячных окладов денежного содержания и трех месячных надбавок за выслугу лет в сумме 37 077 руб.

Обосновывая данное требование, прокурор сослался на то, что врио командира войсковой части 21797 И. издал приказ от 28 февраля 2011 г. об исключении майора Д. из списков личного состава воинской части, при этом не предпринял мер для своевременного обеспечения его денежным довольствием.

Впоследствии указанный приказ был оспорен Д. в судебном порядке и отменен, как незаконный, а Д. 7 сентября 2011 г. восстановлен в списках личного состава воинской части, вследствие чего данному военнослужащему по вине ответчика были произведены излишние денежные выплаты за период с 26 апреля по 7 сентября 2011 г., чем федеральному бюджету и отделу финансового обеспечения как распорядителю бюджетных средств был причинен материальный ущерб на указанную сумму.

Ответчик И. иск не признал и просил в его удовлетворении отказать.

Майкопский гарнизонный военный суд иск удовлетворил частично по следующим основаниям.

В соответствии с Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих»:

командиры (начальники), не принявшие необходимых мер к предотвращению излишних денежных выплат, что повлекло причинение ущерба, несут материальную ответственность в размере причиненного ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет (п. 3 ст. 4);

командиры (начальники) воинских частей, виновные в незаконном увольнении военнослужащего с военной службы, незаконном назначении военнослужащего на должность, не предусмотренную штатом (штатным расписанием) воинской части, либо на должность, оплачиваемую выше фактически занимаемой должности, несут материальную ответственность за ущерб, причиненный излишними денежными выплатами, произведенными в результате незаконного увольнения военнослужащего, незаконного назначения военнослужащего на должность, в размере причиненного ущерба, но не более трех окладов месячного денежного содержания и трех месячных надбавок за выслугу лет (п. 4 ст. 4).

Из материалов дела следует, что Д., исключенный из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы, на основании решения суда был восстановлен в списках личного состава воинской части до 7 сентября 2011 г.

В соответствии с п. 24 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, уволенный с военной службы, должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы (увольнения досрочно – не позднее дня истечения срока его военной службы) и не позднее чем через месяц со дня поступления в воинскую часть выписки из приказа об увольнении военнослужащего с военной службы.

Таким образом, в указанный в исковом заявлении период, с 26 апреля по 7 сентября 2011 г., Д. находился в списках личного состава воинской части сверх установленных для этого сроков, в связи с чем произведенные ему за этот период выплаты денежного довольствия следует признать излишними.

При этом, причиной восстановления Д. в списках личного состава воинской части, нахождения его в этих списках сверх установленных сроков и производства в этот период излишних денежных выплат являлись действия ответчика И. по изданию приказа об исключении Д. из списков личного состава воинской части, которые были признаны незаконными вступившим в законную силу судебным решением.

Определяя размер подлежащих удовлетворению исковых требований, гарнизонный военный суд исходил из того, что стороной истца были представлены доказательства выплаты Д. излишних денежных выплат не в результате его незаконного увольнения с военной службы, а в результате совершения иных действий, связанных с непринятием мер по своевременному исключению данного военнослужащего из списков личного состава воинской части, а потому ответчик подлежит привлечению к материальной ответственности по основанию, предусмотренному п. 3 ст. 4 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», то есть в размере не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет, и основания для привлечения его к материальной ответственности по п. 4 ст. 4 указанного Федерального закона в размере трех окладов месячного денежного содержания и трех месячных надбавок за выслугу лет, на чем настаивал истец, отсутствуют.

Согласно справке начальника ФКУ «Отдел финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Республике Адыгея» денежное содержание ответчика И. (оклад по воинскому званию, оклад по воинской должности, надбавка за выслугу лет) составляет в общей сумме 12 359 руб., поэтому суд обоснованно удовлетворил иск на указанную сумму и отказал в удовлетворении иска в остальной части.

При определении размеров компенсации морального вреда в связи с необоснованным увольнением военнослужащего с военной службы суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства

Приказом главнокомандующего ВМФ от 25 ноября 2009 г. К. уволен с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

Указанный приказ был признан незаконным вступившим в законную силу решением Псковского гарнизонного военного суда от 18 марта 2010 г.

К выводу о несоответствии действий главнокомандующего ВМФ законодательству суд пришел на основании того обстоятельства, что К., имеющий право на жилое помещение для постоянного проживания и не обеспеченный таковым, был уволен с военной службы при отсутствии его согласия на увольнение без предоставления жилья.

Полагая, что у него имеются основания для возмещения морального вреда, К. обратился в гарнизонный военный суд с исковым заявлением, в котором просил взыскать с Федерального государственного учреждения «Главное командование Военно-Морским Флотом» компенсацию морального вреда в сумме 100 000 руб.

Гарнизонный военный суд иск К. удовлетворил частично и взыскал в его пользу с Федерального государственного учреждения «Главное командование Военно-Морским Флотом» компенсацию морального вреда в сумме 3 500 руб.

К. полагал, что суд не в полной мере оценил имеющиеся по делу доказательства и взысканная сумма в счет возмещения морального вреда в размере 3 500 руб. не соответствовала перенесенным им нравственным и физическим страданиям.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции обоснованно признал требования истца о компенсации морального вреда подлежащим удовлетворению.

Однако размер компенсации морального вреда, определенный судом первой инстанции в 3 500 руб. является явно несправедливым, а вывод об отказе в удовлетворении заявленных требований в большем размере – необоснованным.

Верховный Суд Российской Федерации в п. 8 постановления Пленума от 20 декабря 1994 г. № 10 (с изменениями от 25 октября 1996 г. и 15 января 1998 г.) дал разъяснения о том, что степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий.

При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости (ст. 1101 ГК РФ).

Вместе с тем, оснований полагать, что суд первой инстанции при определении размера компенсации морального вреда в полной мере учел требования разумности и справедливости, по делу не имелось.

Как следует из материалов дела, К. на момент незаконного увольнения имел более 25 лет выслуги в календарном исчислении, с 2005 г. признан нуждающимся в получении жилого помещения для постоянного проживания, уволен в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе.

После увольнения с военной службы К. не был обеспечен жилым помещением, остался проживать с составом семьи три человека, с малолетним ребенком, в однокомнатной служебной квартире, площадь которой не соответствовала нормам предоставления жилых помещений.

Указанные незаконные действия свидетельствовали о причинении истцу значительных нравственных страданий. Кроме того, подобные незаконные действия причинили истцу и физические страдания, что подтверждается представленными суду медицинскими документами.

При таких обстоятельствах решение суда о компенсации заявителю морального вреда в размере 3 500 руб. явно не соответствовало степени перенесенных истцом нравственных и физических страданий в связи с незаконным увольнением с военной службы и в связи с несоответствием выводов суда первой инстанции обстоятельствам дела подлежало изменению.

Обсуждая вопрос размера компенсации морального вреда, судебная коллегия окружного военного суда, учитывая конкретные обстоятельства дела, степень вины должностного лица, иные заслуживающие внимания обстоятельства, а также требования разумности и справедливости, посчитала необходимым значительно увеличить размер компенсации морального вреда, взыскиваемого в пользу К. с Федерального государственного учреждения «Главное командование Военно-Морским Флотом».

Определяя размер компенсации морального вреда при незаконном увольнении с военной службы, суд должен исходить из характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий

Майор С. на основании приказа начальника 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации от 15 мая 2009 г. был досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями с зачислением в запас. Этим же приказом он был выведен в распоряжение командира войсковой части 40274 в связи с невозможностью своевременного исключения из списков личного состава воинской части. Решением 101-го гарнизонного военного суда от 3 сентября 2009 г., вступавшим в законную силу 20 ноября 2009 г., названный приказ был признан незаконным и недействующим с момента издания.

Обращаясь в 101-й гарнизонный военный суд с иском о компенсации морального вреда в размере 100 000 руб., С. указал, что в момент доведения вышеназванного приказа об увольнении с военной службы он испытал унижение чести и достоинства перед сослуживцами воинской части, в результате чего ему пришлось обращаться за медицинской помощью к соответствующим врачам, о чем свидетельствуют записи в его медицинской книжке. Снижение денежного довольствия в два раза привело к нездоровой моральной обстановке в семье.

Решением 101-го гарнизонного военного суда требования С. удовлетворены частично.

Из материалов дела следует, что С. 26 и 28 мая 2009 г. обращался за медицинской помощью к врачам, а именно: терапевту и дерматологу. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

Статья 1101 ГК РФ определяет способ и размер компенсации морального вреда. При этом, в данной статье указано, что размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

При таких данных гарнизонный военный суд установил, что исковые требования С. в соответствии с п. 2 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ст. 151 ГК РФ, с учетом приведенных истцом доводов, представленных медицинских документов, подтверждающих причинение ему морального вреда в связи с необоснованным увольнением с военной службы, подлежат удовлетворению частично, поскольку указанная им сумма, по мнению суда, является явно завышенной. При определении размера компенсации морального вреда на основании ст. 1101 ГК РФ суд решил, что с 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации в пользу С. необходимо взыскать 5 000 (пять тысяч) руб.

Глава 5. Исполнение судебных постановлений по гражданским делам

Назначение военнослужащего в другую воинскую часть признано незаконным, поскольку вследствие этого оказалось невозможным исполнение решения суда об увольнении такого военнослужащего с военной службы в запас из прежней воинской части

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20 мая 2010 г. № 201-В10-11 по заявлению А. (извлечение)

А. обратился в Московский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконными действия командования, связанные с оформлением документов и переводом его в другую воинскую часть на равную воинскую должность.

Решением Московского гарнизонного военного суда от 23 марта 2009 г. А. отказано в удовлетворении заявления.

Определением Московского окружного военного суда от 15 июля 2009 г. решение оставлено без изменения, а кассационная жалоба А. – без удовлетворения.

В надзорной жалобе А. просил судебные постановления отменить, сославшись на то, что перевод в другую воинскую часть сделал невозможным исполнение решения суда от 26 мая 2006 г., согласно которому на командира воинской части, в которой он до этого проходил военную службу, была возложена обязанность по обеспечению его жильем с последующим увольнением в запас.

Военная коллегия надзорную жалобу удовлетворила, указав следующее.

Из материалов дела следует, что А. в связи с невозможностью по состоянию здоровья проходить военную службу в прежней должности обратился по команде с рапортом об увольнении в запас с предварительным обеспечением жильем по месту службы, а когда ему в этом было отказано, обжаловал отказ в судебном порядке.

Решением Московского гарнизонного военного суда от 26 мая 2006 г. на командира воинской части, в которой А. проходил военную службу, была возложена обязанность по обеспечению его жильем с представлением его после этого к увольнению.

Не исполнив решение суда в части обеспечения А. жильем, командир воинской части 27 января 2009 г. представил его к переводу на равную воинскую должность в другую воинскую часть, что было на следующий день реализовано в приказе командира вышестоящей части.

По смыслу ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому защиту его прав и свобод, исполнение судебного решения должно рассматриваться как элемент судебной защиты, а государство обязано принимать необходимые меры по обеспечению его реализации.

Как указано в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 19 марта 1997 г. по делу «Хорнсби против Греции», являющегося составной частью российской правовой системы, право на судебную защиту стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства позволяла, чтобы окончательное, обязательное судебное решение оставалось недействующим.

Аналогичная правовая позиция сформулирована Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 30 июля 2001 г. № 13-П, от 15 января 2002 г. № 1-П, от 14 июля 2005 г. № 8-П. Согласно этой позиции защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется.

В суде установлено, что командование не только не исполнило вступившее в законную силу решение суда об обеспечении А. жильем и представлении его к увольнению, но вопреки этому решению перевело его к новому месту военной службы, сделав тем самым невозможным исполнение судебного акта.

Изложенное указывает на то, что действия командования по переводу А. в другую воинскую часть не могут быть признаны законными.

Решение о выдаче дубликата исполнительного листа принимается судом по заявлению заинтересованного лица в порядке, предусмотренном ГПК РФ, в судебном заседании

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2010 г. № 201-Д10-11 по жалобе Л. (извлечение)

Одинцовским гарнизонным военным судом 22 января 2010 г. вынесено определение, которым принято решение о выдаче дубликата исполнительного листа о взыскании в пользу потерпевшего Д. на основании приговора Одинцовского гарнизонного военного суда от 17 марта 2004 г. 810 720 руб. в солидарном порядке с осужденных Л., Ф., Ч.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Московского окружного военного суда от 26 февраля 2010 г. определение гарнизонного военного суда оставлено без изменения, а частная жалоба Л. – без удовлетворения.

В надзорной жалобе Л., указывая на принятие судом решения о выдаче дубликата исполнительного листа по собственной инициативе, тогда как для этого согласно ст. 430 ГПК РФ требуется заявление заинтересованного лица, просит судебные постановления отменить.

Военная коллегия отменила определения гарнизонного и окружного военных судов и направила материалы на новое рассмотрение в Одинцовский гарнизонный военный суд по следующим основаниям.

Из материалов производства следует, что поводом для рассмотрения вопроса о выдаче дубликата исполнительного листа послужили поступившие в суд сведения об утрате исполнительного листа.

Согласно ст. 430 ГПК РФ в случае утраты подлинника исполнительного листа суд, принявший решение, может выдать дубликат исполнительного документа. Заявление о выдаче дубликата рассматривается в судебном заседании. Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте заседания.

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в определении от 17 июня 2010 г. № 868-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лаптева Юрия Филипповича на нарушение его конституционных прав статьей 430 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которой для решения судом вопроса о выдаче дубликата исполнительного листа требуется подача лицом, заинтересованным в такой выдаче, соответствующего заявления, суд вправе был рассмотреть указанный вопрос при наличии соответствующего заявления от потерпевшего Д., в пользу которого судом с осужденных взысканы денежные средства.

В связи с изложенным суду следовало установить наличие в поступивших материалах заявления Д. о выдаче дубликата исполнительного документа.

Однако суд в отсутствие данных об извещении Д. о судебном заседании и его отношении к рассматриваемому вопросу провел судебное заседание в отсутствие заинтересованного лица.

Выяснение мнения Д. о выдаче дубликата исполнительного листа имело значение еще и потому, что в материалах производства имелась копия постановления судебного пристава-исполнителя от 19 октября 2007 г. об окончании исполнительного производства по взысканию с Л. в пользу Д. 810 720 руб.

Кроме того, суд кассационной инстанции при рассмотрении материалов по частной жалобе Л., оставив без внимания то обстоятельство, что основания и порядок выдачи исполнительных документов и их дубликатов регулируются гражданским процессуальным законодательством, ошибочно провел судебное заседание в порядке, предусмотренном гл. 45 и 48 УПК РФ.

По смыслу ст. 208 ГПК РФ индексация присужденных денежных сумм может быть произведена до исполнения решения суда

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2010 г. № 212-Г10-2С по жалобе М. (извлечение)

Определением Балтийского флотского военного суда от 7 июля 2010 г. удовлетворено заявление представителя потерпевшей М. – С. об индексации присужден-

ной, но не взысканной с осужденного Ст. денежной суммы по приговору того же суда от 22 марта 2002 г. в счет удовлетворения гражданского иска о компенсации морального вреда.

В частной жалобе осужденный Ст., указывая на возможность индексации присужденных денежных сумм в порядке, предусмотренном ст. 208 ГПК РФ, только после исполнения решения суда, просил судебное постановление отменить.

Рассмотрев материалы производства и обсудив доводы частной жалобы осужденного, Военная коллегия нашла определение флотского военного суда законным по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 208 ГПК РФ по заявлению взыскателя суд, рассмотревший дело, может произвести индексацию денежных сумм на день исполнения решения суда.

Поскольку данная норма выступает процессуальной гарантией защиты имущественных интересов взыскателя и должника от инфляционных процессов в период с момента вынесения судебного решения до его реального исполнения, то она не предполагает отказ суда в индексации присужденных денежных сумм в случае неисполнения вступившего в законную силу судебного постановления.

Вышеприведенная правовая позиция согласуется с определением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2008 г. № 244-О-П «По жалобе гражданина Петрова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Таким образом, положения ст. 208 ГПК РФ не содержат запрета производить индексацию взысканной по решению суда денежной суммы до его исполнения.

Правом на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок наделяются заинтересованные лица, право которых нарушено неисполнением в разумный срок не любого судебного акта, а лишь акта, согласно которому подлежит обращение взыскания на средства бюджетной системы Российской Федерации

Решением Ставропольского гарнизонного военного суда 13 июля 2007 г. на директора ФСБ России возложена обязанность обеспечить И., подлежащего увольнению с военной службы по организационно-штатным мероприятиям и имеющего выслугу более 10 лет, и членов его семьи жилым помещением по избранному месту жительства.

Решение Ставропольского гарнизонного военного суда вступило в законную силу. 11 февраля 2008 г. судебным приставом-исполнителем было возбуждено исполнительное производство.

С момента вступления решения суда первой инстанции на 13 июля 2010 г. прошло 2 года 11 месяцев 18 дней. И. обратился в Северо-Кавказский окружной военный суд с заявлением о выплате ему компенсации в размере 4 000 000 руб. за неисполнение судебного решения в разумный срок.

Судья неправильно истолковал Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», необоснованно посчитав, что положения названного Закона распространяются на И., поскольку обеспечение военнослужащих жилыми помещениями осуществляется за счет средств федерального бюджета, выделяемых ФСБ России на строительство и приобретение жилья.

Военная коллегия нашла данное толкование суда первой инстанции не основанным на нормах указанного Закона.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 1 указанного Закона граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, российские, иностранные и международные организации, являющиеся в судебном процессе сторонами или заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора третьими лицами, взыскатели, должники, а также подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, осужденные, оправданные, потерпевшие, гражданские истцы, гражданские ответчики в уголовном судопроизводстве, в предусмотренных федеральным законом случаях другие заинтересованные лица при нарушении их права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта, предусматривающего обращение

взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, в разумный срок могут обратиться в суд, арбитражный суд с заявлением о присуждении компенсации за такое нарушение в порядке, установленном названным Федеральным законом и процессуальным законодательством Российской Федерации.

Из содержания приведенной нормы следует, что правом на обращение в суд с таким заявлением наделены заинтересованные лица, право которых нарушено неисполнением в разумный срок не любого судебного акта, а лишь акта, согласно которому подлежит обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

И. обратился в окружной военный суд с заявлением о присуждении ему компенсации в связи с длительным неисполнением судебного решения Ставропольского гарнизонного военного суда от 13 июня 2007 г., обязывающего директора ФСБ России обеспечить заявителя и членов его семьи жилым помещением по избранному месту жительства, то есть судебного акта, не предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Таким образом, в соответствии с требованиями указанного Федерального закона И. правом на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок не наделен.

При таких обстоятельствах судья, в силу положений ст.ст. 135 и 244.6 ГПК РФ, обязан был возвратить И. заявление без рассмотрения по существу.

Принимая во внимание то, что по принятому в нарушение норм процессуального закона заявлению в удовлетворении требования И. в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 244.9 ГПК РФ необходимо было отказать, решение судьи Северо-Кавказского окружного военного суда от 13 июля 2010 г. отменено в связи с неправильным толкованием материального закона, а производство по делу прекращено.

Вопросы, связанные с исполнением судебных решений, разрешаются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве, и в частности Федеральным законом «Об исполнительном производстве»

Читинский гарнизонный военный суд рассмотрел и частично удовлетворил заявление А. об оспаривании действий командования, связанных с исключением его из списков личного состава части без обеспечения жильем и в полном объеме вещевым довольствием, а также без предоставления ему дней отдыха.

7 декабря 2010 г. заявитель вновь обратился в суд с жалобой на действия тех же воинских должностных лиц, связанные с неисполнением указанного выше решения, и просил признать эти их действия неправомерными.

Судья Читинского гарнизонного военного суда определением отказал А. в принятии его заявления на основании ст. 248 ГПК РФ, поскольку имеется вступившее в законную силу решение суда, принятое по заявлению последнего о том же предмете.

Между тем вопросы, связанные с исполнением судебных решений, разрешаются не в порядке, предусмотренном гл. 23 и 25 ГПК РФ, а в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве, и в частности Федеральным законом «Об исполнительном производстве», вследствие чего судье гарнизонного военного суда следовало разъяснить заявителю указанные положения и отказать последнему в принятии его жалобы на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, в соответствии с которым судья отказывает в принятии заявления в случае, если заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку оно рассматривается и разрешается в ином судебном порядке.

В связи с изложенным Восточно-Сибирский окружной военный суд указанное определение отменил и отказал А. в принятии его заявления на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ.

Положения ст. 222 ГПК РФ не могут применяться при рассмотрении заявлений об изменении порядка исполнения решения суда

Согласно вступившему в законную силу решению Рязанского гарнизонного военного суда от 26 апреля 2010 г. заявление Н. об оспаривании действий командующего Железнодорожными войсками и командира воинской части, связанных с уволь-

нением с военной службы и исключением из списков личного состава воинской части, было удовлетворено частично. Суд возложил на командира воинской части обязанность обеспечить заявителя вещевым имуществом по нормам согласно действующему законодательству, а в остальной части заявленных требований отказал.

27 июня 2011 г. Н. обратилась в Рязанский гарнизонный военный суд с заявлением об изменении порядка и способа исполнения данного судебного решения, в котором просила их изменить, взыскав с командира воинской части в ее пользу рыночную стоимость положенных ей к выдаче предметов вещевого имущества.

Определением суда заявление Н. оставлено без рассмотрения на основании ст. 222 ГПК РФ ввиду неявки ее по вторичному вызову в судебное заседание.

Московский окружной военный суд данное решение гарнизонного военного суда отменил, а заявление передал на новое рассмотрение, поскольку при вынесении определения суд первой инстанции нарушил требования процессуального закона.

При вынесении определения суд со ссылкой на ст. 222 ГПК РФ исходил из того, что заявитель, не просившая о разбирательстве заявления в ее отсутствие, не явилась без уважительных причин по вторичному вызову в судебное заседание.

Однако в соответствии с ч. 2 ст. 203 ГПК РФ заявление об изменении способа и порядка исполнения решения суда может быть рассмотрено судом в отсутствие не явившегося заявителя в случае, если он извещен о времени и месте судебного заседания.

Таким образом, ст. 222 ГПК РФ предусматривает оставление без рассмотрения только заявления, которым дело разрешается по существу, и, следовательно, положения данной статьи, вопреки выводу суда первой инстанции, не могли быть применены при рассмотрении заявления об изменении порядка исполнения решения суда.

Заявление об изменении порядка и способа исполнения решения суда не разрешает спор по существу, а является производным вопросом, вытекающим из данного спора, а поэтому данное заявление подлежит рассмотрению вне зависимости от явки заявителя в судебное заседание, что предусмотрено ч. 2 ст. 203 ГПК РФ.

Раздел II. Судебная практика по применению Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации

Часть 1. Судебная практика по применению Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации

Глава 6. Обстоятельства, исключающие преступность деяния

Ошибочное осуждение лица за вред, причиненный при необходимой обороне

Екатеринбургским гарнизонным военным судом Д. был осужден по ст. 115 ч. 1 УК РФ к штрафу в размере 3 000 руб. Суд признал его виновным в том, что в ходе возникшей при выяснении личных отношений драки между ним и О. в служебном кабинете Д. ударил последнего головой о зеркало, осколком которого О. была причинена рана головы, то есть легкий вред, вызвавший кратковременное расстройство здоровья.

В свою очередь, суд осудил О. к аналогичному наказанию по указанной статье за умышленное причинение Д. перелома носа в ходе этой же драки.

Уральский окружной военный суд отменил приговор в отношении Д. и прекратил уголовное дело в отношении его за отсутствием состава преступления по следующим основаниям.

Суд первой инстанции обосновал свой вывод о виновности Д. тем, что, действуя в ходе возникшего между ним и О. конфликта в условиях ограниченного пространства кабинета, он осознавал опасный характер своих действий, предвидел, что они могут повлечь вред здоровью О., и допускал это, то есть действовал с косвенным умыслом.

При этом, показания самого Д. о том, что он не нападал, а защищался, что О. о зеркало головой не ударялся и что зеркало раздавил он, Д., сам, когда О. прижал его спиной к двери, были отвергнуты судом на основании показаний свидетеля Н., который сообщил суду о наличии у О. телесных повреждений на груди и руках, и никакой оценки не получили.

Между тем данные обстоятельства подтверждались другими доказательствами.

Так, в заявлении о привлечении Д. к уголовной ответственности О. указывал: «Мы схватили друг друга за обмундирование и в результате борьбы, когда Д. потянул меня на себя, я разбил своей головой зеркало, которое висело на двери...».

В судебном заседании О. заявлял: «Я понял, что разговаривать с ним бесполезно и схватил его за грудки. Он также схватил меня, мы стали бороться, оперлись о дверь. Д. был спиной к двери, я во время всего этого ударился головой о зеркало, оно разбилось».

В ходе судебного заседания на вопрос председательствующего О. ответил: «Рана у меня образовалась в процессе борьбы с Д., когда мы ударились о зеркало, оно разбилось и поранило мне голову».

Из указанных выше показаний О., показаний Д., обстоятельств возникновения конфликта между ними следовало, что Д. не нападал, а защищался от насильственных действий О. При этом, с учетом обстановки служебного кабинета, в который О. пригласил Д., а затем напал на него, он не мог предвидеть, что в результате его действий О. может быть причинен какой-либо вред, поскольку в силу неожиданности произошедшего не мог фактически объективно оценить степень и характер опасности при нападении на него. Поэтому, хотя Д. и может быть причастен к возникновению у О. травмы волосистой части головы, нести уголовную ответственность за ее причинение он не должен, так как находился в состоянии необходимой обороны.

Кроме того, не опровергнуто заявление Д. и о том, что зеркало в ходе конфликта разбилось не оттого, что О. ударился о него, а оттого, что последний прижал Д. спиной к двери, на которой оно висело. Напротив, указанное обстоятельство частично подтверждалось показаниями О., пояснившего, что зеркало могло разбиться от их совместных действий. В силу положений ст. 49 Конституции Российской Федерации и ст. 14 УПК РФ данное неустранимое сомнение также должно было быть истолковано судом в пользу Д.

Глава 7. Наказание

При назначении военнослужащему наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части условно испытательный срок устанавливается в пределах оставшегося срока военной службы на день провозглашения приговора

Балтийским гарнизонным военным судом 26 июня 2012 г. матрос И. был признан виновным в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 335 УК РФ, и осужден к наказанию в виде содержания в дисциплинарной воинской части сроком на 4 месяца условно с испытательным сроком 6 месяцев.

Рассмотрев данное уголовное дело в кассационном порядке по кассационному представлению военного прокурора, флотский военный суд приговор изменил, поскольку суд первой инстанции при назначении наказания не учел требования ч. 3.1 ст. 73 УК РФ о продолжительности испытательного срока.

Как следовало из материалов уголовного дела, срок военной службы по призыву у осужденного И. истекал 4 июля 2012 г., а приговор в отношении его был провозглашен 3 мая 2012 г.

Поскольку наказание И. в виде содержания в дисциплинарной воинской части с применением ст. 73 УК РФ было назначено условно, испытательный срок ему в соответствии с ч. 3.1 ст. 73 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившего в законную силу 8 декабря 2011 г., мог быть установлен лишь в пределах оставшегося у И. срока военной службы на день провозглашения приговора.

В связи с изложенным Балтийский флотский военный суд установил испытательный срок в размере 2 месяцев и 1 дня.

В соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части приговора должно быть указано решение о зачете времени предварительного содержания под стражей, если подсудимый до постановления приговора был задержан, или к нему применялись меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, или он помещался в медицинский или психиатрический стационар

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2012 г. № 201-О12-8с по уголовному делу в отношении Д. (извлечение)

По уголовному делу в отношении Д. Московский окружной военный суд в резолютивной части приговора от 4 июня 2011 г. не указал решение о зачете времени предварительного содержания под стражей.

Между тем из материалов уголовного дела следует, что Д. 11 апреля 2009 г. был задержан по подозрению в совершении преступления по данному делу, в связи с чем один день содержался в изоляторе временного содержания, в период со 2 февраля по 2 марта 2010 г. и с 19 апреля по 11 мая 2012 г. на основании постановлений суда помещался в психиатрический стационар для проведения судебно-психиатрических экспертиз, с 14 сентября по 20 ноября 2010 г. на основании постановления суда находился в психиатрическом стационаре на общих основаниях, а по приговору Московского окружного военного суда от 6 октября 2011 г. был осужден к 2 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, в связи с чем ему была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. После этого кассационным определением Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2011 г. приговор был отменен, уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство в окружной военный суд, а мера пресечения Д. изменена на подписку о невыезде и надлежащем поведении. В тот же день он из-под стражи был освобожден.

В соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части приговора должно быть указано решение о зачете времени предварительного содержания под стражей, если подсудимый до постановления приговора был задержан, или к нему применялись меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, или он помещался в медицинский или психиатрический стационар.

При таких обстоятельствах в срок наказания, назначенный Д. по настоящему приговору, должно было быть зачтено время содержания его под стражей по данному делу и нахождения в психиатрическом стационаре.

На основании изложенного Военная коллегия зачла в срок наказания время содержания Д. под стражей и нахождения в психиатрическом стационаре по данному делу до постановления приговора.

Отстраненному от должности военнослужащему выплачивается не ежемесячное государственное пособие в размере пяти минимальных размеров оплаты труда в соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, а установленное военным законодательством денежное довольствие

Постановлением судьи Абаканского гарнизонного военного суда Ж. был временно отстранен от должности командира воинской части и ему назначено ежемесячное государственное пособие в размере пяти минимальных размеров оплаты труда с момента вынесения постановления.

Западно-Сибирский окружной военный суд, рассмотрев дело по кассационной жалобе подозреваемого, признал решение судьи неправомерным по следующим основаниям.

Назначая подозреваемому военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, ежемесячное государственное пособие в размере пяти минимальных размеров оплаты труда на основании п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, судья не учел, что закрепленный в ч. 1 и ч. 2 ст. 7 УПК РФ приоритет УПК РФ перед другими федеральными законами не является безусловным.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленной в определениях от 8 ноября 2005 г. № 439-О и от 2 марта 2006 г. № 54-О, приоритет уголовно-процессуального закона не распространяется на случаи, когда в иных (помимо УПК РФ, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства) законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные, в частности, их особым правовым статусом.

В соответствии с п. 3 ст. 12 Федерального закона «О статусе военнослужащих» порядок обеспечения военнослужащих денежным довольствием определяется Министерством обороны Российской Федерации (иным федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба).

В соответствии с п. 64 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом министра обороны Российской Федерации от 30 июня 2006 г. № 200, военнослужащим, отстраненным от воинских должностей по решению суда, денежное довольствие со дня, следующего за днем освобождения от воинских должностей, выплачивается в порядке, предусмотренном п. 46 названного Порядка.

Из п. 46 Порядка следует, что в данном случае военнослужащим выплачиваются оклады по воинскому званию, оклады по ранее занимаемой воинской должности, процентная надбавка за выслугу лет, ежемесячное денежное поощрение в размере одного оклада по воинской должности и ежемесячная надбавка за сложность, напряженность и специальный режим военной службы в порядке, предусмотренном пп. 109 – 110 названного Порядка, если федеральными законами и иными нормативными правовыми актами не установлено иное.

С учетом изложенного Западно-Сибирский окружной военный суд исключил из постановления указание о назначении Ж. ежемесячного государственного пособия в размере пяти минимальных размеров оплаты труда.

Лица, осужденные к отбыванию наказания в колонии-поселении, обязаны следовать к месту отбывания наказания самостоятельно

Абаканским гарнизонным военным судом К. осужден по ч. 4 ст. 337 УК РФ к лишению свободы сроком на 10 месяцев с отбыванием наказания в колонии-поселении. При этом, меру пресечения К. в виде наблюдения командования воинской части суд изменил на заключение под стражу в зале суда и до вступления приговора в законную силу постановил содержать его в следственном изоляторе.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 75.1 УИК РФ территориальный орган уголовно-исполнительной системы не позднее 10 суток со дня получения копии приговора суда вручает осужденному к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении предписание о направлении к месту отбывания наказания и обеспечивает его направление в колонию-поселение. В указанном предписании с учетом необходимого для проезда времени устанавливается срок, в течение кото-

рого осужденный должен прибыть к месту отбывания наказания. Порядок направления осужденных в колонию-поселение определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

Осужденный следует в колонию-поселение за счет государства самостоятельно. Оплата проезда, обеспечение продуктами питания или деньгами на время проезда производится территориальным органом уголовно-исполнительной системы в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.

При этом, осужденный может быть по решению суда заключен под стражу и направлен в колонию-поселение под конвоем лишь в случаях уклонения его от следствия или суда, нарушения им меры пресечения или отсутствия у него постоянного места жительства на территории Российской Федерации.

По данному делу указанных оснований для заключения осужденного под стражу, предусмотренных ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ, не установлено, поэтому суд не вправе был принимать такое решение.

По вступлении приговора в законную силу территориальный орган уголовно-исполнительной системы обеспечивает явку осужденного к месту отбывания наказания. При этом, осужденный следует к месту отбывания наказания самостоятельно за счет государства.

Окружной военный суд внес в приговор соответствующие коррективы, исправив ошибку суда первой инстанции.

При рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства наказание виновному назначается при наличии явки с повинной с соблюдением правил, предусмотренных ст. 62 УК РФ и ч. 7 ст. 316 УПК РФ

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 15 марта 2011 г. № 208-ДП11-2 по уголовному делу в отношении Х. (извлечение)

По приговору Хабаровского гарнизонного военного суда от 11 мая 2010 г., постановленному в особом порядке судебного разбирательства, Х. осужден к лишению свободы по ч. 1 ст. 222 УК РФ с применением ст. 73 УК РФ на 2 года условно с испытательным сроком 1 год. В кассационном порядке дело не рассматривалось.

Постановлением президиума Дальневосточного окружного военного суда от 17 ноября 2010 г. приговор оставлен без изменения, а надзорное представление военного прокурора Дальневосточного военного округа – без удовлетворения.

Военная коллегия, рассмотрев дело по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – главного военного прокурора, смягчила назначенное Х. наказание по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствииотягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Из материалов дела следует, что Х. добровольно сообщил правоохранительным органам о совершенном им преступлении, что признано судом обстоятельством, смягчающим наказание.

Следовательно, максимальный срок наказания, которое могло быть назначено Х. по ч. 1 ст. 222 УК РФ, составляет 2 года 8 месяцев.

Поскольку приговор был постановлен в особом порядке, наказание в силу ч. 7 ст. 316 УПК РФ не может превышать двух третей максимального срока лишения свободы, предусмотренного за совершенное преступление.

Таким образом, наказание Х. должно быть назначено по правилам ст. 62 УК РФ и ч. 7 ст. 316 УПК РФ, а максимальный срок наказания не мог превышать 1 год 9 месяцев 10 суток.

Однако суд первой инстанции за указанное преступление назначил Х. лишение свободы на 2 года, а суд надзорной инстанции эту ошибку не исправил.

При таких обстоятельствах Военная коллегия изменила состоявшиеся в отношении Х. судебные решения и смягчила назначенное ему по ч. 1 ст. 222 УК РФ наказание до 1 года 6 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год.

Наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, только при наличии обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 56 УК РФ

Согласно приговору Борзинского гарнизонного военного суда Ц., помимо иных преступлений, признан виновным в совершении трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 335 (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), на основании которой осужден к лишению свободы на 6, 9 месяцев и 1 год соответственно.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) наказание в виде лишения свободы осужденному, совершившему преступление небольшой тяжести впервые, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, назначается лишь при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, а также в случае, если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Как следует из приговора, Ц. совершил преступления впервые и осужден не за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ. Не установил суд и обстоятельство, отягчающих наказание, а преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 335 УК РФ, ввиду того, что максимальное наказание за его совершение не превышает трех лет лишения свободы, является согласно ч. 2 ст. 15 УК РФ преступлением небольшой тяжести.

Таким образом, оснований, допускающих назначение Ц. наказания в виде лишения свободы за совершение данных преступлений, не имелось.

С учетом изложенных обстоятельств Восточно-Сибирский окружной военный суд приговор изменил, назначив осужденному наказание за каждое из трех предусмотренных ч. 1 ст. 335 УК РФ преступлений в виде содержания в дисциплинарной воинской части на различные сроки.

Суд ошибочно отменил условное осуждение при отсутствии оснований, предусмотренных ст. 74 УК РФ

Южно-Сахалинский гарнизонный военный суд 7 июня 2012 г. признал Г. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, по которой назначил ему наказание в виде 3 лет лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе и службе в органах местного самоуправления на срок 6 месяцев. В соответствии с ч. 6 ст. 74 УК РФ суд первой инстанции отменил Г. условное осуждение, назначенное ему по приговору того же суда от 2 апреля 2012 г., и определил ему наказание по совокупности приговоров по правилам ст. 70 УК РФ.

Дальневосточный окружной военный суд исключил из приговора указание об отмене условного осуждения и назначении осужденному наказания по совокупности приговоров, указав в кассационном определении следующее.

Принимая решение об отмене Г. условного осуждения и назначении наказания по совокупности приговоров, суд первой инстанции не учел, что преступление, за которое Г. осужден гарнизонным военным судом 7 июня 2012 г., было совершено им до вынесения в отношении его приговора от 2 апреля 2012 г., а ст. 74 УК РФ предусматривает отмену условного осуждения по основаниям, которые возникают уже после вынесения приговора об условном осуждении.

Впреки суждению суда первой инстанции, ч. 6 ст. 74 УК РФ не является исключением из данного правила и предусматривает ситуацию, когда новое преступление совершается лицом после вынесения в отношении его приговора об условном осуждении, но до вступления последнего в силу.

При таких обстоятельствах у гарнизонного военного суда оснований для отмены условного осуждения не имелось, а приговор в отношении Г. от 2 апреля 2012 г. подлежит самостоятельному исполнению.

Наказание, назначенное судом с применением положений ст. 64 УК РФ, не может быть ниже срока или размера наказания, установленного соответствующей статьей Общей части УК РФ

Советско-Гаванский гарнизонный военный суд 28 ноября 2011 г. осудил Т. по ч. 1 ст. 335 УК РФ и с применением ст. 64 УК РФ назначил ему наказание в виде штрафа в размере 3 000 руб.

Рассмотрев дело по кассационному представлению государственного обвинителя, судебная коллегия Дальневосточного окружного военного суда отменила пригово-

вор и направила дело на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции, указав на неправильное применение гарнизонным военным судом уголовного закона, выразившееся в следующем.

Преступление совершено осужденным 26 сентября 2011 г.

В соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ в редакции, действующей с 4 мая 2011 г., минимальный размер штрафа составляет 5 000 руб.

Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации в п. 12 постановления от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» с учетом правил, содержащихся в ст. 64 УК РФ, может быть назначен любой более мягкий вид основного наказания, не указанный в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. При этом, срок и размер такого наказания не могут быть ниже минимальных срока и размера, установленных соответствующими статьями Общей части УК РФ для каждого вида уголовного наказания.

Поэтому суд первой инстанции не вправе был назначать осужденному наказание менее 5 000 руб.

Судимость за совершение преступления небольшой тяжести рецидива не образует

Новосибирским гарнизонным военным судом ефрейтор С. был осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ к штрафу в размере 20 000 руб.

Западно-Сибирский окружной военный суд по кассационному представлению прокурора исключил из приговора в отношении С. рецидив преступлений и назначил ему наказание в виде штрафа в размере 15 000 руб. по следующим основаниям.

С. мировым судьей судебного участка Чистоозерного района Новосибирской области 2 марта 2011 г. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, которое, исходя из санкции данной статьи и согласно ст. 15 УК РФ, относится к категории небольшой тяжести.

Согласно п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести.

Несмотря на это, суд первой инстанции ошибочно признал, что судимость за данное преступление образует рецидив преступлений.

Явка с повинной подлежит учету в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, независимо от того, что впоследствии лицо от нее отказалось

С. добровольно сообщил сотрудникам милиции о том, что ночью в своей квартире убил Ж., что было зафиксировано и оформлено протоколом явки с повинной, которая органами предварительного следствия признана смягчающим обстоятельством.

Выборгский гарнизонный военный суд исключил данное обстоятельство из смягчающих, сославшись на то, что С. впоследствии не подтвердил свою причастность к убийству потерпевшего, и осудил С. по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 115 УК РФ, к 8 годам лишения свободы со штрафом в размере 15 000 руб.

Однако сам по себе отказ подсудимого от показаний, которые он дал при явке с повинной, не мог служить основанием для непризнания этого обстоятельства смягчающим наказание, поскольку, как усматривается из материалов дела, на момент принятия явки с повинной от С. правоохранительные органы не располагали доказательствами того, что смерть Ж. была причинена именно С.

Учитывая изложенное, Ленинградский окружной военный суд признал явку с повинной С. в качестве смягчающего обстоятельства и снизил назначенное ему по ч. 1 ст. 105 УК РФ и по совокупности преступлений наказание.

При назначении наказания по статьям уголовного закона, предусматривающим возможность применения дополнительного наказания по усмотрению суда, в приговоре должны быть указаны основания его применения с приведением соответствующих мотивов

Б. был осужден Ярославским гарнизонным военным судом по ч. 1 ст. 264 УК РФ к лишению свободы сроком на 1 год с лишением права управлять транспортными средствами сроком на один год.

В соответствии с п. 39 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» при назначении наказания по статьям уголовного за-

кона, предусматривающим возможность применения дополнительного наказания по усмотрению суда, в приговоре должны быть указаны основания его применения с приведением соответствующих мотивов.

В нарушение требований вышеназванного постановления суд первой инстанции, назначая Б. дополнительное наказание в виде лишения права управлять транспортными средствами, мотивы назначения этого дополнительного наказания в описательно-мотивировочной части приговора не привел.

При таких данных судебная коллегия по уголовным делам Московского окружного военного суда исключила из резолютивной части приговора указание о назначении Б. дополнительного наказания.

При назначении дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в резолютивной части приговора должно быть конкретно указано, занимать какие должности или заниматься каким видом деятельности осужденный лишен права

Ростовским-на-Дону гарнизонным военным судом старший сержант запаса С. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ к лишению свободы на 3 года в исправительной колонии общего режима с лишением права занимать должности на государственной и муниципальной службе на 2 года.

Северо-Кавказский окружной военный суд признал, что дополнительное наказание С. назначено судом первой инстанции без учета требований ст. 47 УК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснено, что при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности на государственной службе или в органах местного самоуправления в приговоре должен быть указан конкретный вид таких должностей.

Согласно разъяснениям, данным в пп. 13 и 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания», при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности в приговоре должна быть указана определенная конкретными признаками категория должностей, на которую распространяется запрет.

Ввиду изложенного судебная коллегия по уголовным делам окружного военного суда постановила считать С. осужденным по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ к лишению свободы на 3 года в исправительной колонии общего режима с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных функций в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях Российской Федерации, а также в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях на 2 года.

В соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ, еслиотячающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания

По приговору Заозерского гарнизонного военного суда Б. осужден по ч. 1 ст. 350 УК РФ к содержанию в дисциплинарной воинской части сроком на 1 год.

Как усматривается из описательно-мотивировочной части приговора, суд при назначении наказания подсудимому указал на наступление в результате совершения преступления последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, то есть фактически учел эти последствия в качестве обстоятельства, отячающего наказание подсудимого.

Однако причинение тяжкого вреда здоровью человека является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 350 УК РФ, в совершении которого Б. признан виновным, поэтому причинение такого вреда в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 63 УК РФ не могло учитываться в качестве обстоятельства, отячающего наказание.

В связи с изложенным Северный флотский военный суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, исключил из приговора указание на необходимость учета при назначении наказания наступивших последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего и снизил осужденному наказание.

Условия применения ограничения по военной службе указаны в ст. 51 УК РФ и не подлежат расширительному толкованию

По приговору Магнитогорского гарнизонного военного суда лейтенант В. был осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ с применением ст. 64 и ст. 51 данного Кодекса к ограничению по военной службе на 2 года с удержанием 10 % из денежного довольствия в доход государства без лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Рассмотрев дело по надзорному представлению военного прокурора Центрального военного округа, президиум Уральского окружного военного суда приговор в части назначенного В. наказания изменил по следующим основаниям.

Как усматривается из материалов дела, суд первой инстанции пришел к выводу о возможности назначения осужденному более мягкого вида наказания, чем это предусмотрено за совершенное им преступление.

Однако, избирая В. в качестве наказания ограничение по военной службе, суд не учел того, что согласно ст. 51 УК РФ это наказание назначается осужденным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, лишь в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части названного Кодекса за совершение преступлений против военной службы, а также вместо исправительных работ, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Санкция же п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ наказания в виде ограничения по военной службе или исправительных работ не содержит.

Условия применения наказания в виде ограничения по военной службе, изложенные в ст. 51 УК РФ, расширительному толкованию не подлежат, поэтому возможность назначения данного вида наказания за это преступление с применением ст. 64 УК РФ исключается.

С учетом изложенного президиум Уральского окружного военного суда назначил В. вместо ограничения по военной службе штраф в размере 40 000 руб.

Условными могут быть признаны только основные наказания, указанные в ч. 1 ст. 73 УК РФ

Борзинским гарнизонным военным судом Б. осужден за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, к 3 годам лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления на 2 года. В соответствии со ст. 73 УК РФ суд постановил считать назначенное осужденному наказание условным с испытательным сроком 2 года, однако при этом не указал, какое именно – основное или дополнительное – наказание он определяет условным и, следовательно, постановил считать условным оба эти наказания.

Между тем согласно ч. 1 ст. 73 УК РФ условным может быть признано только основное наказание в виде исправительных работ, ограничения свободы, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части и лишения свободы.

В связи с изложенным, а также с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данных в п. 42 постановления от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», суду в резолютивной части приговора следовало указать, что назначенное осужденному дополнительное наказание приводится в исполнение реально, то есть условным следует считать лишь основное наказание.

Восточно-Сибирский окружной военный суд исключил из приговора указание о назначении осужденному дополнительного наказания.

Изменение судом в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ категории преступления на менее тяжкую влечет за собой применение уголовно-правовых последствий, улучшающих положение осужденного

Ульяновским гарнизонным военным судом младший сержант запаса О. был осужден за совершение преступления, предусмотренного пп. «а», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, к 4 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима с лишением права занимать должности на государственной и военной службе и в органах местного самоуправления, связанные с руководством людьми, сроком на 2 года.

Судебная коллегия по уголовным делам Приволжского окружного военного суда снизила О. основное наказание, назначенное по пп. «а», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, с применением ст. 64 УК РФ до 2 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима и изменила категорию совершенного им преступления в порядке ч. 6 ст. 15 УК РФ с тяжкого преступления на преступление средней тяжести.

Президиум Приволжского окружного военного суда изменил состоявшиеся в отношении О. судебные решения в части назначения ему вида исправительного учреждения по следующим основаниям.

Согласно п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ отбывание лишения свободы лицам, осужденным за совершение умышленных преступлений средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, назначается в колониях-поселениях. С учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с указанием мотивов принятого решения.

Судебная коллегия по уголовным делам Приволжского окружного военного суда снизила О. наказание до 2 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима и изменила категорию совершенного им преступления с тяжкого на преступление средней тяжести, однако мотивы назначения О. отбывания лишения свободы в исправительной колонии общего режима вместо колонии-поселения, подлежащей назначению ему в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, не указала.

В связи с изложенным президиум Приволжского окружного военного суда изменил состоявшиеся в отношении О. судебные решения, назначив ему для отбывания наказания вместо исправительной колонии общего режима колонию-поселение.

Наказание признано несправедливым вследствие чрезмерной суровости в связи с переоценкой судом характера и степени общественной опасности содеянного осужденными и недооценкой данных, относящихся к их личности

Рядовой Ч. был осужден Екатеринбургским гарнизонным военным судом за самовольное оставление части продолжительностью свыше одного месяца по ч. 4 ст. 337 УК РФ к 1 году лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении.

Уральский окружной военный суд признал назначенное Ч. наказание чрезмерно суровым, поскольку при его назначении суд не в полной мере учел положения ст. 60 УК РФ, определяющие общие начала назначения наказания.

Назначая наказание осужденному в виде лишения свободы, суд первой инстанции учитывал его отрицательную характеристику по военной службе и длительность незаконного нахождения вне части.

Между тем суд оставил без внимания то, что Ч. самовольно оставил часть, прослужив лишь два месяца и не успев приобрести должных навыков по военной службе. Причем командир отделения, в котором он проходил военную службу, характеризовал его как человека спокойного и сообразительного, выполняющего приказы точно и в срок.

Кроме того, суд хотя и принял во внимание, но не в должной степени учел, что Ч. полностью признал вину в инкриминируемом преступлении, чистосердечно раскаялся в содеянном, заявлял ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке в связи с полным признанием предъявленного обвинения. До призыва на военную службу он занимался общественно полезным трудом, положительно характеризовался по месту работы, жительства и в быту, к уголовной ответственности привлекается впервые, воспитывает малолетнего ребенка, его семья нуждается в помощи и поддержке. Отягчающие наказание обстоятельства отсутствуют.

С учетом изложенного окружной военный суд применил к Ч. условное осуждение.

Магнитогорским гарнизонным военным судом старший лейтенант Е. был признан виновным в том, что он, дважды превышая свои полномочия, применил физическое насилие к двум своим подчиненным, причинив одному из них физическую боль, а второму побои.

Данные преступные действия были квалифицированы как совершение Е. двух преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, и по их совокупности Е. судом было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года 6 месяцев условно с лишением права занимать командные должности в Вооруженных Силах Российской Федерации сроком на 1 год 6 месяцев.

Уральский окружной военный суд приговор в части назначенного наказания изменил, поскольку при назначении Е. наказания суд первой инстанции не учел в достаточной мере все обстоятельства дела и не дал им надлежащей оценки.

Как усматривается из протокола судебного заседания, гарнизонный военный суд при рассмотрении в особом порядке данного уголовного дела по ходатайству за-

щитника приобщил к материалам дела положительно характеризующие Е. материалы, однако их не исследовал и какой-либо оценки в приговоре им не дал, то есть фактически во внимание их не принял.

Назначая наказание, суд указал в приговоре лишь на положительные характеристики Е. по военной службе, чистосердечное раскаяние последнего в содеянном, а также на то, что Е. к уголовной ответственности привлекается впервые, добровольно загладил моральный вред, причиненный потерпевшим.

Однако суд не учел, что поводом для противоправных действий Е. послужили нарушения воинской дисциплины и неисполнение потерпевшими отданных офицером распоряжений, и в нарушении п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ не признал эти обстоятельства в качестве смягчающих наказание.

Уральский окружной военный суд признал, что указанные обстоятельства, связанные с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время и после совершения преступления, существенно уменьшают степень общественной опасности преступления, в связи с чем признал эти обстоятельства в совокупности исключительными, на основании ст. 64 УК РФ постановил применить к Е. как за каждое преступление в отдельности, так и по совокупности преступлений штраф и не назначать ему дополнительное наказание.

Нарушение судом требований ч. 5 ст. 72 УК РФ повлекло изменение приговора

По приговору Махачкалинского гарнизонного военного суда прапорщик Н. был осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ к штрафу в размере 20 000 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда снизила размер штрафа до 15 000 руб., поскольку при назначении данного наказания суд первой инстанции не учел (не указал об этом) требования ч. 5 ст. 72 УК РФ, согласно которым при назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания.

Как усматривается из материалов дела, Н. был задержан 5 мая 2012 г., 7 мая в отношении его избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, после чего он содержался под стражей до 29 мая 2012 г.

Приговор изменен в связи с невыполнением судом требований п. 4 ст. 307 УПК РФ о необходимости приведения в описательно-мотивировочной части приговора мотивов решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания

Согласно приговору 26-го гарнизонного военного суда Г. был осужден по ч. 2 ст. 162 УК РФ к 7 годам лишения свободы со штрафом 5 000 руб.

В соответствии с ч. 4 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания.

Как следует из разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в п. 39 постановления от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», при назначении наказания по статьям уголовного закона, предусматривающим возможность применения дополнительного наказания по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания его применения с приведением соответствующих мотивов.

Несмотря на то что санкция ч. 3 ст. 162 УК РФ предусматривает назначение штрафа по усмотрению суда, эти требования Закона судом первой инстанции не выполнены.

В связи с изложенным 3-й окружной суд исключил из приговора указание о назначении Г. дополнительного наказания в виде штрафа.

Нарушение правил назначения наказания по совокупности преступлений явилось основанием для отмены приговора суда первой инстанции

26-м гарнизонным военным судом П. осужден за совершение каждого из двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 166 УК РФ, к 1 году лишения свободы; по ч. 1 ст. 139 УК РФ – к штрафу в размере 10 000 руб.; по ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ – к лишению свободы сроком на 4 года 9 месяцев без ограничения свободы.

На основании ч. 3 и ч. 5 ст. 69 УК РФ окончательное наказание П. назначено путем частичного сложения наказаний, назначенных по данному приговору и по

приговору Мытищинского городского суда Московской области, в виде лишения свободы сроком на 5 лет 6 месяцев без ограничения свободы со штрафом в размере 10 000 руб. с отбыванием наказания в колонии общего режима.

В срок окончательного наказания зачтена отбытая часть наказания по приговору Мытищинского городского суда Московской области.

Рассмотрев уголовное дело в кассационном порядке, 3-й окружной военный суд приговор отменил и дело направил на новое судебное разбирательство в ином составе суда, поскольку суд первой инстанции, вопреки требованиям ч. 3 ст. 69 УК РФ, не назначив наказание по совокупности преступлений, совершенных после первого приговора, определил его с учетом приговора городского суда одновременно на основании чч. 3 и 5 ст. 69 УК РФ.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, а также осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбывание лишения свободы назначается в колониях-поселениях

Новочеркасским гарнизонным военным судом старший сержант запаса Т. осужден по ч. 4 ст. 337 УК РФ к лишению свободы сроком на 8 месяцев в исправительной колонии общего режима.

Между тем согласно п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбывание лишения свободы по общему правилу назначается в колониях-поселениях.

Преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 337 УК РФ, в совершении которого признан виновным ранее не отбывавший лишение свободы Т., в соответствии с ч. 3 ст. 15 УК РФ относится к категории преступлений средней тяжести, соответственно лишение свободы осужденный должен отбывать в колонии-поселении, а не в исправительной колонии общего режима.

В связи с изложенным Северо-Кавказский окружной военный суд внес в приговор соответствующие изменения.

Условным может быть признано лишь основное наказание. Дополнительные наказания приводятся в исполнение реально, что следует указывать в резолютивной части приговора

Сочинским гарнизонным военным судом старший сержант Ч. осужден по ч. 3 ст. 264 УК РФ к лишению свободы на 3 года с лишением права управлять транспортным средством на 2 года условно с испытательным сроком 2 года.

Президиум Северо-Кавказского окружного военного суда исключил из приговора указание о назначении Ч. дополнительного наказания в виде лишения права управлять транспортным средством, поскольку суд первой инстанции, назначая данное наказание, не выполнил требования чч. 1, 4 ст. 73 УК РФ и не учел разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данное в п. 42 постановления от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», согласно которым условным может быть признано лишь основное наказание. Дополнительные наказания приводятся в исполнение реально, что следует указывать в резолютивной части приговора. Нарушив указанные требования уголовного закона, суд создал препятствия для обращения приговора к исполнению в части дополнительного наказания.

В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствииотягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за совершение преступления с учетом стадии его совершения

95-м гарнизонным военным судом Ф. осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ, к 5 годам лишения свободы за каждое, по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ к 5 годам 3 месяцам лишения

свободы и на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний к 5 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, 3-й окружной военный суд признал, что при назначении наказания осужденному суд первой инстанции неправильно применил уголовный закон.

Как усматривается из материалов дела, во время проведения предварительного следствия было удовлетворено ходатайство Ф. о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Удостоверившись, что все условия указанного соглашения соблюдены, суд провел судебное заседание и постановил приговор в отношении подсудимого в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ.

При таких обстоятельствах, назначая наказание, суд обязан был руководствоваться требованиями ч. 2 ст. 62 УК РФ, согласно которым, если по делу заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, имеются смягчающие обстоятельства, предусмотренные п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствуют отягчающие обстоятельства, срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. При этом, суд обязан был также учесть стадию совершения преступления, которая в соответствии с требованиями ст. 66 УК РФ ограничивает этот максимальный срок или размер наказания.

С учетом того что Ф. совершил покушение на совершение преступлений, за которые согласно ч. 3 ст. 66 УК РФ срок или размер наказания не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление, суд при назначении наказания за каждое из преступных деяний, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228¹ УК РФ, не мог назначить ему лишения свободы на срок, превышающий 4 года и 6 месяцев.

С учетом изложенного окружной военный суд снизил наказание Ф. как за каждое из совершенных преступлений, так и по их совокупности.

При назначении наказания по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ в окончательное наказание засчитывается наказание, отбытое по первому приговору суда

Казанским гарнизонным военным судом 22 июля 2011 г. Ш. осужден к лишению свободы по ч. 3 ст. 337 УК РФ на 1 год, по ч. 4 ст. 337 УК РФ на 2 года, по ч. 1 ст. 337 УК РФ к содержанию в дисциплинарной воинской части сроком на 4 месяца, а по совокупности совершенных преступлений в соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ к 2 годам 3 месяцам лишения свободы.

В соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности совершенных преступлений окончательное наказание Ш. назначено путем частичного сложения наказания, назначенного за уклонения от военной службы, с неотбытой частью наказания, назначенного по приговору Казанского гарнизонного военного суда от 11 марта 2011 г., в виде 6 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, судебная коллегия по уголовным делам Приволжского окружного военного суда изменила приговор по следующим основаниям.

Согласно требованиям уголовного закона наказание в соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ назначается по правилам чч. 1 – 4 ст. 69 УК РФ и в окончательное наказание засчитывается наказание, отбытое по первому приговору.

Указанные требования закона судом первой инстанции не выполнены.

Назначая Ш. окончательное наказание в соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ, гарнизонный военный суд, вопреки установленным в ней требованиям, указал, что он назначает его путем частичного сложения наказания, назначенного за уклонения от военной службы, с неотбытой частью наказания, назначенного по приговору Казанского гарнизонного военного суда от 11 марта 2011 г. (а не всего наказания, назначенного по первому делу), и постановил исчислять его с момента постановления последнего приговора – с 22 июля 2011 г., несмотря на то, что согласно первоначальному приговору от 11 марта 2011 г. срок отбытия наказания Ш. был исчис-

ден с 4 сентября 2010 г. и, таким образом, к моменту постановления последнего приговора он уже отбывал наказание с 4 сентября 2010 г. до 22 июля 2011 г., то есть более 10 месяцев.

В связи с изложенным окружной военный суд постановил засчитать отбытое осужденным наказание в срок окончательно назначенного ему наказания.

Судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, при признании рецидива преступлений не учитываются

Курским гарнизонным военным судом сержант Д. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 337 УК РФ, к двум годам лишения свободы. В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение Д. по ранее постановленному приговору того же суда за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 337 и ч. 4 ст. 337 УК РФ, было отменено и по совокупности приговоров назначено наказание в виде лишения свободы на три года в колонии-поселении.

При назначении наказания осужденному суд сослался на совершение Д. умышленного преступления средней тяжести при наличии у него судимости за ранее совершенное умышленное преступление и признал в его действиях наличие рецидива преступлений.

Между тем по предыдущему приговору Д. был осужден за совершенные преступления к лишению свободы условно, условное осуждение установленным порядком не отменялось и для отбывания наказания в места лишения свободы он не направлялся. Поэтому в соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ имевшаяся у него судимость для признания рецидива учитываться не могла.

В связи с изложенным президиум Московского окружного военного суда исключил указание о назначении наказания Д. с учетом ст. 68 УК РФ и снизил ему срок наказания.

Суд необоснованно определил осужденному окончательное наказание по совокупности приговоров, а не преступлений и ошибочно назначил военнослужащему ограничение свободы

Тюменским гарнизонным военным судом рядовой контрактной службы Щ. был осужден по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 4 ст. 337, ч. 1 ст. 338 УК РФ, к 3 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима с ограничением свободы на 6 месяцев. В соответствии с ч. 1 ст. 70 УК РФ к наказанию, назначенному по данному приговору, была частично присоединена неотбытая им часть наказания по приговору Центрального районного суда г. Тюмени от 17 мая 2010 г. и окончательное наказание назначено в виде лишения свободы на 4 года 8 месяцев в исправительной колонии общего режима с ограничением свободы на 1 год.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, Уральский окружной военный суд приговор изменил, указав в определении следующее.

В соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ ограничение свободы не назначается военнослужащим. Однако, несмотря на данное требование уголовного закона, гарнизонный военный суд назначил рядовому Щ. этот вид наказания в качестве дополнительного как по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, так и по совокупности приговоров.

Кроме того, согласно материалам уголовного дела все преступления, в совершении которых Щ. был признан виновным судом, были совершены им до вынесения в отношении его приговора Центральным районным судом г. Тюмени, поэтому окончательное наказание Щ. следовало назначить не по совокупности приговоров, а в соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений.

С учетом изложенного окружной военный суд исключил из приговора указание о назначении Щ. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ дополнительного наказания в виде ограничения свободы и окончательное наказание назначил по совокупности преступлений, а не по совокупности приговоров.

При назначении наказания суд не вправе учитывать не вмененные подсудимому отягчающие наказание обстоятельства

Магнитогорским гарнизонным военным судом рядовой Х. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, и осужден к лишению свободы сроком на 1 год 6 месяцев в исправительной колонии общего режима.

Уральский окружной военный суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, исключил из приговора не вмененные Х. в обвинительном заключении, однако учтенные судом при назначении ему наказанияотячающие обстоятельства, связанные с его особо активной ролью в совершении преступления и непринятием им мер по возмещению причиненного потерпевшему морального вреда, в связи с чем снизил ему срок наказания до 1 года лишения свободы.

Суд первой инстанции при новом рассмотрении уголовного дела вправе усилить наказание только в том случае, если предыдущий приговор был отменен в связи с его несправедливостью вследствие чрезмерной мягкости наказания по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего

Краснодарским гарнизонным военным судом подполковник запаса Л. осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ к лишению свободы сроком на 1 год 6 месяцев условно с испытательным сроком 1 год.

Данный приговор был отменен в кассационном порядке ввиду неправильного применения уголовного закона.

При новом рассмотрении уголовного дела Л. осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ к лишению свободы сроком на 2 года. На основании ст. 73 УК РФ назначенное Л. наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 2 года.

Между тем в соответствии со ст. 387 УПК РФ и разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации в п. 22 постановления от 23 декабря 2008 г. № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» суд первой инстанции при новом рассмотрении уголовного дела вправе усилить наказание, если предыдущий приговор был отменен судом кассационной инстанции в связи с его несправедливостью вследствие чрезмерной мягкости наказания, когда по этому основанию имеется представление прокурора либо жалоба потерпевшего.

Ввиду нарушения уголовно-процессуального закона судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда приговор изменила, снизив размер назначенного Л. по ч. 1 ст. 285 УК РФ наказания до 1 года лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год.

Назначая наказания в соответствии со ст. 64 УК РФ ниже низшего предела, установленного законом за соответствующие преступления, суд не учел, что санкцией применяемой статьи такой предел не определен

Борзинским гарнизонным военным судом А. осужден к лишению свободы с применением ст. 64 УК РФ по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ сроком на 1 год 6 месяцев, по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ сроком на 1 год, а по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения назначенных наказаний к 2 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Восточно-Сибирский окружной военный суд приговор изменил, поскольку, сделав вывод о необходимости назначения наказания А. по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ ниже низшего предела, предусмотренного санкцией данной части статьи, гарнизонный военный суд, тем не менее, необоснованно назначил ему наказание в пределах санкции ч. 2 ст. 163 УК РФ в виде 1 года и 6 месяцев лишения свободы.

Более того, суд и не мог принять решение о назначении А. наказания в виде лишения свободы ниже низшего предела, поскольку санкция ч. 2 ст. 163 УК РФ предусматривает только верхний предел наказания – до семи лет лишения свободы, а нижний предел определен ч. 2 ст. 56 Общей части УК РФ (от двух месяцев) и, следовательно, снижен быть не может.

В данном случае, признав наличие по делу обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 163 УК РФ, позволяющих применить положения ст. 64 УК РФ, суд в соответствии с указанной статьей имел лишь право определить А. иной, более мягкий, чем предусмотрено санкцией данной части ст. 163 УК РФ, вид наказания.

С учетом изложенного, а также того, что активное содействие А. раскрытию преступления относилось ко всем совершенным им преступлениям, окружной военный суд, применив ст. 64 УК РФ, снизил назначенное А. наказание по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ до 10 месяцев лишения свободы, изменил определенное ему наказа-

ние по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ на штраф в размере 50 000 руб. и по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание А. назначил в виде 10 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима со штрафом в размере 50 000 руб., который в силу ч. 2 ст. 71 УК РФ постановил исполнять самостоятельно.

Наказание в виде ареста не может назначаться и применяться, так как этот вид наказания в настоящее время не введен в действие федеральным законом

Рядовой А. был осужден Уссурийским гарнизонным военным судом по ч. 1 ст. 337 УК РФ к 3 месяцам ареста, по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ к лишению свободы сроком на 1 год и 10 месяцев, а по совокупности преступлений на основании ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний и с применением ст. 71 УК РФ – к 2 годам лишения свободы.

Отменяя приговор по кассационной жалобе осужденного и направляя уголовное дело на новое судебное разбирательство, Тихоокеанский флотский военный суд в определенном указал, что согласно Федеральному закону № 64-ФЗ от 13 июня 1996 г. «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» положения УК РФ о назначении наказания в виде ареста вводятся в действие Федеральным законом после вступления в силу УИК РФ по мере создания условий для исполнения этого вида наказания.

В настоящее время арест не введен в действие федеральным законом, в связи с чем это наказание назначаться и применяться по ч. 1 ст. 337 УК РФ не могло ни при каких обстоятельствах.

В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, действующей с 11 марта 2011 г., безусловная отмена условного осуждения и назначение наказания по правилам ст. 70 УК РФ предусмотрены только в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления

Спасск-Дальний гарнизонный военный суд 4 июля 2011 г. осудил прапорщика К. за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 337 УК РФ, к лишению свободы сроком на три года, отменил условное осуждение, назначенное ему по приговору Спасск-Дальнего гарнизонного военного суда от 18 ноября 2008 г., и в соответствии со ст. 70 УК РФ путем частичного присоединения к назначенному наказанию неотбытой части наказания по приговору Спасск-Дальнего гарнизонного военного суда окончательное наказание К. назначил в виде лишения свободы на 4 года и 6 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Отменяя условное осуждение в соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ, суд первой инстанции сослался на то, что К. совершил умышленное преступление средней тяжести. Однако указанная норма уголовного закона в действующей с 11 марта 2011 г. редакции Федерального закона № 26-ФЗ от 7 марта 2011 г. предусматривает безусловную отмену условного осуждения и назначение наказания по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ, только в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления. В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока преступлений средней тяжести, к которым согласно ст. 15 УК РФ отнесено преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 337 УК РФ, вопрос об отмене или сохранении условного осуждения в соответствии с ч. 4 ст. 74 УК РФ решает судом.

Суд первой инстанции вопрос о возможности сохранения К. условного осуждения по первому приговору не обсуждал и свое решение о его отмене в приговоре не мотивировал.

В связи с изложенным судебная коллегия по уголовным делам Тихоокеанского флотского военного суда исключила из приговора указание об отмене К. условного осуждения по приговору Спасск-Дальнего гарнизонного военного суда от 18 ноября 2008 г.

Неправильная оценка судом характера и степени общественной опасности совершенных преступлений явилась причиной назначения несправедливого вследствие мягкости наказания

Биробиджанским гарнизонным военным судом капитан Н. признан виновным в том, что, будучи заместителем начальника финансовой службы (заместителем главного бухгалтера), а затем лицом, исполнявшим обязанности помощника командира воинской

части по финансово-экономической работе – начальника службы (главного бухгалтера), используя свое служебное положение, вопреки интересам службы, из корыстных побуждений, в период с сентября 2007 г. по май 2010 г. разработал несколько планов хищения чужого имущества – вверенных ему денежных средств федерального бюджета, предназначенных для выплаты денежного довольствия и иных выплат военнослужащим.

Осуществляя задуманное, Н., злоупотребив доверием, оказанным ему в силу занимаемой должности, составляя подложные финансовые документы, по которым начислял неположенные дополнительные денежные выплаты как на свое имя, так и другим военнослужащим, состоящим на финансовом обеспечении в воинской части. В дальнейшем, обманывая работников финансовой службы, отдельных военнослужащих части, банковских работников, Н. незаконно получал эти денежные средства как из кассы воинской части, так и путем безналичного перевода на личный банковский счет.

Таким образом с сентября 2007 г. по май 2010 г. Н. похитил: в виде денежного довольствия себе в размере, значительно превышающем существовавшие нормы, а также в виде денежного довольствия на имена других военнослужащих 1 895 839 руб. 85 коп.; в виде денежного довольствия на имя сослуживца П. для погашения автокредита 164 218 руб. 61 коп.; в виде денежного довольствия на имя сослуживца П. для погашения кредита 314 630 руб. 77 коп.; в виде денежной компенсации за поднаем жилья на имя сослуживца П. 72 000 руб.

По совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160 УК РФ, трех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, двух преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292 УК РФ, суд назначил Н. наказание в виде 6 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 4 года с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с осуществлением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных полномочий, сроком на 1 год 6 месяцев.

Рассмотрев данное дело по кассационному представлению военного прокурора, судебная коллегия по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда приговор отменила в связи с его несправедливостью вследствие чрезмерной мягкости.

В обоснование своего решения суд кассационной инстанции указал, что гарнизонный военный суд, применяя к Н. условное осуждение, односторонне подошел к оценке обстоятельств дела и собранных доказательств, приняв во внимание лишь данные о личности виновного и смягчающие обстоятельства, а характер и степень общественной опасности совершенных преступлений и обстоятельства их совершения в должной мере не учел. Суд, в частности, не учел, что Н. совершал их совершения на протяжении длительного периода – с сентября 2007 г. по май 2010 г., то есть в течение 2 лет и 8 месяцев. В результате его преступных действий, совершенных с использованием служебного положения и изготовлением подложных документов, было похищено более 2 440 000 руб., принадлежавших воинской части.

Перечисленные обстоятельства свидетельствовали о повышенной степени общественной опасности совершенных осужденным преступлений, в связи с чем у гарнизонного военного суда не было достаточных оснований применять к Н. условное осуждение.

Борзинским гарнизонным военным судом лейтенант М. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных пп. «а» и «в» ч. 3 ст. 286 и п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, к 4 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года.

Согласно приговору 26 ноября 2010 г., около 9 часов, в помещении канцелярии роты М., являясь для рядового П. начальником по воинскому званию и должностному положению, будучи недовольным тем, что П. не выполнил поставленную перед ним задачу по оформлению ротной документации, и желая наказать его за это, нанес ему удар кулаком в область живота, причинив закрытую тупую травму живота с разрывом тканей селезенки и образованием подкапсульной гематомы с последующим разрывом капсулы и внутрибрюшным кровотечением – повреждение, повлекшее по признаку опасности для жизни тяжкий вред здоровью.

2 декабря 2010 г., около 18 часов, в помещении казармы, М., проявляя недовольство тем, что П., заявив, что болен, направился в медицинский пункт части, и полагая, что потерпевший пытается уклониться от участия в предстоящем полевом выходе, нанес потерпевшему два удара рукой по лицу, причинив побои.

Судебная коллегия по уголовным делам Восточно-Сибирского окружного военного суда приговор отменила ввиду его чрезмерной мягкости и направила уголовное дело на новое рассмотрение, указав в определении следующее.

Обосновывая возможность назначения осужденному наказания с применением ст. 73 УК РФ, а также неприменения дополнительного наказания, предусмотренного ч. 3 ст. 286 УК РФ в качестве обязательного, гарнизонный военный суд правильно указал в приговоре то, что ранее М. к уголовной ответственности не привлекался, ни в чем предосудительном замечен не был, по службе характеризуется положительно, раскаялся в содеянном, в ходе всего производства по делу оказывал деятельную помощь следствию, компенсировал моральный вред потерпевшему, а также учел ходатайство потерпевшего о назначении М. наказания, не связанного с лишением свободы. Явуч с повинной и добровольное возмещение морального вреда потерпевшему суд учел в качестве обстоятельств, смягчающих наказание М.

Вместе с тем, суд первой инстанции переоценил указанные смягчающие обстоятельства и не учел степень общественной опасности совершенного деяния и наступившие последствия, повлекшие невосполнимый вред для здоровья потерпевшего.

Более того, оставил без внимания гарнизонный военный суд и то, что М., причинив подчиненному 26 ноября 2010 г. тяжкий вред здоровью, несмотря на стремление потерпевшего получить медицинскую помощь, спустя неделю вновь применил к нему насилие.

Назначая дополнительное наказание в виде лишения воинского звания осужденному, совершившему несколько преступлений, предусмотренных одной статьей, суд должен указать, за какое именно преступление он назначает данное наказание

Читинским гарнизонным военным судом М. осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ, к 2 и 3 годам лишения свободы без штрафа соответственно и на основании ст. 48 УК РФ лишен воинского звания «полковник»; по ч. 1 ст. 286 УК РФ – к 2 годам лишения свободы; по ч. 2 ст. 336 УК РФ – к 6 месяцам ограничения по военной службе с удержанием в доход государства 10 % денежного содержания. По совокупности преступлений в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание определено в виде 3 лет 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии общего режима без штрафа с лишением воинского звания «полковник».

Восточно-Сибирский окружной военный суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, исключил из приговора указание о лишении осужденного воинского звания «полковник» в связи с тем, что суд, назначая ему в соответствии со ст. 48 УК РФ дополнительное наказание в виде лишения воинского звания, ни в мотивировочной, ни в резолютивной части приговора не конкретизировал, за совершение какого из преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ, он назначил М. данное дополнительное наказание.

В случае замены обязательных работ на лишение свободы в порядке ч. 3 ст. 49 УК РФ осужденный не считается отбывавшим наказание в виде лишения свободы

Белогорским гарнизонным военным судом рядовой К. признан виновным в вымогательстве в марте-апреле 2010 г. чужого имущества с применением насилия и осужден по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ к 3 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима без штрафа и ограничения свободы.

При назначении наказания К. суд учел, что он ранее, 6 июня 2007 г., был осужден Калачинским городским судом Омской области по ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ к обязательным работам, замененным в последующем на лишение свободы сроком на 22 дня с фактическим отбытием этого наказания 21 августа 2007 г., вымогательство совершил в период действия судимости по данному приговору, и поэтому признал в его действиях рецидив преступлений.

К такому выводу суд первой инстанции пришел, посчитав, что судимость за совершение К. покушения на кражу, то есть преступления средней тяжести, в силу п. «в» ч. 3 ст. 86 УК РФ погашается по истечении 3 лет после отбытия им 21 августа 2007 г. лишения свободы, то есть 22 августа 2010 г.

Президиум Дальневосточного окружного военного суда исключил из приговора указание о наличии у К. судимости и признании рецидива преступлений отягчающим обстоятельством, в связи с чем снизил ему наказание.

Свое решение суд надзорной инстанции мотивировал тем, что в соответствии с разъяснениями, содержащимися в действующем в настоящее время постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1970 г. № 4 (в редакции постановлений Пленума Верховного Суда СССР от 21 сентября 1977 г. № 11 и от 26 апреля 1984 г. № 7) «Об исчислении срока погашения судимости», судимость в отношении осужденного к наказанию без лишения свободы при замене этой меры наказания лишением свободы погашается по основаниям, установленным для лиц, осуждавшихся к наказанию без лишения свободы.

Соответственно судимости такого лица погашается в настоящее время по правилам п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ, а не правилами п. «в» ч. 3 ст. 86 УК РФ, то есть по истечении одного года после отбытия наказания.

Поскольку К. отбыл наказание 21 августа 2007 г., судимость у него погашена 22 августа 2008 г. и, следовательно, на момент совершения нового преступления он судимости не имел.

Примечание: аналогичное разъяснение дано Пленумом Верховного Суда Российской Федерации применительно к исправительным работам и ограничению свободы в п. 10 постановления от 12 ноября 2001 г. № 14 «О практике назначения судами видов исправительных учреждений».

Неправильное назначение вида исправительного учреждения при назначении наказания по совокупности приговоров повлекло изменение приговора

Барнаульским гарнизонным военным судом Ч. осужден по ч. 4 ст. 337 УК РФ к лишению свободы сроком на 1 год.

На основании ч. 5 ст. 74 УК РФ суд первой инстанции отменил условное осуждение, назначенное Ч. Чемальским районным судом за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ, в виде лишения свободы сроком на 1 год 6 месяцев и по совокупности приговоров в соответствии со ст. 70 УК РФ назначил окончательное наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год 9 месяцев в колонии-поселении.

При этом, суд не учел, что в соответствии с разъяснением, содержащимся в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2001 г. № 14 «О практике назначения судами видов исправительных учреждений», в случае, если условно осужденный в период испытательного срока совершил новое преступление, суд, решая вопрос об отмене условного осуждения на основании ч. 4 или ч. 5 ст. 74 УК РФ, назначает вид исправительного учреждения по правилам ст. 58 УК РФ с учетом тяжести как преступлений, совершенных в период испытательного срока, так и преступлений, за совершение которых было назначено лишение свободы условно.

Поскольку по первому делу Ч. был осужден к лишению свободы условно за совершение тяжкого преступления (п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ), а в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбытие наказания назначается в исправительных колониях общего режима, отбывание лишения свободы ему должно было быть назначено в колонии общего режима.

В связи с изложенным судебная коллегия по уголовным делам Западно-Сибирского окружного военного суда назначила Ч. отбывание наказания в исправительной колонии общего режима.

Примечание: следует иметь в виду, что изменение вида исправительного учреждения осужденному на более строгий возможно только по кассационному представлению прокурора либо кассационной жалобе потерпевшего и в порядке ст. 405 УПК РФ.

Приведенные в приговоре данные в обоснование вывода о возможности назначения наказания с применением ст. 64 УК РФ фактически, с учетом конкретных обстоятельств дела, исключительными не являлись

Уссурийским гарнизонным военным судом лейтенанты С. и Р. были осуждены каждый за совершение двух преступлений, предусмотренных п. «а» ч.3 ст. 286 УК РФ, с применением ст. 64 УК РФ, к штрафу.

Как признал установленный суд, превышая свои должностные полномочия, С. под угрозой избиения заставил подчиненного ему по службе рядового М. привязать оголенные провода, подключенные к телефону, к мизинцам своих рук и в течение 7 минут крутил ручку телефонного аппарата, пытая таким образом М. электрическим током.

Через некоторое время С. и Р., превышая должностные полномочия, под предлогом ненадлежащего исполнения обязанностей военной службы совместно нанесли М. по нескольку ударов руками по лицу и голове, насильно привязали потерпевшего к стулу, присоединили подключенные к телефону провода к мизинцам его рук, после чего С. в течение пяти минут крутил ручку телефонного аппарата и пытал М. электрическим током.

Р., выражая недовольство тем, что подчиненный ему по службе рядовой А. не подстригся по его команде наголо, превышая должностные полномочия, нанес А. по нескольку ударов руками и ногами по голове, лицу и другим частям тела, чем причинил ему не являющиеся вредом здоровью кровоподтеки и ссадины.

Мотивируя возможность назначения Р. и С. более мягкого основного наказания, чем предусмотрено санкцией ч. 3 ст. 286 УК РФ, и неназначение им дополнительного наказания, гарнизонный военный суд признал исключительными обстоятельствами то, что ранее подсудимые к уголовной ответственности не привлекались, положительно характеризовались по военной службе, загладили нанесенный потерпевшим моральный вред. Кроме того, исключительными обстоятельствами суд признал явку Р. с повинной, беременность его жены и неправомерное поведение потерпевшего, выразившееся в отказе стричься наголо.

Однако ни одно из этих обстоятельств применительно к требованиям ч. 1 ст. 64 УК РФ никаким образом не уменьшало степень общественной опасности совершенных осужденными тяжких и опасных в условиях военной службы преступлений.

Более того, конкретные формы глумления над одним из потерпевших в виде неоднократного воздействия электротоком в течение достаточно длительного времени объективно указывали на достаточно высокую степень общественной опасности преступных действий.

Очевидно надуманной и несостоятельной являлась ссылка суда в приговоре на неправильное поведение потерпевшего А., выразившееся в невыполнении требования Р. подстричься наголо, как на обстоятельство, смягчающее наказание, поскольку само по себе это требование являлось заведомо неправомерным.

Кроме того, в нарушение ч. 3 ст. 60 УК РФ не получил в приговоре никакой оценки факт совершения Р. и С. одного из вмененных им преступлений группой лиц, что в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ является отягчающим наказанием обстоятельством.

Рассмотрев данное дело по кассационному представлению прокурора, флотский военный суд приговор в отношении Р. и С. в связи с мягкостью назначенных им наказаний отменил, а дело направил на новое рассмотрение.

Неправильное назначение вида наказания явилось основанием для отмены приговора

В соответствии с приговором Уссурийского гарнизонного военного суда М. был признан виновным в неявке в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше 10 суток, но не более 1 месяца, и осужден к содержанию в дисциплинарной воинской части сроком на 1 год.

В соответствии с ч. 1 ст. 55 УК РФ содержание в дисциплинарной воинской части назначается военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву.

Поскольку на момент вынесения приговора у М. истек установленный подп. «д» п. 1 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» годичный срок службы по призыву, назначение ему судом наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части являлось незаконным.

Неправильное назначение М. вида наказания, наряду с другими допущенными при рассмотрении данного дела нарушениями, явилось основанием для отмены флотским военным судом приговора и направления дела на новое рассмотрение.

В соответствии со ст. 6 и ч. 3 ст. 60 УК РФ наказание виновного должно быть справедливым и назначаться с учетом смягчающих его обстоятельств

Балашихинским гарнизонным военным судом капитан Л. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ к 3 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима с применением дополнительного наказания.

Л. признан виновным в том, что, будучи недовольным нарушением рядовым Д. режима в санчасти, избил его, причинив легкий вред здоровью в виде закрытого перелома костей носа со смещением костных отломков и окологлазничные кровоподтеки.

Изменяя приговор, суд кассационной инстанции указал следующее.

Назначая Л. наказание в виде лишения свободы, суд исходил из характера и степени общественной опасности совершенного преступления, но не в достаточной степени учел, что обстоятельства, отягчающие наказание, отсутствуют. Л. ранее не судим, имеется смягчающее наказание обстоятельство – наличие у него малолетнего ребенка. Осужденный исключительно положительно характеризуется по месту службы и жительства.

Кроме того, суд не учел в качестве смягчающего наказание обстоятельства тот факт, что поводом для действий Л. явилось длительное противоправное поведение самого потерпевшего Д., который, несмотря на все принимаемые к нему меры воспитательного характера, на протяжении всей военной службы умышленно нарушал воинскую дисциплину, а непосредственно перед днем совершения преступления Л. был досрочно выписан из санчасти за совершение грубого дисциплинарного проступка.

Исходя из изложенного, суд кассационной инстанции обоснованно применил к Л. условное наказание.

Сам по себе факт осуждения виновного за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления не служит безусловным основанием для лишения воинского звания в порядке, предусмотренном ст. 48 УК РФ.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, согласно ст. 47 УК РФ, состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе или в органах местного самоуправления, что должно быть прямо указано в приговоре

Приговором Краснознаменского гарнизонного военного суда А. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ к 3 годам 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года 6 месяцев, с лишением права занимать должности, связанные с организационно-распорядительной и административно-хозяйственной деятельностью, на 3 года. На основании ст. 48 А. лишен воинского звания «младший сержант».

Изменяя приговор, президиум 3-го окружного военного суда исходил из следующего.

В соответствии со ст. 48 УК РФ суд при осуждении за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления с учетом личности виновного может лишить его воинского звания и государственных наград.

В силу ст. 45 УК РФ данное наказание может быть назначено только как дополнительное. Применение его является правом, а не обязанностью суда.

Следовательно, сам по себе факт совершения тяжкого и особо тяжкого преступления не может служить основанием для лишения воинского звания. При решении этого вопроса суд должен учитывать и данные о личности виновного.

Вопреки указанному требованию закона, суд назначил А. дополнительное наказание в виде лишения воинского звания по мотивам только характера и тяжести содеянного. При этом, суд не учел, что А. ранее к уголовной ответственности не привлекался и характеризовался только положительно, что указано в приговоре и что, в частности, явилось основанием для применения условного осуждения в порядке ст. 73 УК РФ.

При таких данных решение суда о лишении А. воинского звания является необоснованным, противоречит требованиям ст. 60 УК РФ и не может быть признано справедливым.

Подлежит исключению из приговора и указание о лишении осужденного права занимать должности, связанные с организационно-распорядительной и административно-хозяйственной деятельностью, поскольку данный запрет был установлен судом не только в отношении должностей государственной службы и органов местного самоуправления, как это предусмотрено ст. 47 УК РФ, но и в отношении любых учреждений и организаций, что явно противоречит требованиям уголовного закона.

Исходя из изложенного, президиум 3-го окружного военного суда исключил из приговора указания о лишении осужденного воинского звания и лишении права занимать должности, связанные с организационно-распорядительной и административно-хозяйственной деятельностью.

Квалифицирующий признак преступления не может учитываться судом в качестве отягчающего обстоятельства при назначении наказания

Согласно приговору Улан-Удэнского гарнизонного военного суда от 6 ноября 2009 г. капитан К. осужден по ч. 2 ст. 264 УК РФ.

По итогам кассационного рассмотрения дела окружной военный суд изменил постановленный по делу приговор по следующим основаниям.

Судом первой инстанции при назначении наказания К., умышленно допустившему нарушение п. 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации, в числе других, был учтен факт совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения, что повышает степень общественной опасности содеянного им.

Вместе с тем, совершение данного преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, является квалифицирующим признаком ч. 2 ст. 264 УК РФ, а поэтому данное обстоятельство в соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ не может повторно учитываться судом при назначении наказания.

В связи с изложенным из приговора было исключено указание о том, что при назначении наказания учтено совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, повысившее степень общественной опасности содеянного.

Если лицо не признает себя полностью виновным в совершении инкриминированного ему деяния, то собственноручное сообщение им лишь о части содеянного не может расцениваться как явка с повинной

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2010 г. № 201-О10-14 по уголовному делу в отношении Д. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 28 мая 2010 г. рядовой Д. по обвинению в совершении ряда преступлений, в том числе по ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «в», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, осужден к лишению свободы на 17 лет в исправительной колонии строгого режима.

В кассационных жалобах осужденный и его защитник, помимо прочего, указали, что суд не учел явку Д. с повинной, в связи с чем просили смягчить назначенное наказание.

Военная коллегия, рассмотрев материалы уголовного дела по кассационным жалобам осужденного и его защитника, приговор оставила без изменения, а кассационные жалобы – без удовлетворения по следующим основаниям.

В суде было установлено, что после совершения нескольких особо тяжких преступлений Д. в целях сокрытия содеянного совершил умышленные действия, непосредственно направленные на убийство двоих потерпевших, находящихся в беспомощном от него обстоятельстве. После задержания по подозрению в совершении названных преступлений на основании показаний об этом потерпевших и свидетелей Кол., Б., Ч., Бек. и Бр., которым потерпевшие рассказали о случившемся, о чем ему было объявлено при задержании, Д. собственноручно написал заявление, в котором частично подтвердил некоторые обстоятельства содеянного. Однако, не признавая себя виновным в покушении на умышленное убийство указанных лиц и пытаясь приуменьшить свою вину, Д. утаил некоторые сведения о характере и объеме примененного им к потерпевшим насилия. Несмотря на это, на основании совокупности доказательств он был изобличен в содеянном полностью.

При указанных обстоятельствах частичное признание и сообщение Д. о содеянном не может расцениваться как явка с повинной.

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации признала правильным вывод суда первой инстанции об отсутствии обстоятельства, смягчающего наказание осужденного, – явки с повинной

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 6 июля 2010 г. № 209-О10-4 по уголовному делу в отношении И. (извлечение)

По приговору 3-го окружного военного суда от 5 мая 2010 г. И. осужден по ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 223, ч. 1 ст. 112 УК РФ.

И. признан виновным в изготовлении взрывчатого вещества и самодельного взрывного устройства из триперекиси ацетона, болтов и гаек, помещенных в почтовую коробку, незаконном хранении и ношении взрывчатого вещества, а также в подрыве взрывного устройства, что повлекло причинение средней тяжести вреда здоровью гражданину Р.

При рассмотрении дела суд не признал обстоятельством, смягчающим наказание, явку с повинной И.

В кассационных жалобах осужденный и его защитник, наряду с другими доводами, указали на необоснованность исключения судом явки с повинной из числа обстоятельств, смягчающих наказание.

Военная коллегия не нашла оснований для признания заявления о явке с повинной обстоятельством, смягчающим наказание, указав следующее.

Как установлено судом, потерпевший Р. после причинения ему телесных повреждений подрывом возле его квартиры почтовой коробки, изготовленной И., сразу указал на последнего как на единственного исполнителя этого преступления и заявил о неоднократных устных и письменных угрозах в его адрес со стороны подозреваемого.

Однако на первоначальном допросе И. категорически отрицал свою причастность к совершению преступления и только после того, как органы следствия собрали дополнительные доказательства, был вынужден признать свою вину.

По смыслу уголовного закона (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) явкой с повинной в качестве смягчающего наказание обстоятельства может признаваться заявление или сообщение о преступлении, которое сделано добровольно.

При таких данных вывод суда об отсутствии у И. смягчающего наказание обстоятельства – явки с повинной – является правильным.

Обязательным признаком явки с повинной является добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2010 г. № 211-О10-4с по уголовному делу в отношении Б. (извлечение)

По приговору окружного военного суда от 16 сентября 2010 г. Б. осужден по ч. 1 ст. 222, ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

Б. признан виновным в покушении на изнасилование, соединенном с угрозой убийством, потерпевшей С., не достигшей четырнадцатилетнего возраста, и совершении с ней иных насильственных действий сексуального характера, соединенных с угрозой убийством, а также в приобретении, ношении и хранении боевых патронов и гранат, в покушении на сбыт и в сбыте гранат.

При рассмотрении дела суд не признал обстоятельством, смягчающим наказание, явку с повинной Б.

В кассационной жалобе защитник осужденного адвокат К. указал на необоснованное непризнание судом явки с повинной Б. в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, что наряду с иными характеризующими его обстоятельствами является основанием для смягчения Б. наказания.

Военная коллегия не нашла оснований для признания заявления о явке с повинной обстоятельством, смягчающим наказание, указав следующее.

Как установлено судом, Б. во время совершения в отношении ребенка насильственных действий сексуального характера и покушения на изнасилование был застигнут на месте преступления отцом потерпевшей, который пресек его преступные действия и доставил в штаб воинской части, где в последующем он был передан следственным органам.

Изложенное указывает на отсутствие в последующем признании Б. о совершенных преступлениях признака добровольности.

По смыслу уголовного закона (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) явкой с повинной в качестве смягчающего наказание обстоятельства может признаваться заявление или сообщение о преступлении, которое сделано добровольно.

При таких данных вывод суда об отсутствии у Б. смягчающего наказание обстоятельства – явки с повинной – является правильным.

Сообщение о преступлении, сделанное лицом после его задержания по подозрению в совершении преступления, не исключает признания этого сообщения в качестве смягчающего наказание обстоятельства

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 16 сентября 2010 г. № 209-О10-5 по уголовному делу в отношении К. (извлечение)

По приговору 3-го окружного военного суда от 20 июля 2010 г. К. осужден за совершение особо тяжкого преступления.

При назначении наказания суд признал в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, явку К. с повинной.

В кассационной жалобе защитник осужденного, наряду с другими доводами, указал, что явка с повинной К. не может быть признана допустимым доказательством, так как написана им в состоянии испуга по истечении двух часов после доставки его в опорный пункт милиции в связи с подачей потерпевшей заявления о привлечении К. к уголовной ответственности.

Военная коллегия не нашла оснований для признания заявления о явке с повинной недопустимым доказательством по следующим основаниям.

Согласно показаниям участкового уполномоченного милиции свидетеля Ком. он, получив сообщение о преступлении от своего сослуживца, прибыл по указанному адресу, где обнаружил К. и Коз., которых доставил в опорный пункт милиции. Там К. добровольно рассказал о содеянном и собственноручно написал явку с повинной.

Из показаний свидетеля Коз. усматривается, что после доставления его и К. в опорный пункт милиции последний рассказал о случившемся. При этом, каких-либо угроз к ним не применялось.

Изложенное указывает на то, что К. после своего задержания добровольно сообщил органу, осуществляющему уголовное преследование, о совершенных им преступных действиях. Данных об осведомленности К. о том, что органы следствия располагали сведениями о совершенном им преступлении, в материалах дела не содержится.

Согласно положениям п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ к доказательствам по уголовному делу относятся иные (кроме указанных в пп. 1 – 5) документы. К ним, в частности, относится заявление о явке с повинной, составленное в порядке ст. 142 УПК РФ. По данному делу положения названной статьи УПК РФ соблюдены.

Следовательно, суд обоснованно признал явку с повинной К. в качестве доказательства по делу.

В соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ явка с повинной признается смягчающим наказанием обстоятельством наряду с другими обстоятельствами. Уголовный закон не связывает признание явки с повинной в качестве смягчающего наказания обстоятельства с такими условиями, как отказ в суде от явки с повинной.

Таким образом, явка с повинной обоснованно была признана судом обстоятельством, смягчающим наказание К.

Явка лица в правоохранительные органы является смягчающим наказанием обстоятельством, предусмотренным п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, которое, при отсутствииотягчающих обстоятельств, влечет обязательное смягчение наказания

Самарским гарнизонным военным судом В., проходящий военную службу по контракту, признан виновным в неявке в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше одного месяца и осужден по ч. 4 ст. 337 УК РФ к лишению свободы сроком на 10 месяцев в колонии-поселении.

Рассмотрев дело по надзорной жалобе осужденного, президиум Приволжского окружного военного суда изменил приговор по следующим основаниям.

Согласно приговору при назначении В. наказания суд отметил его явку с повинной в правоохранительные органы, но не признал этот факт обстоятельством, смягчающим его наказание. Отягчающих обстоятельств по делу не установлено.

В соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ явка с повинной является обстоятельством, влекущим обязательное смягчение наказания при отсутствии обстоятельств, отягчающих наказание.

С учетом изложенного президиум окружного военного суда, признав явку с повинной В. смягчающим обстоятельством, снизил назначенное ему наказание до 9 месяцев лишения свободы.

Ошибка при назначении окончательного наказания по совокупности преступлений повлекла изменение приговора

Ульяновским гарнизонным военным судом Ш. за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 335 УК РФ, осужден к содержанию в дисциплинарной воинской части сроком на 1 год, сроком на 1 год и сроком на 6 месяцев соответственно.

В соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности совершенных преступлений окончательное наказание Ш. суд определил путем полного сложения назначенных наказаний в виде содержания в дисциплинарной воинской части сроком на 1 год. На основании ст. 73 УК РФ данное наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 1 год, в течение которого Ш. должен своим поведением доказать свое исправление.

Рассмотрев дело по кассационному представлению государственного обвинителя, судебная коллегия по уголовным делам Приволжского окружного военного суда приговор изменила по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ если все преступления, совершенные по совокупности, являются преступлениями небольшой и средней тяжести, то окончательное наказание назначается путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем частичного или полного сложения назначенных наказаний.

Из резолютивной части приговора видно, что суд, определив окончательное наказание Ш. в виде содержания в дисциплинарной воинской части сроком на 1 год, то есть фактически применив принцип поглощения менее строгого наказания более строгим, указал, что определяет данное наказание путем полного сложения наказаний.

В связи с изложенным судебная коллегия исключила из приговора указание о применении судом полного сложения назначенных наказаний и постановила окончательное наказание по совокупности совершенных Ш. преступлений считать назначенным путем поглощения менее строгого наказания более строгим.

Нарушение судом требований ст. 61 УК РФ повлекло изменение приговора

Приговором Краснодарского гарнизонного военного суда рядовой В. осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 335 УК РФ, к лишению свободы сроком на 6 месяцев за каждое.

В соответствии со ст. 69 УК РФ по совокупности совершенных преступлений окончательное наказание В. определено судом полного сложения назначенных наказаний в виде лишения свободы на срок 1 год в колонии-поселении.

Между тем при назначении осужденному наказанию судом первой инстанции допущено неправильное толкование уголовного закона.

Как следует из протокола судебного заседания, потерпевшими Д. и А. заявлены ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с тем, что В. полностью компенсировал причиненный моральный вред, извинился перед потерпевшими и примирился с ними.

В соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ данное обстоятельство признается смягчающим наказание и подлежит учету при определении вида и размера назначенного наказания.

Судом первой инстанции указанное обстоятельство в приговоре не приведено, смягчающим наказание осужденному не признано, и наказание назначено без его учета.

Вопреки требованиям ст. 60 УК РФ, при определении вида и размера наказания суд первой инстанции в приговоре не учел, что В. ранее к уголовной ответственности не привлекался и до службы в армии характеризовался положительно.

Кассационным определением приговор изменен в связи с неправильным применением уголовного закона и несправедливостью приговора. С учетом указанных смягчающих обстоятельств наказание В. было снижено за каждое из совершенных преступлений и по их совокупности.

Замена на основании ст. 55 УК РФ лишения свободы содержанием в дисциплинарной воинской части не может рассматриваться как реализация решения суда о назначении наказания с применением ст. 64 УК РФ

По приговору Нижнетагильского гарнизонного военного суда рядовой К. был осужден по ч. 4 ст. 337 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к 6 месяцам содержания в дисциплинарной воинской части.

Окружной военный суд изменил приговор в части назначенного К. наказания, указав в кассационном определении следующее.

Придя к выводу о необходимости назначения наказания К. с применением ст. 64 УК РФ более мягкого вида наказания, чем предусмотрено ч. 4 ст. 337 УК РФ, суд первой инстанции, тем не менее, назначил ему наказание в виде лишения свободы, как это и предусмотрено санкцией названной статьи УК РФ. Дальнейшая замена судом этого наказания в соответствии со ст. 55 УК РФ на содержание в дисциплинарной воинской части на тот же срок не может рассматриваться как применение ст. 64 УК РФ в виде назначения более мягкого наказания, поскольку изначально К. было назначено наказание в виде лишения свободы.

Окружной военный суд в связи с неправильным применением уголовного закона изменил приговор суда первой инстанции в части назначения К. наказания и назначил ему более мягкое наказание в виде штрафа.

Дополнительное наказание не может быть определено по совокупности преступлений, если оно не назначено ни за одно из преступлений, входящих в совокупность

Президиумом Дальневосточного окружного военного суда по надзорному представлению военного прокурора изменен приговор Хабаровского гарнизонного военного суда в отношении В.

Правильно установив фактические обстоятельства дела, гарнизонный военный суд квалифицировал действия В., связанные с применением физического насилия в отношении подчиненных К. и Я., а также вымогательством у них денег и цифрового фотоаппарата, по п. «а» ч. 3 ст. 286 и ч. 1 ст. 163 УК РФ соответственно.

Однако, назначая дополнительное наказание, предусмотренное ст. 48 УК РФ, в виде лишения воинского звания «младший сержант», суд не учел требований ч. 3 ст. 45 УК РФ, устанавливающей возможность его применения только в дополнение к основному наказанию, а не самостоятельно.

Гарнизонный военный суд не применил лишение воинского звания ни к одному из основных наказаний, назначенных за тяжкие преступления, а назначил его лишь при определении окончательного наказания по совокупности преступлений.

Такое решение суда первой инстанции противоречит разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в п. 41 которого указано, что дополнительное наказание не может быть определено по совокупности преступлений, если оно не назначено ни за одно из преступлений, входящих в совокупность.

При таких обстоятельствах президиум внес изменение в приговор гарнизонного военного суда, исключив из него указание о лишении В. воинского звания «младший сержант».

Лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, отбывание лишения свободы назначается в колониях-поселениях

Приговором Новороссийского гарнизонного военного суда капитан-лейтенант Н. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ, к лишению свободы сроком на 2 года 6 месяцев в исправительной колонии общего режима, с лишением права управлять транспортным средством сроком на 1 год.

Согласно п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицам, осужденным к лишению свободы за совершенные умышленные преступления небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбывание лишения свободы назначается в колониях-поселениях.

Преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 264 УК РФ, в совершении которого признан виновным Н., в соответствии с ч. 3 ст. 15 УК РФ относится к категории преступлений средней тяжести, соответственно лишение свободы он должен отбывать в колонии-поселении.

Кассационным определением судебной коллегии окружного военного суда в приговор внесены соответствующие изменения.

Приговор отменен ввиду несоответствия наказания, назначенного виновному, характеру и степени общественной опасности содеянного

Борзинским гарнизонным военным судом рядовой А. был осужден по п. «а» ч. 2 ст. 334 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к штрафу в размере 50 000 руб., по п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к штрафу в размере 40 000 руб., а по совокупности преступлений в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения назначенных наказаний к штрафу в размере 80 000 руб.

Как указано в приговоре, 16 февраля 2008 г., около 1 часа 30 минут, в помещении казармы А., недовольный тем, что дежурный по части капитан Л. правомерно отменил незаконное построение личного состава подразделения, проводимое в это время А. и одним из трех военнослужащих, уголовное дело в отношении которых выделено в отдельное производство в связи с розыском, избил его. При этом, А. нанес Л. удар ногой по голени, отчего потерпевший упал на пол, а затем не менее пяти ударов кулаками и ногами по различным частям тела, вследствие чего Л. были причинены телесные повреждения в виде ссадин и кровоподтеков на различных частях тела, не повлекшие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности и поэтому не расценивающиеся как вред здоровью.

После этого, примерно в 2 часа тех же суток, А. совместно с одним из указанных выше лиц, предъявив по надуманным основаниям рядовому У. незаконные требования, в присутствии других военнослужащих избил его. При этом, А. нанес У. два удара кулаками по лицу и удар ногой по голени, отчего потерпевший упал. Продолжая его избивание, А. нанес ему еще три удара ногами по туловищу. В результате противоправных действий А. и другого лица У. причинена ссадина в области правого сосцевидного отростка и закрытая черепно-мозговая травма – сотрясение головного мозга, расценивающееся как легкий вред здоровью.

Начиная А. наказание в виде штрафа, суд исходил из того, что до службы в армии он ни в чем предосудительном замечен не был, характеризовался положительно, вел законопослушный образ жизни, воспитывался в многодетной семье, чистосердечно раскаялся в содеянном, полностью признал свою вину, загладил перед потерпевшими причиненный вред, принес им свои извинения, которые приняты потерпевшими, и положительно характеризуется после совершения преступления.

Данные обстоятельства признаны исключительными, в связи с чем суд счел возможным назначить А. на основании ст. 64 УК РФ за каждое из совершенных преступлений более мягкое наказание.

Между тем более мягкое наказание в соответствии со ст. 64 УК РФ может быть назначено при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления.

Как усматривается из приговора, указанных обстоятельств по делу не установлено. Более того, при решении вопроса о виде и размере наказания суд первой инстанции не учел в достаточной мере характер и степень общественной опасности содеянного А., а именно исключительную дерзость действий осужденного, применившего насилие в отношении дежурного по части офицера в присутствии большого количества его подчиненных, а затем избившего в присутствии других военнослужащих своего сослуживца.

В связи с изложенным Восточно-Сибирский окружной военный суд, рассмотрев дело по кассационному представлению государственного обвинителя, отменил приговор ввиду назначения осужденному несправедливого вследствие чрезмерной мягкости наказания и дело направил на новое судебное разбирательство.

Если сообщение лица о совершенном преступлении в совокупности с другими доказательствами положено судом в основу обвинительного приговора, то оно может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо в ходе предварительного расследования или в судебном заседании изменило свои показания

Пушкинским гарнизонным военным судом Е. был признан виновным в том, что 2 февраля 2004 г. в котельной воинской части в целях убийства гражданина З. нанес ему три удара ножом и четыре раза ударил кирпичом по голове, а затем сжег труп в топке котла, и осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 12 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Наряду с иными доводами, осужденный в надзорной жалобе обращал внимание на то, что при рассмотрении дела суд не учел его правдивые показания, отраженные в явке с повинной.

Рассмотрев уголовное дело, президиум Ленинградского окружного военного суда признал, что суд первой инстанции необоснованно не признал явку Е. с повинной смягчающим наказание обстоятельством.

Как усматривается из материалов уголовного дела, в ходе расследования следователь принял от Е. заявление о явке с повинной, в которой тот сообщил ранее неизвестные органам предварительного расследования обстоятельства убийства им З.

При рассмотрении вопроса о назначении судебного заседания на предварительном слушании судья отказал защитнику обвиняемого в удовлетворении ходатайства об исключении из числа доказательств протокола явки с повинной.

Протокол явки с повинной, в совокупности с другими доказательствами, положен судом в основу обвинительного приговора о признании Е. в убийстве потерпевшего.

Изменение Е. показаний в суде не является основанием для отказа в признании явки с повинной обстоятельством, смягчающим наказание (п. 7 постановления № 2 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»).

При наличии явки с повинной и отсутствии отягчающих обстоятельств, согласно ст. 62 УК РФ, действовавшей на момент рассмотрения дела судом надзорной инстанции, срок или размер наказания не мог превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ (Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ в ст. 62 УК РФ внесены изменения, согласно которым назначенное в этом случае наказание в настоящее время не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ).

Учитывая, что отягчающих наказание обстоятельств по делу не имелось, суд надзорной инстанции исключил из приговора указание о непризнании явки Е. с повинной в качестве смягчающего наказание обстоятельства, признал ее таковой и снизил срок назначенного Е. наказания до 11 лет лишения свободы в колонии строгого режима.

Дезертирство является длящимся преступлением, поэтому если оно началось до и продолжалось после вынесения приговора, по которому лицо осуждено и не отбыло наказание за совершение другого преступления, по второму приговору суд должен назначить наказание по правилам ст. 70 УК РФ

Согласно приговору Новосибирского гарнизонного военного суда от 8 июля 2009 г. Х. осужден по ч. 1 ст. 338 УК РФ к лишению свободы в исправительном колонии общего режима сроком на 2 года.

Назначенное ранее приговором Коченевского районного суда от 22 декабря 2008 г. Новосибирской области наказание Х. по ч. 1 ст. 230 и ч. 2 ст. 228 УК РФ в виде лишения свободы сроком на 3 года 6 месяцев условно с испытательным сроком в 2 года 6 месяцев суд постановил исполнять самостоятельно.

В ходе кассационного рассмотрения дела окружной военный суд пришел к выводу, что приговор Новосибирского гарнизонного военного суда подлежит отмене, а дело – направлению на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» дезертирство является длящимся преступлением, которое оканчивается моментом задержания, явки с повинной или с истечением срока исполнения обязанностей по военной службе.

Следовательно, моментом окончания дезертирства является день явки Х. по вызову следователя, то есть 13 апреля 2009 г.

В период нахождения в дезертирстве Х. в сентябре 2008 г. совершил два преступления – тяжкое и средней тяжести, предусмотренные ч. 2 ст. 228 и ч. 1 ст. 230 УК РФ, за что 22 декабря 2008 г. был осужден Коченевским районным судом Новосибирской области к условному лишению свободы сроком на 3 года 6 месяцев с испытательным сроком 2 года 6 месяцев и возложением на него обязанности не менять постоянного места жительства без уведомления органа, исполняющего наказание в отношении осужденного.

Таким образом, на день окончания дезертирства Х. испытательный срок, определенный районным судом 22 декабря 2008 г., не истек.

В соответствии с ч. 5. ст. 74 УК РФ в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного преступления средней тяжести, умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 названного Кодекса.

Разъяснение по данному вопросу содержится в п. 47 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: при совершении в течение испытательного срока нового умышленного преступления, относящегося к категории средней тяжести, а также тяжкого или особо тяжкого преступления условное осуждение должно быть отменено. Наказание в этом случае назначается по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ, и должно быть реальным.

В соответствии с ч. 1 ст. 70 УК РФ при назначении наказания по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда.

В соответствии с абз. 3 п. 34 вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 при условном осуждении неотбытым наказанием следует считать весь срок назначенного наказания по предыдущему приговору.

Таким образом, приговором в отношении Х. наказание назначено с нарушением требований Общей части УК РФ, что, в соответствии с п. 1 ст. 382 и п. 3 ч. 1 ст. 379 УПК РФ, послужило основанием для отмены судебного решения в кассационном порядке.

Окончательное наказание за дезертирство, совершенное до преступления, за которое подсудимый осужден ранее, должно быть определено по совокупности совершенных преступлений, то есть по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ

Согласно приговору Кемеровского гарнизонного военного суда Т. осужден по ч. 1 ст. 338 УК РФ за дезертирство, совершенное в период с 18 мая по 20 декабря 2006 г., к лишению свободы сроком на 3 года 6 месяцев.

В соответствии со ст. 70 УК РФ к наказанию, назначенному по данному приговору, присоединена часть неотбытого им наказания по приговору Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 3 сентября 2007 г. и окончательное наказание по совокупности приговоров определено Т. в виде 6 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, без штрафа.

Окружной военный суд пришел к выводу, что приговор подлежит изменению в связи с неправильным применением судом уголовного закона при определении осужденному окончательного наказания и вида исправительного учреждения.

Длящееся преступление – дезертирство было совершено Т. до преступления, за которое он осужден Рудничным районным судом г. Прокопьевска Кемеровской области 3 сентября 2007 г., в связи с чем окончательное наказание осужденному должно быть определено по совокупности совершенных преступлений, то есть по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ. Применение гарнизонным военным судом в данном случае положений ст. 70 УК РФ, регулирующих назначение окончательного наказания по совокупности приговоров, является ошибочным.

Кроме того, поскольку Т. ранее наказание в виде лишения свободы не отбывал, то в силу п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ назначенное ему наказание в виде лишения свободы надлежит отбывать в исправительной колонии общего, а не строгого режима, как определил суд первой инстанции.

Рассмотрев в кассационном порядке данное дело, суд второй инстанции внес соответствующие изменения в приговор.

При отмене условного осуждения и назначении наказания по совокупности приговоров вид исправительного учреждения назначается с учетом тяжести как преступления, совершенного в период испытательного срока, так и преступления, за совершение которого было назначено условное осуждение

Петрозаводским гарнизонным военным судом К., ранее осужденный Калевальским районным судом Республики Карелия по ч. 1 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 163 и п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ к 4 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 4 года, был осужден за совершение преступления, предусмотренного пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, к 2 годам 6 месяцам лишения свободы.

В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ суд отменил К. условное осуждение и на основании ст. 70 УК РФ окончательное наказание по совокупности приговоров назначил путем частичного присоединения к наказанию, назначенному по последнему приговору, неотбытого наказания по предыдущему приговору – 4 года 6 месяцев лишения свободы в колонии-поселении.

Рассмотрев уголовное дело в отношении К. по кассационному представлению государственного обвинителя, Ленинградский окружной военный суд приговор в части назначения вида исправительного учреждения, в котором осужденный должен отбывать наказание, изменил по следующим основаниям.

Петрозаводским гарнизонным военным судом К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, которое в соответствии с ч. 3 ст. 15 УК РФ является преступлением средней тяжести.

Однако ранее К. был признан виновным в совершении двух преступлений (п. «а» ч. 3 ст. 158 и п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ), которые в соответствии с ч. 4 ст. 15 УК РФ относятся к категории тяжких преступлений.

Отменяя условное осуждение на основании ч. 5 ст. 74 УК РФ и назначая К. наказание по совокупности приговоров, суд первой инстанции должен был назначить вид исправительного учреждения по правилам ст. 58 УК РФ с учетом тяжести как преступления, совершенного в период испытательного срока, так и преступлений, за совершение которых было назначено лишение свободы условно, однако он этого не сделал.

Поскольку согласно п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишения свободы, отбывание лишения свободы назначается в исправительных колониях общего режима, окружной военный суд пришел к выводу, что, назначив К. отбывание лишения свободы в колонии-поселении, то есть с менее строгим режимом, суд первой инстанции нарушил требования Общей части УК РФ, предусмотренные ст. 58 УК РФ, в связи с чем, приведя решение в соответствие с уголовным законом и п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 от 12 ноября 2001 г. «О практике назначения судами видов исправительных учреждений», изменил вид исправительного учреждения на исправительную колонию общего режима.

В соответствии с ч. 4 ст. 70 УК РФ окончательное наказание по совокупности приговоров должно быть больше как наказания, назначенного осужденному по рассмотренному делу, так и неотбытой части наказания по предыдущему приговору

Махачкалинским гарнизонным военным судом младший сержант Ф., осужденный ранее Нальчикским гарнизонным военным судом по ч. 3 ст. 337 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год, был осужден по ч. 4 ст. 337 УК РФ к 6 месяцам лишения свободы.

В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение Ф. суд первой инстанции отменил и на основании ст. 70 УК РФ окончательное наказание по совокупности приговоров назначил путем частичного сложения наказаний в виде лишения свободы сроком на 9 месяцев в колонии-поселении.

Между тем согласно требованиям чч. 1 и 4 ст. 70 УК РФ при назначении наказания по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по последнему приговору, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору. При этом, окончательное наказание должно быть больше как наказания, назначенного за вновь совершенное преступление, так и неотбытой части наказания по предыдущему приговору.

Согласно п. 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» при условном осуждении неотбытой частью наказания следует считать весь срок назначенного наказания по предыдущему приговору.

Ф. назначено окончательное наказание по совокупности приговоров в меньшем размере, чем неотбытое им наказание по приговору Нальчикского гарнизонного военного суда от 27 августа 2008 г., таким образом, Махачкалинский гарнизонный военный суд не выполнил требования ст. 70 УК РФ.

Неверно, вопреки требованиям ст. 70 УК РФ, указал суд в приговоре и на то, что окончательное наказание по совокупности приговоров назначается «...путем частичного сложения наказаний», так как в этом случае к наказанию, назначенному по последнему приговору, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору.

В связи с изложенным Северо-Кавказский окружной военный суд по кассационному представлению прокурора приговор отменил, а уголовное дело направил на новое судебное разбирательство.

В случаях когда санкция статьи предусматривает только верхний предел, суд, применяя ст. 64 УК РФ, не вправе назначить осужденному наказание ниже нижнего пре-

дела избранного вида наказания и должен либо избрать другой, более мягкий, чем предусмотрен данной статьей, вид наказания, либо не применять дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного

109-м гарнизонным военным судом старший лейтенант К. был осужден по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 226 и ч. 1 ст. 222 УК РФ, с применением ст. 64 и ст. 48 УК РФ к 2 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима без штрафа с лишением воинского звания «старший лейтенант».

Отменяя данный приговор в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, Уральский окружной военный суд в определении указал следующее.

Суд первой инстанции, придя к выводу о необходимости назначения наказания К. по ч. 1 ст. 222 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ ниже низшего предела, предусмотренного данной статьей, необоснованно назначил ему наказание в пределах санкции этой статьи в виде 1 года лишения свободы.

В данном случае суд не мог назначить К. наказание в виде лишения свободы, поскольку санкция ч. 1 ст. 222 УК РФ предусматривает для данного вида наказания только верхний предел – до 4 лет, а нижший предел определен ч. 2 ст. 56 Общей части УК РФ и, следовательно, снижению не подлежит.

Применяя ст. 64 УК РФ, суд не вправе назначить осужденному наказание ниже нижнего предела избранного вида наказания и должен либо избрать другой предусмотренный в санкции вид наказания, минимальный предел которого может быть снижен, либо определить ему иной, более мягкий, вид наказания, не предусмотренный в санкции статьи, либо принять решение о неприменении дополнительного наказания, предусмотренного в качестве обязательного.

Мотивируя применение к осужденному К. на основании ст. 48 УК РФ лишения воинского звания, суд сослался лишь на тяжесть совершенного им преступления. Между тем решение о возможности назначения такого дополнительного наказания принимается с учетом личности виновного. Сам по себе факт совершения тяжкого или особо тяжкого преступления не может служить обязательным основанием для лишения воинского звания.

За одно преступление осужденному не может быть одновременно назначено лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью

101-м гарнизонным военным судом Г. был осужден по ч. 3 ст. 33 и ч. 4 ст. 159 УК РФ к 5 годам лишения свободы с лишением в соответствии со ст. 47 УК РФ права занимать должности на государственной службе, представителя власти либо выполнять организационно-распорядительные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, связанных с руководством и управлением подчиненными ему сотрудниками, сроком на 3 года.

Между тем согласно разъяснению, данному Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в п. 4 постановления № 2 от 11 января 2007 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», за одно и то же преступление осужденному не может быть назначено одновременно лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью.

Исходя из приведенных разъяснений, президиум 3-го окружного военного суда исключил из приговора указание о применении в отношении осужденного дополнительного наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью.

Статья 60 УК РФ обязывает суд при назначении наказания учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, а также влияние наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи

Невыполнение указанных требований закона повлекло изменение приговора Наро-Фоминского гарнизонного военного суда по уголовному делу в отношении Б., осужденного по ч. 1 ст. 335 УК РФ к содержанию в дисциплинарной воинской части сроком на 1 год.

Б. признан виновным в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, сопряженном с насилием.

Как указано в приговоре, Б. в помещении казармы беспричинно дважды ударил своего сослуживца С. кулаком в плечо и один раз в живот.

По делу установлено, что Б. привлекается к уголовной ответственности впервые, в содеянном чистосердечно раскаялся и активно способствовал раскрытию преступле-

ния, как до призыва на военную службу, так и за время ее прохождения характеризовался только с положительной стороны. Б. и С. находятся в дружеских отношениях, С. претензий к Б. не имел, последний загладил причиненный вред путем принесения извинений и они примирились, в связи с чем С. просил прекратить уголовное дело. Правильно отказав потерпевшему в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела, суд в достаточной мере не учел приведенные обстоятельства и данные, характеризующие Б., и назначил тому чрезмерно суровое наказание, не соответствующее тяжести преступления и личности виновного.

В связи с изложенным приговор был изменен в кассационном порядке и к Б. применено условное осуждение.

Назначая осужденному, содержащемуся под стражей, в качестве основного вида наказания штраф, суд, в соответствии с ч. 5 ст. 72 УК РФ, обязан обсудить вопрос о снижении размера штрафа

Владикавказским гарнизонным военным судом подполковник запаса Т. был осужден по ст. 135 УК РФ к штрафу в размере 50 000 руб.

Как усматривается из материалов дела, в порядке предварительного заключения в связи с данным делом Т. содержался под стражей в течение 5 месяцев 12 суток.

Согласно ч. 5 ст. 72 УК РФ при назначении осужденному, содержащемуся под стражей, в качестве основного вида наказания штрафа, суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает наказание или полностью освобождает его от отбывания (исполнения) этого наказания.

Однако, как следует из приговора, вопреки вышеуказанным требованиям закона при назначении Т. данного наказания вопрос о его смягчении (уменьшении размера штрафа) судом не обсуждался.

Кроме того, на необходимость соблюдения положений ч. 5 ст. 72 УК РФ указывалось и в постановлении президиума окружного военного суда от 29 июля 2008 г. об отмене в порядке надзора предыдущего приговора этого же суда в отношении Т. от 25 октября 2007 г. Однако в нарушение ч. 6 ст. 410 УПК РФ эти указания суда надзорной инстанции при повторном рассмотрении данного уголовного дела судом первой инстанции также не выполнены.

В связи с изложенным судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда снизила размер назначенного осужденному штрафу.

Наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части не может быть назначено военнослужащим, отслужившим установленный законом срок службы по призыву

Нижегородским гарнизонным военным судом рядовой Н. был осужден по ч. 4 ст. 337 УК РФ с применением ст. 55 УК РФ к содержанию в дисциплинарной воинской части сроком на 1 год 6 месяцев.

Определяя осужденному такое наказание, суд оставил без внимания то, что в соответствии с ч. 1 ст. 55 УК РФ содержание в дисциплинарной воинской части назначается военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву.

Согласно же материалам дела Н. был призван на военную службу в мае 2006 г., в октябре 2007 г. заключил контракт о прохождении службы сроком на три года. От военной службы он уклонялся в период сентября – октября 2008 г., а приговор по делу постановлен 10 декабря того же года, то есть после того, как он отслужил установленный законом срок службы по призыву.

В связи с неправильным применением уголовного закона Московский окружной военный суд приговор изменил, определив Н. другой вид наказания.

Из приговора исключено указание о назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы осужденному-военнослужащему, поскольку в соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ данный вид наказания таким лицам не назначается

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2011 г. № 201-О11-9 по уголовному делу в отношении Б. (извлечение)

По приговору окружного военного суда от 7 апреля 2011 г. Б. осужден по ч. 1 ст. 131 УК РФ к 4 годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 132 к 4 годам лишения свободы, по п. «к»

ч. 2 ст. 105 УК РФ к 16 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год и лишением воинского звания. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений – к 18 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год и лишением воинского звания.

Назначая Б. по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по совокупности совершенных им преступлений дополнительное наказание в виде ограничения свободы, суд не учел, что в соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ ограничение свободы не назначается военнослужащим.

Как установлено судом, Б. является военнослужащим.

При таких обстоятельствах Б. не могло быть назначено дополнительное наказание в виде ограничения свободы.

Исходя из изложенного, Военная коллегия изменила приговор и исключила назначенное Б. дополнительное наказание в виде ограничения свободы.

Назначая наказание по совокупности приговоров, суд не учел, что при сложении наказаний одному дню лишения свободы соответствуют три дня исправительных работ

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 205-О12-8сп по уголовному делу в отношении К. и С. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 4 июля 2012 г., постановленному с участием присяжных заседателей, К. осужден за совершение преступлений, предусмотренных пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 1 ст. 313 УК РФ, к лишению свободы на 18 лет, 10 лет с ограничением свободы на 1 год и 2 года соответственно, а по совокупности преступлений – к 25 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год.

В соответствии со ст. 70 УК РФ к данному наказанию присоединена часть неотбытого наказания по приговору Минераловодского городского суда Ставропольского края от 20 февраля 2007 г. и окончательно К. определено наказание в виде лишения свободы на 25 лет и 1 месяц в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 один год.

Однако, назначая К. указанное наказание по совокупности приговоров, суд оставил без внимания то, что в соответствии со ст. 71 УК РФ при частичном или полном сложении наказаний по совокупности преступлений и приговоров одному дню лишения свободы соответствуют три дня исправительных работ.

Между тем из материалов дела усматривалось, что постановлением судьи Ленинского районного суда г. Ставрополя от 18 ноября 2009 г. неотбытая часть наказания по приговору Минераловодского городского суда Ставропольского края от 20 февраля 2007 г. в виде лишения свободы на 1 год 4 месяца и 25 дней заменена К. исправительными работами на тот же срок и на момент совершения преступления и задержания неотбытая часть исправительных работ составила 1 месяц и 8 дней. Поэтому суд при его замене лишением свободы вправе был присоединить к назначенному наказанию в соответствии со ст. 71 УК РФ не более 12 дней.

На основании изложенного Военная коллегия приговор в отношении К. изменила, определив ему наказание по совокупности приговоров в виде лишения свободы сроком 25 лет и 12 дней в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на один год.

Обстоятельства, относящиеся к признакам состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, не могут быть повторно учтены при назначении наказания

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 211-Д12-19с по уголовному делу в отношении Б. (извлечение)

Согласно приговору Спасск-Дальнего гарнизонного военного суда от 22 июля 2011 г., оставленному без изменения 15 декабря 2011 г. Тихоокеанским флотским военным судом, Б. признан виновным в нарушении в состоянии опьянения Правил дорожного движения при управлении механическим транспортным средством, повлекшем по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, и осужден по ч. 2 ст. 264 УК РФ к лишению свободы на 2 года 6 месяцев в колонии-поселении без лишения права управлять транспортным средством.

Военная коллегия, рассмотрев дело по кассационной жалобе защитника осужденного, снизила Б. срок лишения свободы до двух лет и трех месяцев.

В обоснование принятого решения Военная коллегия указала на невыполнение судом в полной мере требований ст. 60 УК РФ, согласно которой лицу, признанному ви-

новным в совершении преступления, назначается справедливое наказание, при этом учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ, в частности, отягчающие обстоятельства, относящиеся к признакам состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, не могут быть повторно учтены при назначении наказания.

Между тем суд указал в приговоре, что при назначении наказания он учитывает характер и степень общественной опасности совершенного Б. преступления, а также последствия преступления, выразившиеся в причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего П.

Однако причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего является квалифицирующим признаком преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ, и, следовательно, уже учтено законодателем в санкции данной правовой нормы.

Несоблюдение требований указанных норм уголовного закона повлекло назначение Б. несправедливого наказания.

Санкция ч. 5 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ) является более мягкой, чем санкция ч. 4 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), поскольку при равных размерах наказания в виде лишения свободы (от 7 до 12 лет) содержит новый, более мягкий по сравнению с лишением свободы, основной вид наказания – штраф

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2012 г. № 201-О12-8с по уголовному делу в отношении Д. (извлечение)

Московским окружным военным судом Д., наряду с другим преступлением средней тяжести, 4 июня 2011 г. признан виновным в покушении в апреле 2009 г. на пособничество в получении должностным лицом через посредника взятки в виде денег в крупном размере.

Указанные действия Д. квалифицированы по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 33, п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Военная коллегия, рассмотрев дело по кассационной жалобе защитника осужденного, приговор изменила, переквалифицировала в указанной части действия Д. с ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 33, п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) на ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ).

В обоснование принятого решения Военная коллегия указала на оставление судом без внимания того обстоятельства, что санкция п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ, вступившего в силу 17 мая 2011 г.), которая предусматривает ответственность за получение взятки должностным лицом в крупном размере, является более мягкой, чем санкция п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), поскольку при равных размерах наказания в виде лишения свободы (от 7 до 12 лет) содержит новый, более мягкий по сравнению с лишением свободы, основной вид наказания – штраф.

Таким образом, покушение на пособничество в получении должностным лицом через посредника взятки в виде денег в крупном размере, совершенное Д. до введения нового уголовного закона в действие, на основании ст. 10 УК РФ подлежит квалификации по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ).

Кроме того, назначая Д. наказание по совокупности преступлений – покушение на пособничество в совершении особо тяжкого преступления и преступление средней тяжести, Военная коллегия нашла необходимым применить ч. 2 ст. 69 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), которая, как позволяющая применять принцип поглощения менее строгого наказания более строгим за указанные преступления, улучшает положение лица, их совершившего, и в соответствии со ст. 10 УК РФ имеет обратную силу.

Уголовный закон, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 28 августа 2012 г. № 207-О12-2 по уголовному делу в отношении Б. и др. (извлечение)

Восточно-Сибирским окружным военным судом Б., Е., К. 4 июня 2011 г. были осуждены, в частности, по пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), а Б., кроме того, по ч. 1 ст. 158 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ).

Между тем согласно ст. 9 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния.

В соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон имеет обратную силу в том случае, если он смягчает наказание или иным образом улучшает положение осужденного. Уголовный закон, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

На момент совершения осужденными краж, то есть 20 июля 2011 г., ст. 158 УК РФ действовала в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в УК РФ внесены изменения, в соответствии с которыми в санкциях чч. 1 и 2 ст. 158 УК РФ был увеличен верхний предел наказания в виде обязательных работ и добавлено новое наказание в виде принудительных работ, которое подлежит применению с 1 января 2013 г. То есть данный Закон ухудшает положение лица, совершившего преступление до его вступления в законную силу, а потому он не имеет обратной силы и, следовательно, на действия Б., Е. и К., совершенные до вступления этого Закона в силу, распространяться не мог.

На основании изложенного Военная коллегия приговор Восточно-Сибирского окружного военного суда от 4 июня 2011 г. изменила, переквалифицировала действия Б., Е., К. с пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ на пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, а действия Б., кроме того, переквалифицировала с ч. 1 ст. 158 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ на ч. 1 ст. 158 УК РФ в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ и смягчила им наказание как по указанным статьям, так и по совокупности преступлений.

Назначая наказание в виде ареста, суд не учел, что на момент совершения осужденным преступлений, вынесения приговора и до настоящего времени наказание в виде ареста Федеральным законом в действие не введено

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 сентября 2012 г. № 206-О12-2 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

Западно-Сибирским окружным военным судом 11 июля 2011 г. М. осужден, наряду с другими преступлениями, по ч. 1 ст. 222 УК РФ к аресту сроком на 3 месяца без штрафа и по ч. 1 ст. 337 УК РФ к аресту на 3 месяца.

Между тем, назначая М. указанное наказание, суд оставил без внимания то, что на момент совершения им преступлений, вынесения приговора и до настоящего времени наказание в виде ареста не введено в действие федеральным законом, как это установлено Федеральным законом от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации».

Поскольку наказание в виде ареста к М. применено быть не могло, Военная коллегия исключила из приговора назначение осужденному наказаний по ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 337 УК РФ и смягчила наказание по совокупности преступлений, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 105 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Часть 2. Судебная практика по применению Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации

Глава 8. Преступления против порядка управления

Военная коллегия отменила приговор и прекратила производство по уголовному делу, поскольку суд в приговоре не привел данных, свидетельствующих о том, что осужденный своими действиями причинил вред или создал угрозу причинения вреда личности, обществу или государству

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 3 мая 2012 г. № 211-Д12-9с по уголовному делу в отношении Б. (извлечение)

Владивостокским гарнизонным военным судом 2 декабря 2010 г. Б. был осужден по ч. 3 ст. 327 УК РФ за использование заведомо подложного документа.

Как указано в приговоре, Б. при прохождении 4 марта 2010 г. технического осмотра автомобиля предъявил сотруднику Государственной инспекции безопасности дорожного движения Приморского края подложную медицинскую справку о годности к управлению автомобилем.

Тихоокеанский флотский военный суд 14 февраля 2011 г. оставил приговор без изменения.

Рассмотрев материалы дела по надзорной жалобе осужденного, Военная коллегия нашла обжалуемые приговор и кассационное определение подлежащими отмене и уголовное дело прекращению по следующим основаниям.

В суде установлено, что Б. было отказано в проведении технического осмотра автомобиля в связи с предъявлением им сотруднику инспекции подложной медицинской справки о годности к управлению автомобилем. На следующий день осужденный повторно представил в государственную инспекцию транспортное средство, предъявив при этом надлежащую медицинскую справку, и после осмотра автомобиля ему был выдан талон установленного образца.

Данные о годности Б. по состоянию здоровья к управлению транспортным средством сомнений в своей достоверности не вызывают и, помимо исследованной в судебном заседании медицинской справки, подтверждаются данными о его медицинском освидетельствовании незадолго до 4 марта 2010 г. военно-врачебной комиссией, которая признала его здоровым и годным к военной службе без ограничений.

В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного данным Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Признавая Б. виновным в использовании заведомо подложной медицинской справки, суд в приговоре не привел данных, свидетельствующих о том, что тот своими действиями причинил вред или создал угрозу причинения вреда личности, обществу или государству.

Кроме того, до вынесения судом приговора Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2010 г. № 908 признан утратившим силу подп. «в» п. 6 Положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 880, о необходимости обязательного представления собственником (представителем собственника) транспортного средства медицинской справки для проведения государственного технического осмотра.

На основании изложенного Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации приговор Владивостокского гарнизонного военного суда от 2 декабря 2010 г. и кассационное определение Тихоокеанского флотского военного суда от 14 февраля 2011 г. в отношении Б. отменила, а уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления и признала право Б. на реабилитацию.

Глава 9. Преступления против собственности

Обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество, ответственность за который предусмотрена ст. 159 УК РФ, может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение

Санкт-Петербургским гарнизонным военным судом капитан Ф. был осужден по ч. 1 ст. 159 УК РФ.

Согласно приговору в январе 2009 г. и в январе 2010 г. Ф., будучи обеспечен жилым помещением, в целях незаконного получения денежной компенсации за поднаем жилья представлял в финансовый отдел военного училища рапорт и необходимые для ее получения документы.

При этом, Ф. скрыл от должностных лиц финансового отдела училища факт отсутствия у него права на получение указанной компенсации, а также принял на себя обязательство в будущем сообщить командованию училища о возникновении у него обстоятельств, влекущих прекращение выплаты названной компенсации.

В результате обмана Ф. ежемесячно выплачивалась компенсация в размере 15 000 руб. За период с 1 июля 2009 г. по 31 мая 2010 года он незаконно получил 165 000 руб., которыми распорядился по своему усмотрению.

Проверив материалы уголовного дела, президиум Ленинградского окружного военного суда уголовное дело в отношении Ф. прекратил на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления, указав в постановлении следующее.

С объективной стороны мошенничество заключается в хищении чужого имущества или приобретении права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Признавая Ф. виновным в хищении чужого имущества, гарнизонный военный суд указал на то, что он совершил обман, который выразился в сокрытии от должностных лиц финансового отдела училища факта отсутствия у него права на получение денежной компенсации на поднаем жилья.

В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» обман как способ хищения или приобретения права на чужое имущество, ответственность за который предусмотрена ст. 159 УК РФ, может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

Для признания Ф. виновным в сокрытии от должностных лиц финансового отдела училища факта обеспеченности жилым помещением по месту военной службы суду следовало установить и указать в приговоре, какие преступные деяния для этого он совершил: сообщил заведомо ложные, не соответствующие действительности сведения либо умолчал об истинных фактах, либо совершил умышленные действия, направленные на введение должностных лиц в заблуждение. Однако этого сделано не было.

Как усматривается из материалов дела, Ф., обращаясь с рапортами от 1 января 2009 г. и от 11 января 2010 г. о выплате денежной компенсации за поднаем жилья, факт обеспеченности жилым помещением по месту военной службы не скрывал и представил в финансовый отдел училища необходимые документы, в том числе справку о регистрации с ноября 2007 г. в квартире родителей в г. Пушкине и паспорт с отметкой о регистрации по этому адресу.

Указанные документы были представлены Ф. заместителю начальника финансово-экономического отдела училища Н., к компетенции которого относилось, в частности, принятие решения о выплате денежной компенсации за поднаем жилья.

В связи с обеспеченностью Ф. жилым помещением ему первоначально было отказано в выплате компенсации за поднаем жилья. Однако позже, несмотря на это обстоятельство, было принято решение выплачивать Ф. указанную денежную компенсацию с учетом того, что в действительности он проживал не у родителей, а жил с семьей по договору аренды в другой квартире.

Из содержания находящейся в материалах дела копии протокола № 15 от 30 июня 2009 г. заседания жилищной комиссии училища, утвержденного начальником училища, также усматривается, что командование училища располагало всей информацией о жилищных условиях отца и сына Ф., проходивших военную службу в училище, а также членов их семей.

Согласно п. 11 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как хищение чужого имущества в форме мошенничества могут расцениваться лишь действия, состоящие в получении предусмотренных законом компенсаций путем представления в органы исполнительной власти, учреждения или организации, уполномоченные принимать соответствующие решения, заведомо ложных сведений о наличии обстоятельств, наступление которых согласно закону, подзаконному акту и (или) договору является условием для получения соответствующих выплат или иного имущества, а также путем умолчания о прекращении оснований для получения указанных выплат.

Однако из материалов уголовного дела и приговора усматривается, что заместитель начальника финансово-экономического отдела училища Н., зная об обеспеченности Ф. жилым помещением по месту прохождения военной службы, несмотря на это, принял решение о выплате ему компенсации за наем жилого помещения, поскольку посчитал, что это не противоречит требованиям соответствующих нормативных актов.

То обстоятельство, что данное решение в ходе ревизии вышестоящей организацией было признано незаконным, свидетельствует о неправильном применении нормативного акта уполномоченным должностным лицом, на которое и возложена ответственность за последствия принятого им решения.

Осведомленность Ф. о наличии или отсутствии у него права на получение денежной компенсации за поднаем жилья в данном случае правового значения не имеет, поскольку принятие решения о ее выплате возложено не на Ф., а на должностных лиц училища, к которым он обратился.

Обращение же Ф. к командованию училища с рапортами о выплате указанной компенсации является его правом и само по себе не содержит признаков общественно опасного деяния.

В связи с изложенным вывод о том, что Ф. совершил обман, выразившийся в сокрытии от должностных лиц финансового отдела училища факта его обеспеченности жилым помещением по месту прохождения военной службы, противоречит установленным фактическим обстоятельствам.

Хищение чужого имущества на сумму менее 1 000 руб. при отсутствии признаков преступления, предусмотренных чч. 2, 3 и 4 ст. 158 УК РФ, признается мелким и влечет не уголовную, а административную ответственность

Реутовским гарнизонным военным судом К. признан виновным в покушении на тайное хищение чужого имущества с незаконным проникновением в жилище.

Согласно приговору от 10 сентября 2010 г. 5 августа 1998 г. в г. Павловский Посад Московской области К. совместно с Т. (уголовное преследование в отношении Т. прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) в связи с ранее возникшим в ходе распития спиртных напитков конфликтом с гражданином Ж. незаконно проникли в его квартиру, где применили к нему физическое насилие, в результате которого тот потерял сознание.

После этого К. и Т. решили украсть из квартиры Ж. телевизор и магнитофон стоимостью соответственно 350 и 200 руб., однако при попытке с похищенным скрыться были задержаны соседями и переданы сотрудникам милиции.

В ходе рассмотрения дела установлено, что К. незаконно проник в жилище потерпевшего с намерением применить к Ж. физическое насилие в связи с конфликтом, возникшим между ними в ходе совместного распития спиртного, а умысел на тайное

хищение имущества потерпевшего возник у него уже при нахождении в жилище, после того, как Ж. в результате его избития потерял сознание. При таких обстоятельствах у суда отсутствовали основания рассматривать незаконное проникновение К. в жилище в качестве квалифицирующего признака инкриминированного ему преступления. В связи с этим содеянное им подпадало под признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Однако согласно ст. 7.27 КоАП РФ (в редакции федеральных законов от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ, от 22 июня 2007 г. № 116-ФЗ, от 16 мая 2008 г. № 74-ФЗ) хищение чужого имущества путем кражи при отсутствии признаков преступления, предусмотренных чч. 2, 3 и 4 ст. 158 УК РФ, если стоимость похищенного не превышает 1 000 руб., признается мелким и влечет не уголовную, а административную ответственность.

При таких обстоятельствах, президиум Московского окружного военного суда приговор отменил, а уголовное дело в отношении К. прекратил на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

Хищение в форме присвоения или растраты предполагает противоправное и безвозмездное обращение с корыстной целью вверенного имущества в свою пользу или в пользу других лиц

Грозненским гарнизонным военным судом старший лейтенант Л. признан виновным в растрате вверенного ему чужого имущества, совершенной в особо крупном размере, и на основании ч. 4 ст. 160 УК РФ осужден к 4 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима без штрафа.

Согласно приговору 27 и 28 января 2008 г. помощник командира войсковой части по финансово-экономической работе – начальник финансовой службы (главный бухгалтер) Л. из корыстных побуждений и личной заинтересованности, желая наладить отношения с вышестоящим должностным лицом, в нарушение установленных требований, растратил вверенные ему федеральные бюджетные средства в сумме 3 750 000 руб., передав их старшему инспектору другой воинской части капитану Ф., проводившему ревизии и проверки его служебной деятельности.

Северо-Кавказский окружной военный суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, приговор отменил в связи с неправильным применением уголовного закона, нарушением уголовно-процессуального закона и несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 160 УК РФ и примечанием к ст. 158 УК РФ растратой является хищение, то есть совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества, вверенного виновному, в пользу последнего или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

При этом, как разъяснил в п. 20 постановления от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разрешая вопрос о наличии в деянии состава хищения в форме присвоения или растраты, суд должен установить обстоятельства, подтверждающие, что умыслом лица охватывался противоправный, безвозмездный характер действий, совершаемых с целью обратить вверенное ему имущество в свою пользу или пользу других лиц.

Судом на основании исследованной в ходе судебного заседания совокупности доказательств достоверно установлено, что Л., получив в кассе воинской части под отчет 3 750 000 руб., не сдал эти деньги в полевое учреждение ЦБ России, а передал их исполнявшему обязанности начальника финансового службы вышестоящей воинской части Ф. по просьбе последнего.

Вместе с тем, выводы суда о наличии у виновного корыстной цели, о безвозмездном изъятии денежных средств и обращении их в пользу другого лица не подтверждены имеющимися в деле доказательствами и не соответствуют фактическим обстоятельствам дела.

Мотивируя вывод о наличии у Л. корыстной цели, суд первой инстанции указал, что виновный, имея реальную возможность вернуть деньги в кассу воинской ча-

сти, распорядился имуществом как своим собственным и скрыл факт передачи денег от командования. Однако указанные признаки не свидетельствуют о корысти осужденного.

Субъективная сторона хищения, в том числе и растраты, характеризуется виной в виде прямого умысла, когда лицо осознавало общественную опасность своих действий, предвидело наступление общественно опасных последствий и желало их наступления, и корыстной целью – передачей имущества другим лицам, в обогащении которых виновный заинтересован.

Доказательства того, что, передавая деньги Ф., Л. предвидел, что эти деньги не будут возвращены воинской части и могут быть обращены в пользу Ф., а также что осужденный желал этого, в материалах дела отсутствуют.

Не имеется в материалах дела и доказательств заинтересованности Л. в обогащении другого лица, а также безвозмездности изъятия денежных средств.

Как в ходе предварительного следствия, так и в судебном заседании Л. последовательно показывал, что передал деньги Ф. по его просьбе на двое суток для создания видимости благополучия с соблюдением финансовой дисциплины в ходе проверки в одной из воинских частей. При этом, последний заверил его, что все деньги будут своевременно возвращены, о чем дал расписку. Эти показания осужденного стороной обвинения не опровергнуты. Более того, они подтверждаются имеющимися в материалах дела сведениями о том, что Ф. на таких же условиях (временно, с обязательством возвращения, под расписку) взял деньги и у других лиц.

О временной, без цели обращения в пользу Ф., передаче Л. денег свидетельствуют и действия осужденного, связанные с обоснованным требованием возвращения денег, имевшие место до того момента, когда командованию стало известно о недостатке денежных средств.

Более того, получение Л. денег под отчет само по себе предполагало обязательность возвращения их или представление оправдательных документов.

Как видно из материалов дела, на момент возбуждения уголовного дела деньги в сумме 3 750 000 руб. числились как полученные под отчет Л.

Не учтено судом также и то, что уголовное дело в отношении Л. возбуждено на основании его заявления, когда органам предварительного следствия еще не было известно о совершенном преступлении.

Так как доказательства совершения Л. хищения в материалах дела отсутствовали, но при этом им как должностным лицом допущены нарушения вмененных ему органами предварительного следствия требований нормативных актов, что причинило ущерб воинской части, в действиях Л. содержались признаки состава должностного преступления.

Вследствие неверной оценки обстоятельств, установленных по делу, суд необоснованно квалифицировал как приготовление к хищению имущества действия лица, которые свидетельствовали лишь об обнаружении им умысла

35-м гарнизонным военным судом начальник пограничной заставы С., наряду с другим преступлением, был осужден и за приготовление к хищению вверенного ему имущества путем растраты по ч. 1 ст. 30 и ч. 3 ст. 160 УК РФ.

Согласно приговору указанные преступные действия С. выразились исключительно в том, что перед своим убытием в отпуск он предложил Б., остававшемуся за него начальником заставы, продать хранившиеся на складе ГСМ заставы излишки дизельного масла, от чего Б. отказался.

Согласно ч. 1 ст. 30 УК РФ приготовлением к преступлению, наряду с приисканием соучастников, признаются и другие действия, а именно: приискание, изготовление или приспособление средств или орудий совершения преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

В соответствии с указанными требованиями закона для вывода о виновности С. в приготовлении к хищению имевшегося на складе ГСМ пограничной заставы дизельного масла суд, наряду с основанными только на показаниях свидетеля Б. данными о приискании подсудимым соучастника хищения, должен был располагать и

другими фактическими данными о совершении С. конкретных действий, направленных на хищение этого масла. Таковыми, в частности, могли быть установленные по делу данные о том, что С. создал излишки масла в целях их хищения, с этой же целью скрывал их от довольствующего органа и не отражал в соответствующих документах, договаривался с возможным приобретателем дизельного масла, приискивал транспорт, на котором это масло можно было бы вывезти со склада ГСМ заставы, предпринимал какие-либо иные действия, бесспорно свидетельствующие о создании им условий для хищения дизельного масла.

Однако таких доказательств судом установлено не было. Более того, по показаниям самого С. и свидетелей Ж., Ш. и Б. именно С. докладывал о наличии на заставе излишков масла на сумму 36 320 руб. начальнику довольствующего органа Л., который заявлял о намерении принять по этим излишкам соответствующее решение.

При таких данных положенные судом в основу приговора и не подтвержденные никакими другими доказательствами показания свидетеля Б. о том, что перед уходом в отпуск С. предложил ему погрузить бочки с маслом на машину, которая должна будет приехать на заставу, могли свидетельствовать лишь об обнаружении умысла и достаточным основанием для вывода о виновности С. в приготовлении к хищению вверенного ему дизельного масла не являлись, так как не соответствовали иным фактически установленным по делу обстоятельствам.

Президиум Тихоокеанского флотского военного суда приговор 35-го гарнизонного военного суда в отношении С. в части его осуждения за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 3 ст. 160 УК РФ, отменил, а дело в этой части прекратил за отсутствием в действиях С. состава этого преступления.

Приговор отменен, поскольку суд не дал оценки значимым для дела обстоятельствам и не устранил противоречия в доказательствах

По приговору Магнитогорского гарнизонного военного суда майор медицинской службы Е. был осужден по ч. 1 ст. 159 УК РФ к штрафу в размере 5 000 руб. за то, что, имея во владении и пользовании служебное жилое помещение по месту службы, он путем обмана получил денежную компенсацию за наем жилого помещения в апреле – ноябре 2008 г. на общую сумму 8 800 руб.

Суд кассационной инстанции отменил данный приговор и направил дело на новое судебное рассмотрение, приведя в определении следующие доводы.

В ходе судебного разбирательства Е. показал, что хотя на него и его жену командованием была выделена комната в общежитии, однако в ней проживали его сослуживец с женой. Поскольку при таких обстоятельствах проживать в подобных условиях было невозможно, он продолжил снимать жилье и обращаться к командованию с просьбой о выплате ему компенсации за поднаем жилья.

Из данного заявления Е. усматривается, что ему фактически общежитие предоставлено не было. Однако эти его показания судом не проверялись.

Кроме того, в основу обвинения было положено то обстоятельство, что Е. в целях хищения представил поддельный договор о найме жилого помещения у гражданина Р.

Несмотря на ссылку суда о том, что в судебном заседании исследовался договор найма Е. жилого помещения в г. Чебаркуле у указанного гражданина, надлежащая оценка обстоятельствам, связанным с этим договором, судом дана не была.

Так, Е. в суде показал, что вопрос о договоре найма жилого помещения возник в ноябре 2008 г. после того, как командование потребовало от него представить такой в подтверждение основания поднайма.

Из показаний свидетеля Ч. на предварительном следствии следует, что в первых числах ноября 2008 г. он проверял законность оформления документов, подтверждающих право военнослужащих на производство им выплат за поднаем жилья, и Е. представил ему договор найма, заключенный с гражданином Р.

В материалах уголовного дела имеется постановление следователя военного следственного отдела по Чебаркульскому гарнизону старшего лейтенанта юстиции Б. о производстве выемки, протокол обыска и протокол осмотра предметов.

В указанных процессуальных документах речь идет о договоре найма жилого помещения по адресу: г. Чебаркуль, ул. Каширина, д. 51, кв. 5, заключенном 13 января 2008 г. между Р. и Е.

В обвинительном заключении также есть ссылка на указанный договор.

Однако в деле в качестве приложения к протоколу осмотра имеется договор найма жилого помещения, заключенный 13 января 2008 г. Р. и Е., но на другую квартиру, расположенную по адресу: г. Чебаркуль, ул. Каширина, д. 36а, кв. 74.

Свидетель Р. пояснил в суде, что заключал с Е. устное соглашение о найме жилья и каких-либо письменных соглашений он не подписывал, что же касается его показаний, данных в ходе следствия, то он таких показаний не давал, в протоколе стоят не его подписи и содержатся данные не его паспорта, и вообще следователь Б. в июне 2009 г. его не допрашивал.

При этом, свидетель Р. также показал, что Е. регулярно оплачивал свое проживание в его квартире.

Несмотря на имеющиеся противоречия в показаниях свидетеля Р., полученных при производстве по делу, и в процессуальных документах относительно договора найма от 13 января 2008 г., гарнизонный военный суд им надлежащей оценки не дал.

Таким образом, приведенные выше факты позволяют констатировать, что изложенные в приговоре выводы не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела.

При новом рассмотрении данного дела судом первой инстанции оно было прекращено.

Угроза имитацией оружия при разбое не может рассматриваться в качестве квалифицирующего признака ч. 2 ст. 162 УК РФ

Органами предварительного следствия действия К., который, остановив автомобиль, потребовал от гражданина Т. отдать ему имеющиеся при себе деньги, затем достал предмет, похожий на пистолет, и, приставив его к голове потерпевшего, забрал у него 9 500 руб., были квалифицированы по ч. 2 ст. 162 УК РФ как разбой, совершенный с применением оружия.

235-й гарнизонный военный суд, не усмотрев объективных данных, свидетельствующих о том, что К. угрожал применением именно огнестрельного оружия, пришел к выводу, что подсудимый применил не оружие, а предмет, который использовал в качестве оружия, оставив квалификацию содеянного без изменения.

Между тем то обстоятельство, что указанный предмет был внешне похож на пистолет и потерпевший принимал его за боевое оружие, реально опасаясь за свою жизнь, еще не может свидетельствовать о наличии в действиях осужденного состава квалифицированного разбоя. Отсутствие в материалах дела каких-либо сведений о принадлежности данного предмета к оружию или об использовании его в качестве такового свидетельствовало об отсутствии в действиях виновного квалифицирующего признака разбоя «с применением оружия или предмета, используемого в качестве оружия», в связи с чем судебная коллегия по уголовным делам Московского окружного военного суда переквалифицировала действия К. с ч. 2 на ч. 1 ст. 162 УК РФ.

Глава 10. Преступления против жизни и здоровья

Покушение на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего возможно только при установлении судом прямого умысла на причинение этого вреда

Фокинским гарнизонным военным судом В. был признан виновным в покушении на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенном из хулиганских побуждений, и осужден по ч. 3 ст. 30 и п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Как указано в приговоре, в ходе ссоры, возникшей на личной почве при совместном распитии спиртных напитков, В., желая причинить Т. телесные повреждения любой степени тяжести вплоть до тяжкого вреда здоровью, действуя из хулиганских побуждений, избил Т.

Сопровождая свои действия нецензурной бранью, В. нанес потерпевшему удары стеклянной бутылкой и ногами по голове и туловищу, плюнул в Т. и заявил о намерении оправиться на него.

В результате примененного В. насилия Т. был причинен легкий вред здоровью в виде ушибленных ран головы и лица, а также гематомы левого глаза.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, судебная коллегия Тихоокеанского флотского военного суда приговор в отношении В. изменила по следующим основаниям.

По смыслу уголовного закона покушение на совершение любого преступления возможно лишь с прямым умыслом.

Следовательно, для квалификации действий В. по ч. 3 ст. 30 и п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ суду надлежало установить, что осужденный, применяя насилие к Т., не только предвидел возможность или неизбежность причинения тяжкого вреда его здоровью, но и желал наступления именно такого вреда.

Однако фактически суд установил и указал в приговоре, что В., избивая Т., допускал причинение потерпевшему любого вреда здоровью и безразлично относился к возможным последствиям. Таким образом, фактически суд установил, что В. совершил противоправные действия не с прямым, а с косвенным умыслом (ч. 3 ст. 25 УК РФ), что исключало квалификацию содеянного им как покушения на совершение преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ.

Поскольку судом было установлено, что в результате действий В. потерпевшему были причинены телесные повреждения в виде двух ушибленных ран головы и гематомы на лице, которые судебно-медицинским экспертом расценены как легкий вред здоровью, то содеянное им с учетом фактически причиненных потерпевшему последствий необходимо было квалифицировать как умышленное причинение легкого вреда здоровью.

По изложенным основаниям флотский военный суд переквалифицировал содеянное В. на ч. 1 ст. 115 УК РФ.

Убийство двух и более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2012 г. № 201-О12-5 по уголовному делу в отношении С. и др. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 3 августа 2011 г. С., наряду с другими преступлениями, был признан виновным в двух убийствах двух и более лиц, заведомо находившихся в беспомощном состоянии, совершенных по предварительномуговору группой лиц и сопряженных с разбоем.

Указанные действия С. были квалифицированы дважды по пп. «а», «в», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Военная коллегия, рассмотрев дело по кассационным жалобам осужденных и кассационному представлению государственного обвинителя, приговор изменила, квалифицировав действия С. в указанной части по пп. «а», «в», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ только один раз.

В определении Военная коллегия мотивировала свое решение следующим.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам указанной части данной статьи при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден.

Поэтому для вменения С. квалифицирующих признаков, предусмотренных пп. «а», «в», «ж» и «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, достаточно наличия таких признаков в любом из эпизодов, являющихся составной частью совершенных им преступлений.

Таким образом, вывод суда о наличии в действиях С. совокупности ряда преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, является ошибочным.

Обоснование виновности подсудимых доказательствами, достоверность которых не была подтверждена должным образом, повлекло отмену обвинительного приговора

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 203-О11-4 по уголовному делу в отношении Ф. и Х. (извлечение)

По приговору Приволжского окружного военного суда от 17 июня 2011 г. Ф. и Х. осуждены за совершение преступлений, предусмотренных пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Ф. и Х. признаны виновными в убийстве группой лиц по предварительномуговору, сопряженном с разбоем, и разбое, совершенном с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия, и с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей.

Рассмотрев уголовное дело в кассационном порядке, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации признала, что вывод суда первой инстанции о совершении Х. и Ф. инкриминируемых им деяний основан на доказательствах, достоверность которых не была должным образом проверена, а имеющиеся в них противоречия не были устранены либо оценены.

Среди прочих нарушений, послуживших основанием к отмене приговора, Военная коллегия, в частности, отметила следующее. Делая вывод о причастности обоих осужденных к инкриминируемому им убийству и признавая достоверными показания свидетеля Кр. о том, что он знает о совершенном убийстве со слов Х. и Ф., суд сослался на заключения «психофизиологических экспертиз», в ходе которых правдивость сообщаемых Кр. и Ф. сведений проверялась с помощью технического средства – детектора лжи (полиграфа).

Однако экспертом не представлено и судом не установлено научно обоснованное подтверждение надежности и достоверности результатов подобных исследований, которые позволяли бы признать их доказательством по уголовному делу в соответствии с требованиями ст. 74 и ст. 80 УПК РФ.

В результате Военная коллегия отменила приговор и направила дело в тот же суд на новое судебное разбирательство.

Глава 11. Преступления против правосудия

При постановлении приговора должны получить оценку все рассмотренные в судебном заседании доказательства, как подтверждающие выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, так и противоречащие этим выводам

В связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела частично было отменено постановление Вологодского гарнизонного военного суда о прекращении уголовного дела в отношении Д. и Т. по одному из измененных в вину составов преступлений.

Наряду с нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, за которые Д. и Т. были осуждены, органами предварительного следствия им инкриминировалось принуждение свидетеля к даче ложных показаний, соединенное с угрозой убийством и применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, то есть совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 309 УК РФ, при следующих указанных в обвинительном заключении обстоятельствах.

26 ноября 2008 г., около 21 часа 40 минут, в канцелярии роты Д. и Т., узнав о даче С. в ходе предварительного следствия показаний, изобличающих Д. в применении насилия к сослуживцам, пригрозив ему самому и его близким родственникам убийством, потребовали изменить показания по уголовному делу, данные следователю. Кроме того, Д. нанес С. по удару кулаком в область затылка и по лицу, причинив легкий вред здоровью в виде раны верхней губы, а Т. ударил С. рукой в висок, причинив физическую боль.

В подтверждение обвинения органы предварительного следствия привели показания потерпевшего С., протокол следственного эксперимента с его участием, показания потерпевшего П., свидетелей А., Ш., К., заключение судебно-медицинского эксперта, а также протокол явки с повинной Т.

Суд первой инстанции, сославшись на категорическое отрицание подсудимыми высказывания угроз С., непоследовательность и противоречивость показаний потерпевшего в ходе как предварительного, так и судебного следствия, и в частности на то, что в начале предварительного следствия он не говорил, что подсудимые после применения к нему насилия высказывали конкретные угрозы убийством как ему самому, так и его близким родственникам, а потом стал об этом заявлять, и также на отсутствие других бесспорных доказательств, свидетельствующих о том, что 26 ноября 2008 г. Д. и Т. высказывали угрозы убийством С. и его близким родственникам с целью принудить к даче ложных показаний, переквалифицировал действия Д. на ч. 1 ст. 115 УК РФ, а Т. – на ч. 1 ст. 116 УК РФ и в связи с отсутствием заявления потерпевшего уголовное дело в отношении их отдельным постановлением прекратил.

Между тем показания С. на предварительном следствии об обстоятельствах его принуждения к даче ложных показаний, ссылка на которые имеется в приговоре, в судебном заседании не проверялись и в соответствии с требованиями ст. 240 УПК РФ не могли быть положены в основу выводов суда.

Кроме того, как усматривается из материалов дела, показания, данные в ходе расследования дела С., о его избитии в канцелярии роты вечером 26 ноября 2008 г. Д. и Т. и об их угрозах с требованиями изменить показания, данные им следователю накануне утром, считать противоречивыми и непоследовательными оснований не имеется. При этом, С. утверждал, что, будучи избит, угрозы воспринимал реально и опасался их исполнения. В последующем С. эти обстоятельства полностью подтвердил и конкретизировал в судебном заседании 26 февраля 2009 г. Имеющиеся же незначительные расхождения в показаниях объясняются субъективным восприятием событий с его стороны и под сомнение их достоверности не ставят.

Собраны были органами предварительного следствия, вопреки утверждениям суда в приговоре, и другие доказательства виновности Д. и Т.

Так, из показаний потерпевшего П. усматривалось, что в 20-х числах ноября 2008 г. С. рассказывал ему о том, что после того, как он дал свидетельские показания в военной прокуратуре в отношении Д. и Т., те завели его в канцелярию роты и, применяя насилие, угрожали смертью ему и членам семьи.

Согласно показаниям свидетелей Ш. и А., С. говорил им о том, что в тот же период времени в канцелярии Д. и Т. применили к нему насилие. При этом, Д. и Т. пытались выяснить, какие именно показания он, С., дал на допросе в качестве свидетеля, и угрожали ему насилием в будущем за дачу показаний.

Из заключения эксперта усматривалось, что у С. имелось телесное повреждение в виде раны верхней губы.

Сам осужденный Т. признавал, что применял к С. насилие при изложенных выше обстоятельствах.

При таких данных судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского окружного военного суда признала вывод о невиновности Д. и Т. в принуждении свидетеля к даче ложных показаний, переквалификации их действий и прекращении уголовного дела преждевременным и необоснованным, в связи с чем постановление гарнизонного военного суда о прекращении уголовного дела отменила и дело в этой части направила на новое судебное разбирательство.

Глава 12. Преступления против половой неприкосновенности

Неустановление судом факта реального применения силы к потерпевшей при изнасиловании повлекло изменение обвинения с применения насилия на угрозу его применения

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 9 августа 2012 г. № 211-О12-2 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

Согласно приговору Тихоокеанского флотского военного суда от 11 апреля 2012 г. М. признан виновным, в частности, в изнасиловании потерпевшей Л., совершенном с применением насилия, соединенном с угрозой убийством потерпевшей, и осужден по п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ (в редакции Федерального закона от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ).

Между тем из материалов дела следует, что М., догнав Л. на улице города и угрожая убийством имевшимся при себе ножом, принудил потерпевшую пройти с ним в придомовую пристройку заброшенного дома, снять брюки и лечь на пол, после чего совершил с ней половой акт.

В период, предшествовавший половому сношению, и во время полового акта осужденный реального насилия к потерпевшей не применял, а лишь угрожал таковым.

Установив данное обстоятельство, Военная коллегия признала, что М. совершил преступные действия, предусмотренные п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ, не «с применением насилия», а «с угрозой применения насилия», в связи с чем смягчила ему наказание по указанной статье и по совокупности преступлений.

Совершение осужденными в отношении потерпевшей насильственных действий сексуального характера с последующим ее убийством в целях сокрытия этих действий правильно квалифицировано судом по пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 и п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 13 января 2011 г. № 201-О10-28 по уголовному делу в отношении П., К. и Пан. (извлечение)

По приговору окружного военного суда от 9 сентября 2010 г. П., К. и Пан. осуждены за совершение ряда преступлений, а П. и К. – в том числе преступлений, предусмотренных пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 и п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ.

П. и К. признаны виновными в числе прочих преступлений в совершении по предварительномуговору, с применением насилия насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевшей Ш. и ее последующем убийстве с целью воспрепятствовать высказанному потерпевшей намерению сообщить о совершенном ими преступлении в правоохранительные органы.

В кассационных жалобах осужденные П. и К., считая ошибочной квалификацию судом их действий по пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 и п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ, в результате чего, по их мнению, они за одно и то же деяние наказаны дважды, просили приговор изменить и снизить назначенное наказание.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, Военная коллегия приговор оставила без изменения, а кассационные жалобы осужденных – без изменения, указав в обоснование следующее.

В суде установлено, что после совершения П. и К. по предварительной договоренности насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевшей Ш. последняя заявила, что сообщит о совершенном ими преступлении в правоохранительные органы.

В связи с этим осужденные решили убить Ш. Они нанесли ей большое количество ударов руками и ногами по голове, а когда та упала и потеряла сознание – поочередно с высоты собственного роста по нескольку раз бросили на голову потерпевшей камень весом около 11 килограммов, отчего Ш. скончалась на месте.

По смыслу закона под убийством, сопряженным с насильственными действиями сексуального характера, следует понимать убийство в процессе совершения указан-

ного преступления или в целях его сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этого преступления. Учитывая, что при этом совершаются два самостоятельных преступления, содеянное следует квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по соответствующей части ст. 132 УК РФ.

При таких данных действия П. и К. квалифицированы правильно.

С учетом изложенного, а также данных о личности осужденных Военная коллегия не нашла оснований и для смягчения им наказания.

Неустановление судом факта высказывания подсудимым угроз применения насилия в адрес потерпевшей во время ее изнасилования повлекло исключение указанного признака из обвинения осужденного

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 202-О10-4 по уголовному делу в отношении Т. (извлечение)

По приговору окружного военного суда от 1 сентября 2010 г. Т. осужден по п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ к 14 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Т. признан виновным в изнасиловании не достигшей четырнадцатилетнего возраста потерпевшей П., совершенном с применением насилия и с угрозой его применения.

При описании совершенного Т. преступления суд в приговоре указал, что подсудимый во время следования на автомобиле вместе с П. к месту их жительства свернул на проселочную дорогу и, несмотря на отказ П. совершить с ним половой акт и ее заявление о том, что ей не исполнилось четырнадцати лет, затащил потерпевшую на заднее сиденье автомобиля, где, преодолевая сопротивление и сняв с нее одежду, изнасиловал.

Из изложенного следует, что при описании преступного деяния суд не указал и, следовательно, не признал факта высказывания подсудимым каких-либо угроз в адрес потерпевшей.

Установив данное обстоятельство, Военная коллегия исключила признак угрозы применения насилия из обвинения Т., в связи с чем смягчила ему наказание до 13 лет шести месяцев лишения свободы.

Глава 13. Преступления против общественной безопасности

Лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2010 г. № 206-О10-1 по уголовному делу в отношении Г. (извлечение)

По приговору Западно-Сибирского окружного военного суда от 4 августа 2010 г. Г. осужден за совершение ряда преступлений, в том числе преступления, предусмотренного пп. «г», «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ.

Г., наряду с другими преступлениями, признан виновным в захвате и удержании П. и Я. А. В. в качестве заложников, совершенных в целях понуждения его знакомой Гр. не покидать пределы страны и продолжить с ним дружеские отношения как условий освобождения заложников.

В части захвата и удержания в качестве заложника потерпевшей Я. Ю. А. осужденный освобожден от уголовной ответственности согласно примечанию к ст. 206 УК РФ.

В кассационной жалобе осужденный Г., указав на необоснованное осуждение его за захват заложников, поскольку он не запрещал потерпевшим передвигаться по квартире и выходить из нее, просил уголовное дело в этой части прекратить и снизить назначенное наказание.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, Военная коллегия приговор изменила: освободила Г. от уголовной ответственности за содеянное в отношении потерпевшей П. согласно примечанию к ст. 206 УК РФ, исключила из приговора указание о его осуждении по п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ и смягчила наказание.

Как установлено судом, после проникновения Г. в квартиру против воли находившихся в ней граждан П., Я. А. В. и Я. Ю. А. и удержания их в качестве заложников сотрудникам милиции удалось самостоятельно, против воли Г., освободить потерпевшего Я. А. В.

После этого Г. в ходе переговоров с работниками правоохранительных органов произвел обмен потерпевшей П. на своего отца, а через некоторое время по требованию властей без выдвижения каких-либо условий освободил потерпевшую Я. Ю. А.

Согласно примечанию к ст. 206 УК РФ лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

При таких данных освобождение Г. по требованию властей потерпевшей Я. Ю. А. обоснованно явилось основанием для освобождения судом первой инстанции осужденного от уголовной ответственности в этой части.

Вместе с тем, суд не учел, что после освобождения потерпевшей П. в обмен на отца осужденного последний насильственно в квартире не удерживался, предпринял все возможные усилия с целью убедить Г. прекратить преступные действия и в последующем заложником органами следствия не признавался.

Указанные данные свидетельствуют о том, что освобождение Г. потерпевшей П. явилось добровольным, в связи с чем это также следует признать основанием для освобождения осужденного от уголовной ответственности по ст. 206 УК РФ.

Установив данные обстоятельства, Военная коллегия нашла, что уголовно наказуемыми являются действия Г., связанные с захватом и удержанием в качестве заложника только одного Я. А. В., в связи с чем квалифицировала эти действия по п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ, а п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ исключила из объема обвинения осужденного и смягчила ему наказание.

В резолютивной части приговора должны быть указаны пункт, часть и статья УК РФ, предусматривающие ответственность за преступление, в совершении которого подсудимый признан виновным

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2012 г. № 201-О12-1 по уголовному делу в отношении М. и др. (извлечение)

Согласно приговору Московского окружного военного суда от 11 июля 2011 г. М., Н. и Т., наряду с другими преступлениями, признаны виновными в подготовке к террористическому акту и их действия квалифицированы по ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205 УК РФ (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ).

Военная коллегия, рассмотрев дело по кассационным жалобам осужденных и их защитников, приговор изменила, переквалифицировала в указанной части действия осужденных на ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 205 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ), указав в обоснование на то, что квалификация по ч. 2 ст. 205 УК РФ возможна лишь при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных пп. «а», «б», «в» данной статьи названного Кодекса.

Между тем окружной военный суд данные признаки не назвал и пункты статьи не указал.

Согласно ст. 308 УПК РФ в резолютивной части приговора должны быть указаны пункт, часть и статья УК РФ, предусматривающие ответственность за преступление, в совершении которого подсудимый признан виновным.

Ввиду того что квалифицирующие признаки, предусмотренные ч. 2 ст. 205 УК РФ, М., Н. и Т. не вменены, их действия в данной части подлежат переквалификации.

Глава 14. Преступления, связанные с оборотом наркотиков

Неправильное применение уголовного закона при рассмотрении уголовного дела о незаконном обороте наркотических средств явилось основанием для изменения приговора

Вологодским гарнизонным военным судом 20 июля 2012 г. Ф. был признан виновным в покушении на незаконные приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере, которые выразились в том, что он в качестве оплаты за посредничество в сбыте наркотиков приобрел для личного потребления и хранил при себе 15,9 грамма гашиша, и осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ и ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228 названного Кодекса.

Судебная коллегия Ленинградского окружного военного суда признала квалификацию действий Ф. по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 228 УК РФ как покушение на незаконное хранение наркотических средств ошибочной по следующим основаниям.

Согласно описательно-мотивировочной части приговора покушению на незаконное хранение наркотических средств предшествовало покушение на незаконное их приобретение.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, характеризуется незаконными приобретением, хранением и иными действиями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств, без цели сбыта в крупном размере. Каждое из них в отношении одного и того же предмета преступления и того же субъекта преступной деятельности хотя и не требует отдельной юридической оценки, однако является самостоятельным преступлением, совершенным в определенной последовательности. Отсюда по данному конкретному делу хранение наркотических средств могло следовать лишь за их приобретением как окончанным преступлением с момента перехода наркотических средств во владение виновного.

Поскольку незаконное приобретение Ф. наркотических средств в крупном размере не было доведено до конца по независящим от него обстоятельствам, то он не имел реальной возможности впоследствии совершить покушение на незаконное хранение тех же наркотических средств.

Кроме того, по делу установлено, что незаконное приобретение Ф. наркотических средств осуществлялось под контролем сотрудников УФСКН, а потому последующее незаконное хранение им тех же наркотических средств не могло быть расценено иначе как искусственное увеличение объема обвинения.

При таких обстоятельствах судебная коллегия приговор в отношении Ф. изменила, исключив из его обвинения покушение на незаконное хранение наркотических средств в крупном размере и смягчив осужденному наказание.

Соисполнительство предполагает участие не менее двух исполнителей в выполнении объективной стороны состава преступления

По приговору Грозненского гарнизонного военного суда К., наряду с другими преступлениями, осужден по ч. 2 ст. 33, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ как исполнитель преступления. Д. признан организатором данного преступления и осужден по ч. 3 ст. 33, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

Как следует из материалов уголовного дела, 19 ноября 2010 г. К. по инициативе Д. совершил незаконную пересылку принадлежащих Д. наркотических средств в особо крупном размере из н. п. Ленинск Республики Дагестан в г. Грозный Чеченской Республики.

Суд первой инстанции признал, что К. и Д. являлись соисполнителями при незаконной пересылке наркотических средств, вследствие чего квалифицировал их действия как совершенные «группой лиц по предварительному сговору». Однако Д. действовал в качестве организатора преступления и в выполнении его объективной стороны не участвовал.

Поскольку участие организатора в совершении преступления с одним исполнителем не влечет признания преступления совершенным «группой лиц по предваритель-

ному сговору», судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда исключила из приговора указание о совершении преступления К. и Д. «группой лиц по предварительному сговору» и снизила им размер наказания.

Приобретение наркотического средства под контролем правоохранительных органов должно расцениваться как покушение на совершение преступления

Смоленским гарнизонным военным судом С. признан виновным в незаконном приобретении и хранении наркотического средства – марихуаны в крупном размере в целях последующего его употребления и осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Московский окружной военный суд признал квалификацию действий С. ошибочной, поскольку, давая юридическую оценку содеянному С., суд первой инстанции не учел, что он приобретал наркотическое средство под контролем сотрудников УФСКН по Смоленской области в рамках оперативно-разыскных мероприятий и был ими задержан. Это обстоятельство подтверждалось соответствующим постановлением судьи Смоленского областного суда, чего гарнизонным военным судом при вынесении приговора учтено не было.

При таких данных и учитывая положения абз. 5 п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 (в редакции постановления от 23 декабря 2010 г. № 31) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» судебная коллегия окружного военного суда приговор в кассационном порядке изменила и переквалифицировала содеянное С. на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Соисполнительство предполагает участие в совершении объективной стороны состава преступления каждым его участником

Томским гарнизонным военным судом И. и С. осуждены к лишению свободы по двум эпизодам покушения на незаконный сбыт наркотического средства по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 228-1 УК РФ, а также по ч. 1 ст. 30 и пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 228-1 названного Кодекса.

В кассационном порядке приговор обжалован не был.

Согласно материалам дела С. по просьбе И., который выступал в роли продавца наркотического средства – гашиша, в рамках проведения оперативных мероприятий «проверочная закупка», о которых они осведомлены не были, предоставлял последнему за денежное вознаграждение транспортное средство и осуществлял его перевозку к месту реализации и получения денег от одного и того же покупателя – оперативного работника Г. Запрещенные уголовным законом деяния осужденными были совершены 24, 25 и 30 июня 2010 г. Причем предметом последнего преступления являлось наркотическое средство в крупном размере, и при приготовлении к его совершению виновные были задержаны сотрудниками правоохранительных органов.

Президиум Западно-Сибирского окружного военного суда признал, что суд первой инстанции при оценке доказательств не учел, что в силу положений ч. 2 ст. 33 УК РФ исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями).

В соответствии с ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении.

По смыслу уголовного закона непосредственное участие в совершении преступления совместно с другими лицами означает, что исполнитель выполняет объективную сторону состава преступления совместно с другим лицом или лицами.

С учетом того что С. не принимал непосредственного участия в сбыте наркотического средства – гашиша, а лишь предоставлял И. за денежное вознаграждение транспортное средство и осуществлял его перевозку к месту сбыта гашиша и получения денег от покупателя, эти его действия являются пособничеством, а не соисполнительством в указанном преступлении.

В силу изложенного президиум окружного военного суда переквалифицировал содеянное И. 24 июня 2010 г. с ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 228-1 УК РФ на ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 228-1 УК РФ, снизив назначенное виновному наказание.

Действия С. по данному эпизоду, связанные с предоставлением автомобиля и доставкой И. к месту сбыта наркотических средств и получения денег от реализации гашиша, по указанным выше основаниям были переквалифицированы судом надзорной инстанцией с ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 228-1 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 228-1 УК РФ, также со снижением назначенного наказания.

Приговор в отношении И. и С. в части покушения на незаконный сбыт наркотического средства 25 июня 2010 г., а также приготовления к покушению на сбыт наркотического средства 30 июня 2010 г. суд надзорной инстанцией отменил, а уголовное дело прекратил за отсутствием в действиях осужденных состава преступления.

Переквалификация судом действий виновного с приготовления к совершению преступления на покушение на это же преступление в соответствии со ст. 252 УПК РФ недопустима, поскольку ухудшает положение подсудимого

Спасск-Дальним гарнизонным военным судом Л. был признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере, группой лиц по предварительномуговору, а Ч. – в приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств в особо крупном размере, группой лиц по предварительномуговору.

Как признал установленным суд, в период с июля по сентябрь 2009 г. Л. и Ч., действуя по предварительномуговору и совместно, из дикорастущей на воинском полигоне конопли произвели и приготовили к сбыту наркотическое средство в особо крупном размере. Часть приготовленного к сбыту наркотического средства в особо крупном размере Ч. и Л. хранили на территории полигона, а вторую часть наркотического средства в особо крупном размере Л. с той же целью хранил в своем гараже по месту жительства.

Сбыть указанное наркотическое средство осужденные не смогли в силу того, что 1 октября 2009 г. оно было у них изъято сотрудниками правоохранительных органов.

Кроме того, Л. 19 сентября 2009 г. продал, то есть сбыл, наркотическое средство в особо крупном размере выполнявшему оперативное задание «контрольная закупка» гражданину З.

Органами предварительного следствия указанные выше действия Л. в части приготовления к сбыту наркотических средств в особо крупном размере, хранившихся на территории полигона и в его личном гараже, были квалифицированы как два самостоятельных преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 30 и п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, а в части продажи наркотического средства гражданину З. по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ.

Указав в приговоре о том, что Л. действовал с единым умыслом на сбыт наркотических средств в особо крупном размере, но не довел этот умысел до конца по независящим от него обстоятельствам, суд квалифицировал все вмененные ему по приговору действия как единое покушение на сбыт наркотических средств в особо крупном размере группой лиц по предварительномуговору по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ.

Данную органами следствия квалификацию действий Ч. как приготовление к сбыту наркотических средств в особо крупном размере группой лиц по предварительномуговору по ч. 1 ст. 30 и п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ суд признал правильной.

Поскольку две стадии неоконченного преступления – приготовление и покушение – отличаются не только по фактической стороне, но и по тяжести предусмотренного законом наказания, то при переквалификации действий Л. с приготовления на покушение суд должен был исходить из требований ст. 252 УПК РФ о том, что изменение обвинения в судебном разбирательстве, в том числе и путем переквалификации действий обвиняемого, допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Между тем в соответствии со ст. 66 УК РФ приготовление к преступлению называется менее строго, чем покушение на преступление.

Исходя из изложенного, переквалифицировав два вмененных Л. приготовления на более тяжкое и отличающееся по фактической стороне единое покушение, гарнизонный суд, в нарушение ст. 252 УПК РФ, ухудшил положение подсудимого.

При рассмотрении данного дела в кассационном порядке флотский военный суд изменил приговор в части квалификации действий Л.

Глава 15. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта

Красноярский гарнизонный военный суд при постановлении обвинительного приговора по уголовному делу в отношении Б. не указал, по каким основаниям он принял одни из доказательств и отверг другие, что повлекло отмену итогового судебного постановления по делу

Согласно приговору Б. был признан виновным в нарушении правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 3 ст. 264 УК РФ).

Суд установил, что, управляя технически исправным автомобилем «ВАЗ 21140», Б. вел транспортное средство со скоростью, превышающей установленное ограничение в населенных пунктах – 60 км/ч и не обеспечивающей возможность постоянного контроля за его движением, вследствие чего совершил наезд на пешехода С., повлекший его смерть.

При постановлении обвинительного приговора суд первой инстанции в качестве одного из доказательств виновности Б. в совершении преступления привел заключение эксперта – автотехника Сол. от 28 марта 2011 г., из которого следовало, что водитель двигался со скоростью около 91 км/ч и располагал технической возможностью предотвратить наезд на пешехода путем экстренного торможения с остановкой автомобиля до линии движения пешехода.

Между тем в материалах дела имелись иные акты экспертных исследований и заключение эксперта Сол. от 9 марта 2010 г., согласно которым при тех же исходных данных Б. с момента обнаружения препятствия технической возможности предотвратить наезд на пешехода не имел. Кроме этого, по результатам данных исследований с применением специальных методик был сделан вывод о том, что Б. при сложившейся дорожной ситуации и при разрешенной скорости движения не мог предотвратить наступившие последствия.

Суд первой инстанции оставил указанные противоречия без должного внимания, в приговоре их не оценил и не привел мотивов, по которым положил в основу приговора одно из заключений эксперта и отверг другие доказательства.

Вследствие несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела Западно-Сибирский окружной военный суд приговор отменил и направил дело на новое судебное разбирательство.

Глава 16. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления

При вынесении приговора суду надлежит учитывать все обстоятельства, которые влияют на его вывод о виновности лица

Невыяснение судом существенных обстоятельств дела повлекло отмену приговора Курьильского гарнизонного военного суда в отношении старшины С., осужденного за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ.

Согласно приговору С. признан виновным в том, что в нарушение требований Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации и Правил водолазной службы Военно-Морского Флота допустил находившегося в состоянии алкогольного опьянения подчиненного ему матроса Ж. к водолажным работам, в ходе которых тот утонул.

Суд первой инстанции в обоснование вывода о виновности С. в халатности, повлекшей смерть потерпевшего Ж., наряду с показаниями свидетелей, положил заключение судебно-медицинских экспертов о характере и причинах смерти потерпевшего.

В частности, по выводам экспертов смерть Ж. носила внезапный характер и наступила в результате скрыто протекавшего заболевания сердца, которое осложнилось развитием у пострадавшего острой сердечно-сосудистой недостаточности. Внезапная смерть Ж. наступила при его нахождении в воде. Безусловным фактором, способствовавшим наступлению смерти Ж. от острого нарушения деятельности сердца, явилось наличие у того в момент смерти сильной степени опьянения.

Вместе с тем, обвиняя С. в халатности, выразившейся в направлении пьяного Ж. для выполнения водолажных работ, ни органы предварительного следствия, ни суд не только не выяснили время и иные обстоятельства употребления спиртных напитков пострадавшим, но и вопрос об осведомленности С. перед дачей распоряжения Ж. на погружение под воду о нахождении его в состоянии алкогольного опьянения.

Ни в ходе предварительного следствия, ни в суде не выяснялся и вопрос о наличии прямой причинной связи между производством Ж. подводных работ и наступлением его смерти. Этот вопрос перед экспертами не ставился и разрешения в заключении не нашел.

Выяснение же данного вопроса имело существенное и принципиальное значение для установления вины осужденного в инкриминируемом ему преступлении.

Без выяснения указанных обстоятельств вывод суда о том, что действия (бездействие) осужденного находятся в прямой причинной связи с наступившими последствиями, являлся преждевременным.

Поскольку в ходе судебного разбирательства судом не были выяснены и учтены обстоятельства, которые могли существенно повлиять на его вывод, приговор был отменен, а уголовное дело направлено на новое рассмотрение.

В тех случаях, когда срок давности привлечения к уголовной ответственности истекает к моменту вынесения приговора, осужденный подлежит освобождению от назначенного наказания

Курьильским гарнизонным военным судом старший лейтенант К. признан виновным в оскорблении в апреле 2008 г. подчиненного в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей военной службы и ему назначено наказание в виде штрафа.

Судом кассационной инстанции приговор в отношении К. изменен по следующим основаниям.

Органами предварительного следствия действия К. были квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Суд первой инстанции пришел к выводу о доказанности вины подсудимого в оскорблении своего подчиненного в связи с ненадлежащим исполнением последним обязанностей военной службы и переквалифицировал содеянное К. на ч. 2 ст. 336 УК РФ.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления небольшой тяжести истекло два года.

Поскольку К. в апреле 2008 г. совершено преступление небольшой тяжести и к моменту вынесения приговора истек срок давности привлечения его к уголовной ответственности, суду надлежало в соответствии с ч. 8 ст. 302 УПК РФ при вынесении обвинительного приговора освободить осужденного от наказания, что и было сделано судом кассационной инстанции.

По смыслу уголовного закона неоднократные преступные действия, посягающие на один и тот же объект, направленные на достижение единого результата, совершенные в одно время тем же субъектом аналогичным способом, следует рассматривать как единое преступление, не требующее дополнительной квалификации каждого эпизода содеянного

Младший сержант Г. признан виновным по четырем эпизодам превышения должностных полномочий, совершенного с применением насилия к потерпевшим, каждый из которых квалифицирован как отдельное преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

1 октября 2009 г. около 5 часов в палатке полевого лагеря воинской части Г., после употребления спиртных напитков, разбудил рядового Б., предъявил претензии по служебной командировке и нанес не менее 10 ударов кулаком по лицу, причинив кровоизлияние ушной раковины и ушиб мягких тканей скуловой области.

Около 9 часов того же числа на построении Г. подошел к рядовому Л., выразил недовольство выполнением им обязанностей по службе и ударил потерпевшего несколько раз кулаком по лицу, причинив открытый перелом нижней челюсти со смещением отломков – вред здоровью средней тяжести, повлекший его длительное расстройство. Примерно через 5 минут Г. избил стоявшего в строю рядового Р. за то, что тот накануне опоздал из увольнения, нанеся ему не менее 10 ударов кулаками и ногами, обутыми в ботинки, по различным частям тела, причинив потерпевшему ушибы рук. Приблизительно в 9 часов 10 минут там же Г., подойдя к рядовому Б., ударил того несколько раз ногой в область бедер, причинив кровоподтеки, после чего взял за полы кителя, резко дернул вниз, опустив на колено, и нанес неоднократные удары кулаками по голове.

При проверке уголовного дела по кассационной жалобе адвоката, суд второй инстанции пришел к выводу о том, что объективная сторона вмененных в вину Г. преступных деяний нашла свое подтверждение.

С учетом собранных доказательств определена и является правильной квалификация действий Г. по первому эпизоду превышения должностных полномочий в отношении Б. как отдельного преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. При этом, судебная коллегия исходила из того, что в тот момент умыслом виновного не охватывалось применение в последующем насилия к Р., Л. и снова к Б.

Вместе с тем, обвинение Г. в части применения насилия к Р., Л. и Б. на построении, квалифицированное по трем статьям 286, ч. 3, п. «а», УК РФ, коллегия нашла не соответствующим положениям уголовного закона и не основанным на собранных и исследованных доказательствах.

Сам Г. утверждал, что во время построения личного состава претензии к подчиненным Р., Л., Б. по поводу ненадлежащего исполнения ими обязанностей по службе он предъявил одновременно, поставив их перед строем. Вслед за такими претензиями к ним применялось насилие.

Доказательств, которые бы опровергали заявление подсудимого о наличии у него единого умысла на превышение должностных полномочий в отношении троих военнослужащих, в судебном заседании не установлено.

Более того, объяснения Г. в данной части подтверждены в суде показаниями потерпевших Р. и Б.

Содержание проверенных доказательств и формула обвинения в описательно-мотивировочной части приговора свидетельствуют о том, что избиение всех упомянутых военнослужащих происходило последовательно в одном и том же месте во время построения личного состава. Между избиением каждого из них разрыв во времени отсутствовал. Эти обстоятельства объективно подтверждают единство умысла на совершение воинским должностным лицом Г. действий, явно выходящих за пределы его полномочий.

С учетом изложенного судом кассационной инстанции приговор в отношении Г. изменен. Превышение им должностных полномочий в отношении подчиненных рядовых Р., Л. и Б. на построенном, объединенном общим умыслом, расцененное как три преступления, предусмотренные п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, переквалифицировано на одну статью (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Изменение приговора повлекло за собой и смягчение Г. наказания.

Если передача ценностей не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, пытавшихся получить предмет взятки, содеянное ими квалифицируется как покушение на получение взятки

По приговору Нижегородского гарнизонного военного суда офицер К. признан виновным в получении взятки за незаконное бездействие.

Как указано в приговоре, К., зная, что военнослужащие братья Т., проходившие военную службу по контракту, совершили преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 337 УК РФ, командиру части об этом не доложил, а в период исполнения обязанностей командира части уголовное дело не возбудил. За свое незаконное бездействие К. 6 февраля 2009 г. в служебном кабинете получил взятку в размере 20 000 руб. Эти действия суд квалифицировал по ч. 2 ст. 290 УК РФ.

Между тем по делу было достоверно установлено, что передача взятки К. производилась под контролем правоохранительных органов, после обращения с заявлением братьев Т. Непосредственно после получения взятки К. был задержан, а переданные денежные средства у него изъяты.

При таких данных судебная коллегия по уголовным делам Московского окружного военного суда содеянное К. расценила как покушение на получение взятки за незаконное бездействие, в связи с чем приговор в кассационном порядке изменила, переквалифицировала действия осужденного на ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 290 УК РФ и снизила назначенное наказание.

Невыяснение судом состояния здоровья подсудимого, а также обстоятельств, которые могли повлечь за собой освобождение его от наказания, стало причиной отмены обвинительного приговора

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2011 г. № 201-О11-17с по уголовному делу в отношении Д. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 6 октября 2010 г. Д. по совокупности совершенных преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 33, п. «г» ч. 4 ст. 290 и ч. 1 ст. 222 УК РФ, осужден к 2 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Д. признан виновным в покушении на пособничество в получении должностным лицом через посредника взятки в крупном размере, а также в незаконном приобретении и хранении боеприпасов.

Рассмотрев дело по кассационным жалобам осужденного и его защитника, Военная коллегия отменила приговор и направила дело на новое судебное рассмотрение в окружной военный суд, указав в обоснование следующее.

Согласно пп. 3 и 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, включающие в себя в том числе физиологические признаки личности: наличие заболеваний, психических расстройств или иных болезненных состояний психики, а также обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Названные требования закона судом выполнены не были.

В суде было установлено, что в период предварительного следствия Д. находился на обследовании и лечении в Центральном клиническом военном госпитале ФСБ России, где врачом-неврологом ему был поставлен диагноз «рассеянный энцефаломиелит, быстро прогрессирующее течение».

При наличии указанного заболевания, в соответствии с п. 21 Перечня заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, и Правилами медицинского освидетельствования осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 54, осужденный подлежит освобождению от наказания по результатам медицинского освидетельствования комиссией, состоящей не менее чем из трех врачей.

Наличие в деле данных, свидетельствующих о сомнениях в неврологическом статусе Д., требовало назначения экспертизы с включением в состав комиссии врача-невролога для решения вопроса о возможности подсудимым отбывать наказание по состоянию здоровья нервной системы.

Однако суд ограничился привлечением к участию в экспертизе лишь психиатра и психолога, поставив перед ними вопросы о психическом и психологическом состоянии Д.

В результате судом остались невыясненными обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение подсудимого от наказания.

Отменяя приговор и направляя дело на новое судебное рассмотрение, Военная коллегия с учетом состояния здоровья Д., его положительных характеристик и наличия постоянного места жительства, сочла возможным изменить ему меру пресечения с содержания под стражей на подписку о невыезде и надлежащем поведении.

Глава 17. Преступления в сфере экономической деятельности

Легализация денежных средств или иного имущества признается преступной в том случае, если финансовые операции и другие сделки с ними были совершены в крупном размере

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 г. № 207-О11-4 по уголовному делу в отношении Мор. и др. (извлечение)

По приговору Восточно-Сибирского окружного военного суда от 29 сентября 2010 г. Мор., Мак. и Г. осуждены за совершение ряда преступлений, в том числе за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ч. 3 ст. 174¹ УК РФ.

Осужденные признаны виновными в покушении на легализацию в конце сентября – начале октября 2008 г. имущества – автомобиля стоимостью 450 000 руб., приобретенного в результате разбойного нападения на потерпевших Н. и П.

Рассмотрев дело по кассационным жалобам осужденных и их защитников, Военная коллегия изменила приговор в указанной части, указав в обоснование следующее.

Судом оставлено без внимания, что Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ в ст.ст. 174 и 174¹ УК РФ внесены изменения, согласно которым уголовная ответственность за финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом наступает при совершении этих действий в крупном размере.

Согласно примечанию к ст. 174 УК РФ финансовыми операциями и другими сделками с денежными средствами или иным имуществом, совершенными в крупном размере, признаются указанные действия, совершенные на сумму, превышающую шесть миллионов рублей.

В связи с частичной декриминализацией Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ деяния, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ, которым крупный размер финансовых операций и сделок определен в качестве основного признака преступления и увеличен до шести миллионов рублей, в силу ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона приговор в части осуждения Мор., Мак. и Г. по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 174¹ УК РФ Военной коллегией был отменен, а материалы дела в этой части на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекращены ввиду отсутствия в деянии состава преступления.

Глава 18. Преступления против военной службы (глава 33 Уголовного кодекса Российской Федерации)

1. Нарушение правил уставных взаимоотношений, оскорбление, насильственные действия в отношении начальника

В соответствии со ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана. В связи с этим судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены

Согласно ст. 73 УПК РФ, наряду с другими обстоятельствами, обязательному доказыванию по уголовному делу подлежат событие преступления, а также обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, которые должны не только найти отражение в приговоре, но и получить в нем при этом правильную оценку.

Несоблюдение судом указанных процессуальных требований повлекло необоснованное осуждение Ш.

Балтийским гарнизонным военным судом Ш. был осужден к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 334 УК РФ, совершенного при следующих приведенных в описательной части приговора обстоятельствах.

13 августа 2010 г., около 6 часов, проходивший военную службу по призыву рядовой Ш. в казарме войсковой части применил насилие к командиру стартовой батареи этой части капитану К., являвшемуся для него, в силу ст.ст. 34 – 36 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, начальником по служебному положению и воинскому званию, в связи и во время исполнения последним обязанностей военной службы.

При этом, дневальный по роте Ш., будучи недоволен сделанным ему К. замечанием по поводу несения службы во внутреннем наряде, повалил последнего на пол спального помещения и некоторое время удерживал его в таком положении. После того как эти его действия были пресечены другим военнослужащим, Ш. прошел в умывальник, куда за ним, желая выяснить причины такого его поведения, проследовал и потерпевший.

Находясь в умывальнике, Ш. продолжал высказывать недовольство предъявляемыми к нему К. требованиями, попытался вырвать из рук последнего оставленный им (Ш.) ранее в спальном помещении штык-нож, ударил офицера кулаком в грудь и вырвал указанный штык-нож у него из рук, в результате чего К. упал на пол.

Данными действиями подсудимого потерпевшему были причинены телесные повреждения в виде двух ссадин в области грудины и ушиба грудной клетки, не являющиеся вредом здоровью.

Рассмотрев дело в кассационном порядке по кассационным жалобам осужденного и его адвоката Балтийский флотский военный суд приговор отменил и уголовное дело в отношении Ш. прекратил на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления, поскольку судом первой инстанции при постановлении приговора не были учтены обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы, изложенные в приговоре.

Постановляя обвинительный приговор в отношении Ш, гарнизонный военный суд исходил из того, что он применил насилие к начальнику в спальном помещении казармы, будучи недовольным сделанным ему замечанием по поводу несения службы в наряде, однако, делая такой вывод, суд оставил без внимания и должной оценки все предшествовавшие произошедшему действия участников данного инцидента.

Так, Ш. как на предварительном следствии, так и в судебном заседании последовательно показывал, что прибывший в казарму капитан К., еще не видя его, стал

выражаться в его адрес нецензурной бранью и оскорблять. После того как он вышел из спального помещения навстречу К., последний продолжал оскорблять его и выражаться нецензурно в его адрес, стал дергать его рукой за ремень, а затем ударил головой в висок. Он, Ш., попытался объяснить офицеру, от которого исходил запах спиртного, что тот позволяет себе лишнее, после чего ушел в спальное помещение, однако К. последовал за ним. В спальном помещении казармы К. продолжал вести себя также, а затем ударил его. Только после этого он, Ш., защищаясь, схватил К. за ноги и повалил на пол.

Показания Ш. о том, что вмененным ему в вину деяниями предшествовали неправомерные действия К., вызвавшиеся в нецензурной брани и оскорблении Ш., подтвердились показаниями допрошенных по делу свидетелей Г., Н., Кр., Ц. и Шт.

Признавая показания указанных свидетелей достоверными, суд первой инстанции, тем не менее, пришел к выводу, что такое поведение офицера не давало Ш. оснований для применения насилия, поскольку «окружающая обстановка этого не требовала, а он (Ш.) в состоянии необходимой обороны не находился».

Однако при этом суд оставил без внимания и должной оценки показания Ш. о том, что К. не только оскорблял его, но и первым применил к нему физическое насилие: ударил головой в область лица, дергал рукой за ремень, после чего нанес еще один удар кулаком в лицо. Не учитывались судом и показания свидетеля М., который от К. знает о том, что в спальном помещении казармы Ш. попытался уйти от него, но он «взял его за плечо и развернул к себе», после чего Ш. и повалил его на пол.

Аналогичные объяснения об указанном обстоятельстве давал 20 августа 2010 г. заместитель командира войсковой части по воспитательной работе и сам К. Он, в частности, сообщил, что в спальном помещении казармы Ш., желая избежать дальнейшего развития конфликта, попытался уйти от него, но он, К., догнав его, взял за плечо и попытался повернуть к себе, однако позже, на предварительном следствии и в судебном заседании, не приведя мотивов изменения своей позиции по данному обстоятельству, К. стал утверждать, что он лишь протянул руку и до Ш. даже не дотрагивался.

Признавая Ш. виновным в иных действиях в отношении К. в комнате для умывания, когда он попытался вырвать из рук К. штык-нож, ударил его кулаком в грудь, а затем рывком вырвал штык-нож, от чего К. упал на пол, гарнизонный военный суд исходил из показаний самого К., которые, по мнению суда первой инстанции, были последовательными, и заключения судебно-медицинского эксперта о наличии у К. при освидетельствовании 24 августа 2010 г. двухссадин в области грудины справа и ушиба грудной клетки справа.

Однако гарнизонный военный суд также оставил без внимания и должной оценки обстоятельства, предшествовавшие поведению участников данного инцидента, которые подтвердились как показаниями осужденного, так и иными доказательствами.

Так, Ш. как на предварительном следствии, так и в судебном заседании последовательно показывал, что после конфликта в спальном помещении казармы он зашел в комнату для умывания, куда через некоторое время зашел и К., держа в руках штык-нож. К. продолжил высказывать в его адрес оскорбления в нецензурной форме, а также потребовал от него о произошедшем никому не рассказывать, угрожая, что в противном случае до конца службы он не дослужит. Во время этих высказываний К. размахивал штык-ножом, в результате чего поцарапал ему правое запястье. Боясь, что К. применит штык-нож, он, Ш., попытался его отобрать, однако К. ударил его кулаком левой руки в область правой брови, причинив ее рассечение. Дернув сильнее, Ш. удалось вырвать штык-нож, вследствие чего К. упал на пол.

Приведенные показания Ш. нашли свое подтверждение в других материалах дела.

Так, сам К. последовательно показывал, что после конфликта, произошедшего в спальном помещении казармы, Ш. пошел в комнату для умывания, куда следом за ним зашел и он.

Из показаний свидетеля Л. – фельдшера войсковой части в судебном заседании следовало, что утром 13 августа 2010 г. она оказывала медицинскую помощь Ш., у которого была рассечена правая надбровная дуга.

Факт данной травмы был подтвержден в суде записью в медицинской книжке Ш., из содержания которой следовало, что 20 августа 2010 г. Ш. обратился в медпункт

части с жалобой на периодические головные боли, появившиеся у него «после удара кулаком в бровь». При этом, осмотром Ш. у него были выявлены застарелая ушибленная рана правой бровной дуги и застарелая резаная рана в области тыльной поверхности правого лучезапястного сустава.

Объясняя сокрытие механизма причинения ему указанных ран со стороны К., Ш. сослался на высказанные ему К. требования не рассказывать о случившемся под угрозой того, что он, Ш., может не дослужить до конца военной службы.

Кроме того, из материалов дела также усматривалось, что К. 13 августа 2010 г., будучи назначен ответственным лицом, осуществляющим контроль и проверку службы суточным нарядом, соблюдения правопорядка и воинской дисциплины, должен был исполнять обязанности военной службы и находиться при этом в военной форме одежды. Однако, в нарушение вышеназванных норм закона и устава, он неправомерно находился на военной службе в гражданской одежде.

Поскольку применению насилия Ш. к К. предшествовали неправомерные действия последнего, выразившиеся в грубости, оскорблении, а затем применении к нему физической силы, флотский военный суд признал, что Ш. имел право на защиту, в связи с чем в его действиях состав преступления отсутствует.

Насильственные действия в отношении начальника, квалифицированные судом по ч. 2 ст. 334 УК РФ, не требуют дополнительной самостоятельной квалификации еще и по ч. 1 ст. 334 УК РФ

Согласно приговору Махачкалинского гарнизонного военного суда Б. с другим лицом, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, в период с февраля по июнь 2008 г. в расположении воинской части, в нарушение требований ст.ст. 16, 19 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации из чувства мнимого превосходства, с целью унижить честь и достоинство, подчинить своей воле и принудить к постоянному исполнению своих незаконных требований, систематически совершал насильственные действия, связанные с нанесением побоев и применением иного насилия в отношении начальника по воинскому званию – младшего сержанта Н. в связи с исполнением последним обязанностей по военной службе, который, не выдержав насилия, унижения чести и личного достоинства со стороны Б., покончил жизнь самоубийством.

Судом первой инстанции установлено систематическое в период с февраля по июнь 2008 г. нанесение как самим осужденным Б., так и группой лиц с другим соучастником побоев начальнику Н., что повлекло тяжкие последствия, связанные с самоубийством последнего.

Преступные действия Б. суд квалифицировал по пп. «а» и «в» ч. 2 ст. 334 УК РФ, а также каждый из установленных по делу пяти эпизодов избиения дополнительно квалифицировал по ч. 1 ст. 334 УК РФ, по каждой из которых назначил лишение свободы сроком на 4 месяца.

В данном случае содеянное Б. полностью охватывалось пп. «а» и «в» ч. 2 ст. 334 УК РФ и не требовало дополнительной самостоятельной квалификации каждого эпизода нанесения начальнику побоев еще и по ч. 1 ст. 334 УК РФ.

В связи с изложенным судебная коллегия по уголовным делам окружного военного суда кассационным определением приговор изменила, исключив указание об осуждении Б. за совершение пяти преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 334 УК РФ, и снизила размер наказания, назначенного по совокупности преступлений.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 335 УК РФ, не может быть военнослужащий, являющийся для потерпевшего начальником по воинскому званию

Согласно приговору Мурманского гарнизонного военного суда мичман К. признан виновным в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, сопряженном с насилием.

Данное преступление, как указано в приговоре, К. совершил при следующих обстоятельствах. Около 17 часов 45 минут 31 мая 2012 г. на контрольно-пропускном пункте части К., в ответ на нецензурное оскорбление со стороны помощника дежурного по КПП старшего матроса У., нанес последнему несколько ударов, причинив телесные повреждения, расценивающиеся как легкий вред здоровью.

Органами предварительного следствия действия К. были квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Мотивируя переквалификацию преступных действий К. на ч. 1 ст. 335 УК РФ, гарнизонный военный суд указал, что У., будучи помощником

дежурного по КПП, входил в состав суточного наряда и, в силу требований ст. 294 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, на время несения службы находился в исключительном подчинении дежурному по КПП, то есть был изъят из отношений подчиненности с военнослужащими по воинскому званию, в связи с чем на момент применения насилия К. для У. начальником не являлся.

Такой вывод суда первой инстанции Северный флотский военный суд признал ошибочным по следующему основанию.

В соответствии со ст. 36 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации мичманы по своему воинскому званию являются начальниками для матросов, проходящих с ними военную службу в одной воинской части. Таким образом, мичман К., проходящий военную службу в одной воинской части со старшим матросом У., являлся для него начальником по воинскому званию, то есть должностным лицом.

Ссылка в приговоре на нахождение У. в составе суточного наряда в качестве помощника дежурного по КПП, вопреки мнению суда первой инстанции, не свидетельствовала о его подчинении в это время только дежурному по КПП по всем вопросам, в том числе и по вопросам, не связанным с несением службы на КПП.

Статья 294 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, устанавливающая, что помощник дежурного по КПП подчиняется дежурному по КПП, не содержит указаний на то, что данная подчиненность является исключительной, упрядняющей на время несения службы в суточном наряде деление военнослужащих по воинскому званию на начальников и подчиненных, предусмотренное ст. 36 данного Устава.

В связи с неправильным применением уголовного закона, а также недостаточным исследованием обстоятельств дела флотский военный суд отменил приговор суда первой инстанции и направил уголовное дело на новое судебное разбирательство в тот же суд, но в ином составе суда.

Если содеянное осужденными квалифицировано по разным статьям УК РФ, они не могут быть признаны виновными в совершении преступления группой лиц

Курильским гарнизонным военным судом младший сержант М. и рядовой А. признаны виновными в том, что в спальном помещении казармы воинской части за то, что подчиненный М. рядовой С. отказался заступить в наряд и попросил разрешения посетить психолога воинской части, избил его.

Содеянное М. было квалифицировано по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, а А. – по п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, судебная коллегия по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда исключила из обвинения А. предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ квалифицирующий признак – совершение преступления группой лиц и переквалифицировала содеянное им на ч. 1 ст. 335 УК РФ, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора, а М. и А. осуждены за совершение разных преступлений.

Судебные решения изменены, поскольку, квалифицируя действия осужденного по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ и по ч. 1 ст. 335 УК РФ, суд в приговоре не описал состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 335 УК РФ, и не привел доказательства наличия данного состава преступления

По делу установлено, что А. 12 – 13 марта 2010 г., в вечернее время, в уединенном месте помещения казармы части в целях личного обогащения, угрожая избиением, потребовал от сослуживца Д. в ближайшее время передать ему 1 500 руб.

В дальнейшем, с этой же целью, под угрозой применения насилия А. требовал от потерпевшего передать ему часть указанной суммы 15 марта 2010 г. в дневное время в помещении солдатской столовой части; в этот же день, около 18 часов, в помещении сушилки казармы в ответ на отказ в передаче денег нанес Д. кулаком удар по лицу и два удара в грудь, после чего потерпевший, опасаясь дальнейшего избиения, передал А. 500 руб.; 24 – 25 марта 2010 г., около 15 часов, на территории части, зная о получении Д. денежного довольствия, А. потребовал от последнего 200 руб., которые потерпевший, опасаясь повторного избиения, через некоторое время передал

А.; 7 мая 2010 г., около 16 часов, в помещении казармы А. вновь потребовал от Д. передать ему 200 руб. в счет ранее требуемой им суммы и предупредил, что зайдет за деньгами вечером того же дня.

Действия А. были квалифицированы судом по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ и по ч. 1 ст. 335 УК РФ.

В кассационном порядке приговор оставлен без изменения, а кассационные жалобы защитника и осужденного – без удовлетворения.

Президиум Восточно-Сибирского окружного военного суда признал квалификацию действий осужденного по ч. 1 ст. 335 УК РФ излишней, поскольку суд, обоснованно указав на то, что умысел осужденного был направлен на изъятие чужого имущества, вообще не упомянул в приговоре, в чем заключались его действия, связанные с посягательством на установленный порядок воинских отношений, и не привел доказательств, свидетельствующих о том, что А. посягал на него.

В соответствии со ст. 331 УК РФ воинскими преступлениями могут быть признаны лишь преступные деяния, посягающие на порядок прохождения военной службы

По приговору Курского гарнизонного военного суда рядовой А. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 и ч. 3 ст. 335 УК РФ, к 5 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

А. признан виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека и повлекшего по неосторожности его смерть, а также в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, сопряженном с насилием и повлекшем тяжкие последствия, при следующих установленных судом обстоятельствах.

16 мая 2011 г., около 20 часов, в туалете казармы воинской части А., будучи недоволен тем, что рядовой П., с которым он не состоял в отношениях подчиненности, в ответ на его просьбу быстрее освободить кабинку с местом для отправления естественных надобностей показал ему руками оскорбляющий жест, применил к нему насилие – совершил бросок П. через спину с колена, в результате чего последний ударился головой о кафельный пол и получил закрытую черепно-мозговую травму – тяжелый вред здоровью, от которого потерпевший скончался на следующий день в госпитале.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, судебная коллегия Московского окружного военного суда нашла вывод суда о виновности А. в совершении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, правильным и основанным на имеющихся в деле доказательствах.

Вместе с тем, судебная коллегия пришла к выводу, что, давая юридическую оценку действиям осужденного по ч. 3 ст. 335 УК РФ, суд первой инстанции не учел того, что как подсудимый, так и потерпевший во время конфликта каких-либо служебных обязанностей не выполняли, конфликт произошел во время, отведенное для личных потребностей военнослужащих, в туалете казармы и был обусловлен личными, а не служебными взаимоотношениями и насилие осужденным было применено при обстоятельствах, которые не свидетельствовали о явном неуважении к воинскому коллективу.

Учитывая изложенное, судебная коллегия пришла к выводу, что в действиях А. отсутствует состав воинского преступления, и приговор изменила.

Неполнота судебного следствия и нарушение требований процессуального закона повлекли отмену приговора суда

Рядовой Д. был осужден Борзинским гарнизонным военным судом по ч. 3 ст. 335 УК РФ к 4 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Согласно приговору Д. был признан виновным в том, что 5 июня 2009 г., около 9 часов 30 минут, в помещении казармы части, проявляя недовольство тем, что сослуживец К. не полностью заполнил фляжку водой, нанес ему удар горловиной этой фляжки в левое подреберье сзади, причинив закрытую тупую травму живота с разрывом селезенки, повлекшую по признаку опасности для жизни тяжкий вред здоровью.

В кассационном порядке приговор оставлен без изменения.

Между тем, как усматривалось из материалов дела, осужденный не признавал себя виновным ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании и заявлял о своем алиби.

При таких обстоятельствах суд обязан был максимально полно исследовать другие доказательства и дать им мотивированную оценку в приговоре, однако этого сделано не было.

В основу приговора о виновности Д. суд положил показания потерпевшего К., данные им на предварительном следствии, однако, несмотря на их неспособительность и противоречивость (первоначально он заявлял о применении к нему насилия и другим военнослужащим, а также о том, что травму он получил в результате падения и удара левым боком о спинку кровати), они были исследованы судом с нарушением принципа непосредственности, предусмотренного ст. 240 УПК РФ, и не получили надлежащей оценки в приговоре.

Для оценки показаний потерпевшего его надлежало вызвать в суд и допросить по обстоятельствам дела, о чем неоднократно ходатайствовала сторона защиты, однако суд эти ходатайства отклонил, лишив участников процесса права задать потерпевшему необходимые вопросы для устранения сомнений в его показаниях.

Принимая решение об оглашении показаний потерпевшего, суд, кроме того, необоснованно признал причину неявки К. в судебное заседание уважительной, сославшись на невозможность установления его местонахождения со слов государственного обвинителя. Между тем данных о принятии судом надлежащих мер по установлению местонахождения К. и обеспечению его явки в судебное заседание в деле не имелось. Согласно письменным сообщениям при организации доставки К. в судебное заседание силами военной прокуратуры установить местонахождение его и лица, его сопровождавшего, не представилось возможным. Других мер по установлению местонахождения потерпевшего в установленном законом порядке судом не принималось.

При изложенных обстоятельствах окружной военный суд признал вывод суда об уважительности причины неявки потерпевшего в судебное заседание преждевременным и необоснованным.

Более того, в материалах дела, в нарушение ч. 4 ст. 231 УПК РФ, вообще отсутствовали данные об извещении потерпевшего о месте, дате и времени судебного заседания, что повлекло нарушение и его прав, предусмотренных ст. 42 УПК РФ.

Президиум Восточно-Сибирского окружного военного суда признал, что указанные нарушения уголовно-процессуального закона помешали суду всесторонне и полно исследовать обстоятельства дела и повлияли на постановление законного и обоснованного приговора, в связи с чем состоявшиеся по делу судебные решения отменил и дело направил на новое судебное рассмотрение.

Уголовная ответственность за преступления, предусмотренные гл. 33 УК РФ, возможна только при условии их совершения в период прохождения военной службы или военных сборов

Спасск-Дальним гарнизонным военным судом Г. был признан виновным в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, сопряженном с причинением потерпевшему средней тяжести вреда здоровью, то есть в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ.

Согласно приговору 19 мая 2010 г. Г., выражая недовольство тем, что равный с ним по должности и званию И. не вернул ему денежный долг, ударил его кулаком по лицу и по груди, причинив открытый оскольчатый перелом верхней челюсти слева и перелом нижней стенки глазницы со смещением отломков, то есть вред здоровью средней тяжести.

Вместе с тем, в суде установлено, что 18 мая 2010 г., то есть за сутки до совершенного преступления, Г. был уволен с военной службы.

Указанное обстоятельство само по себе, даже без учета мотива неправомерного поведения осужденного, свидетельствовало об отсутствии в инкриминируемых Г. действиях состава преступления против военной службы, в связи с чем флотский суд переквалифицировал содеянное Г. с п. «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ на ч. 1 ст. 112 УК РФ.

При наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела, суд в приговоре должен дать им оценку

Приговором Краснодарского гарнизонного военного суда рядовой запаса И. признан виновным в оскорблении начальника во время исполнения обязанностей воен-

ной службы и в связи с исполнением этих обязанностей, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 336 УК РФ, на основании которой, с применением ст. 64 УК РФ, осужден к штрафу в размере 20 000 руб.

Как установлено судом в приговоре, около 6 часов 10 минут 8 апреля 2009 г. в казарменном помещении И., будучи недовольным требованием дежурного по воинской части старшего лейтенанта Б. о выходе на утреннюю физическую зарядку, в нецензурной форме оскорбил последнего в присутствии других военнослужащих.

Изложенные в приговоре выводы о виновности И. в совершении инкриминируемых ему деяний суд обосновал показаниями свидетелей Ч., П. и В. о том, что требования офицера Б. были правомерными и какого-либо насилия он к И. не применял, И. же оскорбил Б. именно в связи с требовательностью последнего, а также показаниями потерпевшего Б., отрицавшего применение насилия к подчиненному.

На основании указанных доказательств, а также «частичного признания своей вины в содеянном» осужденного И., показавшего, что он мог допустить нецензурные высказывания в адрес Б. во время его избияния последним, суд первой инстанции постановил обвинительный приговор.

Вместе с тем, судом не принято во внимание то, что рассматриваемое им уголовное дело в отношении И. выделено в отдельное производство из расследуемого уголовного дела в отношении Б., возбужденного по признакам превышения должностных полномочий с применением насилия по отношению к подчиненному И., который признан потерпевшим по этому уголовному делу.

Как следует из протокола судебного заседания, судом установлено, что расследование уголовного дела в отношении Б. фактически окончено, ему предъявлено обвинение, и он ознакомлен с материалами уголовного дела.

Очевидно, что материалы данного уголовного дела, находящегося на стадии утверждения обвинительного заключения и направления в суд для рассмотрения по существу предъявленного Б. обвинения по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, содержат сведения, которые могли иметь существенное значение для рассмотрения уголовного дела в отношении И. и правильной оценки достоверности показаний осужденного И., потерпевшего Б. и свидетелей по делу.

Необходимость исследования указанных доказательств предусмотрена, в частности, пп. 2 и 4 постановления Пленума Верховного Суда Вооруженных Сил Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 г. № 7), согласно которым по делу должны быть исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены. При этом, суд вправе ссылаться в приговоре на показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, данные при производстве дознания, предварительного следствия или в ином судебном заседании, оглашенные в случаях, предусмотренных ст.ст. 276, 281 УПК РФ.

Однако судом этого сделано не было, вследствие чего постановленный в отношении И. приговор не может быть признан законным, обоснованным и справедливым.

При этом, из исследованных судом второй инстанции копии заключения судебного-медицинского эксперта, приложенной осужденным к кассационной жалобе, и постановления о признании И. потерпевшим от 6 мая 2009 г., представленного осужденным в суд второй инстанции, следует, что в результате его избияния старшим лейтенантом Б. около 6 часов 10 минут 8 апреля 2009 г. у него образовались телесные повреждения в виде ушиба мягких тканей затылочной области волосистой части головы, ссадин в области грудной клетки, шеи и голени, кровоподтеков в области передней поверхности грудной клетки и в области нижней трети левой голени, закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга – легкий вред здоровью.

Указанные доказательства не согласуются с показаниями потерпевшего Б. о том, что 8 апреля 2009 г. он И. не бил и каких-либо телесных повреждений 8 апреля 2009 г. у И. не было.

Учитывая, что сам Б. является обвиняемым по уголовному делу, тесно связанному с рассматриваемым, суду следовало дать надлежащую оценку его показаниям в суде. Вместо этого суд показания Б. положил в основу приговора, указав, что факт избияния им И. своего подтверждения исследованными доказательствами не нашел, а показания И. об этом являются попыткой уйти от ответственности.

Учитывая в силу ст. 90 УПК РФ преюдициальную силу приговора, следует признать, что в рамках рассмотрения уголовного дела в отношении И. суд, вопреки ст. 252 УПК РФ, вышел за пределы предъявленного И. обвинения и фактически установил невиновность Б., уголовное дело в отношении которого судом еще не рассмотрено.

В связи с изложенным кассационным определением судебной коллегии окружного военного суда приговор отменен и дело направлено на новое судебное разбирательство.

Необоснованный вывод суда о малозначительности содеянного подсудимыми после вынесения незаконного постановления о прекращении уголовного дела

Согласно постановлению Владивостокского гарнизонного военного суда рядовые П. и С. стали упрекать исполнявшего обязанности дневального рядового Л. в ненаведении порядка в подразделении. В ходе возникшего в связи с этим конфликта П. оттолкнул от себя Л. руками, а С. завел Л. руку за спину и удерживал его в таком положении до окончания конфликта.

Сославшись в постановлении на то, что указанные выше действия П. и С. были обусловлены нежеланием Л. наводить порядок в подразделении и его агрессивным поведением в связи со сделанным ему замечанием, суд пришел к выводу об отсутствии в действиях С. и П. в силу малозначительности содеянного ими состава вмененного им преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ, и на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело прекратил.

Однако вывод суда как о характере и мотиве неправомерных действий П. и С., так и о малозначительности содеянного ими не соответствовал фактическим обстоятельствам дела.

В суде было установлено, что П. и С., выражая недовольство отданным им старшиной подразделения приказанием об уборке казармы, стали принуждать Л. к выполнению порученной им работы. В связи с отказом Л. от выполнения их требований П. и С. заявили, что опустят его головой в унитаз. Именно с этой целью они заломили Л. руки и, несмотря на оказываемое потерпевшим сопротивление, пытались насильно затолкнуть его в туалет, но их неправомерные действия были при этом пресечены.

Рассмотрев данное дело по кассационному представлению прокурора, флотский военный суд в своем определении указал, что выводы гарнизонного суда в постановлении о прекращении дела в отношении П. и С. о характере содеянного подсудимыми не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, а сопряженные с фактическим насилием действия подсудимых, направленные на унижение чести и достоинства равного по званию и должности военнослужащего, были обусловлены очевидным стремлением подсудимых подчинить потерпевшего своему влиянию и заставить его выполнять их незаконные требования, что свидетельствовало о более высокой степени общественной опасности допущенных ими нарушений правил взаимоотношений между военнослужащими и не давало суду оснований для признания содеянного ими малозначительным и прекращения дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

По указанному основанию флотский военный суд постановление о прекращении дела в отношении П. и С. отменил, а дело направил на новое рассмотрение.

Неправильное определение объекта преступного посягательства привело к ошибочной переквалификации содеянного виновным со ст. 335 УК РФ на ст. 116 УК РФ

Владивостокский гарнизонный военный суд допустил ошибку при квалификации преступных действий виновного по делу Р.

Органами предварительного следствия Р. обвинялся в нанесении побоев равному с ним по воинскому званию и должности Х. за отказ последнего произвести уборку умывальной комнаты, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 335 УК РФ.

Суд первой инстанции переквалифицировал содеянное Р. на ч. 1 ст. 116 УК РФ и уголовное дело за примирением с потерпевшим прекратил.

Обосновывая переквалификацию действий Р. и прекращение дела, суд в постановлении указал, что причиной нанесения Р. побоев Х. явилось использование Х. в возникшем с Р. споре по поводу уборки бытового помещения оскорбительного для страдающего дефектом речи Р. слова «заика», а также то, что Р. принес Х. извинения и примирился с ним.

Однако вывод суда о причине избиения Р. потерпевшего не соответствовал фактическим обстоятельствам дела, установленным судом.

В частности, по делу было бесспорно установлено, что Р., не исполняя никаких обязанностей военной службы, предъявил к сменившемуся с наряда Х. явно надуманное и необоснованное требование произвести уборку умывальной комнаты. Проявляя недовольство отказом Х. и настаивая на своих требованиях, Р. стал выражаться в адрес Х. нецензурными словами, в ответ на которые Х. и назвал его заикой. Продолжая настаивать на своем требовании, Р. завел Х. в бытовую комнату, где и нанес ему побои.

Указанные обстоятельства бесспорно свидетельствуют о том, что действительно причиной насилия Р. над Х. явилось не поведение потерпевшего, связанное с употреблением им слова «заика», а стремление Р. подчинить Х. своему влиянию и принудить его таким образом к выполнению своего неправомерного требования, что объективно указывает на его виновность именно на установленный порядок взаимоотношений между военнослужащими, а поэтому содеянное Р. надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 335 УК РФ.

По кассационному представлению прокурора постановление о прекращении уголовного дела в отношении Р. Тихоокеанским флотским военным судом было отменено, а дело направлено на новое судебное рассмотрение.

При повторном рассмотрении дела Р. был осужден по ч. 1 ст. 335 УК РФ.

Приговор отменен и уголовное дело возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, поскольку ни в постановлении о привлечении к уголовной ответственности, ни в обвинительном заключении, ни в приговоре не указаны признаки объективной стороны состава преступления, позволяющие рассматривать содеянное как нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности

Новороссийским гарнизонным военным судом осуждены матросы запаса: М. по пп. «б», «в» и «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ к лишению свободы сроком на 2 года 6 месяцев в колонии-поселении; Р. по пп. «в» и «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ к лишению свободы сроком на 2 года в колонии-поселении; К. по пп. «б» и «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ к лишению свободы сроком на 1 год; а также Кос., Б., Г. и Д. по п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ к лишению свободы сроком на 6 месяцев каждый.

В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенные осужденным Б., Г., Д., Кос. и К. наказания постановлено считать условными с испытательным сроком 6 месяцев каждому.

Северо-Кавказский окружной военный суд приговор отменил и дело возвратил военному прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом по следующим основаниям.

В соответствии с п. 3 ч. 1 и ч. 3 ст. 299, а также п. 5 ст. 307 УПК РФ при постановлении приговора суд обязан в отношении каждого подсудимого разрешить вопросы о том, является ли инкриминированное ему деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено. При этом, описательно-мотивировочная часть приговора должна содержать обоснование принятых по этим вопросам решений.

Согласно ч. 1 ст. 335 УК РФ преступными признаются не любые нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, а лишь те, которые связаны с унижением чести и достоинства потерпевшего или с издевательствам над ним либо сопряжены с насилием. То же относится и к квалифицированным составам перечисленных деяний, предусмотренным ч. 2 ст. 335 УК РФ.

Таким образом, признание лица совершившим уголовное наказуемое нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности возможно лишь при наличии в его действиях как минимум одного из трех указанных выше признаков объективной стороны состава преступления.

В данном приговоре при квалификации содеянного осужденными по различным пунктам ч. 2 ст. 335 УК РФ суд не указал на наличие в их действиях ни одного из упомянутых признаков, то есть допустил нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее отмену приговора.

Не указано ни одного из этих признаков объективной стороны состава преступления, вопреки требованиям п. 4 ч. 1 ст. 220 УПК РФ, и не вменено осужденным и в

ходе предварительного следствия – соответствующие указания отсутствуют в формулировке предъявленного обвинения в постановлениях о привлечении их в качестве обвиняемых и в обвинительном заключении.

При таких обстоятельствах окружной военный суд признал, что и обвинительное заключение по данному делу составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения.

Необоснованное осуждение военнослужащего, исполнившего обязанности дежурного по столовой, то есть воинского должностного лица, за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности повлекло изменение приговора

Отделение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 211-Д12-12с по уголовному делу в отношении А. (извлечение)

По приговору Уссурийского гарнизонного военного суда от 14 мая 2010 г. А. был осужден по ч. 4 ст. 111 и ч. 3 ст. 335 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, и за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанное с унижением чести и достоинства потерпевшего и сопряженное с насилием, повлекшим тяжкие последствия. В кассационном порядке приговор не обжаловался.

Как указано в приговоре, в 1-м часу 7 февраля 2010 г. в столовой воинской части А., временно исполняя обязанности дежурного по столовой, будучи недовольным противоправным поведением своего сослуживца П., который, самовольно прибыв в столовую в состоянии алкогольного опьянения, нецензурно выражался в адрес рабочих по столовой, применил насилие к повару Ч. и угрожал применением насилия осужденному столовой вилкой, нанес П. деревянным кухонным инвентарем удар в затылочную область головы, причинив тупую травму головы с переломами костей свода и основания черепа, ушиб головного мозга, кровоизлияния под твердую и мягкую мозговые оболочки и другие телесные повреждения, расценивающиеся как тяжкий вред здоровью, опасный для жизни в момент причинения, от чего тот впоследствии скончался.

В надзорной жалобе А., указывая на применение к потерпевшему насилия в целях пресечения его противоправного поведения и отсутствие в связи с этим умысла на нарушение уставных правил взаимоотношений, просил исключить из приговора указание на осуждение по ч. 3 ст. 335 УК РФ и смягчить наказание.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы надзорной жалобы, Военная коллегия нашла приговор в отношении А. подлежащим изменению.

В суде установлено, что на время ночного отдыха дежурного по столовой сержанта К. обязанности дежурного по столовой были возложены на помощника дежурного по столовой младшего сержанта А.

Исполняя данные обязанности, А. применил насилие к младшему сержанту П. за то, что тот в состоянии алкогольного опьянения без разрешения прибыл в столовую, нецензурно выражался в адрес рабочих по столовой, избил повара Ч. и угрожал ему применением насилия.

Согласно ст. 308 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, дежурный по столовой обязан не допускать в столовую посторонних лиц.

Из изложенного следует, что применение осужденным насилия к П., что впоследствии привело к его смерти, было обусловлено поведением последнего, который без разрешения прибыл в столовую и совершил противоправные действия в отношении рабочих по столовой и самого А.

Данные обстоятельства, в свою очередь, свидетельствуют о возможном наличии в действиях А. признаков превышения должностных полномочий, совершенного с причинением тяжких последствий, а не о нарушении им уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.

При таких данных осуждение А. по ч. 3 ст. 335 УК РФ является необоснованным и подлежит исключению из обвинения.

На основании изложенного Военная коллегия приговор Уссурийского гарнизонного военного суда от 14 мая 2010 г. в отношении А. изменила, исключила из обвинения А. ч. 3 ст. 335 УК РФ и исключила из приговора указание на назначение А. наказания на основании ст. 69 УК РФ.

Кроме того, учитывая изменения, внесенные в УК РФ Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, и положения, изложенные в ст. 10 УК РФ, об обратной силе закона, смягчающего наказание, Военная коллегия действия А. по ч. 4 ст. 111 УК РФ переквалифицировала на эту же статью в новой редакции, по которой назначила наказание в соответствии с требованиями, предусмотренными ст. 60 УК РФ.

2. Уклонения от военной службы

Если лицо, совершившее дезертирство, не является с повинной или не было задержано, указанное преступление считается оконченным с момента отпадения у этого лица обязанностей по прохождению военной службы, в частности, достижения им возраста, который является предельным для пребывания на военной службе

Рядовой Н. был осужден Владивостокским гарнизонным военным судом по ч. 1 ст. 338 УК РФ за то, что, будучи призван на военную службу, 15 августа 2001 г. с целью уклониться от ее прохождения самовольно оставил воинскую часть и стал проживать в г. Владивостоке, скрывая свою принадлежность к Вооруженным Силам Российской Федерации. 10 апреля 2012 г. Н. прибыл в военный следственный отдел Следственного комитета Российской Федерации по гарнизону Владивосток и заявил о себе.

Изменяя приговор в кассационном порядке, судебная коллегия Тихоокеанского флотского военного суда указала следующее.

Согласно приговору Н. признан виновным в уклонении от прохождения военной службы с 15 августа 2001 г. по 10 апреля 2012 г.

Между тем в соответствии с п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» преступление, предусмотренное ст. 338 УК РФ, является длящимся. В случае если лицо не явилось с повинной или не было задержано, указанное преступление считается оконченным вследствие отпадения у него обязанностей по прохождению военной службы. Таким моментом следует считать достижение лицом возраста, который является предельным для пребывания на военной службе.

В соответствии с п. 1 ст. 22 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет.

Согласно ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» срок военной службы по призыву до 1 января 2007 г. составлял 24 месяца.

Таким образом, дезертирство Н. как военнослужащего, призванного на военную службу до 1 января 2007 г., должно считаться окончившимся с момента достижения им возраста 29 лет, то есть с 28 августа 2011 г., а не со дня его явки в военный следственный отдел 10 апреля 2012 г.

В связи с изложенным судебная коллегия флотского военного суда исключила из приговора указание о неправомерном нахождении Н. вне части с 28 августа 2011 г. по 10 апреля 2012 г. и снизила назначенное осужденному наказание до 2 лет лишения свободы.

В соответствии со ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана. В связи с этим судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены

По приговору Махачкалинского гарнизонного военного суда от 13 июля 2010 г. мичман Ф. был признан виновным в неявке в срок без уважительных причин на службу продолжительность свыше одного месяца и осужден по ч. 4 ст. 337 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год.

Как признал установленным суд, 1 октября 2009 г. Ф. с целью временно уклониться от военной службы и отдохнуть не прибыл к месту службы – на пограничную заставу в н. п. Суюткино Кизлярского района Республики Дагестан. До 15 декабря

того же года он проживал в г. Махачкале, проводя время по своему усмотрению, и эпизодически непродолжительно появлялся на пограничной заставе, не приступая к исполнению обязанностей военной службы.

В основу вывода о виновности Ф. в уклонении от военной службы суд положил показания свидетелей М., К., Х., А., Н., Р. и Мих. о том, что в период с 1 октября по 15 декабря 2009 г. Ф. на закрепленном за ним участке каких-либо мероприятий по охране водных биоресурсов не выполнял, несколько раз прибывал за заставу, однако к исполнению обязанностей по военной службе не приступал, в качестве дежурного инспектора на службу не заступал.

Между тем свидетель М. в судебном заседании показал, что в указанный период выезжал с Ф. на охрану участка границы.

Свидетели А., К. и Н. – государственные инспекторы морской охраны показали, что постоянно не находились на пограничной заставе Суюткино, их работа заключалась в несении дежурств, после которых предоставлялись дни отдыха, поэтому Ф. они постоянно видеть на заставе возможности не имели, в отношениях подчиненности с ним не состояли.

Свидетель К., бывший начальник организационно-планового отделения государственной морской инспекции (далее – ГМИ), показал, что с октября 2009 г. часто встречал Ф. в управлении ГМИ, где ему ставились служебные задачи, которые он выполнял. Ф. также нес службу в суточных нарядах дежурным по КПП. Свидетель С. показал, что в ноябре 2009 г. в управлении ГМИ он обращался к Ф. за помощью по ремонту компьютера. Об этих же обстоятельствах показал свидетель К.

Суд хотя и привел в приговоре показания указанных свидетелей, должной оценки им не дал, ограничившись использованием их показаний для признания необоснованной части предъявленного Ф. обвинения в уклонении от военной службы в период с 21 июня по 1 октября 2009 г.

Не дал суд первой инстанции оценки и обстоятельствам регулярного прибытия осужденного в другой населенный пункт, расположенный на значительном удалении от места жительства, за планами-заданиями, за которые он расписывался в журнале и отчитывался о проделанной работе, не вызывавшей нареканий у прямых начальников в данный период времени.

Суд также дал одностороннюю оценку рапортам Ф. на планах-заданиях в период с октября по 15 декабря 2009 г., расценив их формальными. Однако начальник Тарумовской ГМИ пограничного управления ФСБ России по Республике Дагестан Сок., которому были адресованы доклады Ф., письменных замечаний по ним не имел, в судебное заседание не прибыл, дважды сославшись на занятость по службе. Суд не обеспечил явку свидетеля Сок. в суд, а на заседания суда 11 и 12 июня 2010 г. даже не вызывал его, ограничившись оглашением протокола его допроса на предварительном следствии, в ходе которого не выяснялись такие важные обстоятельства, как прибытие Ф. на службу, его отношение к выполнению служебных обязанностей, получение планов-заданий и отчетность по ним. С учетом этого, а также служебного положения Сок. по отношению к осужденному, которому он 23 декабря 2009 г. дал исключительно положительную характеристику по службе, допрос указанного свидетеля в суде являлся необходимым, а его показания имели существенное значение для разрешения вопроса о виновности Ф.

Поскольку приведенные обстоятельства повлияли на вывод о виновности осужденного в содеянном, президиум Северо-Кавказского окружного военного суда 27 ноября 2012 г. приговор отменил и уголовное дело в отношении Ф. передал на новое судебное разбирательство.

В случае если лицо не явилось с повинной или не было задержано, срок уклонения от прохождения военной службы при дезертирстве считается оконченным при достижении им возраста, после наступления которого обязанность по прохождению военной службы ни при каких обстоятельствах на него не может быть возложена

Краснодарским гарнизонным военным судом рядовой К. был осужден 7 апреля 2011 г. по ч. 1 ст. 338 УК РФ к лишению свободы сроком на 2 года 6 месяцев в исправительной колонии общего режима.

Как признал установленным суд первой инстанции, 10 февраля 2003 г. К. с целью вовсе уклониться от прохождения военной службы самовольно оставил воинскую часть и стал проживать в п. Садовый Куцевского района Краснодарского края, проводя время по своему усмотрению.

26 января 2011 г. К. добровольно заявил о себе в военный комиссариат и его уклонение от военной службы было пресечено.

В соответствии с п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» преступление, предусмотренное ст. 338 УК РФ, является длящимся. В случае если лицо не явилось с повинной или не было задержано, дезертирство оканчивается вследствие отпадения у лица обязанностей по прохождению военной службы. Таким моментом следует считать достижение лицом возраста, после наступления которого указанные обязанности ни при каких обстоятельствах на него не могут быть возложены.

Согласно ст. 38 Федерального закона «О воинских обязанностях и военной службе» срок военной службы по призыву до 1 января 2007 г. составлял 24 месяца.

Таким образом, дезертирство для К. как военнослужащего, призванного до 1 января 2007 г., следует считать окончившимся с момента достижения им возраста 29 лет, то есть с 1 ноября 2010 г.

В связи с изложенным судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда, рассмотрев дело в кассационном порядке, исключила из приговора указание о незаконном нахождении К. вне части с 1 ноября 2010 г. по 26 января 2011 г. и уменьшила ему срок наказания.

Побег военнослужащего из-под ареста, избранного ему в качестве меры пресечения в связи с предъявленным органом следствия обвинением в совершении преступления, подлежащий квалификации только по ст. 313 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 337 и ст. 338 УК РФ не требует

Фокинским гарнизонным военным судом Л., наряду с побегом из-под стражи, был осужден за дезертирство по ч. 1 ст. 338 УК РФ.

Согласно материалам дела 16 мая 1991 г. в отношении обвиняемого Л. с санкции военного прокурора гарнизона была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу с содержанием в следственном изоляторе, а с 6 июня 1991 г. он был переведен для содержания под стражей на гарнизонную гауптвахту.

Таким образом, с 16 мая 1991 г. Л. в связи с заключением его под стражу в качестве меры процессуального принуждения был исключен из сферы воинских правоотношений, а поэтому его побег с гауптвахты 26 июня 1991 г. содержал только состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 313 УК РФ, и дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 338 УК РФ не требовал.

В связи с изложенным флотский суд приговор в части осуждения Л. по ч. 1 ст. 338 УК РФ отменил, а дело в этой части прекратил за отсутствием в его действиях состава этого преступления.

Неправильная оценка конкретных обстоятельств дела повлекла за собой ошибочную квалификацию содеянного осужденным по ч. 1 ст. 338 УК РФ

По приговору Иркутского гарнизонного военного суда М. осужден по ч. 1 ст. 338 УК РФ к лишению свободы на срок 2 года в исправительной колонии общего режима.

Преступление, как указано в приговоре, совершено при следующих обстоятельствах.

Не желая проходить военную службу по контракту, М. 12 мая 2008 г. не явился на службу в воинскую часть и убыл к месту жительства родственников, где стал проживать, устроившись на работу.

20 июля 2008 г. М. явился в военный комиссариат.

Принимая решение о квалификации действий осужденного именно по ч. 1 ст. 338 УК РФ, гарнизонный военный суд исходил из показаний подсудимого о том, что он в связи с нежеланием дальнейшего прохождения военной службы 12 мая 2008 г. не явился на службу. После этого он убыл к месту жительства родственников, где стал проживать, устроившись на работу. Суд пришел к выводу, что данные утверждения подсудимого объективно подтверждаются тем, что в период с 12 мая по 20 июля 2008 г. он сам лично в органы военного управления и государственной власти по поводу дальнейшего прохождения военной службы не обращался, а явился в военкомат лишь по вызову. Кроме того, о своем нежелании проходить военную службу подсудимый сообщил своему брату.

Между тем указанные доказательства с достоверностью не свидетельствуют об умысле М. вовсе уклониться от прохождения военной службы, то есть о совершении им дезертирства.

Так, из исследованной в суде копии контракта усматривается, что осужденный 12 декабря 2007 г. заключил контракт о прохождении военной службы. До подписания контракта М. с июля 2006 г. проходил военную службу по призыву.

Кроме того, М. при допросе 7 апреля 2009 г. в качестве подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 337 УК РФ, последовательно показывал, что причиной неявки на службу послужил факт избития его в г. Борзе неизвестными гражданскими лицами, которые отобрали у него деньги и сотовый телефон. В связи с этим он написал рапорт об увольнении с военной службы и 12 мая 2008 г. уехал к месту проживания родственников, где, предполагая, что его уволят с военной службы, устроился на работу. После того как 19 июля 2009 г. работник военного комиссариата сообщил М., что его разыскивают как военнослужащего, самовольно оставившего воинскую часть, он на следующий день явился в военный комиссариат района, а затем по предписанию военного комиссара убыл в военный следственный отдел по Иркутскому гарнизону. После этого М. продолжил военную службу, будучи прикомандированным к одной из воинских частей гарнизона. При этом, он свою вину в совершении инкриминируемого деяния признал полностью.

Из материалов дела видно, что уголовное дело в отношении М. было возбуждено только 12 декабря 2008 г., то есть по прошествии семи месяцев со дня неявки его на службу. К указанному времени прошло почти пять месяцев со дня добровольной явки осужденного в военный комиссариат (20 июля 2009 г.) и окончания его уклонения от военной службы.

Данное обстоятельство подтверждает, что М. действительно полагал, о чем он заявлял последовательно в ходе всего производства по делу, что его досрочно уволят с военной службы по контракту. По этой же причине он устроился на работу по месту проживания родственников.

Также материалами дела подтверждено и установлено в суде, что М. после прибытия к месту проживания родственников не предпринимал попыток скрыться от представителей власти. Кроме того, ни органами предварительного следствия, ни судом первой инстанции довод М. о том, что он написал рапорт о досрочном увольнении с военной службы, который отдал своему непосредственному командиру, не опровергнут.

Более того, в материалах дела имеется постановление следователя военного следственного отдела по Иркутскому гарнизону о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела по факту нападения на М. в г. Борзе в целях хищения его имущества, совершенного с применением насилия, со стороны неизвестных гражданских лиц. Данное постановление направлено начальнику отдела внутренних дел для принятия решения, предусмотренного ст. 145 УПК РФ.

При постановлении приговора суд не дал оценку всем рассмотренным в судебном заседании доказательствам, как подтверждающим выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, так и противоречащим этим выводам.

С учетом установленных по делу обстоятельств суд кассационной инстанции переквалифицировал содеянное осужденным с ч. 1 ст. 338 УК РФ на ч. 4 ст. 337 УК РФ.

Приговор отменен, а дело направлено на новое судебное разбирательство в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела

Пензенским гарнизонным военным судом прапорщик К. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 338 УК РФ, в связи с отсутствием состава данного преступления.

Органами предварительного следствия К. обвинялся в том, что он в целях уклонения от прохождения военной службы 24 августа 2008 г. совершил неявку в установленный регламентом служебного времени срок к 8 часам 30 минутам в войсковую часть 3473, дислоцированную в г. Заречном Пензенской области.

В период уклонения от военной службы К. проводил время праздно, по своему усмотрению, в правоохранительные органы о себе не заявлял, попыток прекратить уклонение от исполнения обязанностей военной службы не предпринимал, в органы военного управления не обращался, занимался различными подработками, тем самым реализовывая преступный умысел, направленный на дезертирство.

1 апреля 2009 г. в ходе проведения надзорных мероприятий органами военной прокуратуры местонахождение К. было установлено, он вызван для установления обстоятельств его уклонения от военной службы, опрошен, после чего прибыл в войсковую часть 3473 и приступил к исполнению служебных обязанностей.

Рассмотрев дело по кассационному представлению государственного обвинителя, судебная коллегия по уголовным делам Приволжского окружного военного суда пришла к выводу о необходимости отмены приговора в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, указав в обоснование этого следующее.

Как следовало из приговора, в основу своего решения об отсутствии в действиях К. состава преступления суд первой инстанции положил показания подсудимого, который, не признавая себя виновным в совершении инкриминированного ему деяния, пояснял, что после подачи рапорта об увольнении с военной службы на основании устного приказа командира 3-й войсковой комендатуры он был отстранен от несения боевого дежурства, при этом каких-либо иных обязанностей командованием на него возложено не было. При этом, К. периодически по первому требованию командира и по своей инициативе прибывал в подразделение, где интересовался своим увольнением, с ним проводились беседы и он выполнял отдельные служебные поручения, после чего с разрешения командира убывал домой. С апреля 2009 г. по указанию командира К. прибывал на службу ежедневно до 12 мая 2009 г., когда был исключен из списков личного состава части в связи с увольнением с военной службы.

Кроме того, суд сослался на неправильное указание в обвинительном заключении местонахождения К. в период уклонения от военной службы, поскольку тот проживал не в г. Пензе, как это указали органы предварительного следствия, а по месту дислокации войсковой части 3473 в закрытом территориальном образовании в г. Заречном Пензенской области, территорию которого не покидал, и о его местонахождении знал командир, который, подтвердив названное обстоятельство, в суде пояснил, что К. были предоставлены дни отдыха за несение службы в карауле, а после этого он был отстранен от несения караульной службы в связи с подачей рапорта на увольнение, однако периодически прибывал в подразделение.

С учетом изложенного суд первой инстанции указал, что К., изъявивший желание уволиться с военной службы, был отстранен от несения караульной службы, непосредственно входившей в его функциональные обязанности, без возложения на него каких-либо иных обязанностей, находился вне части с разрешения своего прямого начальника, при этом затянущаяся процедура увольнения военнослужащего с военной службы, по мнению суда, не могла быть расценена как уклонение от прохождения военной службы вовсе.

Однако данный вывод суда первой инстанции, как отметила судебная коллегия, не соответствует фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

Поскольку с 1 апреля 2009 г. по день исключения из списков личного состава части 12 мая 2009 г. К. ежедневно прибывал на службу и исполнял служебные обязанности, суд первой инстанции пришел к правильному выводу об отсутствии у него умысла на уклонение от прохождения военной службы вовсе и обоснованно не усмотрел в его действиях состава дезертирства.

Вместе с тем, из показаний свидетелей, на которые обращалось внимание в кассационном представлении, следует, что ни командир, на которого ссылался в обоснование своей позиции К., ни другие должностные лица войсковой части не давали ему разрешения вовсе не выходить на службу, а напротив, требовали от него соблюдения регламента служебного времени.

Между тем судом первой инстанции не дана надлежащая оценка как данным показаниям, так и продолжительности временного уклонения К. от военной службы в промежутках между документально подтвержденными датами его прибытия в войсковую часть, в том числе с учетом имеющихся в деле, но не исследованных в судебном заседании ведомостей, подтверждающих выдачу ему денежного довольствия, с точки зрения наличия в действиях подсудимого состава иного уголовно наказуемого деяния.

С учетом изложенного судебная коллегия отменила приговор, направив дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

При новом рассмотрении дела К. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 337 УК РФ, к условной мере наказания.

Оправдательный приговор отменен в связи с неправильным определением правового статуса военнослужащего

Согласно обвинительному заключению Л. обвинялся в том, что, являясь военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, с целью временно уклониться от военной службы 12 марта 2008 г. не явился без уважительных причин на службу в воинскую часть, а убыл к прежнему месту жительства, где проводил время по своему усмотрению.

30 мая 2008 г. Л. добровольно явился в военкомат и сообщил о случившемся.

Смоленским гарнизонным военным судом Л. по обвинению в совершении неявки в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше одного месяца, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 337 УК РФ, был оправдан в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

В обоснование оправдания суд первой инстанции положил то, что Л. незаконно призван на военную службу, поскольку имел на момент призыва право на отсрочку в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Между тем, как усматривалось из материалов дела, Л. проходил военную службу по призыву с 21 июня 2006 г. по 25 января 2007 г., а с 26 января 2007 г. проходил службу по контракту. С этого времени он находился в ином, отличном от военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, качестве и не только обладал всеми правами и льготами, предусмотренными для данной категории военнослужащих, но и на него возлагались обязанности военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, за неисполнение которых он мог быть привлечен к уголовной ответственности.

Указанному обстоятельству гарнизонный военный суд какой-либо оценки не дал.

В связи с изложенным приговор в отношении Л. судебной коллегией по уголовным делам Московского окружного военного суда в кассационном порядке был отменен и дело направлено на новое судебное разбирательство.

При новом рассмотрении дела Л. был осужден по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 337 УК РФ.

Самовольное оставление части военнослужащим, не имеющим намерения вовсе уклониться от военной службы, не может квалифицироваться как дезертирство

Приговором Барнаульского гарнизонного военного суда П. осужден по ч. 1 ст. 338 УК РФ.

Как указано в приговоре, дезертирство П. совершено в период с 25 января 2007 г. по 29 января 2009 г.

Рассмотрев материалы дела в кассационном порядке, окружной военный суд пришел к выводу, что юридическая оценка содеянного осужденным нуждается в корректровке.

При дезертирстве виновное лицо имеет цель вовсе уклониться от исполнения обязанностей военной службы.

Оставление воинской части с указанной целью, вмененное в вину П., исследованными доказательствами по делу в полной мере не подтверждено.

Как усматривалось из показаний самого осужденного и свидетелей, П. в октябре 2006 г. в установленном порядке подал рапорт о досрочном увольнении с военной службы по личным обстоятельствам и по нему командование инициировало вопрос такого увольнения.

Незаконно не выходя на службу с 25 января 2007 г., П., по его пояснениям, ожидал решения вопроса о его увольнении, проживая по месту, известному командованию части, о чем свидетельствует то, что офицер Х. в апреле 2007 г. разыскал его. При этом, П. по предложению Х. оформил ряд документов, необходимых для досрочного увольнения с военной службы уже по несоблюдению с его стороны условий контракта, подписав при этом лист беседы о предстоящем увольнении.

При таких обстоятельствах утверждение осужденного о неоднократном возбуждении им процесса своего увольнения с военной службы, каждый раз поддержанного командованием части, исследованными в судебном заседании доказательствами не опровергнуто.

Уклоняясь от исполнения обязанностей военной службы, П. рассчитывал на увольнение с военной службы, что свидетельствует об умысле виновного лишь на временное уклонение от военной службы.

Об умысле на дезертирство могут свидетельствовать такие обстоятельства, как приобретение или изготовление лицом подложных документов, удостоверяющих личность либо свидетельствующих о том, что гражданин выслужил установленный законом срок военной службы, предпринимаемые попытки для сокрытия места своего пребывания и т. п.

Доказательств этого в отношении П. по уголовному делу не имелось.

В связи с изложенным суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что уклонение П. от военной службы изначально носило временный характер, содеянное им переквалифицировал с ч. 1 ст. 338 УК РФ на ч. 4 ст. 337 УК РФ и снизил назначенное осужденному наказание.

Суд не принял во внимание обстоятельства, свидетельствующие о наличии у военнослужащего законных оснований для освобождения от исполнения обязанностей военной службы, в связи с чем необоснованно осудил его за уклонение от военной службы

Приговором 94-го гарнизонного военного суда С. был осужден по ч. 3 ст. 337 УК РФ к 1 году ограничения по военной службе с удержанием 5 % из денежного довольствия в доход государства за неявку в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше 10 суток, но не более одного месяца.

Как указано в приговоре суда первой инстанции, С. признан виновным в том, что уклонялся от исполнения служебных обязанностей в период с 11 по 22 января 2009 г.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, окружной военный суд признал, что такой вывод делать преждевременно, поскольку при судебном разбирательстве надлежащим образом не были исследованы существенные для принятия правильного решения обстоятельства, а доводы виновного не получили в приговоре надлежащей оценки.

Так, в материалах дела имелись объективные данные, указывающие на заболевание виновного и нахождение его в отпуске.

До 16 января 2009 г. С. был болен и объективно исполнять свои служебные обязанности не мог. 16 января он был на службе и исполнял свои обязанности начальника стоматологического кабинета, а также решал с начальником госпиталя вопросы своего отпуска, начало которого – 19 января 2009 г. было согласовано с командованием при подаче рапорта и соответствовало ранее утвержденному графику отпусков. Помимо этого, 17 и 18 января 2009 г. являлись выходными днями.

Однако данные важные обстоятельства судом надлежащим образом не исследовались и должной оценки в приговоре не получили.

Ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, приговор был отменен, а дело направлено на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции в ином составе суда.

При новом рассмотрении дела постановлен приговор, согласно которому С. оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 337 УК РФ.

Невыяснение судом достоверности доказательств, указывающих на уважительность причин отсутствия осужденного на службе, повлекло направление дела на новое рассмотрение

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2009 г. № 6н-0335/09 по уголовному делу в отношении Р. (извлечение)

По приговору Черняховского гарнизонного военного суда от 12 ноября 2008 г. майор запаса Р. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 337 УК РФ, выразившегося в неявке в срок без уважительных причин на службу с 21 декабря 2007 г. по 19 марта 2008 г. и с 21 марта по 11 апреля 2008 г.

Кассационным определением Балтийского флотского военного суда от 23 декабря 2008 г. приговор отменен в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела и нарушением норм процессуального права и дело направлено на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Постановлением президиума Балтийского флотского военного суда от 18 февраля 2009 г. указанное кассационное определение было отменено и дело направлено на новое кассационное рассмотрение, по результатам которого 12 марта 2009 г. приговор гарнизонного военного суда был изменен: действия Р., выразившиеся в неявке на службу

без уважительных причин с 21 марта по 11 апреля 2008 г., переквалифицированы с ч. 4 на ч. 3 ст. 337 УК РФ. По ч. 4 ст. 337 УК РФ, то есть неявка в срок без уважительных причин на службу с 21 декабря 2007 г. по 19 марта 2008 г., Р. снижено наказание.

Р. признан виновным и осужден за неявку в срок без уважительных причин на службу с 21 декабря 2007 г. по 19 марта 2008 г., то есть продолжительностью более месяца, и с 21 марта по 11 апреля 2008 г., то есть продолжительностью свыше 10 суток, но не более одного месяца.

Военная коллегия, рассмотрев материалы дела и обсудив доводы надзорной жалобы осужденного, постановление президиума и кассационное определение Балтийского флотского военного суда от 12 марта 2009 г. в отношении Р. отменила, оставив в силе кассационное определение флотского военного суда от 23 декабря 2008 г. об отмене приговора Черняховского гарнизонного военного суда и направлении дела на новое судебное разбирательство по следующим основаниям.

В суде установлено, что Р. приказом командующего береговыми войсками – заместителя командующего Балтийским флотом с 1 декабря 2006 г. зачислен в распоряжение командира воинской части в связи с сокращением занимаемой им должности психолога с последующим увольнением в запас после предоставления жилья.

По истечении шести месяцев – предельно допустимого ч. 2 ст. 13 Положения о порядке прохождения военной службы срока нахождения в распоряжении командира (начальника) – жилое помещение Р. не предоставили и в запас он уволен не был, в связи с чем командир части разрешил ему в служебное время заниматься решением жилищного вопроса, в том числе добиваться восстановления своих прав через суд. Договор социального найма жилого помещения федеральным государственным учреждением «Управление Балтийского флота» с Р. был заключен 9 июня 2008 г., после чего приказом командующего Балтийским флотом от 18 августа 2008 г. тот был уволен в запас и приказом командира воинской части от 29 августа 2008 г. исключен из списков личного состава воинской части.

Указанные обстоятельства, помимо последовательных показаний осужденного, подтверждаются показаниями свидетелей, исследованными в суде письменными документами, из которых также усматривается, что Р. обращался по вопросу обеспечения жильем и защиты жилищных прав в морскую инженерную службу Балтийского флота, прокуратуру и суд, а 21 февраля, 20 марта и 11 апреля 2008 г. участвовал в связи с этим в судебных заседаниях.

Данные доказательства имеют существенное значение для выводов суда, поскольку они указывают на отсутствие осужденного на службе по уважительным причинам, обусловленным как разрешением на это командования, так и объективно существовавшей неблагоприятной жизненной ситуацией вследствие длительного непредоставления жилья и уменьшения денежного довольствия в период нахождения в распоряжении командира сверх допустимых сроков.

Между тем суд не только не дал оценку приведенным выше фактическим данным на предмет их относимости и достоверности, но и при наличии противоречивых доказательств не указал в приговоре, по каким основаниям принял одни из этих доказательств и отверг другие.

Кроме того, при постановлении приговора суд не учел обстоятельства, которые могли существенно повлиять на его выводы.

Придя к выводу на основании показаний свидетелей о том, что Р. отсутствовал на службе без уважительных причин с 21 декабря 2007 г. по 11 апреля 2008 г., а в период нахождения в воинской части к исполнению служебных обязанностей не приступал, суд оставил без внимания другие их показания, указывающие на регулярное прибытие осужденного в этот период в воинскую часть и исполнение им общих обязанностей военнослужащего.

Сам Р. показал в суде, и это ничем не опровергнуто, что во время нахождения в части он с разрешения командира решал вопрос по обеспечению жильем, готовился к судебным заседаниям и формировал архив психологических данных военнослужащих.

Все вышеизложенные обстоятельства являются юридически значимыми и могут существенно повлиять на выводы суда. Поэтому их учет являлся для суда обязательным.

На необходимость выяснения противоречий в показаниях свидетелей и принятия мер к устранению этих противоречий с последующей оценкой полученных доказа-

тельств 23 сентября 2008 г. указал суд кассационной инстанции при отмене приговора суда от 22 августа 2008 г. Однако эти указания в нарушение ч. 6 ст. 388 УПК РФ при новом рассмотрении дела судом были выполнены не в полной мере.

Примечание: после отмены приговора в кассационном порядке при новом рассмотрении уголовного дела обвинение Р. в самовольном оставлении части в период с 21 декабря 2007 г. по 11 марта 2008 г. судом признано необоснованным, а от наказания, назначенного за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 337 УК РФ, он освобожден на основании ст. 80.1 УК РФ в связи с изменением обстановки (приговор Черняховского гарнизонного военного суда от 29 марта 2010 г.).

Заключение военно-врачебной комиссии о годности обвиняемого к военной службе подлежит всесторонней проверке и оценке наряду с другими данными о состоянии его здоровья

35-м гарнизонным военным судом рядовой К., проходивший военную службу по призыву, был признан виновным в неявке в срок без уважительных причин на службу из предоставленного ему отпуска по болезни продолжительностью свыше одного месяца и осужден по ч. 4 ст. 337 УК РФ к содержанию в дисциплинарной воинской части сроком на 9 месяцев.

Рассмотрев данное дело в кассационном порядке, Тихоокеанский флотский военный суд приговор в отношении К. отменил, а дело направил на новое судебное рассмотрение, поскольку суд первой инстанции, принимая решение о его виновности в совершении воинского преступления, достоверно не установил такие существенные обстоятельства, как данные о состоянии здоровья осужденного и его годности к военной службе.

В основу приговора суд положил заключение военно-врачебной комиссии о годности К. к военной службе без каких-либо ограничений, данное на предварительном следствии, несмотря на то, что освидетельствование К. было проведено с грубым нарушением Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2003 г. № 123.

В частности, из показаний председателя военно-врачебной комиссии следовало, что на освидетельствование К. был представлен следственными органами без медицинских документов, а само освидетельствование проведено без каких-либо объективных обследований и анализов, только по результатам амбулаторного осмотра специалистами.

Между тем согласно имеющимся в деле документам после призыва на военную службу в ноябре 2007 г. К. в связи с тяжелой формой пневмонии в январе-феврале 2008 г. находился на стационарном лечении в госпитале. После выписки он нуждался в отпуске по болезни, однако отпуск предоставлен ему не был.

В феврале-марте 2008 г. К. вновь находился на стационарном лечении, однако данных о степени годности его к военной службе после окончания лечения в материалах дела не имелось.

Находясь в отпуске по болезни, К. в третий раз менее чем за полгода военной службы был помещен на стационарное лечение в военный госпиталь уже с диагнозом «вертеброгенная таракология», однако никаких данных о результатах и последствиях этого лечения в материалах дела также не имелось.

Допрошенная на предварительном следствии и в судебном заседании свидетель К. (мать подсудимого) заявляла о том, что до призыва на военную службу К. также неоднократно лечился как стационарно, так и амбулаторно в связи со сложным переломом плеча, ушибом головы и по другим причинам. Однако эти ее показания не проверялись, места и основания лечения не устанавливались, а медицинские документы не истребовались и не исследовались.

При таких обстоятельствах, ставящих под сомнение годность К. к военной службе по состоянию здоровья и, как следствие этого, обоснованность привлечения его к уголовной ответственности за уклонение от военной службы, необходимо было истребовать из учреждений, где К. находился на излечении, истории его болезней и провести, как этого требуют положения пп. 126 и 130 приказа министра обороны Российской Федерации от 20 августа 2003 г. № 200 «О порядке проведения военно-врачебной экспертизы в Вооруженных Силах Российской Федерации», надлежащее обследование К.

Однако суд в основу своего вывода о годности К. к военной службе положил противоречащее объективно установленным данным заключение военно-врачебной комиссии, данное на предварительном следствии.

3. Преступления против порядка несения специальных видов военной службы

Превышение должностных полномочий лицом, входящим в состав караула (разводящим), выразившееся в нарушении специальных уставных правил караульной службы и повлекшее причинение вреда охраняемому караулом объекту, должно квалифицироваться по ст. 342 УК РФ, а не по ст. 286 УК РФ

По приговору 109-го гарнизонного военного суда сержант К. был осужден по ч. 1 ст. 286 УК РФ за то, что он, являясь разводящим, отдал заведомо незаконный приказ часовому поста Ф. о допуске на территорию воинского склада двух неизвестных граждан, которые совершили хищение имущества на общую сумму 34 420 руб., что повлекло за собой существенное нарушение прав и законных интересов воинской части, охраняемых законом интересов общества и государства, нанесение урона делу укрепления воинской дисциплины, воинским правоотношениям и авторитету власти.

За указанные действия К. было назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы в колонии-поселении.

Президиум окружного военного суда пришел к выводу об ошибочной квалификации содеянного К., указав в надзорном постановлении следующее.

В соответствии с требованиями ст.ст. 196, 198, 205, 207 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации взаимоотношения между разводящим и караульным регулируются нормами указанного нормативного правового акта, то есть специальными нормами.

Согласно названному Уставу наряд караулов производится на основании расписания караулов, одновременно для каждого караула составляются схема расположения постов, табель постам, инструкция начальнику караула и иные нормативные акты в виде инструкций, приказов и распоряжений. В них указываются границы постов и запретных зон для каждого конкретного караула, что подлежит охране и обороне на каждом посту, особые обязанности часового с учетом конкретных условий несения службы на посту и т. п.

Таким образом, нарушение правил, изложенных в указанных инструкциях, табелях, схемах и т. п., изданных в развитие уставных правил караульной службы, является уголовно наказуемым в соответствии со ст. 342 УК РФ.

Следовательно, совершенные К. действия, в результате которых на охраняемый караулом объект проникли неизвестные лица, что повлекло за собой причинение вреда этому объекту, должны быть переквалифицированы со ст. 286, ч. 1, УК РФ на ст. 342, ч. 1, УК РФ. Поскольку фактические обстоятельства содеянного К. при такой переквалификации не изменяются, а лишь получают иную юридическую оценку, то при этом его право на защиту не нарушается.

С учетом изложенного суд надзорной инстанции изменил приговор в отношении К., переквалифицировав его преступные действия на ч. 1 ст. 342 УК РФ, и в связи с существенным уменьшением объема обвинения смягчил назначенное ему наказание.

РАЗДЕЛ III. Судебная практика по применению уголовно-процессуального законодательства

Глава 19. Прекращение уголовного дела

При отказе частного обвинителя от поддержания обвинения в суде уголовное дело подлежит прекращению в связи с отсутствием в деянии состава преступления

Гав. частным обвинителем Гр. обвинялся в том, что Гав. из личной неприязни нанес ему несколько ударов кулаками в область шеи и груди, от которых он потерял равновесие и упал на спину, ударившись о лестничный пролет, в результате чего получил ушиб пояснично-крестцового отдела позвоночника, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ.

При рассмотрении данного дела Екатеринбургским гарнизонным военным судом Гр. подал заявление о прекращении уголовного дела, Гав. против этого не возражал, в связи с чем судья прекратил уголовное дело в отношении его на основании ч. 2 ст. 20 УПК РФ, то есть в связи с примирением потерпевшего с подсудимым.

Уральский окружной военный суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, изменил основание прекращения уголовного дела ввиду нарушения судом первой инстанции уголовно-процессуального закона, указав в определении следующее.

В связи с установленными в ходе судебного разбирательства обстоятельствами дело подлежало прекращению, что суд первой инстанции и сделал. Однако при этом, пренебрегая предоставленным частному обвинителю ч. 5 ст. 321 УПК РФ правом отказаться от поддержания обвинения, судья, в нарушение требований уголовно-процессуального закона, прекратил дело на основании ч. 2 ст. 20 УПК РФ в связи с примирением потерпевшего с подсудимым, несмотря на то, что частный обвинитель Гр. настаивал на прекращении уголовного дела в связи с отказом от обвинения, а подсудимый Гав. согласия на прекращение уголовного дела в связи с примирением не давал и заявлял о согласии с его прекращением только по реабилитирующему основанию.

С учетом того что ч. 5 ст. 321 УПК РФ, наделяя частного обвинителя правом отказаться от поддержания обвинения, действительно не устанавливает оснований прекращения уголовного дела в таких случаях, то есть в законе имеется определенный пробел, суду надлежало применить аналогию права и при этом исходить из следующего. В соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ при отказе от обвинения государственного обвинителя, причем независимо от категории дела, а следовательно и по делам частного обвинения, оно подлежит прекращению по реабилитирующим основаниям, предусмотренным п. 1 или п. 2 ст. 5 УПК РФ. Согласно ч. 3 ст. 249 УПК РФ по уголовным делам частного обвинения неявка потерпевшего без уважительных причин (а это может свидетельствовать о безразличном отношении к обвинению, в том числе и возможном отказе от обвинения) влечет прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 названного Кодекса, то есть в связи с отсутствием в деянии состава преступления. С учетом этого суду первой инстанции в указанном случае следовало применить аналогию и также прекратить уголовное дело именно за отсутствием состава преступления.

В связи с изложенным окружной военный суд внес в постановление соответствующие изменения.

Необоснованное прекращение уголовного преследования по делу частного обвинения повлекло отмену этого решения

Б. обратился в Екатеринбургский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил привлечь К. к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 116 УК РФ за причинение телесных повреждений в виде кровоподтеков.

В свою очередь, К. обратился в суд со встречным заявлением о привлечении к уголовной ответственности Б. по ч. 1 ст. 115 УК РФ, указав, что в ходе возникшего между ним и Б. конфликта он был избит последним, в результате чего ему были причинены телесные повреждения, в связи с которыми он находился на стационарном лечении.

Указанные заявления постановлением судьи были соединены в одно производство.

В ходе рассмотрения дела было установлено, что согласно заключению судебно-медицинского эксперта К. в результате конфликта с Б. были причинены телесные повреждения, повлекшие за собой тяжкий вред здоровью, в связи с чем суд своим постановлением прекратил уголовное преследование в отношении Б. и К. и направил материалы уголовного дела в отношении Б. в отдел полиции для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного обвинения по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ.

Уральский окружной военный суд признал данное судебное постановление незаконным, указав в кассационном определении следующее.

Согласно ч. 6 ст. 321 УПК РФ если в ходе судебного разбирательства в действиях лица, в отношении которого подано заявление, будут установлены признаки преступления, не предусмотренного ч. 2 ст. 20 названного Кодекса, то судья выносит постановление о прекращении уголовного преследования по делу и направлении материалов руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного или частного-публичного обвинения, о чем уведомляет потерпевшего или его законного представителя.

Поэтому суд первой инстанции обоснованно прекратил уголовное преследование по делу в отношении Б. по ч. 1 ст. 115 УК РФ и направил соответствующие материалы в отношении его начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного обвинения.

Вместе с тем, одновременное прекращение уголовного преследования и в отношении К. по ч. 1 ст. 116 УК РФ суд ничем не обосновал.

Как усматривается из материалов дела, по заключению судебно-медицинских экспертов у Б. при обращении за медицинской помощью имелись повреждения в правой половине лобной области и области носа. Однако, какова степень тяжести вреда, причиненного здоровью Б., и его последствий, эксперты установить не смогли, сделав вывод, что для этого по делу необходимо проведение комплексной психолого-психиатрической и судебно-медицинской экспертизы.

Сведений о наличии в действиях К. признаков преступления, не предусмотренного ч. 2 ст. 20 УПК РФ, по результатам данного экспертного заключения также не установлено, как не содержат таковых и иные материалы уголовного дела.

Между тем в соответствии с данной нормой уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116 УК РФ, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым.

С учетом изложенного суд кассационной инстанции пришел к выводу, что у суда первой инстанции не было правовых оснований для прекращения уголовного преследования К., в связи с чем решение суда о его прекращении отменил и направил материалы уголовного дела в этой части на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе со стадии судебного разбирательства.

Наличие неотмененного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела публичного или частно-публичного обвинения не препятствует рассмотрению этого уголовного дела в порядке частного обвинения

В Московский гарнизонный военный суд от мирового судьи поступило уголовное дело частного обвинения по заявлению гражданки М-ной о привлечении ее супруга – М-на к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ.

Согласно заявлению М-ной она обвиняла своего супруга в том, что тот ее избил, причинив закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение головного мозга и ушиб мягких тканей левой височной области.

Суд первой инстанции уголовное дело в отношении М-на прекратил в связи с наличием в отношении его неотмененного постановления органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела по тому же обвинению.

Московский окружной военный суд данное решение отменил, указав в кассационном определении следующее.

Из материалов дела усматривалось, что участковый уполномоченный отдела МВД России по Хорошевскому району г. Москвы по результатам рассмотрения заявления гражданки М-ной не усмотрел в действиях М-на состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, и своим постановлением отказал в возбуждении уголовного дела в отношении его по признакам этого преступления в связи с отсутствием состава, разъяснив при этом, что с заявлением о привлечении супруга к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, М-ной надлежит обратиться в суд.

При таких обстоятельствах у гарнизонного военного суда не имелось каких-либо препятствий для рассмотрения уголовного дела по обвинению М-на в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, поскольку рассмотрение этой категории дел относится к исключительной компетенции суда и орган дознания какого-либо процессуального решения по заявлению М-ной в части этого обвинения не принимал.

В связи с нарушением уголовно-процессуального закона постановление было отменено, а уголовное дело направлено в суд первой инстанции для рассмотрения по существу.

Глава 20. Подсудность уголовных дел военным судам

Рассмотрение уголовных дел военными судами в отношении лиц, не являющихся военнослужащими, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных чч. 5 – 8 ст. 31 УПК РФ

Хабаровский гарнизонный военный суд, объединив в одном производстве заявление гражданина К. о привлечении к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 116 УК РФ прапорщика С. и встречное заявление последнего о привлечении к уголовной ответственности К. по этой же статье УК РФ, вынес обвинительный приговор, признав их виновными в совершении преступления, предусмотренного названной статьей.

В кассационном порядке судебная коллегия приговор отменила в связи с допущенными гарнизонным военным судом нарушениями уголовно-процессуального закона.

Суд первой инстанции ошибочно принял к своему производству, а в последующем необоснованно рассмотрел совместно с заявлением К. о привлечении к уголовной ответственности военнослужащего С. по ч. 1 ст. 116 УК РФ встречное заявление последнего о привлечении к уголовной ответственности гражданина К., не имеющего статуса военнослужащего.

В соответствии с ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Согласно ч. 5 ст. 31 УПК РФ гарнизонный военный суд рассматривает уголовные дела только о преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, за исключением уголовных дел, подсудных вышестоящим военным судам.

Частью 2 ст. 33 УПК РФ предусмотрено, что рассмотрение уголовных дел военными судами в отношении лиц, не являющихся военнослужащими, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных чч. 5 – 8 ст. 31 названного Кодекса.

Поскольку К. не подпадает под случаи, перечисленные в чч. 5 – 8 ст. 31 УПК РФ, то гарнизонный военный суд не вправе был рассматривать уголовное дело в отношении его.

При таких обстоятельствах суд кассационной инстанции пришел к выводу, что допущенное гарнизонным военным судом нарушение норм уголовно-процессуального законодательства является безусловным основанием к отмене обжалуемого судебного решения, поскольку таковое нарушает гарантированные Конституцией Российской Федерации права К.

Дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, подлежат рассмотрению военными судами

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2010 г. № 201-О10-22 по уголовному делу в отношении Е. и др. (извлечение)

Постановлением судьи Московского окружного военного суда от 26 августа 2010 г. по итогам предварительного слушания назначено судебное заседание по уголовному делу в отношении граждан З., Е., Л., Ч. и бывших военнослужащих Пограничного управления ФСБ России по Брянской области прапорщиков А. и М., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 188 УК РФ, а А. и М., кроме того, в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 283 УК РФ.

Указанным постановлением защитнику Е. и Ч. адвокату Мал. отказано в удовлетворении ходатайства о направлении уголовного дела по подсудности в Брянский областной суд.

В кассационной жалобе защитником Мал. поставлен вопрос об отмене постановления в связи с тем, что положения УПК РФ не допускают рассмотрения военными судами уголовных дел в отношении военнослужащих, за исключением случаев, которые на его подзащитных не распространяются.

Рассмотрев материалы дела в кассационном порядке, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации постановление судьи Московского окружного военного суда оставила без изменения, а жалобу адвоката Мал. – без удовлетворения, указав следующее.

Из материалов дела следует, что граждане З., Е., Л., Ч. и бывшие военнослужащие Пограничного управления ФСБ России по Брянской области прапорщики А. и М. обвиняются в контрабанде, а А. и М., кроме того, в разглашении сведений, составляющих государственную тайну, при этом выделение дела в отношении кого-либо из обвиняемых невозможно.

В соответствии с п. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах в Российской Федерации» (в редакции Федерального конституционного закона от 27 декабря 2009 г. № 8-ФКЗ) военным судам подсудны дела обо всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, дела о преступлениях, совершенных гражданами в период прохождения ими военной службы, военных сборов, а также дела, отнесенные к компетенции военных судов УПК РФ.

При таких данных, а также приняв во внимание, что выделение дела в отношении граждан Е. и Ч. невозможно, и исходя из наличия в деле сведений, содержащих государственную тайну, судья пришел к правильному выводу о подсудности дела Московскому окружному военному суду.

Вывод судьи о том, что дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, подлежат рассмотрению военными судами, соответствует правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 6 апреля 2006 г. № 3-П.

Согласно п. 5.1 названного постановления военные суды не являются чрезвычайными судами, – как и иные специализированные суды, они формируются в системе судов общей юрисдикции для рассмотрения определенной категории дел; принципы деятельности, объем полномочий и их реализация, порядок производства в этих судах, по существу, не отличаются от общего порядка и характеризуются лишь усилением специализации, целью которой является наиболее полное и квалифицированное рассмотрение той или иной категории дел, обладающих значительной спецификой, что присуще специализированным судам в современном демократическом государстве.

Глава 21. Разрешение гражданского иска в уголовном деле

Компенсация морального вреда без учета фактических обстоятельств совершенного преступления повлекла изменение приговора

Белогорский гарнизонный военный суд признал Г. виновным в убийстве З. и взыскал с осужденного в пользу потерпевшей С. 1 млн руб. в качестве компенсации морального вреда.

Изменяя приговор в части решения по гражданскому иску, Дальневосточный окружной военный суд указал следующее.

Согласно ст. 1101 ГК РФ размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Как установлено при судебном разбирательстве, поводом для совершения Г. преступления явились неправомерные действия самого З., который накануне избил родственника Г., а непосредственно перед тем, как осужденный ударил погибшего ножом, избил его друга и применил насилие к супруге самого Г.

В судебном заседании также установлено, что З. до случившегося нигде не работал и какой-либо материальной поддержки С. не оказывал.

Однако указанные обстоятельства, характеризующие причинение морального вреда потерпевшей, при разрешении исковых требований судом учтены не были.

При таких данных суд второй инстанции снизил размер денежной компенсации морального вреда потерпевшей до 400 000 руб.

Приговор в части решения по гражданскому иску отменен и в удовлетворении иска о компенсации морального вреда отказано, поскольку в соответствии со ст. 383 ГК РФ переход к другому лицу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, не допускается

Саратовским гарнизонным военным судом Т. был осужден по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ и ч. 1 ст. 163 УК РФ, к 2 годам лишения свободы в колонии-поселении без штрафа.

Указанным приговором гражданский иск потерпевшего М. О.Г. – отца погибшего М. И.О. к Т. о компенсации морального вреда удовлетворен частично и с осужденного в пользу М. О.Г. постановлено взыскать 5 330 руб.

Рассмотрев уголовное дело по кассационным жалобам осужденного и его защитника, судебная коллегия по уголовным делам Приволжского окружного военного суда приговор в части гражданского иска изменила по следующим основаниям.

Согласно п. 5 ст. 307 и п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ при постановлении приговора суд решает, в частности, вопрос, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в пользу кого и в каком размере.

В соответствии с п. 2 ст. 1101 ГК РФ размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий.

Как усматривается из материалов уголовного дела, М. И.О. был признан потерпевшим по делу и ему было разъяснено право на компенсацию морального вреда путем предъявления к Т. гражданского иска, однако от такого заявления он отказался.

Согласно справке начальника 4-го авиационного факультета М. И.О. погиб в дорожно-транспортном происшествии, то есть его смерть наступила не в результате преступных действий осужденного Т.

Отец погибшего М. И.О. – М. О.Г. был признан потерпевшим по делу и в судебном заседании предъявил иск к подсудимому о компенсации морального вреда, который был принят судом к рассмотрению и частично удовлетворен.

При этом, в обоснование своего требования о взыскании в его пользу с Т. компенсации морального вреда в размере 100 000 руб. М. О.Г. сослался на причинение противоправными действиями последнего физических и нравственных страданий его сыну – М. И.О.

Между тем в соответствии со ст. 383 ГК РФ переход к другому лицу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, не допускается.

Поэтому в случае смерти гражданина-кредитора, которому принадлежит соответствующее личное право, обязательство прекращается.

Поскольку М. О.Г., признанный потерпевшим по делу, обосновал свои исковые требования о компенсации морального вреда физическими и нравственными страданиями, причиненными не ему, а его сыну, умершему на момент подачи иска, у суда первой инстанции не имелось законных оснований для принятия такого иска к производству и его последующего удовлетворения.

В связи с изложенным окружной военный суд внес в приговор в части решения по гражданскому иску изменения, отказав М. О.Г. в удовлетворении гражданского иска о компенсации морального вреда, причиненного его сыну.

При постановлении оправдательного приговора, а также вынесении постановления или определения о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления либо непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления суд отказывает в удовлетворении гражданского иска. В остальных случаях суд оставляет гражданский иск без рассмотрения

Биробиджанским гарнизонным военным судом Ж. был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ и оправдан по ст. 110 УК РФ на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть за отсутствием в его действиях состава преступления.

Указанным приговором потерпевшей Е. отказано в удовлетворении исковых требований к осужденному о компенсации морального вреда.

Судебная коллегия Дальневосточного окружного военного суда приговором в части решения по гражданскому иску изменила исходя из следующего.

В соответствии с ч. 2 ст. 306 УПК РФ при постановлении оправдательного приговора по основаниям, не предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, суд оставляет гражданский иск без рассмотрения. При этом, оставление судом гражданского иска без рассмотрения не препятствует последующему его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Однако гарнизонный военный суд, оправдав Ж. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ принял решение об отказе потерпевшей Е. в иске о компенсации морального вреда, чем фактически лишил потерпевшую права на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства.

В связи с изложенным окружной военный суд решение по гражданскому иску отменил и принял новое решение, согласно которому иск потерпевшей к Ж. о компенсации морального вреда оставил без рассмотрения.

Приговор изменен, поскольку при определении размера компенсации морального вреда суд первой инстанции не учел в достаточной степени характер и тяжесть перенесенных потерпевшим физических и нравственных страданий, полученных в результате совершенного преступления

94-м гарнизонным военным судом Л. был осужден по ч. 1 ст. 264 УК РФ с применением ст. 73 УК РФ к лишению свободы сроком на 1 год условно с лишением права управлять транспортным средством на 1 год и 6 месяцев.

Суд также частично удовлетворил гражданский иск потерпевшего С., постановив взыскать в его пользу с Л. в порядке компенсации морального вреда 100 000 руб.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе потерпевшего, 3-й окружной военный суд приговором в части гражданского иска изменил по следующим основаниям.

Как следует из материалов дела, при обращении в суд с иском потерпевший С. оценил причиненный ему преступлением моральный вред в 500 000 руб.

Согласно исковому заявлению свои физические и нравственные страдания С. связывал не только с фактом совершенного в отношении его преступления и длительностью лечения, но и со степенью личностных переживаний, вызванных полученными травмами.

При этом, С. указывал, что после происшествия 7 дней находился в реанимации, перенес несколько сложных операций. Из-за множества переломов, в том числе костей таза, он ощущал глубокий дискомфорт, поскольку в течение длительного времени лежал без движения, а в настоящий момент передвигается на костылях и в повседневной жизни нуждается в постоянной помощи.

Вследствие полученных в результате преступных действий Л. травм перспективы дальнейшей службы С. в органах МВД поставлены под сомнение, поскольку в результате длительного, более 6 месяцев, лечения он не только потерял возможность занять предложенную ему высшую должность, но и из-за установленного на ноге аппарата Илизарова не в состоянии в полном объеме исполнять свои служебные обязанности.

Полученная травма нарушила личные планы С., связанные с регистрацией брака, и спровоцировала возникновение сопутствующих заболеваний в области головы и груди, требующих длительного и дорогостоящего лечения.

Поскольку, определяя размер денежной компенсации морального вреда, суд хотя и сослался в приговоре на предусмотренные в ст. 1101 ГК РФ критерии оценки размера данной компенсации, однако не в полной мере учел характер и тяжесть перенесенных С. физических и нравственных страданий, полученных в результате совершенного Л. преступления, окружной военный суд увеличил размер данной компенсации.

Вопросы исполнения решений по гражданским делам, в том числе и по которым наложен арест на имущество ответчика, урегулированы разд. VII ГПК РФ и не подлежат разрешению в порядке исполнения приговора

В ходе предварительного следствия по уголовному делу в отношении майора М., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, судья Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда удовлетворил ходатайство о наложении ареста на имущество обвиняемого, которое было исполнено.

23 июня 2008 г. Ростовский-на-Дону гарнизонный военный суд осудил М. по совокупности 10 преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, к лишению свободы сроком на 4 года в исправительной колонии общего режима.

Согласно приговору за гражданским иском – воинской частью было признано право на удовлетворение гражданского иска о возмещении причиненного указанными преступлениями материального ущерба, а вопрос о его размере передан на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Рассмотрев 12 ноября 2008 г. иск военного прокурора в интересах воинской части в рамках гражданского дела, Ростовский-на-Дону гарнизонный военный суд постановил взыскать с М. в порядке возмещения материального ущерба в пользу воинской части 9 080 656 руб. Данное решение вступило в законную силу.

14 февраля 2011 г. военный прокурор гарнизона обратился в гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил разъяснить вопрос о судьбе принадлежащего М. имущества, арестованного в ходе производства по уголовному делу.

11 марта 2011 г. судья Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда постановил обратить арестованное имущество осужденного М. для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, разрешенного тем же судом 12 ноября 2008 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда данное постановление отменила и производство по заявлению военного прокурора прекратила по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 115 УПК РФ наложение ареста на имущество осуществляется для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества. Отменяется же наложение ареста на имущество, когда в применении этой меры отпадает необходимость.

На основании п. 11 ч. 1 ст. 299 УПК РФ суд при постановлении приговора разрешает вопрос, как поступить с имуществом, на которое наложен арест для обеспечения гражданского иска. При этом, наложение ареста судом отменяется, если судом будет установлено, что арест наложен на имущество, которое в соответствии с действующим законодательством не может быть подвергнуто аресту, или отсутствуют основания для удовлетворения гражданского иска по делу (если совершенным преступлением материальный ущерб не был причинен, подсудимый возместил причиненный вред и т. д.). В иных случаях, когда необходимость в аресте имущества осужденного не отпала, судьба имущества, арестованного для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, при постановлении приговора не разрешается.

Согласно приговору Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 23 июня 2008 г. за воинской частью признано право на удовлетворение гражданского иска, а вопрос о его размере передан на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Так как при постановлении приговора причиненный преступлением ущерб возмещен не был и основания для отмены наложения ареста на имущество отсутствовали, вопрос о судьбе арестованного имущества осужденного М. в приговоре суда не подлежал разрешению.

Как усматривается из материалов дела, решение о взыскании с М. денежных средств в возмещение причиненного воинской частью ущерба принято судом в порядке гражданского судопроизводства.

Вопросы исполнения решений по гражданским делам, в том числе по которым наложен арест на имущество ответчика, урегулированы разд. VII ГПК РФ и не подлежат разрешению в порядке исполнения приговора, поскольку гл. 47 УПК РФ регламентирует производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговоров в рамках уголовного судопроизводства.

Одним из вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, согласно п. 15 ст. 397 УПК РФ является вопрос о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора в рамках уголовного судопроизводства в результате недостатков приговора или в связи с изменением обстоятельств и условий к моменту его исполнения.

Так как при постановлении приговора судьба арестованного имущества осужденного не разрешалась, оснований для разъяснения сомнений и неясностей, возникающих при исполнении этого приговора, в порядке, предусмотренном п. 15 ст. 397 УПК РФ, у суда первой инстанции не имелось.

При постановлении оправдательного приговора по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, суд отказывает в удовлетворении гражданского иска, а в остальных случаях оставляет его без рассмотрения

Томским гарнизонным военным судом П. был оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

Гражданский иск военного прокурора Томского гарнизона в размере 48 953 руб. суд оставил без удовлетворения.

Между тем в соответствии с ч. 2 ст. 306 УПК РФ при постановлении оправдательного приговора по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие события преступления) и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (непричастность обвиняемого к совершению преступления), суд должен отказать в удовлетворении гражданского иска, а в остальных случаях оставить его без рассмотрения.

В связи с изложенным Западно-Сибирский окружной военный суд изменил приговор в части гражданского иска, оставив его без рассмотрения.

Если ответственность за причинение вреда застрахована в силу того, что ее страхование обязательно, лицо, в пользу которого заключен договор страхования, вправе предъявить требование о возмещении вреда в пределах страховой суммы страховщику

Ивановским гарнизонным военным судом прапорщик К. был осужден на основании ч. 1 ст. 264 УК РФ к 1 году лишения свободы условно. Одновременно суд удовлетворил гражданский иск потерпевшей Л. о возмещении материального ущерба, связанного с потерей заработка из-за состояния здоровья, на сумму 75 030 руб.

Отменяя приговор в части решения по гражданскому иску и направляя материалы уголовного дела в этой части на новое судебное разбирательство, судебная коллегия по уголовным делам Московского окружного военного суда в определении указала следующее.

В соответствии со ст. 1064 ГК РФ обязанность по возмещению вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда. Так, согласно ч. 4 ст. 931 ГК РФ в том случае, когда ответственность за причинение вреда застрахована в силу того, что ее страхование обязательно, лицо, в пользу которого считается заключенным договор страхования, вправе предъявить требование о возмещении вреда в пределах страховой суммы непосредственно страховщику.

При этом, согласно п. 2 ст. 11 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» страхователь, к которому потерпевшим предъявлен иск, должен привлечь страховщика к участию в деле. В противном случае страховщик имеет право выдвинуть в отношении требования о страховой выплате возражения, которые он имел в отношении требований о возмещении причиненного вреда.

По смыслу данной правовой нормы вопрос о возмещении вреда самим лицом, чья ответственность застрахована, решается в зависимости от выраженного им согласия на такое возмещение либо отсутствия такого намерения. В любом случае к участию в деле должен быть привлечен страховщик как третье лицо на стороне ответчика либо как соответчик.

Исходя из существа института страхования, Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» имеет своей целью защитить не только права потерпевшего на возмещение вреда, но и интересы страхователя – причинителя вреда.

Таким образом, если страхователь, являющийся причинителем вреда, не выразил намерения лично возместить причиненный им вред и по его требованию к участию в деле был привлечен страховщик, независимо от того, настаивает ли потерпевший на возмещении вреда его причинителем, обязанность по возмещению вреда не может быть возложена на лицо, ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования.

Как следовало из материалов дела, К., возражая против взыскания с него материального ущерба, ссылался, в частности, на то, что его ответственность как владельца источника повышенной опасности застрахована, что должно было быть учтено судом первой инстанции при рассмотрении спора в указанной части. Страховщик же судом к участию в рассмотрении иска не привлекался.

При таких обстоятельствах окружной военный суд признал, что решение суда по иску потерпевшей принято вопреки требованиям закона.

В соответствии со ст. 1064 ГК РФ причиненный вред подлежит возмещению в полном объеме причинившим его лицом

По приговору Мирненского гарнизонного военного суда, которым Д. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, гражданский иск удовлетворен частично.

С осужденного взыскано в счет возмещения расходов на лечение потерпевшего 1 224 руб. 61 коп. в пользу 549-го военного госпиталя Министерства обороны Российской Федерации.

Рассмотрев данное дело в кассационном порядке, судебная коллегия окружного военного суда приговор в части решения по гражданскому иску отменила и приняла новое решение – о полном удовлетворении заявленных исковых требований.

Принимая решение по гражданскому иску, суд первой инстанции посчитал необходимым удовлетворить заявленные требования только частично, поскольку истец не представил суду доказательства, обосновывающие размер иска.

Однако такой вывод суда является ошибочным. Так, согласно истории болезни и справке-расчету потерпевший Б. находился на стационарном лечении в отоларингологическом отделении 549-го военного госпиталя в течение 47 суток. Это обстоятельство никем не оспаривалось. Затраты одного койко-дня пребывания больного в названом отделении составляют 909 руб. 20 коп. Соответственно общая сумма затрат на содержание и лечение Б. составила 48 880 руб.

В соответствии со ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Кроме того, согласно ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба в случае, когда ущерб причинен умышленными действиями, повлекшими затраты на лечение в военно-медицинском учреждении и учреждении здравоохранения военнослужащих, пострадавших в результате этих действий.

Решение об отсрочке или рассрочке исполнения приговора в части имущественного взыскания по уголовному делу должно быть основано на исследованных судом доказательствах

Великоновгородским гарнизонным военным судом старший прапорщик Х. осужден на основании ч. 3 ст. 264 УК РФ.

В соответствии с приговором с Х. в пользу потерпевших взыскано 250 000 руб. и 213 000 руб. соответственно в порядке компенсации морального вреда.

В последующем определением суда удовлетворено заявление осужденного Х. о предоставлении отсрочки исполнения приговора в части гражданских исков.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе гражданских истцов и их адвоката, судебная коллегия нашла, что такое решение суда первой инстанции законным и обоснованным признано быть не может.

Заявления осужденного или гражданского ответчика по уголовному делу об отсрочке или рассрочке исполнения приговора в части имущественного взыскания рассматриваются в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ. Об этом говорится и в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции».

В соответствии с ч. 7 ст. 399 УПК РФ по результатам рассмотрения заявления об отсрочке исполнения приговора судья выносит постановление, а не определение.

Кроме того, при рассмотрении указанного заявления с учетом необходимости своевременного и полного исполнения приговора в части имущественного взыскания суду следует тщательно оценивать доказательства, представленные в обоснование просьбы об отсрочке (рассрочке), и материалы исполнительного производства, если исполнительный документ был предъявлен к исполнению.

Из материалов уголовного дела следует, что в качестве оснований для решения об отсрочке (рассрочке) исполнения приговора в части решения по гражданским искам потерпевших суд сослался на небольшой размер пенсии Х., отсутствие у него объектов недвижимости, других источников дохода, нахождение на иждивении больной матери, обучение дочери в вузе по очной форме обучения, а также на то, что его автомобиль находится в залоге у банка, а сам Х. активно ищет работу.

Однако указанные обстоятельства сами по себе не свидетельствовали о необходимости предоставления отсрочки, поскольку из представленных осужденным доказательств вывода о тяжелом материальном положении семьи Х. и невозможности его трудоустроиться в ближайшее время не следует. В материалах дела отсутствуют необходимые доказательства, касающиеся условий проживания семьи Х., его действий, направленных на поиск места работы, и действий судебного пристава-исполнителя, возбудившего исполнительное производство по искам потерпевших, направленное на розыск имущества, подлежащего описи и реализации.

Установив приведенные нарушения закона, судебная коллегия окружного суда определение Великоновгородского гарнизонного военного суда об отсрочке исполнения приговора в отношении Х. в части принятого решения по гражданским искам потерпевших в связи с нарушением уголовно-процессуального закона отменила и уголовное дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Нарушение судом права потерпевшего на возмещение имущественного вреда повлекло изменение приговора

Реутовским гарнизонным военным судом младший сержант Н. признан виновным в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, с причинением средней тяжести вреда здоровью потерпевшего.

За потерпевшим Б. суд признал право на удовлетворение гражданского иска о возмещении материального ущерба, а вопрос о его размере передал на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Не соглашаясь с таким решением, судебная коллегия указала следующее.

В соответствии с ч. 3 ст. 42 УПК РФ потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя.

Как следует из материалов дела, для оказания юридической помощи в связи с признанием потерпевшим, Б. 18 ноября 2009 г. обратился за юридической помощью к адвокату. Сумма заявленных им требований о возмещении материального ущерба в размере 35 000 руб. соответствует размеру понесенных потерпевшим затрат согласно представленным документам.

Каких-либо данных о необходимости проведения дополнительных расчетов по установлению размера материального ущерба, причиненного потерпевшему, из материалов дела не усматривается.

Таким образом, суд, вопреки требованиям ст. 309 УПК РФ, при отсутствии необходимости проведения дополнительных расчетов в части требований потерпевшего о возмещении материального ущерба решение по предъявленному гражданскому иску не принял, чем нарушил требования уголовно-процессуального закона, что является основанием к его изменению.

В результате приговор был изменен, решение по гражданскому иску отменено и принято новое решение – о его удовлетворении в полном объеме.

Аналогичная ошибка при разрешении гражданского иска о компенсации морального вреда была допущена названным судом по уголовному делу в отношении К., осужденного по ч. 1 ст. 350 УК РФ.

Принимая по гражданскому иску новое решение, судебная коллегия по уголовным делам окружного военного суда в определении указала, что согласно ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размера компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

Как установлено в судебном заседании, в результате совершенного К. неосторожного преступления Г. был причинен тяжкий вред здоровью в виде открытой черепно-мозговой травмы: линейного перелома чешуи левой височной кости, сдавления левого полушария головного мозга, острой эпидуральной гематомы в левой лобно-височно-теменной области.

Следствием этого явились как физические, так и нравственные страдания потерпевшего, поскольку в госпиталь он поступил в крайне тяжелом состоянии, в последующем был признан не годным к военной службе, возникла необходимость его длительного лечения, повторных операций и обусловленных этим значительных финансовых расходов.

При таких обстоятельствах у суда имелись все основания для разрешения требований потерпевшего о компенсации морального вреда без отложения производства по делу, поскольку имеющие значение для дела обстоятельства в суде были установлены.

Компенсация морального вреда носит личностный характер и замену истца в исполнительном производстве не предполагает

Сертоловским гарнизонным военным судом Б. был осужден по ч. 3 ст. 264 УК РФ. В порядке удовлетворения гражданского иска потерпевшей В. с него определено взыскать в ее пользу 16 111 руб. в счет возмещения материального ущерба, связанного с расходами на погребение брата, и 150 000 руб. в порядке компенсации морального вреда.

В связи со смертью гражданского истца В. в суд с заявлением о замене в порядке процессуального правопреемства стороны в исполнительном производстве с В. на ее наследницу Р. обратилась К., представляющая интересы Р.

Сертоловский гарнизонный военный суд заявление К. удовлетворил.

Действительно, в соответствии с ч. 1 ст. 52 Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ и ст. 44 ГПК РФ при выбытии одной из сторон исполнительного производства в связи со смертью гражданина может быть произведена замена этой стороны ее правопреемником.

Однако в силу ст. 1112 ГК РФ в состав наследства не входят права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, а также личные неимущественные права и другие нематериальные блага. Процессуальное правопреемство невозможно, если материальные притязания или обязательства выбывшего из процесса лица основаны на правах и обязанностях, которые неразрывно связаны с его личностью.

К таким материальным притязаниям, связанным с личностью В., относится требование денежной компенсации морального вреда, причиненного преступлением.

На основании изложенного судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского окружного военного суда определение гарнизонного суда о замене гражданского истца на его правопреемника в исполнительном производстве в части компенсации Б. оставшейся части морального вреда в денежной форме отменила в связи с неправильным определением судом обстоятельств, имеющих значение для дела, и неправильным применением норм материального и процессуального права и приняла новое решение – о частичном отказе представителю Р. в удовлетворении ее заявления.

Компенсация морального вреда, причиненного не при исполнении военнослужащим должностных или специальных обязанностей, подлежит взысканию не с воинской части, а с непосредственного причинителя вреда

Приговором Новороссийского гарнизонного военного суда от 8 июня 2009 г. старший матрос Г. осужден по ч. 3 ст. 335 УК РФ к лишению свободы сроком на 2 года условно с испытательным сроком в 2 года.

Гражданский иск потерпевшего Ч. к войсковой части 22813 о компенсации морального вреда в размере 100 000 руб. удовлетворен частично, и с указанной воинской части в его пользу взыскано 60 000 руб.

Согласно приговору старший матрос Г. в помещении столовой личного состава воинской части, будучи недовольным тем, что рабочий по столовой матрос Ч. случайно облил его супом, желая проучить Ч. за это, ударил его кулаком в живот, чем причинил тому тупую травму живота с разрывом селезенки и обильным внутрибрюшным кровотечением – тяжкий вред здоровью.

Вместе с тем, обязанность по возмещению вреда может быть возложена на воинскую часть как на юридическое лицо лишь в том случае, если в судебном заседании будет установлено, что в момент совершения преступления военнослужащий исполнял обязанности военной службы, а совершенное им преступление связано с исполнением служебных обязанностей.

Под исполнением служебных обязанностей в смысле ст. 1068 ГК РФ и с учетом особенностей порядка прохождения военной службы следует понимать не обычное нахождение виновного военнослужащего на территории воинской части, а лишь исполнение им должностных и специальных обязанностей, которыми считаются, например, нахождение в суточном и гарнизонном нарядах, на боевом дежурстве и боевой службе и т. д. (ст.ст. 24, 25 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации).

Как установлено в судебном заседании суда первой инстанции, Г. каких-либо специальных обязанностей в момент совершения преступления не совершал, грубого пренебрежения командованием воинской части своими обязанностями по поддержанию должного уставного порядка по делу не установлено. Более того, потерпевший Ч. о происшествии должностным лицам командования не доложил, а впоследствии вводил их в заблуждение относительно истинных обстоятельств получения травмы, фактически лишив себя возможности требовать от командования части компенсации морального вреда.

Таким образом, возложение гражданско-правовой ответственности на воинскую часть как на юридическое лицо противоречит закону, в частности положениям ст. 1068 ГК РФ.

Замена ответчика без согласия истца повлекла отмену решения суда по гражданскому иску

Пензенским гарнизонным военным судом Г. признан виновным в нарушении правил обращения с оружием, повлекшем по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, и осужден по ч. 1 ст. 349 УК РФ к ограничению по военной службе сроком на 2 года с удержанием в течение этого срока 10 % из его денежного довольствия в доход государства.

Судом также частично удовлетворен гражданский иск потерпевшего Е., и в счет компенсации морального вреда с Г. в его пользу определено взыскать 200 000 руб.

Согласно приговору около 19 часов 10 ноября 2008 г., во время исполнения обязанностей часового-оператора войсковой части, Г. при чистке выданного ему для несения службы пистолета в нарушение требований Устава внутренней службы и Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации, а также порядка разряжания оружия снял пистолет с предохранителя, дослал патрон в патронник и, направив пистолет в потолок, произвел контрольный спуск.

В результате выстрела пуля, от ricochetив от потолка, попала в сержанта Е., причинив ему огнестрельное ранение грудной клетки, относящееся к тяжкому, опасно для жизни вреду здоровью.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, судебная коллегия по уголовным делам Приволжского окружного военного суда решение в части гражданского иска отменила и дело в данной части направила на новое судебное разбирательство по следующим основаниям.

Как усматривается из приговора, суд первой инстанции в порядке компенсации морального вреда взыскал в пользу потерпевшего 200 000 руб. с осужденного Г. как с непосредственного причинителя вреда.

Между тем в ходе предварительного следствия потерпевший заявил гражданский иск на сумму 500 000 руб. не к Г., а к воинской части, в связи с чем он был признан гражданским истцом, а войсковая часть – гражданским ответчиком.

В ходе судебного разбирательства потерпевший, увеличив размер исковых требований до 1 000 000 руб., последовательно настаивал на взыскании этой суммы с войсковой части.

При таких обстоятельствах, когда истец не согласен на замену ответчика другим лицом и суд, согласно требованиям ч. 2 ст. 41 ГПК РФ, не вправе был заменить ответчика и обязан рассмотреть дело по предъявленному иску.

Суд первой инстанции этого не сделал, вопрос о замене ответчика с учетом названных требований закона не разрешил, а решение по исковым требованиям потерпевшего к войсковой части не принял.

Обоснованно, как представляется, окружной военный суд указал и на ошибочность вывода суда первой инстанции о том, что войсковая часть является ненадлежащим ответчиком по делу, поскольку Г. причинил вред потерпевшему во время несения боевой службы в качестве часового-оператора и орудие преступления находилось в его правомерном владении в связи с исполнением возложенных на него служебных обязанностей, вопреки которым он никаких действий не совершал.

Вопрос о приостановлении исполнительного производства разрешается не по нормам уголовно-процессуального закона, а в порядке, предусмотренном ГПК РФ, судом, в районе деятельности которого исполняет свои обязанности судебный пристав-исполнитель

Приговором Читинского гарнизонного военного суда от 5 апреля 2007 г. Н. осужден по ч. 2 ст. 264 УК РФ к 3 годам 6 месяцам лишения свободы в колонии-поселении с лишением права управлять транспортными средствами на 3 года.

По гражданским искам с Н. присуждено к взысканию в пользу потерпевших К. Е.В., К. А.С. и К. Д.С. в счет компенсации морального вреда соответственно 300 000 руб., 100 000 руб. и 30 000 руб. Суд удовлетворил также иски потерпевших В. В.В., В. А.Ю., А. и Б к Н. о компенсации причиненного им морального вреда.

Вещественное доказательство – автомобиль «Тойота» суд постановил вернуть по принадлежности Н.

Восточно-Сибирский окружной военный суд 29 мая 2007 г. уменьшил размер компенсации морального вреда потерпевшей К. Е.В. до 150 000 руб., а в остальной части приговор оставил без изменения.

В тот же день судья Читинского гарнизонного военного суда наложил запрет на совершение ответчиком Н. действий по отчуждению принадлежащего ему имущества – автомобиля «Тойота». Данное судебное определение вступило в законную силу 17 июля 2007 г.

7 апреля 2008 г. судебный пристав-исполнитель Центрального районного отдела судебных приставов г. Читы возбудил исполнительное производство о взыскании с Н. в пользу К. Е.В. остатка подлежащей взысканию с должника суммы в размере 139 632 руб. 29 коп. и наложил арест на автомобиль.

Представитель осужденного Н. – И. обратился в гарнизонный военный суд с заявлением о приостановлении исполнительного производства в части обращения взыскания на автомобиль на основании п. 1 ч. 2 ст. 39 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Постановлением судьи Читинского гарнизонного военного суда от 3 декабря 2008 г. в удовлетворении заявления И. отказано.

Окружной военный суд, рассмотрев представленные материалы в кассационном порядке, отменил постановление судьи по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 39 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» исполнительное производство может быть приостановлено судом в порядке, установленном процессуальным законодательством Российской Федерации и названным Федеральным законом, полностью или частично в случаях оспаривания исполнительного документа или судебного акта, на основании которого выдан исполнительный документ.

На основании ст. 437 ГПК РФ суд вправе приостановить исполнительное производство полностью или частично в случаях, предусмотренных Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Из копии постановления о возбуждении исполнительного производства усматривается, что судебным приставом-исполнителем принят к исполнению исполнительный лист Читинского гарнизонного военного суда от 29 мая 2007 г. о взыскании с Н. в пользу К. Е.В. 139 632 руб. 29 коп. и возбуждено исполнительное производство.

Согласно акту описи и ареста имущества от 9 июля 2008 г. на принадлежащее осужденному Н. имущество – автомобиль наложен арест и данное имущество обращено к взысканию.

Таким образом, представителем Н. – И. фактически были обжалованы действия судебного пристава-исполнителя, связанные с возбуждением исполнительного производства и проведением исполнительных действий в отношении должника Н., а не вопросы, предусмотренные ст.ст. 396 и 397 УПК РФ, касающиеся исполнения приговора в отношении осужденного, в связи с чем заявление И. не подлежало рассмотрению в порядке гл. 47 УПК РФ, поскольку ст. 397 УПК РФ не предусматривает разрешение вопросов, связанных с действиями судебного пристава-исполнителя по исполнительному производству.

Приостановление исполнительного производства и связанные с ним вопросы разрешаются судом в порядке разд. VII ГПК РФ. При этом, в соответствии с ч. 1 ст. 440 ГПК РФ вопросы о приостановлении или прекращении исполнительного производства рассматриваются в 10-дневный срок судом, в районе деятельности которого исполняет свои обязанности судебный пристав-исполнитель.

При оправдании подсудимого в связи с отсутствием состава преступления суд оправдывает предъявленный к нему гражданский иск без рассмотрения

Пензенским гарнизонным военным судом Ч. оправдан по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 116 и ч. 1 ст. 130 УК РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

Судом отказано в удовлетворении гражданского иска к Ч. о компенсации морального вреда в размере 20 000 руб.

Однако данное решение суда не основано на законе.

По смыслу ч. 2 ст. 306 УПК РФ при постановлении оправдательного приговора по основаниям, не предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, суд оставляет гражданский иск без рассмотрения. Оставление судом гражданского иска без рассмотрения не препятствует последующему его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Поскольку суд первой инстанции оправдал подсудимого в связи с отсутствием в деянии состава преступления, его решение об отказе в удовлетворении гражданского иска противоречило процессуальному закону.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе частного обвинителя, судебная коллегия по уголовным делам Приволжского окружного военного суда изменила приговор, приняв решение об оставлении предъявленного гражданского иска без рассмотрения.

Предрешение судом вопроса об обоснованности исковых требований, не подлежащих рассмотрению в данном уголовном деле, повлекло отмену приговора в части гражданского иска

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2011 г. № 207-О10-7 по уголовному делу в отношении З. (извлечение)

По приговору Восточно-Сибирского окружного военного суда от 1 ноября 2010 г. старший инспектор-ревизор контрольно-ревизионного отдела Сибирского военного округа З. осужден по п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ.

З. признан виновным в получении 600 000 руб. за согласие не отражать в актах предстоящих ревизий служб горюче-смазочных материалов двух воинских частей фактического положения дел и скрыть недочеты и злоупотребления в деятельности должностных лиц этих воинских частей, то есть в получении взятки в крупном размере.

За гражданским истцом – воинской частью судом признано право на удовлетворение в порядке гражданского судопроизводства предъявленного к З. гражданского иска.

Военная коллегия, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного и его защитника, отменила приговор в части гражданского иска, оставив иск без рассмотрения по следующим основаниям.

Признав за воинской частью право на удовлетворение гражданского иска на заявленную сумму, суд тем самым предрешил вопрос о законности и обоснованности исковых требований.

Вместе с тем, в силу ст. 44 и ст. 309 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен и удовлетворен в целях возмещения убытков, непосредственно причиненных преступлением.

З. не признан виновным в каких-либо преступных действиях в отношении имущества воинской части.

При таких данных предъявленный к осужденному иск в рамках данного уголовного дела рассмотрению не подлежал.

Глава 22. Обжалование действий и решений прокурора, следователя, начальника органа дознания, дознавателя

Производство по жалобе на действия (бездействие) и решения должностных лиц на досудебных стадиях судопроизводства, поданной после завершения предварительного расследования по уголовному делу и направления дела в суд, подлежит прекращению

Судья Балашихинского гарнизонного военного суда отказал К. в удовлетворении жалобы на действия следователя, связанные с производством обыска.

Судебная коллегия по уголовным делам 3-го окружного военного суда, рассмотрев материалы в кассационном порядке, производство по жалобе прекратила по следующим основаниям.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации в п. 9 постановления от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» по поступившей жалобе на действия (бездействие) и решения должностных лиц на досудебных стадиях судопроизводства необходимо выяснять, не завершено ли предварительное расследование по уголовному делу.

Если будет установлено, что уголовное дело, по которому поступила жалоба, направлено в суд для рассмотрения по существу, принимаются к производству и рассматриваются лишь жалобы на решения и действия (бездействие) должностных лиц, затрагивающие права и законные интересы заявителей, не являющихся участниками судебного разбирательства по данному уголовному делу. Подлежат рассмотрению жалобы, где ставится вопрос о признании незаконными и необоснованными решений и действий (бездействия), которые в соответствии с УПК РФ не могут быть предметом проверки их законности и обоснованности на стадии судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела судом, в том числе в апелляционном или кассационном порядке.

В остальных случаях, в зависимости от того, на какой стадии находится производство по жалобе, выносятся постановления об отказе в принятии жалобы к рассмотрению или о прекращении производства по жалобе в связи с тем, что предварительное расследование по уголовному делу окончено и уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

Из представленных материалов усматривается, что К. является обвиняемым по уголовному делу, в рамках которого производился обжалуемый им обыск, и данное дело на момент подачи жалобы направлено в суд для рассмотрения по существу.

При таких обстоятельствах, поскольку вопросы, связанные с законностью проведения обыска в жилище К., могут быть предметом проверки на стадии судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела судом по существу, судебная коллегия признала необходимым производство по жалобе К. прекратить.

Одновременно с этим заявителю было разъяснено, что вопросы о признании незаконными или необоснованными решений и действий (бездействия) должностных лиц на стадии досудебного производства он вправе поставить перед судом в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, а также при рассмотрении дела судом апелляционной или кассационной инстанций.

Проверяя законность и обоснованность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, судья должен дать оценку всем значимым доводам жалобы заинтересованного лица и проверить наличие законных оснований для принятия такого решения

Постановлением судьи Хабаровского гарнизонного военного суда оставлена без удовлетворения жалоба Д., в которой он просил признать незаконным постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении К. О.А. и К. В.А.

Рассмотрев материалы по кассационной жалобе Д., судебная коллегия Дальневосточного окружного военного суда установила следующее.

В соответствии с п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», проверяя законность и обоснованность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 148 УПК РФ), судья обязан выяснить, соблюдены ли нормы, регулирующие порядок рассмотрения сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (ст.ст. 20, 144, 145 и 151 УПК РФ), а также принято ли уполномоченным должностным лицом решение об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии к тому законных оснований и соблюдены ли при его вынесении требования ст. 148 УПК РФ.

Как усматривается из оспариваемого постановления, судья, разрешая жалобу Д., посчитал, что проверка заявления названного лица о совершенном в отношении его преступлении выполнена следователем в полном объеме с соблюдением установленного порядка.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 25 января 2005 г. № 42-О, положения ст. 125 УПК РФ в ее конституционно-правовом истолковании не допускают отказ дознавателя, следователя, прокурора, а также суда при рассмотрении заявления, ходатайства или жалобы участника уголовного судопроизводства от исследования и оценки всех приводимых в них доводов, а также мотивировки своих решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности, основания, по которым эти доводы отвергаются рассматривающим соответствующее обращение органом или должностным лицом.

Из жалобы Д., поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, усматривается, что заявитель не только приводил доводы, касающиеся порядка проверки его заявления о преступлении, но и ссылался на фактические обстоятельства, которые, по его мнению, не были приняты во внимание следователем при решении вопроса о наличии или отсутствии события преступления, а равно указывал на избирательное изложение в постановлении содержания материалов проверки и на их искажение. Эти доводы судьей в постановлении не приведены и оценки не получили.

При рассмотрении данной жалобы судьей гарнизонного суда надлежало проверить не только соблюдение формального порядка принятия следователем решения по заявлению Д., но и оценить выводы этого должностного лица об отсутствии события преступления с точки зрения того, насколько эти выводы соответствуют фактическим обстоятельствам, отраженным в материалах, собранных в ходе проверки заявления о преступлении.

Кроме того, судьей допущено нарушение требований ч. 3 ст. 125 УПК РФ, согласно которой судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора с участием заявителя и его защитника, законного представителя или представителя, если они участвуют в уголовном деле, а также иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением.

Поскольку оспариваемое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела вынесено в отношении К. О.А. и К. В.А., данным решением следователя затрагиваются также интересы названных лиц, поэтому они также вправе были участвовать в рассмотрении жалобы Д.

Между тем, как следует из представленных материалов, К. О.А. и К. В.А. о преступлении в суд жалобы Д. не уведомлялись, о времени и месте ее рассмотрения судьей извещены не были.

Судебная коллегия окружного военного суда оспариваемое постановление судьи отменила и направила материалы по жалобе на новое рассмотрение.

При рассмотрении в порядке ст. 125 УПК РФ жалобы на решение прокурора об отказе в возбуждении производства ввиду новых обстоятельств следует иметь в виду, что наличие в ходатайстве заинтересованного лица о возбуждении производства суж-

дения о том, что приводимые им обстоятельства относятся к новым, не является безусловным основанием для принятия прокурором решения, предусмотренного ч. 4 ст. 415 УПК РФ

Судья Советско-Гаванского гарнизонного военного суда по результатам рассмотрения жалобы защитника Б-ной признал незаконными постановления заместителя военного прокурора и военного прокурора военной прокуратуры – войсковая часть 33434 об оставлении без удовлетворения ее ходатайства о возбуждении производства по уголовному делу в отношении Б-на ввиду новых обстоятельств и обязал военного прокурора устранить допущенное нарушение, возбудить производство по ходатайству Б-ной и направить соответствующие материалы руководителю следственного органа.

Рассмотрев кассационное представление военного прокурора военной прокуратуры – войсковая часть 33434, судебная коллегия Дальневосточного окружного военного суда пришла к следующим выводам.

Как усматривается из оспариваемого постановления, судья гарнизонного суда признал незаконными решения прокурора и его заместителя, посчитав, что прокурор обязан возбудить производство ввиду новых обстоятельств во всяком случае, когда обстоятельства, на которые ссылается заявитель, последний полагает новыми.

Однако указанный вывод судьи не основан на требованиях закона.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ новыми обстоятельствами являются указанные в ч. 4 этой же статьи обстоятельства, не известные суду на момент вынесения судебного решения, устраняющие преступность и наказуемость деяния.

Таким образом, к новым обстоятельствам относятся только те из указанных в ч. 4 ст. 413 УПК РФ, которые обладают вышеназванными признаками.

Согласно ч. 1 ст. 415 УПК РФ право возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств принадлежит прокурору, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 данной статьи.

Решение о возбуждении прокурором производства может быть принято лишь при наличии повода, предусмотренного ч. 2 ст. 415 УПК РФ, и достаточных данных, указывающих на наличие в сообщении признаков нового или вновь открывшегося обстоятельства.

Поэтому само по себе наличие в ходатайстве о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств суждения заинтересованного лица о том, что приводимые им обстоятельства относятся к указанным в ч. 4 ст. 413 УПК РФ, не является безусловным основанием для принятия прокурором решения, предусмотренного ч. 4 ст. 415 УПК РФ.

В частности, на возможность вынесения прокурором постановления об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств Верховным Судом Российской Федерации указывается в п. 18 постановления Пленума от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 2.1 определения от 4 декабря 2007 г. № 962-О-О, досудебное производство ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств предполагает, что прокурор на основании сообщений граждан, должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления, а также данных, полученных в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел, либо отказывает в возбуждении производства по этим основаниям, либо возбуждает производство и проводит проверку или расследование соответствующих обстоятельств (чч. 1 – 4 ст. 415 УПК РФ), по результатам которых либо направляет уголовное дело со своим заключением, а также с копией приговора и материалами проверки или расследования в суд (ч. 1 ст. 416 УПК РФ), либо прекращает возбужденное им производство (ч. 2 ст. 416 УПК РФ).

Исходя из изложенного, при рассмотрении жалобы на решение прокурора об отказе в возбуждении производства судье следовало прежде всего разрешить вопрос об обоснованности выводов прокурора о том, являются ли приводимые в заявлении защитника Б-ной обстоятельства новыми.

Поскольку судья не дал оценки тому, насколько обстоятельства, на которые Б-на ссылается как на новые, соответствуют такому по смыслу п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ, и не оценил основания, по которым военный прокурор и его заместитель пришли к выводам, изложенным в оспариваемых заявителем постановлениях, судебная коллегия данное постановление судьи отменила в связи с нарушением уголовно-процессуального закона и материалы по жалобе направила на новое рассмотрение.

Отсутствие в резолютивной части постановления судьи решения о законности либо незаконности обжалуемых действий и несоответствие между описательно-мотивировочной и резолютивной частями постановления повлекли его отмену

Судья Владикавказского гарнизонного военного суда, рассмотрев жалобу защитника М., признал незаконными решения и действия должностных лиц военного следственного отдела по Владикавказскому гарнизону по уголовному делу в отношении полковника З., возбужденному по ч. 1 ст. 159 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда постановление судьи отменила, а материалы досудебного производства направила на новое судебное разбирательство по следующим основаниям.

Принимая в порядке ст. 125 УПК РФ решение по жалобе заявителя, судья, дав оценку в описательно-мотивировочной части постановления действиям (бездействию) и решениям должностных лиц военного следственного отдела и придя к выводу о незаконности части из них, в резолютивной части постановления соответствующего решения не принял, указав лишь об удовлетворении жалобы и о возложении на должностных лиц обязанности устранить допущенные нарушения. Также судьей в резолютивной части постановления не принято решение по требованиям жалобы, которые в описательно-мотивировочной части постановления признаны необоснованными.

Между тем в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 125 УПК РФ судья по результатам рассмотрения жалобы обязан вынести постановление о признании действия (бездействия) должностного лица незаконным или необоснованным и об устранении допущенного нарушения либо об оставлении жалобы без удовлетворения.

Аналогичное предписание содержится и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Так как резолютивная часть постановления судьи по жалобе заявителя, поданной в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, не соответствовала описательно-мотивировочной части этого же постановления и не содержала решения о признании обжалованных действий (бездействия) и решений должностных лиц военного следственного отдела незаконными, а также решения об оставлении части требований жалобы без удовлетворения, названное судебное постановление не могло быть признано законным и обоснованным.

При новом рассмотрении жалобы производство по ней прекращено.

Нарушение подсудности при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ повлекло отмену постановления судьи

14 марта 2011 г. старшим следователем военного следственного отдела по Кировскому гарнизону было возбуждено уголовное дело в отношении М. и Р. по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, которое было соединено в одно производство с имеющимся в отношении последней уголовным делом.

22 марта 2011 г. после произведенного допроса, в ходе которого М. отказалась от дачи показаний, воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации, она была задержана в порядке ст. 91 УПК РФ врид руководителя военного следственного отдела по Кировскому гарнизону.

Не согласившись с законностью задержания, защитник – адвокат К. обратилась в Кировский гарнизонный военный суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, в которой просила признать названные действия должностного лица незаконными и необоснованными.

Постановлением врид председателя Кировского гарнизонного военного суда данная жалоба была оставлена без удовлетворения.

Рассмотрев материалы по кассационной жалобе защитника, судебная коллегия по уголовным делам Приволжского окружного военного суда постановление отменила, указав в обоснование следующее.

Согласно ч. 1 ст. 125 УПК РФ постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования.

В соответствии с ч. 3 ст. 22 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» гарнизонный военный суд принимает решения, предусмотренные чч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ, по делам, отнесенным к его подсудности.

Данные положения закреплены и в руководящих разъяснениях, содержащихся в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которым жалобы на решения и действия (бездействие) должностных лиц военно-следственных органов и военных прокуратур, поданные в порядке ст. 125 УПК РФ по делам, подсудным военным судам, в соответствии со ст. 22 названного Федерального конституционного закона рассматриваются гарнизонными военными судами.

В силу положений ст. 7 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» военным судам подсудны дела обо всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, дела о преступлениях, совершенных гражданами (иностранцами гражданами) в период прохождения ими военной службы, военных сборов, а также дела, отнесенные к компетенции военных судов УПК РФ.

В соответствии с ч. 5 ст. 31 УПК РФ гарнизонный военный суд рассматривает уголовные дела обо всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, за исключением уголовных дел, подсудных вышестоящим военным судам.

Из поступивших в суд материалов усматривается, что уголовное дело в отношении М. и Р., расследуемое военным следственным отделом по Кировскому гарнизону, не подсудно военному суду, поскольку ни та, ни другая не являлись на момент инкриминируемых им действий военнослужащими и не проходили ни военную службу, ни военные сборы.

При таких обстоятельствах жалоба защитника – адвоката К. не могла быть рассмотрена гарнизонным военным судом, поскольку отнесена законом к подсудности районного суда по месту производства предварительного расследования.

Если судом будет установлено, что требования заявителя удовлетворены прокурором или руководителем следственного органа, то в связи с отсутствием оснований для проверки законности и обоснованности действий (бездействия) или решений должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, судья в зависимости от стадии судопроизводства выносит постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению либо о прекращении производства по жалобе

Судей Краснояреченского гарнизонного военного суда была частично удовлетворена жалоба С. на действия должностных лиц 57-го военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по Восточному военному округу.

Судебная коллегия по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда названное постановление отменила, указав в определении следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) до-

знавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суд по месту производства предварительного расследования.

Как видно из текста жалобы, С. просил судью проверить законность всех ранее вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по его заявлению о фальсификации должностных лицами воинской части доказательств при рассмотрении в районном суде гражданского дела с его участием.

Вместе с тем, согласно представленным в гарнизонный военный суд материалам перечисленные в жалобе С. решения следователя были установленным порядком отменены, в том числе и постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

По смыслу же ч. 1 ст. 125 УПК РФ в порядке, предусмотренном данной нормой, могут быть оспорены не все действия, ранее совершенные должностными лицами, проводящими предварительное следствие, а только те, которые препятствуют реализации предусмотренных законом прав участников уголовного судопроизводства и заинтересованных лиц на момент обращения в суд.

В соответствии с п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», если будет установлено, что требования заявителя удовлетворены прокурором или руководителем следственного органа, то в связи с отсутствием основания для проверки законности и обоснованности действий (бездействия) или решений должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, судья выносит постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению. Если же указанные обстоятельства установлены в судебном заседании, то производство по жалобе подлежит прекращению.

Поскольку основания для проверки жалобы С. у судьи гарнизонного суда отсутствовали, судебная коллегия окружного суда производство по его жалобе прекратила.

В соответствии со ст. 125 УПК РФ могут быть обжалованы только решения и действия (бездействие) должностных лиц в связи с их полномочиями по осуществлению уголовного преследования

Судья Свободненского гарнизонного военного суда признал незаконным и необоснованным предостережение военного прокурора майору К. о недопустимости нарушения закона с возложением на него обязанности устранить данное нарушение.

Рассмотрев кассационное представление военного прокурора, судебная коллегия по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда указанное постановление отменила по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 125 УПК РФ могут быть обжалованы решения и действия (бездействие) должностных лиц в связи с их полномочиями по осуществлению уголовного преследования.

Из материалов дела усматривается, что К. обратился в суд в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, с жалобой, в которой просил признать незаконным вынесенное в отношении его предостережение военного прокурора Свободненского гарнизона о недопустимости нарушения закона.

Однако обжалуемое предостережение вынесено не в связи с осуществлением полномочий по уголовному преследованию, а в рамках реализации возложенных на прокурора Федеральным законом № 2202-1 от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации» функций надзора за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина (ст. 25.1).

В связи с изложенным жалоба К. подлежала рассмотрению не в порядке ст. 125 УПК РФ, а в порядке гл. 25 ГПК РФ.

Поскольку судом первой инстанции допущено нарушение уголовно-процессуального закона, окружной военный суд производство по жалобе прекратил.

Рассматривая жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ, судья не вправе давать оценки имеющимся в деле доказательствам

Судья 95-го гарнизонного военного суда, отказывая в удовлетворении жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ адвокатом К. в интересах О. на постановление

заместителя руководителя военно-следственного отдела об отказе в возбуждении уголовного дела, сослался на то, что причиной дорожно-транспортного происшествия явилось нарушение О. пп. 9.1 и 10.1 Правил дорожного движения (ПДД), вызвавшееся в выезде на полосу встречного движения.

Между тем, как видно из протокола судебного заседания, судья не исследовал документы, дающие основание для такого вывода, и не выяснил, был ли О. привлечен к административной ответственности за данное нарушение ПДД.

При таких обстоятельствах указание судьей в постановлении на нарушение ПДД О. явилось преждевременным. Без внимания судьи остались доводы автора жалобы об отсутствии у заместителя руководителя военно-следственного отдела оснований для данного вывода.

По смыслу разъяснения, содержащегося в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 10 февраля 2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», при рассмотрении такой жалобы судья не вправе давать оценки имеющимся в деле доказательствам.

3-й окружной военный суд, признав, что в данном случае имело место существенное нарушение уголовно-процессуального закона, состоящее в несоблюдении процедуры судопроизводства и повлекшее ограничение гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, отменил постановление судьи и направил жалобу адвоката К. на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение экспертного учреждения, которому поручено проведение экспертизы, не является предметом обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ

Постановлением заместителя председателя Краснодарского гарнизонного военного суда оставлена без удовлетворения жалоба защитника на постановление следователя о назначении стационарной комплексной военно-врачебной психолого-психиатрической экспертизы.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда постановление отменено, а производство по жалобе прекращено по следующим основаниям.

Как видно из материалов досудебной проверки, защитник заявил ходатайство о проведении судебно-психиатрической экспертизы в отношении его подзащитного в Краснодарской краевой психиатрической больнице. Следователь ходатайство адвоката удовлетворил, но поручил проведение экспертизы 111-му Главному государственному центру судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации при ФГУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. С.П. Сербского». Адвокат не согласился в этой части с постановлением следователя и обжаловал его в суд в порядке ст. 125 УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 125 УПК РФ в суд могут быть обжалованы постановления следователя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Постановление следователя о назначении экспертизы, с которым не согласен адвокат лишь в части экспертного учреждения, которому поручено проведение экспертизы, прав обвиняемого не нарушает, его законных интересов не ущемляет и доступа к правосудию не затрудняет. Оценка предполагаемого заключения эксперта как доказательства по уголовному делу на стадии досудебной проверки недопустима. Кроме того, согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования. Установив эти обстоятельства, судье в зависимости от того, на какой стадии находилось производство по жалобе, следовало вынести постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению или о прекращении производства по жалобе в связи с тем, что определение экспертного учреждения, которому поручено проведение экспертизы, не является предметом обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ.

При рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ судья не вправе выносить решения, для принятия которых установлен иной порядок

Судья Читинского гарнизонного военного суда, рассмотрев жалобу представителя потерпевшей на постановление старшего следователя о прекращении уголовного дела в отношении Д., признал указанное постановление следователя незаконным и необоснованным и отменил его.

Между тем в соответствии с ч. 5 ст. 125 УПК РФ по результатам рассмотрения жалобы судья выносит одно из следующих постановлений: о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение либо об оставлении жалобы без удовлетворения, то есть отменять постановление следователя не вправе.

В связи с изложенным суд кассационной инстанции указанное постановление судьи частично изменил, изложив второй абзац резолютивной части постановления в новой редакции – признал необоснованным постановление старшего следователя о прекращении уголовного дела в отношении Д. и обязал руководителя вышестоящего следственного органа устранить допущенные нарушения.

Отказ в принятии жалобы на действия должностных лиц органов предварительного расследования законом не предусмотрен

15 марта 2010 г. постановлением следователя отказано в возбуждении уголовного дела в отношении Р. по признакам совершения преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть за отсутствием состава преступления.

12 мая 2010 г. защитник обвиняемых А. и К. обратился в Безречненский гарнизонный военный суд с жалобой, в которой просил отменить указанное постановление следователя, признав его незаконным и необоснованным.

Судья Безречненского гарнизонного военного суда отказал защитнику в принятии его жалобы к рассмотрению на том основании, что вынесенное следователем постановление интересы обвиняемых А. и К. не затрагивает.

По результатам рассмотрения жалобы судья, согласно ч. 5 ст. 125 УПК РФ, выносит одно из следующих постановлений: о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и его обязанности устранить допущенное нарушение либо об оставлении жалобы без удовлетворения.

В соответствии с п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», проверяя законность и обоснованность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 148 УПК РФ), судья обязан выяснить, соблюдены ли нормы, регулирующие порядок рассмотрения сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (ст.ст. 20, 144, 145 и 151 УПК РФ), а также принято ли уполномоченным должностным лицом решение об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии к тому законных оснований и соблюдены ли при его вынесении требования ст. 148 УПК РФ. Признав отказ в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, судья выносит соответствующее постановление, которое направляет для исполнения руководителю следственного органа или начальнику органа дознания, и уведомляет об этом заявителя (ч. 7 ст. 148 УПК РФ).

Однако судья, в нарушение данных требований уголовно-процессуального закона, рассмотрел жалобу адвоката без проведения судебного заседания и принял не основанное на законе решение об отказе в ее принятии, в результате чего были нарушены права участников уголовного судопроизводства и заинтересованных лиц.

Исходя из этого, окружной военный суд постановленное судебное решение отменил, а материалы направил на новое судебное разбирательство.

Нарушение подсудности рассмотрения жалобы осужденного явилось основанием к отмене постановления судьи

Г. 13 марта 2006 г. был оужден Нижнетагильским гарнизонным военным судом и отбывал наказание в местах лишения свободы.

В апреле 2011 г. Г. обратился в указанный военный суд с жалобой на постановление военного прокурора от 1 апреля 2011 г. о прекращении возбужденного данным прокурором ввиду новых обстоятельств производства по уголовному делу в отношении заявителя. При этом, Г. просил суд названное постановление прокурора отменить как незаконное и необоснованное.

Данная жалоба была рассмотрена судьей в порядке ст. 125 УПК РФ и оставлена без удовлетворения.

Уральский окружной военный суд отменил данное постановление судьи и принял материалы к своему производству, указав в кассационном определении следующее.

Военный прокурор, возбудивший в соответствии со ст. 415 УПК РФ производство по уголовному делу Г. ввиду новых обстоятельств, по окончании проверки, не найдя оснований для возобновления производства, своим постановлением прекратил его.

Жалобу Г. на данное постановление Нижнетагильский гарнизонный военный суд рассмотрел в порядке ст. 125 УПК РФ.

Однако в тех случаях, когда осужденный не согласен с подобным решением прокурора, он, в соответствии с ч. 3 ст. 416 УПК РФ, вправе обжаловать это решение в суде, правомочном решать вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств согласно ст. 417 УПК РФ, а не в суде, компетентном рассматривать жалобы на незаконные действия прокурора в порядке ст. 125 УПК РФ.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 417 УПК РФ указанный вопрос в отношении приговора, определения, постановления гарнизонного военного суда правомочен рассматривать окружной военный суд и, следовательно, жалоба Г. на постановление военного прокурора о прекращении производства, возбужденного данным прокурором по уголовному делу в отношении заявителя ввиду новых обстоятельств, подсудна Уральскому окружному военному суду.

Производство аудиозаписи допроса по ходатайству допрашиваемого лица является правом, а не обязанностью следователя

В ходе предварительного следствия по уголовному делу в отношении В., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 и п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ, его защитник – адвокат Н. заявил ходатайство о применении аудиозаписи допроса В.

Следователь военного следственного отдела по Ульяновскому гарнизону в удовлетворении данного ходатайства отказал.

Не согласившись с таким решением, Н. обратился в Ульяновский гарнизонный военный суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, в которой просил признать данные действия следователя незаконными и необоснованными, а также обязать устранить допущенное нарушение.

Судья Ульяновского гарнизонного военного суда решение следователя признал незаконным и необоснованным, возложил на врид руководителя военного следственного отдела обязанность отменить данное постановление, а на следователя – провести допрос подозреваемого В. с применением аудиозаписи.

Рассмотрев материалы по кассационной жалобе врид руководителя военного следственного отдела, судебная коллегия по уголовным делам Приволжского окружного военного суда постановление судьи отменила и в удовлетворении жалобы отказала по следующим основаниям.

Согласно ч. 4 ст. 189 УПК РФ по инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются, то есть закон оставляет решение данного вопроса на усмотрение следователя, и значит проведение аудиозаписи допроса является правом, а не обязанностью следователя.

Гарнизонные военные суды правомочны рассматривать жалобы, поданные в порядке ст. 125 УПК РФ по делам, отнесенным законом к их подсудности

Постановлением судьи Благовещенского гарнизонного военного суда оставлена без удовлетворения жалоба гражданки Б. на постановление старшего следователя

военного следственного отдела по Благовещенскому гарнизону о направлении сообщения о преступлении военному прокурору Благовещенского гарнизона для определения подследственности.

В соответствии с положениями ч. 9 ст. 31 УПК РФ военный суд соответствующего уровня принимает в ходе досудебного производства по уголовному делу решения, указанные в чч. 2 и 3 ст. 29 названного Кодекса.

В соответствии с ч. 6.1 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» военные суды правомочны принимать решения, предусмотренные чч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ по делам, отнесенным к их подсудности.

Как следует из материалов судебной проверки и обжалуемого постановления, заявителем обжаловано решение старшего следователя военного следственного отдела по Благовещенскому гарнизону, принятое по делу, не относящемуся к подсудности военного суда, в отношении граждан, которые не являются военнослужащими и не проходят военные сборы.

Следовательно, данная жалоба ввиду ее неподсудности не подлежала рассмотрению гарнизонным военным судом в порядке ст. 125 УПК РФ.

Таким образом, приняв жалобу к своему производству и рассмотрев ее по существу, судья нарушил предусмотренное ст. 7 Конституции Российской Федерации право заявителя на рассмотрение ее дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Рассмотрев в кассационном порядке данное постановление, судебная коллегия по уголовным делам окружного военного суда отменила его в связи с нарушением требований уголовно-процессуального закона, а жалобу направила в тот же суд для разрешения вопроса о подсудности.

Заявление об оспаривании действий должностных лиц военного следственного отдела, несмотря на то, что оно озаглавлено как заявление о преступлении, подлежит рассмотрению в порядке, предусмотренном гл. 25 ГПК РФ

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2011 г. № 202-Д10-7 по жалобе Ш. (извлечение)

Врио руководителя военного следственного отдела Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Петрозаводскому гарнизону 9 декабря 2008 г. направлен письменный ответ гражданину Ш. по поступившему в тот же день его заявлению, в котором он выражал несогласие с нерассмотрением ранее направленного им в мае 2008 г. письменного сообщения о преступлении, в связи с чем просил выявить должностное лицо отдела, виновное в утрате либо уничтожении заявления, и привлечь это лицо к уголовной ответственности.

В ответе сообщалось, что в 2008 г. заявлений и обращений Ш. в военный следственный отдел по Петрозаводскому гарнизону не поступало и не регистрировалось, в связи с чем основания для проведения проверки отсутствуют.

Не согласившись с ответом, Ш. обратился в суд в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, с жалобой, в которой просил признать незаконным бездействием должностных лиц военного следственного отдела и обязать их устранить допущенные недостатки путем организации рассмотрения его заявления согласно УПК РФ. В обоснование жалобы он указал, что по результатам рассмотрения заявления должно быть вынесено постановление о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем ему должно быть сообщено с разъяснением права обжалования вынесенных постановлений.

Постановлением судьи Петрозаводского гарнизонного военного суда от 21 мая 2009 г., оставленным без изменения кассационным определением Ленинградского окружного военного суда от 17 июля 2009 г. и надзорным постановлением президиума окружного военного суда от 13 октября 2010 г., жалоба Ш. удовлетворена, на руководителя военного следственного отдела Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Петрозаводскому гарнизону возложена обязанность устранить допущенное нарушение УПК РФ, связанное с принятием решения при рассмотрении заявления Ш. о преступлении.

В надзорной жалобе заинтересованное лицо, указывая на то, что поступившее в военный следственный отдел заявление Ш. не содержало сведений о совершенном

или готовящемся преступлении, в связи с чем по нему не имелось оснований для проведения проверки в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, просило судебные постановления отменить.

Рассмотрев материалы судебного производства, Военная коллегия нашла надзорную жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной указанным Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения.

Между тем из заявления Ш. не усматривалось, что в нем содержится сообщение о преступлении, в заявлении лишь указывалось на нерассмотрение его предыдущего заявления уполномоченным лицом и высказывалась просьба об установлении этого лица и привлечении его к уголовной ответственности.

То есть заявление Ш. не содержало данных, указывающих на какое-либо виновное совершенное или готовящееся общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания, в связи с чем оснований для проверки его заявления в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, и вынесения соответствующего процессуального решения не имелось.

При таких данных заявление Ш. о нерассмотрении его предыдущего заявления, несмотря на то, что оно озаглавлено как заявление о преступлении, фактически является заявлением об оспаривании бездействия указанного должностного лица, которое подлежит рассмотрению в порядке, предусмотренном гл. 25 ГПК РФ.

В связи с изложенным Военная коллегия нашла судебные постановления, принятые по жалобе Ш., подлежащими отмене, а производство по жалобе – прекращению. Принятие указанного решения не препятствует Ш. оспорить бездействие руководителя военного следственного отдела Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Петрозаводскому гарнизону в случае несогласия с ним с соблюдением установленного законом порядка.

При поступлении в порядке ст. 125 УПК РФ жалобы, не содержащей предмета обжалования, выносится постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению

27 декабря 2011 г. К. был задержан в порядке ст.ст. 91 и 92 УПК РФ по подозрению в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

28 декабря 2011 г. К. был освобожден из ИВС г. Краснодара врио военного прокурора Краснодарского гарнизона.

В этот же день защитник подозреваемого адвокат Г. обжаловал задержание К. в порядке ст. 125 УПК РФ в Краснодарском гарнизонном военном суде.

Рассмотрев данную жалобу 29 декабря 2011 г., судья гарнизонного военного суда признал действия следователя военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому гарнизону, связанные с задержанием К., незаконными, и на руководителя следственного органа возложена обязанность по устранению допущенного нарушения.

Между тем согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» если по поступившей в суд жалобе будет установлено, что жалоба с теми же доводами уже удовлетворена прокурором либо руководителем следственного органа, то в связи с отсутствием оснований для проверки законности и обоснованности действий (бездействия) или решений должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, судья выносит постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению, копия которого направляется заявителю. Если указанные обстоятельства установлены в судебном заседании, то производство по жалобе подлежит прекращению.

Из материалов досудебного производства усматривается, что судье было известно об освобождении подозреваемого К. из ИВС г. Краснодара на основании постановления военного прокурора от 28 декабря 2011 г., в связи с чем подозреваемый принимал непосредственное участие в судебном разбирательстве.

При наличии таких данных оспоренные защитником действия следователя по задержанию подозреваемого уже получили правовую оценку в постановлении прокурора, фактически жалоба защитника удовлетворена и задержание К. отменено.

Таким образом, предмет обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ отсутствовал, ввиду чего оснований для рассмотрения в суде жалобы не имелось. Более того, отсутствовали основания и для возложения на должностное лицо обязанности по устранению допущенного нарушения.

В связи с изложенным судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда постановление судьи отменила и производство по материалам досудебного производства по жалобе защитника Г. прекратила.

Постановление об отказе в удовлетворении жалобы отменено и производство по жалобе прекращено, поскольку заявитель в ходе судебного заседания отозвал жалобу

Судья Читинского гарнизонного военного суда, рассмотрев жалобу З. на бездействие должностных лиц военного следственного отдела по Читинскому гарнизону, отказал ему в ее удовлетворении.

Между тем согласно абз. 4 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» если после назначения судебного заседания жалоба отозвана заявителем, судья выносит постановление о прекращении производства по жалобе ввиду отсутствия повода для проверки законности и обоснованности действий (бездействия) или решения должностного лица, осуществляющего уголовное преследование.

З. представил заявление об отзыве жалобы в ходе судебного заседания. Поэтому судья, приняв данное заявление, должен был прекратить производство по жалобе ввиду отсутствия повода для проверки законности и обоснованности бездействия должностных лиц военного следственного отдела по Читинскому гарнизону, однако он рассмотрел ее по существу.

В связи с изложенным Восточно-Сибирский окружной военный суд постановление судьи об отказе в удовлетворении жалобы З. отменил и производство по жалобе прекратил.

Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» после направления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу либо после постановления приговора судья принимает к производству и рассматривает жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ только от лиц, не являющихся участниками судебного разбирательства по данному уголовному делу

М. 10 января 2003 г. осужден Томским гарнизонным военным судом за совершенные преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ч. 2 ст. 158 и ч. 1 ст. 338 УК РФ. Приговор вступил в законную силу, и осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы.

2 февраля 2009 г. М. подал в адрес военного прокурора Томского гарнизона заявление, в котором указал, что не согласен с назначенным судом наказанием, а также представленными сведениями при производстве предварительного расследования.

Не получив от указанного должностного лица в течение двух месяцев ответ, посчитав, что данным бездействием нарушаются его законные права, М. 13 апреля 2009 г. по правилам ст. 125 УПК РФ обратился в суд с жалобой на упомянутое бездействие военного прокурора Томского гарнизона.

17 апреля 2009 г. Томский гарнизонный военный суд вынес постановление об отказе в удовлетворении жалобы.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», после направления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу, либо после постановления приговора судья принимает к производству и рассматривает жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ только от лиц, не являющихся участниками судебного разбирательства по данному уголовному делу.

Также из смысла п. 9 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что суд при обращении участника судебного разбирательства с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ после вступления приговора в законную силу должен вынести постановление об отказе в принятии такой жалобы к рассмотрению и разъяснить заявителю его право обратиться в суд в порядке ст. 402 УПК РФ.

Поскольку осужденный М. являлся участником судебного разбирательства, кассационная инстанция постановлением отменила и прекратила производство по жалобе.

Судья выносит постановление о прекращении производства по жалобе, если уголовное дело, по которому подана жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ, поступило в суд для рассмотрения по существу

Судья Благовещенского гарнизонного военного суда оставил без удовлетворения жалобу Б., в которой он просил признать незаконным постановление заместителя военного прокурора Благовещенского гарнизона об отказе в удовлетворении его жалобы на действия следователя при производстве по уголовному делу в отношении его.

Судебная коллегия Дальневосточного окружного военного суда названное постановление отменила, а производство по жалобе прекратила, указав следующее.

В соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в редакции постановления Пленума от 9 декабря 2012 г.) в случае, если уголовное дело, по которому поступила жалоба, направлено в суд для рассмотрения по существу либо по делу постановлен приговор или иное окончательное решение, судья принимает к производству и рассматривает лишь жалобы на решения и действия (бездействие) должностных лиц, затрагивающие права и законные интересы заявителей, не являющихся участниками судебного разбирательства по данному уголовному делу. В остальных случаях судья в зависимости от того, на какой стадии находится производство по жалобе, выносит постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению или о прекращении производства по жалобе в связи с тем, что предварительное расследование по уголовному делу окончено и уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

Из представленных материалов усматривается, что на момент разрешения жалобы уголовное дело в отношении Б. поступило в Благовещенский гарнизонный военный суд для рассмотрения по существу.

Б. же оспаривал военному прокурору Благовещенского гарнизона допустимость доказательств по данному уголовному делу.

Таким образом, у судьи гарнизонного военного суда не имелось оснований для рассмотрения указанной жалобы Б. по существу.

При таких обстоятельствах судебная коллегия постановление судьи отменила и производство по данной жалобе прекратила.

Уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в связи с выполнением ими своих служебных обязанностей или совершенных на территории (в расположении) воинской части, соединения, учреждения, подследственные военным следственным органам Следственного комитета Российской Федерации

Судьей Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда 13 января 2012 г. признаны незаконными действия следователя военного следственного отдела по Ростовскому гарнизону, связанные с рассмотрением сообщения о преступлении и проведении проверки с изъятием документов в Ростовском филиале ФГУП «СПб Инжтехцентр».

В обоснование принятого в порядке ст. 125 УПК РФ решения судья сослался на то, что ФГУП «СПб Инжтехцентр» не относится к Вооруженным Силам Российской Федерации.

Между тем из материалов досудебного производства следует, что в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 апреля 2010 г. № 584-р ФГУП «СПб Инжтехцентр» из ведения Федеральной налоговой службы передано в ведение Министерства обороны Российской Федерации.

Во исполнение названного распоряжения Правительства Российской Федерации приказом министра обороны Российской Федерации от 5 мая 2010 г. внесены изменения в Устав ФГУП «СПб Инжтехцентр», согласно которым учредителем указанной организации является Министерство обороны Российской Федерации. Данные обстоятельства также подтверждаются свидетельством о внесении записи о ФГУП «СПб Инжтехцентр» в единый государственный реестр юридических лиц, свидетельством о постановке этой организации на учет в налоговом органе, выпиской из приказа министра обороны Российской Федерации от 18 мая 2011 г. № 566 о продлении срока трудового договора с генеральным директором ФГУП «СПб Инжтехцентр».

Абзацем 3 п. 4.5 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 4 «Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации» военным следственным органам Следственного комитета Российской Федерации предписано осуществлять рассмотрение сообщений о преступлениях и предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, к которым относятся преступления, совершенные лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в связи с выполнением ими своих служебных обязанностей или совершенные на территории (в расположении) воинской части, соединения, учреждения.

Анализ приведенных выше нормативных правовых актов свидетельствует о том, что учредителем ФГУП «СПб Инжтехцентр» является Министерство обороны Российской Федерации. Указанное ФГУП создано и осуществляет свою деятельность для обеспечения нужд Министерства обороны Российской Федерации, в связи с чем вывод судьи в постановлении об обратном не соответствует материалам досудебного производства.

В связи с изложенным судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда постановление судьи отменила, а материалы досудебного производства направила на новое судебное разбирательство в порядке ст. 125 УПК РФ.

При рассмотрении материалов досудебного производства судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела

Заместитель председателя Краснодарского гарнизонного военного суда 10 ноября 2011 г. признал необоснованным постановление военного прокурора Краснодарского гарнизона об отмене постановления следователя военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому гарнизону об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении С. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Принятое решение было обосновано тем, что постановление прокурора недостаточно мотивировано в части указания о необходимости проведения дополнительной проверки конкретных обстоятельств дела. Как отметил заместитель председателя Краснодарского гарнизонного военного суда, военный прокурор ошибочно признал, что следователь сделал неверный вывод относительно полноты и содержания доказательств, имеющихся в материалах уголовного дела, и это повлекло за собой «произвольное» прекращение дела. В постановлении заместителя председателя Краснодарского гарнизонного военного суда также отмечалось, что в содеянном С. отсутствует один из необходимых элементов состава преступления – умысел на завладение чужими денежными средствами.

Между тем в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащимися в п. 1 постановления от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», при проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) следователя суд не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. В частности, судья не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния. В соответствии с п. 16 этого же постановления судья не вправе давать правовую оценку действи-

ям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы подлежат разрешению в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Однако в обжалуемом постановлении ряду обстоятельств по уголовному делу в отношении С. дана преждевременная оценка и сделаны недопустимые выводы, касающиеся, в частности, наличия признаков преступления в действиях подозреваемой.

В связи с изложенным судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда постановление заместителя председателя Краснодарского гарнизонного военного суда отменила и материалы досудебного производства направила на новое судебное разбирательство в порядке ст. 125 УПК РФ.

Жалобы гражданских лиц на действия военного следователя подлежат рассмотрению военными судами только по делам, им подсудным

Военной прокуратурой Братского гарнизона в отделе Государственной инспекции маломерных судов Главного управления МЧС России по Иркутской области была проведена проверка по фактам незаконного сбора денежных средств с владельцев маломерных судов за проведение технического осмотра этих судов и обучение судоводжению лиц, не имеющих удостоверений на право управления маломерными судами.

По результатам проверки следователь военного следственного отдела по Иркутскому гарнизону возбудил в отношении бывшего начальника указанного отдела Р., не являвшегося военнослужащим, уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Данное постановление Р. в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, обжаловал в Иркутском гарнизонном военном суде, судья которого в удовлетворении жалобы отказал.

Судебное постановление Р. обжаловал в кассационном порядке.

Рассмотрев материалы по жалобе Р. в кассационном порядке, судебная коллегия по уголовным делам Восточно-Сибирского окружного военного суда постановление судьи отменила, поскольку в соответствии с пп. 2 и 6 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах» военным судам подсудны лишь дела о преступлениях, в совершении которых обвиняются военнослужащие, граждане, проходящие военные сборы, граждане, уволенные с военной службы, и граждане, прошедшие военные сборы, при условии, что преступления совершены ими в период прохождения военной службы, военных сборов, а также жалобы указанных лиц по таким делам на действия и решения должностных лиц органов предварительного расследования по таким делам.

Р. же таким лицом не являлся и, следовательно, вправе был обратиться с жалобой в районный суд по месту производства предварительного расследования.

Глава 23. Заключение под стражу

Решение об избрании, оставлении без изменения, а также продлении сроков меры пресечения в виде заключения под стражу на любой стадии судопроизводства может быть принято только по результатам рассмотрения данного вопроса в судебном заседании с участием сторон

13 февраля 2009 г. судьей Борзинского гарнизонного военного суда срок содержания обвиняемого Ю. под стражей продлен на один месяц, то есть по 13 марта этого же года, а всего до восьми месяцев.

11 марта 2009 г. данное уголовное дело поступило в указанный суд и на следующий день передано судье для рассмотрения.

12 марта 2009 г. судья назначил по делу предварительное слушание на 26 марта того же года. При этом, разрешая вопрос о мере пресечения Ю., он постановил оставить ее без изменения и указал об этапировании обвиняемого к месту проведения предварительного слушания в г. Борзю к 26 марта 2009 г.

Таким образом, судья единолично, в отсутствие сторон, фактически продлил обвиняемому Ю. срок содержания под стражей с 14 по 26 марта 2009 г.

Между тем в соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П суд обязан обеспечить обвиняемому право участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей или об оставлении данной меры пресечения без изменения, изложить свою позицию и представить в ее подтверждение необходимые доказательства.

При этом, суд может принять решение об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или о продлении срока его действия только по результатам рассмотрения непосредственно в условиях состязательности сторон и при обеспечении прав участников судопроизводства. Это решение должно отражать исследованные в судебном заседании фактические обстоятельства вне зависимости от того, на какой стадии судопроизводства и в какой форме оно принимается.

Более того, 26 марта 2009 г. судьей Борзинского гарнизонного военного суда было вынесено постановление о назначении судебного заседания по итогам предварительного слушания, в котором также указано, что в отношении Ю. оставлена без изменения мера пресечения в виде заключения под стражу, несмотря на то, что срок содержания обвиняемого под стражей в связи с незаконностью его продления фактически истек еще в 24 часа 14-го числа того же месяца и новой меры пресечения в отношении последнего избрано не было.

В связи с тем что участники уголовного судопроизводства были лишены гарантированных УПК РФ прав, что могло повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора, постановление судьи Борзинского гарнизонного военного суда от 12 марта 2009 г. о назначении предварительного слушания и все последующие судебные решения судебная коллегия по уголовным делам Восточно-Сибирского окружного военного суда отменила, а уголовное дело направила на новое судебное разбирательство со стадии поступления дела в суд, оставив Ю. меру пресечения в виде заключения под стражу.

При принятии решения о заключении обвиняемого под стражу судья не учел обстоятельства, которые могли существенно повлиять на это решение

Постановлением судьи Тюменского гарнизонного военного суда в отношении лейтенанта К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, в качестве меры пресечения было избрано заключение под стражу.

Обосновывая данное решение, судья в своем постановлении указал на то, что, поскольку К. после возбуждения в отношении его 21 июня 2009 г. уголовного дела не являлся на неоднократные вызовы в следственные органы, это обстоятельство служит достаточным основанием для избрания в отношении его указанной меры пресечения. Кроме того, сослался судья в постановлении и на то, что К. обвиняется в совершении умышленного особо тяжкого преступления против личности, дерзость которого и тяжесть последствий дают основание полагать, что он может продол-

жить заниматься преступной деятельностью, скрыться от следствия и суда либо иным путем воспрепятствовать производству по делу, что не дает оснований для применения к нему более мягкой меры пресечения.

Рассмотрев в кассационном порядке материалы данного дела, окружной военный суд нашел необоснованным заключение К. под стражу.

Как видно из протокола допроса К. в качестве подозреваемого, он не отрицал своей причастности к событиям 21 июня 2009 г. и участия в драке с потерпевшим Т. Вместе с тем, судом не дано какой-либо оценки обстоятельствам оказания помощи потерпевшему, наличия у самого К. телесных повреждений, получения им медицинской помощи в госпитале в период с 21 по 23 июня с. г., освобождения его от исполнения служебных обязанностей, наличия у него семьи и малолетнего ребенка на иждивении, а также его добровольной явки в органы следствия.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что органами следствия в обоснование ходатайства об избрании меры пресечения в отношении К., кроме его показаний, характеристик личности, согласно которым он характеризуется положительно, каких-либо иных материалов не представлено.

Сам К. свою вину в инкриминируемом ему деянии отрицал. Также он заявил, что получал на свой телефон сообщения угрожающего характера и опасался мести со стороны родственников погибшего Т., в связи с чем обратился за адвокатской помощью, после чего, как только узнал, что его вызывают к следователю, сразу прибыл к нему.

Из протокола судебного заседания видно, что к К. в связи с возбуждением уголовного дела какой-либо меры пресечения не избиралось, он не предупреждался о необходимости не покидать место жительства. Согласно медицинским документам врачами было рекомендовано освобождение К. от исполнения служебных обязанностей.

Что же касается упоминания в постановлении о совершении обвиняемым дерзкого преступления с тяжкими последствиями, то доказательств этого в материалах дела не имеется.

Указанным обстоятельствам судья какой-либо оценки не дал.

Наличие в материалах дела рапортов о том, что К. в октябре 2008 г. без уважительных причин на службу не прибывал, 20 июня 2009 г., то есть в выходной день, отсутствовал по месту жительства, а в дальнейшем не находился в квартире, также не свидетельствует о том, что он собирался скрываться. Более того, указанные обстоятельства не могут быть расценены как воспрепятствование производству по уголовному делу.

Из рапорта капитана юстиции Ф. видно, что он в ночь на 22 июня 2009 г. провел в отношении К. неотложные следственные действия в связи с возбуждением уголовного дела, о чем последнему было объявлено.

Все вышеприведенные данные в своей совокупности свидетельствуют о том, что органами следствия убедительных данных, подтверждающих необходимость избрания в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу, в суд представлено не было.

В связи с изложенным вывод суда первой инстанции о том, что К. может продолжить заниматься преступной деятельностью, скрыться от следствия и суда либо иным путем воспрепятствовать производству по делу, необоснован.

Осужденный к лишению свободы в колонии-поселении может быть заключен под стражу в качестве меры пресечения только при наличии обстоятельств, перечисленных в ч. 4 ст. 75-1 УИК РФ

Южно-Сахалинским гарнизонным военным судом осужденному по п. «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы в колонии-поселении О. мера пресечения была изменена с наблюдения командования воинской части на заключение под стражу.

Судебная коллегия Дальневосточного окружного военного суда удовлетворила кассационную жалобу защитника в части изменения меры пресечения по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 75-1 УИК РФ осужденный к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении следует в колонию-поселение самостоятельно за счет

государства. В соответствии с ч. 4 указанной статьи по решению суда осужденный может быть заключен под стражу и направлен в колонию-поселение под конвоем в случаях уклонения его от следствия или суда, нарушения им меры пресечения или отсутствия у него постоянного места жительства на территории Российской Федерации.

Однако обстоятельств, перечисленных в ч. 4 ст. 75-1 УИК РФ, по делу не имеется.

В связи с изложенным решение суда об изменении осужденному меры пресечения с наблюдения командования на заключение под стражу при назначении ему наказания в виде лишения свободы в колонии-поселении суд кассационной инстанции признал не соответствующим требованиям закона и отменил.

Рассмотрение ходатайства о продлении срока содержания под стражей без участия защитника является нарушением права обвиняемого на защиту

Судьей Самарского гарнизонного военного суда срок содержания под стражей Б., обвиняемого в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160 УК РФ, и преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, был продлен по ходатайству органов предварительного следствия до 4 месяцев.

Судебная коллегия по уголовным делам Приволжского окружного военного суда постановлением судьи отменила по следующим основаниям.

В соответствии с п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ в случаях, предусмотренных названным Кодексом, обвиняемый вправе пользоваться помощью защитника.

Согласно ч. 4 ст. 108 УПК РФ вопрос о продлении срока содержания обвиняемого под стражей подлежит рассмотрению с участием защитника обвиняемого, неявка которого не является препятствием для рассмотрения такого ходатайства органов предварительного расследования лишь в случае, когда он был своевременно извещен о времени судебного заседания, однако не явился без уважительных причин.

Как усматривается из представленных материалов, адвокат З., с которым у Б. заключено соглашение на оказание юридической помощи на предварительном следствии, не явился в зал судебного заседания по неизвестным причинам, однако, несмотря на то, что данных о надлежащем извещении адвоката З. о времени судебного заседания в материалах не имелось, уважительность причины его неявки в судебное заседание судья не выяснил и другого адвоката обвиняемому не предложил, в связи с чем Б. заявил, что защиту своих интересов будет осуществлять самостоятельно.

При таких обстоятельствах судебная коллегия расценила отказ Б. от защитника в суде как вынужденный, а рассмотрение ходатайства следователя о продлении срока его содержания под стражей без защитника как нарушение права на защиту, вследствие чего постановление судьи отменила и избрала в отношении обвиняемого меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

В случае возвращения дела прокурору и оставления обвиняемому без изменения меры пресечения в виде заключения под стражу суд обязан установить срок ее действия в соответствии с требованиями, установленными ст. 109 УПК РФ

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2010 г. № 205-О10-6 по уголовному делу в отношении З. и др. (извлечение)

Постановлением Северо-Кавказского окружного военного суда по итогам предварительного слушания от 24 июня 2010 г. уголовное дело в отношении З., Д. и М. было возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения по существу в судебном заседании. Одновременно с этим суд удовлетворил ходатайство прокурора о продлении срока содержания под стражей З. и М. на 6 месяцев, до 9 декабря 2010 г.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе З., Военная коллегия постановление суда изменила в части срока содержания обвиняемых З. и М. под стражей и установила его до 26 сентября 2010 г. включительно, указав следующее.

Продлевая З. и М. срок содержания под стражей на шесть месяцев, суд руководствовался положениями ч. 2 ст. 255 УПК РФ, согласно которой если заключение под стражу избрано подсудимому в качестве меры пресечения, то срок содержания его под стражей со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора не может превышать 6 месяцев.

При установлении указанного срока суд исходил из того, что дело в отношении З. и М. в дальнейшем будет рассматриваться в судебном заседании.

Между тем указанным выше определением суда уголовное дело возвращено на стадию предварительного расследования, то есть досудебную стадию, в связи с чем при продлении обвиняемым срока содержания под стражей суд должен был руководствоваться положениями ст. 109 УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 109 УПК РФ содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца.

Следовательно, суд вправе был продлить З. и М. содержание под стражей не более чем на указанный срок.

Срок содержания лица под стражей не может быть определен сверх срока предварительного следствия, за исключением случаев, предусмотренных п. 1 ч. 8 и ч. 8.1 ст. 109 УПК РФ

В отношении С. 15 октября 2012 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ.

6 ноября 2012 г. старший следователь военного следственного отдела по Иркутскому гарнизону обратился в суд с ходатайством об избрании С. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Судья Иркутского гарнизонного военного суда в этот же день данное ходатайство удовлетворил, определив срок содержания С. под стражей до 6 января 2013 г.

Между тем по смыслу ст. 109 УПК РФ, за исключением случаев, предусмотренных п. 1 ч. 8 и ч. 8.1 ст. 109 УПК РФ, заключение под стражу избирается на период предварительного следствия. В данном случае предварительное следствие по уголовному делу в отношении С. согласно ч. 1 ст. 162 УПК РФ должно быть закончено 15 декабря 2012 г. При этом, срок содержания обвиняемого (подозреваемого) под стражей определяется судом в пределах, испрашиваемых органами предварительного расследования.

Однако, как усматривается из постановления о возбуждении перед судом ходатайства об избрании С. меры пресечения в виде заключения под стражу от 6 ноября 2012 г., старший следователь военного следственного отдела по Иркутскому гарнизону не указал срок, на который он просит применить указанную меру пресечения.

Определив же срок содержания под стражей по собственной инициативе свыше срока предварительного следствия – до 6 января 2013 г., судья тем самым ухудшил положение С., чем нарушил уголовно-процессуальный закон.

В связи с изложенным Восточно-Сибирский окружной военный суд постановление судьи Иркутского гарнизонного военного суда от 6 ноября 2012 г. изменил, определив считать срок содержания С. под стражей до 15 декабря 2012 г.

Избрание в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу произведено судьей необоснованно, без учета всех требований уголовно-процессуального закона

Постановлением судьи Иркутского гарнизонного военного суда капитану Р., подозреваемому в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Данное судебное постановление было обжаловано Р. и защитником в кассационном порядке. По результатам рассмотрения материалов в окружном военном суде установлено следующее.

Избрание в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу без указания того, до какой даты и на какой срок принято решение, судьей произведено без учета всех требований об этом уголовно-процессуального закона.

Каких-либо убедительных мотивов избрания данной меры пресечения Р., при наличии неразрешенного судьей ходатайства об избрании подозреваемому меры пресечения в виде залога в размере 100 000 руб., судебное постановление не содержит.

Также отсутствуют в постановлении судьи и какие-либо сведения о том, что, находясь на свободе, Р. может скрыться от органов следствия и суда и иным путем воспрепятствовать производству по делу.

Не учтено судьей и то, что Р. имеет постоянное место жительства, проходит военную службу по контракту в качестве офицера, женат, имеет на иждивении малолетнего ребенка.

С учетом изложенного суд кассационной инстанции избранную в отношении Р. меру пресечения в виде заключения под стражу изменил на залог в сумме 100 000 руб.

Также окружной военный суд определил освободить Р. из-под стражи после внесения указанной суммы залога на соответствующий депозитный счет управления Судебного департамента в Иркутской области. В случае если залог не будет внесен, действие меры пресечения в виде заключения под стражу установить на срок 2 месяца.

Решение об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу может быть принято при наличии конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих необходимость применения такой меры пресечения

В соответствии с постановлением судьи Борзинского гарнизонного военного суда от 14 октября 2012 г. в отношении Д., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу до 14 декабря 2012 г. включительно.

Свое решение судья мотивировал тем, что, находясь на свободе, Д. может оказывать давление на свидетелей либо иным способом воспрепятствовать производству по уголовному делу. При этом, суд сослался в постановлении на протоколы допросов свидетелей Х., З. и М., а также их заявления на имя руководителя военного следственного отдела по Борзинскому гарнизону от 12 октября 2012 г.

Между тем выводы, которые судья гарнизонного военного суда привел в обоснование своего решения, не нашли своего подтверждения исследованными в судебном заседании материалами.

Так, достоверные данные о том, что Д. после совершения 13 сентября 2012 г. инкриминируемых ему преступных действий оказывал или пытался оказать давление на свидетелей и других участников уголовного судопроизводства либо намеревается это осуществить, в материалах, приложенных к ходатайству следователя, отсутствуют.

Не содержится таковых, вопреки указанию об этом, и в постановлении судьи, и в протоколах допросов свидетелей Х., З. и М. В названных протоколах приведены только сведения об обстоятельствах применения Д. насилия к подчиненным, по факту которого в отношении его и было возбуждено уголовное дело.

Из заявлений названных лиц на имя руководителя следственного органа, в которых они указывают, что опасаются мести со стороны Д. и просят принять меры к его изоляции, никаких данных, свидетельствующих о намерении подозреваемого каким-либо образом повлиять на объективность расследования уголовного дела, также не усматривается.

Свои опасения Х., З. и М. объясняют только тем, что ранее Д. неоднократно применял насилие к своим подчиненным. Однако в связи с чем и при каких обстоятельствах это имело место, когда и в отношении кого именно, в их заявлениях, полностью идентичных по своему содержанию, не указано.

Органами предварительного следствия заявления названных свидетелей надлежащим образом не проверены. Не приняты меры к их проверке и судья гарнизонного военного суда, вследствие чего указанные вопросы остались не выясненными.

В связи с изложенным вывод судьи о том, что, находясь на свободе, Д. может оказывать давление на свидетелей, вызывает сомнение в своей обоснованности.

Не указано в постановлении судьи и то, каким конкретно образом подозреваемый Д. может воспрепятствовать производству по делу, помимо оказания давления на свидетелей.

Кроме того, в постановлении не приведены убедительные доводы о невозможности применения к Д. иной меры пресечения. В судебном заседании, как усматривается из протокола, указанный вопрос у следователя не выяснялся.

Между тем согласно представленным материалам ранее Д. ни в чем предосудительном замечен не был, проходит военную службу по контракту и имеет постоянное место жительства, женат, на его иждивении находится малолетний ребенок.

При таких обстоятельствах Восточно-Сибирский окружной военный суд постановление судьбы об избрании Д. указанной меры пресечения отменил, а представленные материалы направил в тот же суд на новое рассмотрение другим судьей.

Наряду с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, повлекшими отмену указанного постановления в отношении Д., судьей нарушены и другие требования УПК РФ, заключающиеся в следующем.

Согласно правилу, установленному ч. 1 ст. 109 УПК РФ, содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать двух месяцев. В случае невозможности закончить предварительное следствие в двухмесячный срок этот срок может быть продлен в соответствии с чч. 2 и 3 ст. 109 УПК РФ.

Согласно п. 1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ в срок содержания под стражей засчитывается также время, на которое лицо было задержано в качестве подозреваемого.

Из изложенного следует, что судья, удовлетворяя ходатайство следователя об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу, вправе установить его срок не более двух месяцев с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Между тем Д., задержанному в качестве подозреваемого в 15 часов 30 минут 12 октября 2012 г., указанная мера пресечения в нарушение данных требований закона была избрана до 14 декабря 2012 г. включительно, то есть на срок, превышающий два месяца.

Если ходатайство о продлении срока содержания под стражей возбуждается неоднократно в связи с необходимостью выполнения одних и тех же следственных действий, в ходе судебного разбирательства в целях проверки объективности такого ходатайства надлежит устанавливать, по каким причинам указанные следственные действия не были проведены

Органами предварительного следствия Р. обвинялся в том, что в ночь с 5 на 6 декабря 2011 г. в г. Москве, предварительно договорившись с другими лицами, похитил автомобиль «Мицубиси-Лансер».

8 декабря 2011 г. по факту хищения автомобиля возбуждено уголовное дело в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ. 10 декабря Р. был задержан по подозрению в совершении этого преступления в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ, а 12 декабря того же года освобожден.

14 декабря 2011 г. судья Нагатинского районного суда г. Москвы избрал в отношении Р. меру пресечения в виде заключения под стражу.

23 декабря 2011 г. Р. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Срок содержания под стражей обвиняемого Р. трижды продлевался в установленном порядке судьей Нагатинского районного суда г. Москвы, последний раз до 8 июля 2012 г.

29 июня 2012 г. старший следователь военного следственного отдела с согласия руководителя управления обратился в Московский гарнизонный суд с ходатайством о продлении срока содержания Р. под стражей на 3 месяца, а всего до 9 месяцев 27 суток, которое было удовлетворено.

Московский окружной военный суд постановление судьбы отменил, указав в кассационном определении следующее.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пп. 18, 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста», при разрешении ходатайств о продлении срока содержания обвиняемых под стражей суду следует выяснять обоснованность утверждений органов предварительного расследования о невозможности своевременного окончания расследования по объективным причинам. Если ходатайство о продлении срока содержания под стражей возбуждается перед судом неоднократно и по мотивам необходимости выполнения тех же следственных действий, на которые указывал следователь (дознатель) в предыдущих ходатайствах, надлежит устанавливать, по каким

причинам они не были произведены. В случае продления срока содержания лица под стражей суд должен указать конкретные обстоятельства, обосновывающие продление срока, а также доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств.

Как следует из материалов дела, Р., будучи обвиняемым в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, с 14 декабря 2011 г. находился под стражей.

За данный период Р. предъявлено обвинение, он допрошен в качестве обвиняемого, а также назначена и проведена в отношении его дактилоскопическая судебная экспертиза.

Других следственных действий с участием Р. до момента заявления ходатайства о продлении срока содержания до 9 месяцев не проводилось.

Судья гарнизонного военного суда, принимая решение о необходимости продления Р. срока содержания под стражей, указал, что имевшиеся ранее основания для избрания обвиняемому меры пресечения в настоящее время не отпали, как не появились и новые основания для ее отмены или изменения, поскольку обвиняемый может скрыться от следствия и суда, чем воспрепятствовать производству по делу.

Между тем судьей не приведены конкретные данные, указывающие на то, что Р. может скрыться от органов предварительного следствия и суда, не содержат представленные органами предварительного следствия материалы и конкретных данных о том, что обвиняемый каким-либо образом может воспрепятствовать производству по делу.

Кроме того, судья не выяснил обоснованность утверждений органов предварительного расследования о невозможности своевременного окончания расследования по объективным причинам и сами причины, по которым названные выше следственные действия не были произведены.

Таким образом, принимая решение о продлении срока содержания Р. под стражей, судья гарнизонного военного суда не в полной мере оценил данные о длительности нахождения Р. под стражей при отсутствии фактических сведений о проведении с ним каких-либо следственных действий, а также данных о возможности последнего воспрепятствовать производству по делу, в связи с чем судебная коллегия окружного военного суда отменила постановление судьи и направила материалы на новое судебное рассмотрение.

При новом рассмотрении судья гарнизонного военного суда отказал следователю в удовлетворении ходатайства о продлении Р. срока содержания под стражей.

Глава 24. Процессуальные издержки

Процессуальные издержки не могут взыскиваться в солидарном порядке

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2010 г. № 201-010-10 по уголовному делу в отношении С. и Ч. (извлечение)

Московским окружным военным судом С. и Ч. были осуждены за получение двух взятков группой лиц по предварительному сговору в крупном размере каждая, использование из корыстной и иной личной заинтересованности своих должностных полномочий вопреки интересам службы, что повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов государства, а также служебный подлог.

Разрешая вопрос о распределении процессуальных издержек, суд в приговоре указал, что они должны быть взысканы в солидарном порядке.

Рассмотрев дело в кассационном порядке по жалобам осужденных и их защитников, Военная коллегия приговор изменила, взыскав с осужденных процессуальные издержки в долевом порядке, по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 7 ст. 132 УПК РФ суд, признавая виновными по уголовному делу нескольких подсудимых, определяет, в каком размере процессуальные издержки должны быть взысканы с каждого из них. То есть при осуждении по делу нескольких лиц процессуальные издержки подлежат взысканию с осужденных в долевом порядке.

Данные требования закона суд не выполнил, взыскал процессуальные издержки в солидарном порядке.

Поскольку С. и Ч. совершили преступления совместно, а также принимая во внимание характер вины, степень ответственности за преступление и их имущественное положение, Военная коллегия нашла, что осужденные должны возместить процессуальные издержки в равных долях.

В соответствии с ч. 10 ст. 316 УПК РФ по делам, рассмотренным в особом порядке судебного разбирательства, процессуальные издержки возложению на осужденного не подлежат

Приговором Балашихинского гарнизонного военного суда К. признан виновным в неявке в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше 10 суток, но не более месяца.

Указанным приговором на К. возложены процессуальные издержки в сумме 1 790 руб. 28 коп., связанные с оплатой труда адвоката по защите осужденного на предварительном следствии и в суде по назначению.

Дело рассмотрено судом в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном гл. 40 УПК РФ.

Рассмотрев надзорное представление прокурора, президиум окружного военного суда приговор изменил.

В соответствии со ст. 131 УПК РФ процессуальными издержками являются связанные с производством по уголовному делу расходы, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства. К таким издержкам, в частности, относятся суммы, выплачиваемые адвокату за оказание юридической помощи в случае участия адвоката в уголовном судопроизводстве по назначению.

Правильно установив, что выплаченные адвокату на предварительном следствии и в суде средства относятся к судебным издержкам, суд в то же время оставил без внимания требования ч. 10 ст. 216 УПК РФ о том, что по делам, рассмотренным в особом порядке судебного разбирательства, процессуальные издержки возложению на осужденного не подлежат.

Поскольку суд нарушил требования уголовно-процессуального закона, приговор был изменен и выплаченные адвокату денежные средства отнесены на счет федерального бюджета.

В соответствии с п. 9 ст. 132 УПК РФ взыскание процессуальных издержек с одной или обеих сторон возможно при оправдании подсудимого или же прекращении дела в связи с примирением сторон только по делам частного обвинения

26-м гарнизонным военным судом Д., обвиняемая в совершении преступления, предусмотренного ст. 158, ч. 2, п. «в», УК РФ, была освобождена в предварительном слушании от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ и уголовное дело в отношении ее прекращено по ст. 25 УПК РФ в связи с примирением сторон.

Процессуальные издержки, связанные с оплатой труда защитника-адвоката на предварительном следствии в сумме 2 924 руб. 11 коп. и на предварительном слушании в сумме 417 руб. 73 коп., а всего в размере 3 341 руб. 84 коп. были взысканы с нее в доход федерального бюджета.

Рассмотрев уголовное дело по кассационному представлению прокурора, 3-й окружной военный суд постановление изменил по следующим основаниям.

Взыскивая с Д. процессуальные издержки, суд руководствовался п. 9 ст. 132 УПК РФ. Однако в соответствии с данной нормой закона взыскание процессуальных издержек с одной или обеих сторон при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон возможно лишь по делам частного обвинения. Д. же обвинялась в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, которое к такой категории дел не относится.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 132 УПК РФ процессуальные издержки возмещаются за счет средств федерального бюджета либо подлежат взысканию с осужденного. Д. же на момент рассмотрения дела была обвиняемой, а не осужденной, поэтому судья не вправе был возлагать на нее обязанность по возмещению расходов, относящихся к процессуальным издержкам.

При таких обстоятельствах окружной военный суд пришел к выводу, что в данном случае процессуальные издержки в соответствии с ч. 1 ст. 132 УПК РФ подлежали возмещению не Д., а за счет средств федерального бюджета.

Процессуальные издержки могут взыскиваться с осужденного только в доход государства

Волгоградским гарнизонным военным судом ефрейтор А. был осужден по ч. 1 ст. 116 УК РФ к штрафу в размере 20 000 руб. Кроме того, с него в пользу частного обвинителя К. было взыскано в качестве процессуальных издержек по делу 11 000 руб., связанных с оплатой ею юридической помощи представителя.

Судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда приговор в части решения о распределении процессуальных издержек отменила, поскольку в соответствии с требованиями ст. 131 УПК РФ расходы на оплату услуг представителя, понесенные К., могли быть отнесены к процессуальным издержкам только при условии предварительного возмещения ей этих расходов за счет средств федерального бюджета на основании отдельного постановления судьи, чего по настоящему делу не усматривается.

Кроме того, законом не предусмотрено взыскание процессуальных издержек с осужденного не в доход государства, а в пользу иных участников процесса.

Процессуальные издержки, связанные с участием в уголовном деле переводчика, взысканию с осужденного не подлежат

Нижегородским гарнизонным военным судом с осужденного А. было постановлено взыскать в федеральный бюджет процессуальные издержки, связанные с оплатой труда переводчика и явкой ее в судебные заседания.

Президиум Уральского окружного военного суда исключил указание об этом из приговора и постановил возместить их за счет федерального бюджета, поскольку в соответствии с чч. 2 и 3 ст. 132 УПК РФ процессуальные издержки, связанные с участием в уголовном деле переводчика, подлежат возмещению за счет средств федерального бюджета и взысканию с осужденного не подлежат.

Глава 25. Право на защиту

Несоблюдение требований уголовно-процессуального закона, связанное с нарушением права подсудимого на защиту, повлекло за собой отмену приговора в порядке надзора

Постановлением Псковского гарнизонного военного суда в порядке надзора отменен приговор К., обвиняемому в двух вымогательствах, совершенных группой лиц по предварительному сговору с применением насилия, и в насильственных действиях сексуального характера, совершенных группой лиц по предварительному сговору.

Рассмотрев в порядке надзора жалобу осужденного, президиум окружного военного суда пришел к следующим выводам.

Согласно чч. 2 и 3 ст. 16 УПК РФ обвиняемый вправе защищаться всеми не запрещенными уголовно-процессуальным законом способами и средствами, в том числе и с помощью защитника.

В соответствии со ст. 6, ч. 3, пп. 6 и 7, Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат вправе (в том числе с использованием технических средств) фиксировать информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому он оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну; совершать иные действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

При рассмотрении дела К. в суде первой инстанции председательствующий сделал замечание защитнику-адвокату, заявив о недопустимости ведения письменных записей в закрытом судебном заседании, сославшись на ст. 241 УПК РФ и разрешив их дальнейшее ведение под условием сдачи черновых записей председательствующему по окончании каждого судебного заседания, а также оговорив необходимость приобщения записей к материалам дела, после чего защитник прекратил их ведение.

С учетом ч. 5 ст. 241 УПК РФ, которая гласит, что лица, присутствующие в открытом судебном заседании, вправе вести аудиозапись, письменную запись, а фотографирование, видеозапись и киносъемку проводить с разрешения председательствующего, президиум окружного суда нашел, что запрет защитнику вести рабочие записи в процессе исследования доказательств ограничил его полномочия. Адвокат по своему процессуальному положению являлся не «лицом, присутствующим в закрытом судебном заседании», как это расценил председательствующий по делу в суде первой инстанции, а участником уголовного судопроизводства со стороны защиты, чье правовое положение определяется не ч. 5 ст. 241 УПК РФ, а ст.ст. 49 – 53 и 248 УПК РФ.

Такое нарушение уголовно-процессуального закона, связанное с нарушением права подсудимого на защиту, расценено как существенное. В связи с этим приговор был отменен, а уголовное дело передано на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

При новом судебном разбирательстве данное нарушение УПК РФ было устранено.

При рассмотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ, копия обвинительного заключения или постановления прокурора об изменении обвинения должна быть вручена защитнику. Судебное разбирательство такого уголовного дела не может быть начато ранее 7 суток со дня вручения защитнику копии обвинительного заключения

Ставропольским гарнизонным военным судом рядовой С. осужден к лишению свободы по ч. 1 ст. 337 УК РФ сроком на 6 месяцев и по ч. 1 ст. 338 УК РФ на 3 года 6 месяцев.

В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности совершенных преступлений окончательное наказание С. назначено путем частичного сложения назначенных наказаний в виде лишения свободы на срок 3 года 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Как следует из материалов дела, в ноябре 2006 г. Ставропольский гарнизонный военный суд приостановил производство по уголовному делу в отношении С. в связи с его неявкой в судебное заседание и объявил его розыск.

28 декабря 2010 г. в соответствии с ч. 5 ст. 247 УПК РФ судебное разбирательство по уголовному делу в отношении С. было проведено в его отсутствие и по делу постановлен обвинительный приговор.

Президиум Северо-Кавказского окружного военного суда приговор отменил и передал уголовное дело на новое судебное рассмотрение в связи с нарушением судом первой инстанции требований уголовно-процессуального закона о рассмотрении уголовных дел в отсутствие подсудимого.

Согласно п. 4¹ ч. 2 ст. 229 и ч. 4 ст. 253 УПК РФ судебное разбирательство в отсутствие подсудимого проводится лишь при наличии ходатайства стороны с вынесением данного ходатайства на рассмотрение в предварительном слушании. Между тем в материалах уголовного дела такого ходатайства не имеется. Суд первой инстанции по собственной инициативе, вопреки указанным нормам закона, назначил и провел судебное разбирательство в отсутствие подсудимого.

Кроме того, в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 265 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 названного Кодекса, копия обвинительного заключения вручается защитнику подсудимого. При этом, судебное разбирательство уголовного дела не может быть начато ранее 7 суток со дня вручения ему такой копии. Материалы же дела сведений о вручении защитнику копии обвинительного заключения не содержат.

Наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотменного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела является основанием для прекращения уголовного преследования

Южно-Сахалинским гарнизонным военным судом рядовой Х. был признан виновным в неявке без уважительных причин в срок, установленный предписанием военного комиссара, на службу, об прохождении которой уклонялся в период с 6 июля 2004 г. по 10 мая 2007 г., и осужден по ч. 4 ст. 337 УК РФ к 2 годам лишения свободы в колонии-поселении.

Рассмотрев данное уголовное дело в кассационном порядке, судебная коллегия Дальневосточного окружного военного суда приговор отменила и уголовное дело прекратила на основании п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, признав за Х. право на реабилитацию, поскольку, сделав вывод о виновности Х. в совершении указанного преступления, суд первой инстанции не учел, что в материалах дела имеется неотменное постановление следователя военного следственного отдела от 12 ноября 2007 г. об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Х. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 337 УК РФ, в период со 2 июля 2004 г. по 24 октября 2007 г., то есть и в период, который вменен Х. как неявка в срок на службу без уважительных причин, за что он осужден по настоящему делу.

Юридическая помощь при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, должна предоставляться осужденному на тех же условиях, что и на более ранних стадиях производства по делу

Офицер М. был осужден Борзинским гарнизонным военным судом 20 августа 2007 г. по ч. 1 ст. 159 УК РФ к штрафу в размере 60 000 руб.

24 февраля 2009 г. в Борзинский гарнизонный военный суд поступило представление судебного пристава-исполнителя о замене назначенного осужденному М. наказания другим видом наказания, которое было удовлетворено, и штраф был заменен лишением свободы на 1 год в колонии-поселении.

Рассмотрев материалы дела в кассационном порядке, Восточно-Сибирский окружной военный суд постановление судьи отменил по следующим основаниям.

В Российской Федерации права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и

применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, обеспечиваются правосудием, а их признание, соблюдение и защита составляют обязанность государства и необходимое условие справедливого правосудия (ст.ст. 1, 2, 17 и 18 Конституции Российской Федерации).

Порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, определен ст. 399 УПК РФ.

Как усматривается из представленных материалов, представление пристава-исполнителя рассмотрено судьей в судебном заседании с участием прокурора и осужденного, который адвоката по приглашению не имел. Несмотря на это, его права в судебном заседании, предусмотренные чч. 3 и 4 ст. 399 УПК РФ, в том числе право осуществлять свои права с помощью адвоката, ему судьей не разъяснились. Адвокат судом не назначался, а сам М. от такового в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ (в письменном виде), не отказывался.

При таких обстоятельствах, с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в определениях от 8 февраля 2007 г. № 251-О-П, № 255-О-П и № 257-О-П, окружной военный суд пришел к выводу, что при рассмотрении представления судом первой инстанции было допущено нарушение права М. на защиту.

Кроме того, в представлении содержалась просьба о замене осужденному наказания в виде штрафа другим видом наказания.

Согласно п. 2 ст. 397 УПК РФ замена наказания в виде штрафа в случае злостного уклонения от его отбывания производится в соответствии со ст. 46 УК РФ. Согласно ч. 5 данной статьи штраф в таком случае заменяется в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

В санкции ч. 1 ст. 159 УК РФ, наряду с лишением свободы, предусмотрены и другие виды наказания, не связанные с изоляцией от общества.

Однако в обжалуемом постановлении решение суда о замене штрафа лишением свободы, а не другим наказанием, не мотивировано.

С учетом изложенного суд кассационной инстанции постановление гарнизонного военного суда отменил в связи с нарушением норм уголовно-процессуального закона и неправильным применением уголовного закона.

Нарушение права на защиту подсудимого, находящегося на территории иностранного государства, повлекло отмену приговора, постановленного в его отсутствие

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 9 октября 2012 г. № 205-О12-7 по уголовному делу в отношении Л. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 17 мая 2012 г. Л. признан виновным в совершении в составе банды, в том числе вместе с Д. и М., 11 разбойных нападений на территории Краснодарского края и Ростовской области в отношении 33 человек с применением огнестрельного оружия и других предметов и похищении у них денег, драгоценностей и другого имущества на сумму 300 000 руб.

На основании ч. 5 ст. 247 УПК РФ дело было рассмотрено в отсутствие подсудимого, поскольку привлекающийся к ответственности за совершение тяжкого и особо тяжких преступлений Л., находясь за пределами территории Российской Федерации, уклонился от явки в суд.

Военная коллегия, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, приговор отменила, а дело направила на новое судебное разбирательство со стадии предварительного слушания в ином составе суда по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый человек имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Согласно ч. 1 ст. 247 УПК РФ судебное разбирательство уголовного дела проводится при обязательном участии подсудимого, за исключением случаев, предусмотренных чч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ.

В соответствии с ч. 5 ст. 247 УПК РФ судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких или особо тяжких преступлениях в исключительных случаях может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами террито-

рии Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к уголовной ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

Как признал установленным суд, после отмены оправдательного приговора Северо-Кавказского окружного военного суда от 22 июня 1999 г. и направления дела на новое судебное рассмотрение, в том числе в отношении Л., он скрылся, в связи с чем был объявлен в розыск. 2 декабря 2002 г. Л. был задержан в г. Бобруйске Республики Беларусь за совершение преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь. 29 мая 2006 г. Л. был осужден к лишению свободы и до 6 сентября 2012 г. отбывал наказание в Республике Беларусь.

В период нахождения Л. в местах лишения свободы на территории Республики Беларусь его розыск был отменен, и 17 мая 2012 г. он был осужден Северо-Кавказским окружным военным судом в его отсутствие. Обосновывая возможность рассмотрения дела в отсутствие Л., суд указал, что тот находится на территории Республики Беларусь, привлекается к уголовной ответственности за совершение тяжкого и особо тяжких преступлений и скрылся от правоохранительных органов.

Между тем вывод суда о том, что Л. скрылся от правоохранительных органов, является необоснованным, так как с 20 декабря 2002 г. суду было известно о его задержании в г. Бобруйске по подозрению в совершении ряда преступлений на территории Республики Беларусь и его последующем нахождении в исправительной колонии строгого режима в г. Горки Могилевской области Республики Беларусь.

В связи с изложенным выше розыск Л. был прекращен и приостановленное производством уголовное дело в отношении его подлежало возобновлению с этого момента, что судом сделано не было.

При таких данных суду необходимо было принять меры, предусмотренные ст.ст. 56 – 59 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Минске 22 января 1993 г., по обеспечению рассмотрения дела с участием Л., однако суд, несмотря на ходатайство Л. о рассмотрении дела с его участием, вопрос о возможности продолжения рассмотрения дела без него в судебном заседании не разрешил и ограничился направлением Л. через администрацию исправительной колонии копий судебных постановлений, принятых в его отсутствие.

Кроме того, председательствующий при рассмотрении уголовного дела в отношении Л. судья Ж. ранее, при постановлении 28 ноября 2011 г. приговора в отношении Д. и М., высказал свое мнение по вопросам, которые вновь явились предметом судебного разбирательства в отношении Л., обвинявшегося в совершении преступлений совместно с названными лицами.

Данное обстоятельство могло определенным образом связывать судью Ж. при принятии решения по данному уголовному делу, могло повлиять на его беспристрастность, что в силу ч. 2 ст. 61 УК РФ исключало его участие в рассмотрении уголовного дела в отношении Л.

Военная коллегия также указала в кассационном определении на нарушение судом права Л. на защиту в связи с тем, что судом ему не было разъяснено право на участие защитника в судебном заседании, а ходатайство Л. о допуске в качестве защитника его сестры оставлено без разрешения.

На основании изложенного Военная коллегия приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 17 мая 2012 г. в отношении Л. отменила и дело направила в тот же суд на новое судебное разбирательство в ином составе суда со стадии предварительного слушания.

Отказ обвиняемого знакомиться с материалами уголовного дела в отсутствие защитника не может быть признан умышленным затягиванием этого ознакомления

Судья Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда удовлетворил ходатайство следователя об установлении срока для ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемому М.

Свой вывод судья мотивировал тем, что на протяжении длительного периода М. ознакомился с материалами дела непродолжительное время, ознакомился при этом с небольшим объемом документов, имел возможность как получить готовые копии

дела, так и изготовить их за свой счет, чтобы впоследствии изучить их самостоятельно или с защитником (равно как и подлинник дела), однако за соответствующими разъяснениями к защитнику не обращался и время совместного ознакомления с материалами дела с ним не согласовывал.

Судебная коллегия Дальневосточного окружного военного суда данное постановление отменила по следующим основаниям.

Признав обоснованным ходатайство следователя об установлении срока для ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемому М., судья гарнизонного суда оставил без внимания то, что право обвиняемого на защиту, закрепленное в ст. 16 УПК РФ, является одним из принципов уголовного судопроизводства и поэтому распространяется на все стадии уголовного процесса.

Из протокола уведомления об окончании следственных действий по уголовному делу усматривается, что обвиняемый М. изъявил желание ознакомиться с материалами дела совместно с защитником.

В соответствии с положениями ст.ст. 47, 50 УПК РФ обвиняемый имеет право пользоваться помощью защитника. Участие защитника в уголовном судопроизводстве по просьбе обвиняемого обеспечивается дознавателем, следователем, прокурором.

Однако указанное требование закона по настоящему делу не выполнено.

Причиной отказа от ознакомления с материалами уголовного дела, как пояснил обвиняемый М., явилось непредоставление ему следователем защитника.

Данное обстоятельство нашло свое подтверждение в материалах дела, в том числе и в показаниях следователя о том, что последний защитника М. для совместного ознакомления с материалами уголовного дела не вызывал.

Поскольку согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от него в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ, признание судьей первой инстанции отказа М. от ознакомления с материалами уголовного дела в отсутствие защитника умышленным затягиванием этого ознакомления нельзя считать обоснованным.

Не влияет на данный вывод и наличие возможности у М. получить копии материалов уголовного дела либо изготовить их самостоятельно, так как согласно ч. 2 ст. 217 УПК РФ предоставление обвиняемому возможности получения копий документов, содержащихся в материалах уголовного дела, не освобождает органы предварительного расследования от ознакомления его с уголовным делом.

На основании изложенного судебная коллегия окружного военного суда оспоренное постановление судьи отменила и в удовлетворении ходатайства следователю отказала.

Отказ органов предварительного следствия в предоставлении адвокату возможности ознакомиться с имеющими гриф секретности нормативными документами, положенными экспертом в основу данного им заключения по уголовному делу, является ограничением права на защиту

Постановлением судьи Владивостокского гарнизонного военного суда жалоба адвоката Я., поданная в интересах обвиняемого П., на постановление старшего следователя по особо важным делам следственного отделения УФСБ России по Тихоокеанскому флоту об отказе в удовлетворении ходатайства адвоката о предоставлении ему для ознакомления секретных нормативных актов, использованных экспертом при производстве экспертизы по уголовному делу в отношении П., была оставлена без удовлетворения.

Президиум флотского военного суда данное постановление ввиду нарушения уголовно-процессуального закона отменил, а материалы направил в гарнизонный военный суд на новое рассмотрение, указав при этом следующее.

В силу требований п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением, в частности, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Исходя из этого и в соответствии с ч. 2 ст. 16 УПК РФ органы, осуществляющие уголовное преследование, обязаны обеспечивать обвиняемому возможность защищаться всеми не запрещенными УПК РФ способами и средствами.

Согласно ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных экспертом выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Нормы уголовно-процессуального закона не содержат предписаний, запрещающих либо ограничивающих возможность стороны защиты проверить обоснованность и достоверность выводов, сделанных судебными экспертами путем ознакомления с материалами и документами, на исследовании которых данные выводы основаны.

Из материалов настоящего дела видно, что документы, на которых базируется полученное в ходе предварительного следствия по уголовному делу в отношении П. заключение судебных экспертов, имеют гриф секретности, а поэтому доступ к ним обвиняемого и защитника ограничен правилами, регулирующими защиту государственной тайны. При этом, данное экспертное заключение являлось одним из доказательств предъявленного П. обвинения в уголовном преступлении.

В соответствии со ст. 21.1 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» лица, в том числе и адвокаты, участвующие в качестве защитников и допущенные к участию в уголовном судопроизводстве по делам, связанным со сведениями, составляющими государственную тайну, допускаются к документам и материалам уголовного дела, содержащим сведения, составляющие государственную тайну. Указанные лица предупреждаются о неразглашении государственной тайны, ставшей им известной в связи с исполнением ими своих обязанностей, и о привлечении их к ответственности в случае ее разглашения, о чем у них отбирается расписка.

Таким образом, должностные лица органов уголовного преследования не вправе отказать обвиняемому и его адвокату в ознакомлении с документами, использованными при производстве судебной экспертизы и содержащими сведения, составляющие государственную тайну, при условии соблюдения установленных законом правил обращения с секретными сведениями, поскольку иное означало бы неоправданное ущемление законного права на защиту от обвинения.

Нарушение права на защиту повлекло отмену судебного постановления

Читинским гарнизонным военным судом 28 октября 2011 г. С. был осужден за совершение ряда преступлений к лишению свободы и штрафу. Кроме того, частично был удовлетворен гражданский иск воинской части, в пользу которой с С. в счет возмещения причиненного преступлением материального ущерба взысканы денежные средства.

В этот же день, после провозглашения приговора, Читинский гарнизонный военный суд в отсутствие осужденного и его представителя, рассмотрел поданное в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска ходатайство представителя потерпевшего и гражданского истца о наложении ареста на принадлежащие осужденному С. денежные средства в сумме 500 000 руб. и удовлетворил его, о чем вынес отдельное постановление.

В кассационном порядке данное судебное постановление не рассматривалось.

Рассмотрев материалы дела по надзорной жалобе осужденного, президиум Восточно-Сибирского окружного военного суда установил, что при рассмотрении вопроса о наложении ареста на принадлежащие осужденному денежные средства было нарушено его право на защиту.

Статьями 47 и 49 УПК РФ определено, что обвиняемый (подсудимый, осужденный) и его защитник вправе участвовать в судебном заседании и изложить свою позицию по существу рассматриваемого вопроса.

Однако в материалах дела отсутствуют сведения о том, что о судебном рассмотрении ходатайства о наложении ареста на имущество осужденного были извещены и в нем участвовали сам осужденный и его защитник. При этом, в данном судебном заседании принимали непосредственное участие и излагали свою позицию по существу рассматриваемого вопроса представитель потерпевшего и гражданского истца и прокурор.

В связи с изложенным президиум окружного военного суда постановление о наложении ареста на принадлежащие осужденному С. денежные средства отменил и передал дело для рассмотрения данного вопроса на новое судебное разбирательство.

Непредоставление защитнику подсудимого времени для подготовки к судебным прениям является нарушением права на защиту и влечет отмену приговора

Черемховским гарнизонным военным судом Л. был признан виновным в превышении должностных полномочий с применением насилия и осужден к 3 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе защитника – адвоката К., 3-й окружной военной суд приговор отменил, поскольку суд первой инстанции при рассмотрении дела существенно ограничил право подсудимого на защиту.

Как усматривается из материалов уголовного дела, в судебном заседании за защиту Л. осуществлял по соглашению защитник – адвокат К., который был обязан оказывать своему подзащитному квалифицированную юридическую помощь, пользуясь всеми правами, предоставленными ему уголовно-процессуальным законом.

Однако судом первой инстанции такой возможности адвокату предоставлено не было. Как следует из протокола судебного заседания, 3 апреля 2009 г., после объявления об окончании судебного следствия, адвокатом К. в целях подготовки к судебным прениям было заявлено ходатайство об ознакомлении с протоколом судебного заседания в части судебного разбирательства, состоявшегося 27 марта 2009 г., и с другими материалами дела.

Хотя в судебном заседании и был объявлен перерыв на 30 минут для подготовки к судебным прениям, однако заявленное адвокатом ходатайство фактически осталось без удовлетворения.

После выступления государственного обвинителя и потерпевшего Я. защитник – адвокат К. заявил ходатайство о предоставлении ему дополнительного времени для подготовки к судебным прениям, в чем ему также было отказано со ссылкой на то, что такое время уже было предоставлено в достаточном объеме.

Посчитав невозможным выступить в прениях без ознакомления с протоколом судебного заседания и соответствующей подготовки, защитник – адвокат К. отказался от выступления, после чего судебное заседание было продолжено.

В результате несоблюдения процедуры судопроизводства защитник – адвокат К. был лишен возможности, выступая в прениях, высказать свое мнение по поводу предъявленного его подзащитному обвинения и привести доводы в обоснование несогласия с ним с учетом исследованных в судебном заседании доказательств, а подсудимый Л. – лишен гарантированного Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом права на квалифицированную юридическую защиту.

Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205 УК РФ «Террористический акт», подлежат рассмотрению коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции. Достижение обвиняемым к моменту проведения предварительного слушания по делу совершеннолетия явилось основанием для отказа его законному представителю в допуске к участию в судебном заседании. Допрос лица по делу в качестве свидетеля является препятствием к его участию в том же деле в качестве защитника

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2010 г. № 201-О10-16 по уголовному делу в отношении Ю. и др. (извлечение)

Постановлением судьи Московского окружного военного суда от 12 июля 2010 г. по итогам предварительного слушания назначено судебное заседание по уголовному делу в отношении военнослужащего Ю. и граждан А., В., Г., К., Мих., Мол., Н., Р., С., Т., Чал. и Чеч., обвиняемых в совершении ряда преступлений, в том числе преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30 и чч. 1, 3 ст. 205 УК РФ.

Указанным постановлением обвиняемым отказано в удовлетворении ходатайств о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, а обвиняемому Г. – о допуске в качестве защитника его отца Г. П.Б.

Кроме того, в судебном заседании председательствующим по делу судьей отказано Г. П.Б. в допуске к участию в деле в качестве законного представителя его сына Г.

В кассационных жалобах обвиняемыми и их защитниками поставлен вопрос об отмене постановления в части отказа в удовлетворении ходатайств о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, поскольку изменения, внесен-

ные в ст. 30 УПК РФ, определяющую состав суда, по их мнению, не имеют обратной силы и не распространяются на деяния, инкриминируемые подсудимым по данному уголовному делу.

Защитником обвиняемого Г. адвокатом М. и Г. П.Б. в кассационных жалобах поставлен вопрос об отмене постановления также в связи с нарушением права Г. на рассмотрение дела с участием в качестве защитника его отца и признании незаконными действий судьи, не допустившего Г. П.Б. к участию в деле в качестве законного представителя его сына Г.

Рассмотрев материалы дела в кассационном порядке, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации нашла постановление судьи Московского окружного военного суда законным по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Ю., Мол., Н. и Т. обвиняются в преступлениях, предусмотренных ст. 205 УК РФ «Террористический акт».

В соответствии с пп. 2 и 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ) уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205 УК РФ «Террористический акт», исключены из подсудности суда с участием присяжных заседателей и подлежат рассмотрению коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции.

Конституционный Суд Российской Федерации, проверив конституционность указанных правовых норм, постановлением от 19 апреля 2010 г. № 8-П признал их не противоречащими Конституции Российской Федерации. При этом, Суд отметил, что произошедшее изменение регулирования подсудности уголовных дел не ограничивает доступ к правосудию и не затрагивает существо права на законный суд, равно как рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей не является непременным условием реализации права на судебную защиту. Отнесение уголовных дел о терроризме и связанных с ним преступлениях к подсудности суда в составе коллегии из трех профессиональных судей само по себе не является нарушением права на судебную защиту, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

В связи с исключением дел о терроризме из подсудности суда с участием присяжных заседателей положения пп. 2 и 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ не предполагают возможность их рассмотрения этим судом, несмотря на то, что в объем обвинения включены и составы преступлений, подлежащие рассмотрению судом с участием присяжных заседателей.

Конституционно-правовой смысл пп. 2 и 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, выявленный Конституционным Судом Российской Федерации, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Согласно ст. 4 УПК РФ при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено данным Кодексом. По смыслу ст. 229 и ст. 236 УПК РФ субъективное право обвиняемого на рассмотрение его дела определенным составом суда, к подсудности которого оно отнесено законом, возникает с момента принятия решения о назначении уголовного дела к слушанию. Следовательно, факт совершения инкриминированных обвиняемым деяний в период действия прежнего уголовно-процессуального закона не мог повлиять на решение о составе суда, принятое в период действия новой редакции закона. Установленные ст.ст. 9 и 10 УК РФ правила действия уголовного закона во времени, вопреки содержащимся в кассационных жалобах утверждениям, не применимы к уголовно-процессуальному закону.

Поскольку Ю., Мол., Н. и Т. обвиняются в преступлениях, предусмотренных ст. 205 УК РФ, и рассмотрение данного обвинения в отрыве от обвинения всех подсудимых в остальных инкриминированных им деяниях не представляется возможным, так как может отразиться на всесторонности и объективности разрешения уголовного дела, судья окружного военного суда, руководствуясь действующим во время проведения предварительного слушания уголовно-процессуальным законом, принял правильное решение о рассмотрении дела судом в составе трех профессиональных судей.

В соответствии со ст. 48 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, к обязательному участию в деле привлекаются их

законные представители. В период производства предварительного следствия на основании указанной процессуальной нормы к участию в уголовном деле в качестве законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого Г. был привлечен его отец – Г. П.Б. Однако к моменту проведения предварительного слушания обвиняемый достиг совершеннолетия, в связи с чем функции его законного представителя прекратились. Обстоятельств, которые в соответствии со ст. 96 УК РФ могли бы служить основанием для принятия судом решения о продолжении Г. П.Б. этих функций, из материалов дела не усматривается.

Следовательно, содержащиеся в жалобах доводы о нарушении судом процессуальных прав Г. и Г. П.Б. в результате непризнания за последним полномочий законного представителя являются несостоятельными.

Согласно ч. 2 ст. 49 УПК РФ по определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены, наряду с адвокатом, один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. По смыслу данной правовой нормы допуск к участию в деле лица, не являющегося адвокатом, является правом, но не обязанностью суда.

Судья, рассмотрев ходатайство обвиняемого Г. о допуске отца в качестве защитника, правомерно отказал в его удовлетворении, поскольку Г. П.Б. допрашивался по делу в качестве свидетеля, что в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ является препятствием к его участию в том же деле в качестве защитника.

Таким образом, основания для отмены или изменения постановления судьи, вынесенного по результатам предварительного слушания, отсутствуют.

Нарушение права обвиняемых на защиту при рассмотрении судом вопроса об изменении подсудности рассмотрения уголовного дела повлекло отмену судебного постановления

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2010 г. № 203-О10-7 по жалобе М. (извлечение)

Постановлением первого заместителя председателя Приволжского окружного военного суда от 20 сентября 2010 г. уголовное дело в отношении М., поступившее из Оренбургского гарнизонного военного суда для определения подсудности, направлено для рассмотрения в Уфимский гарнизонный военный суд.

Военная коллегия отменила постановление первого заместителя председателя окружного военного суда в связи с нарушением уголовно-процессуального закона и направила дело на новое рассмотрение в тот же суд по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ.

Из материалов судебного производства следует, что вопрос об изменении территориальной подсудности уголовного дела был рассмотрен без участия обвиняемых и их защитников, но с участием прокурора.

Данных о том, что обвиняемые отказались от защитников в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ, в материалах дела не имеется.

Таким образом, при рассмотрении вопроса об изменении территориальной подсудности уголовного дела было нарушено право обвиняемых на защиту, что могло повлиять на принятие судом правильного решения.

Превышение президиумом флотского военного суда своих полномочий и ухудшение положения осужденного повлекли отмену надзорных постановлений

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 211-д11-7с по уголовному делу в отношении К. и Ц. (извлечение)

По приговору Усурийского гарнизонного военного суда от 14 апреля 2010 г., оставленному без изменения кассационным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 25 июня 2010 г., К. и Ц. осуждены каждый к лишению свободы по пп. «а», «б» ч. 2 ст. 161 УК РФ на 3 года в исправительной колонии общего режима без штрафа.

К. и Ц. признаны виновными в открытом хищении у потерпевшего Д. мобильного телефона по предварительному сговору, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья.

Согласно постановлению президиума флотского военного суда от 17 марта 2011 г. судебные постановления изменены, действия К. квалифицированы по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ (грабег, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище) и ему смягчено наказание до 2 лет 6 месяцев лишения свободы.

После этого по постановлению президиума того же суда от 9 июня 2011 г. внесено уточнение в постановление президиума от 17 марта 2011 г., исключено указание об осуждении К. и Ц. по п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ и указано, что К. и Ц. осуждены вместо п. «в» по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

В надзорной жалобе осужденный К. просил пересмотреть приговор в части осуждения его за грабег группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище и смягчить наказание, в частности, в связи с изменениями, внесенными в УК РФ Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ.

Проверив материалы дела в полном объеме на основании ч. 1 ст. 410 УПК РФ и обсудив доводы жалобы, Военная коллегия нашла, что выводы суда о виновности К. и Ц. в грабеже по предварительному сговору группой лиц соответствуют фактическим обстоятельствам дела и основаны на исследованных доказательствах.

Квалификация действий осужденных по п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ, а Ц. также по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ является правильной.

Вместе с тем, президиум флотского военного суда, мотивируя необходимость снижения К. наказания за совершенное преступление, исключил из его обвинения п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ и ошибочно квалифицировал его действия по п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ как грабег с незаконным проникновением в жилище, который органами следствия ему не вменялся.

При таких данных п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ подлежит исключению из объема обвинения К.

Кроме того, учитывая изменения, внесенные в УК РФ Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, и положения, изложенные в ст. 10 УК РФ, об обратной силе закона, смягчающего наказание, действия осужденных по п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ, а Ц. также по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ подлежат переквалификации на эту же статью в новой редакции.

Также Военная коллегия пришла к выводу о необходимости отмены постановления президиума Тихоокеанского флотского военного суда от 9 июня 2011 г. о внесении уточнений в постановление президиума того же суда от 17 марта 2011 г.

В обоснование принятого решения Военная коллегия указала, что 17 марта 2011 г. К. был осужден президиумом флотского военного суда по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы, а впоследствии тем же судом п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ из его обвинения был исключен, и он вновь признан виновным по пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

Таким образом, президиум флотского военного суда, признав 9 июня 2011 г. К. виновным в грабеже, совершенном с применением насилия, не только превысил свои полномочия, но и ухудшил положение осужденного, что недопустимо.

В связи с изложенным Военная коллегия постановление президиума Тихоокеанского флотского военного суда от 9 июня 2011 г. в отношении К. и Ц. отменила, а также изменила приговор Уссурийского гарнизонного военного суда от 14 апреля 2010 г., кассационное определение Тихоокеанского флотского военного суда от 25 июня 2010 г. и постановление президиума Тихоокеанского флотского военного суда от 17 марта 2011 г., исключила из обвинения К. п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ и переквалифицировала его действия с п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) на п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), по которой назначила 2 года 4 месяца лишения свободы без штрафа, и переквалифицировала действия Ц. с пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) на пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), по которой назначила 2 года 11 месяцев лишения свободы без штрафа.

Неизвещение осужденного о рассмотрении ходатайства о внесении изменений в резолютивную часть приговора об исчислении срока отбывания наказания и нарушение его права на защиту повлекло отмену судебного постановления

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 29 июля 2010 г. № 208-010-3С по заявлению Н. (извлечение)

Постановлением судьи Дальневосточного окружного военного суда Н. отказано в удовлетворении ходатайства, в котором он просил внести изменение в резолютивную часть приговора об осуждении его к пожизненному лишению свободы в части исчисления срока отбывания наказания: вместо «с 16 ноября 2003 г.» – «с 15 августа 2003 г.».

Военная коллегия отменила постановление судьи в связи с существенным нарушением норм процессуального права и направила материалы на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Из дела усматривается, что судья 2 апреля 2010 г. назначил судебное заседание по поступившему в суд ходатайству на 6 апреля 2010 г., направив в адрес начальника исправительной колонии, расположенной в Ямало-Ненецком автономном округе, где отбывает наказание Н., простое письмо с информацией о предстоящем судебном заседании.

В назначенный день при отсутствии сведений об извещении Н. о судебном заседании судья с участием назначенного им защитника рассмотрел ходатайство.

В соответствии со ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи.

Данная конституционная норма применительно к уголовному судопроизводству реализуется закрепленным в ст. 47 УПК РФ правом обвиняемого, подсудимого и осужденного пользоваться помощью защитника и непосредственно участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах всех инстанций.

При таких данных допуск судом защитника к участию в деле в отсутствие волеизъявления Н., поставленного в условия, исключающие возможность это сделать, и проведение судебного заседания без надлежащего уведомления Н. свидетельствуют о нарушении уголовно-процессуального законодательства.

Нарушение права подсудимого на участие в судебном заседании об изменении подсудности рассмотрения уголовного дела повлекло отмену судебного постановления

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 16 сентября 2010 г. № 209-О10-7 по жалобе И. (извлечение)

Определением заместителя председателя 3-го окружного военного суда от 27 июля 2010 г. уголовное дело в отношении И. и З., поступившее из 101-го гарнизонного военного суда для определения подсудности, направлено для рассмотрения в 26-й гарнизонный военный суд.

Военная коллегия отменила определение заместителя председателя окружного военного суда в связи с существенным нарушением норм процессуального права и направила дело на новое рассмотрение в тот же суд по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй и надзорной инстанций.

Из дела усматривается, что И. ходатайствовал перед 3-м окружным военным судом о переносе даты рассмотрения дела на более позднее время с учетом времени, необходимого на проезд из г. Оренбурга в суд второй инстанции, и даты вручения ему ходатайства председателя 101-го гарнизонного военного суда об изменении подсудности уголовного дела. Телеграмма об этом от И. поступила в суд 26 июля 2010 г., однако ходатайство судьей было оставлено без разрешения и на следующий день проведено судебное заседание без участия обвиняемого.

Изложенное указывает на нарушение судом права И. на участие в судебном разбирательстве по его уголовному делу.

Защитник обвиняемого, не допущенный следственными органами к участию в деле при предъявлении обвинения своему доверителю, может быть допрошен в судебном заседании в качестве свидетеля по этому факту

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2012 г. № 205-О12-2 по уголовному делу в отношении Ф. и др. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 20 октября 2011 г. Ф. и другие лица оправданы по обвинению в совершении ряда преступлений.

В ходе рассмотрения дела окружным военным судом защитник – адвокат С. был допрошен в качестве свидетеля по обстоятельствам нарушения права на защиту своего подзащитного Ф. при предъявлении ему обвинения.

В кассационном представлении государственного обвинителя, помимо указания на другие нарушения закона, обратил внимание на недопустимость допроса судом адвоката С. в качестве свидетеля.

Военная коллегия приговор оставила в силе.

По вопросу правомерности допроса в суде защитника-адвоката Военная коллегия указала, что эти действия суда соответствовали требованиям закона.

Как следует из материалов уголовного дела, в ходе судебного заседания стороной защиты было заявлено ходатайство о вызове и допросе в качестве свидетеля заключившего соглашение с родственниками подсудимого Ф. адвоката С., которого следственные органы, несмотря на ордер, при предъявлении Ф. обвинения не допустили к участию в этом следственном действии.

Суд при отсутствии возражений со стороны других участников процесса удовлетворил данное ходатайство и допросил по указанному обстоятельству С., который подтвердил факт нарушения права Ф. на защиту во время предъявления обвинения.

В силу предписаний УПК РФ и Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» деятельность адвоката предполагает защиту прав и законных интересов доверителя, в частности, от возможных нарушений закона со стороны органов дознания и предварительного следствия.

С этой целью адвокат присутствует при предъявлении обвинения его доверителю. Выявленные же им при этом нарушения норм уголовно-процессуального закона должны быть в интересах доверителя доведены до сведения соответствующих должностных лиц и суда, то есть такие сведения не могут рассматриваться как адвокатская тайна.

Соответственно суд вправе, вопреки мнению государственного обвинителя, задавать адвокату вопросы относительно имевших место нарушений уголовно-процессуального закона, не исследуя при этом информацию, конфиденциально доведенную лицом до сведения адвоката, а также иную информацию об обстоятельствах, которая стала ему известна в связи с его профессиональной деятельностью.

Указанный вывод корреспондирует правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 16 июля 2009 г. № 970-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Обвиняемый, содержащийся под стражей и заявивший о своем желании присутствовать при рассмотрении жалобы на постановление судьи, вправе участвовать в судебном заседании суда кассационной инстанции непосредственно либо изложить свою позицию путем использования систем видеоконференц-связи

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2011 г. № 201-Д11-1 по жалобе Д. (извлечение)

Постановлением судьи Солнечногорского гарнизонного военного суда от 26 февраля 2010 г. Д. продлен срок содержания под стражей на 2 месяца и 15 дней.

Кассационным определением Московского окружного военного суда от 15 марта 2010 г. и постановлением президиума того же суда от 17 ноября 2010 г. постановление оставлено без изменения, а жалобы защитника обвиняемого адвоката А. – без удовлетворения.

В надзорной жалобе защитник обвиняемого просил судебные постановления гарнизонного и окружного военных судов отменить, поскольку Д. не был вызван в суд кассационной и надзорной инстанций, хотя ходатайствовал об этом, а также ему не была вручена копия кассационной жалобы защитника.

Рассмотрев материалы судебного производства по надзорной жалобе адвоката А., Военная коллегия нашла жалобу подлежащей частичному удовлетворению по следующим основаниям.

Из материалов судебного производства следует, что обвиняемый Д. в кассационной жалобе на постановление судьи Солнечногорского гарнизонного военного суда от 26 февраля 2010 г. о продлении срока содержания под стражей просил обеспечить его участие при рассмотрении материалов.

Однако судом его ходатайство – со ссылкой на длительность этапирования из следственного изолятора и нарушение в связи с этим сроков рассмотрения дела и законных интересов других участников судопроизводства – было оставлено без удовлетворения и материалы рассмотрены в его отсутствие.

Согласно ч. 3 ст. 376 УПК РФ осужденный, содержащийся под стражей и заявивший о своем желании присутствовать при рассмотрении жалобы или представления на приговор, вправе участвовать в судебном заседании непосредственно либо изложить свою позицию путем использования систем видеоконференц-связи.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной при рассмотрении жалоб граждан на нарушение их конституционных прав ч. 3 ст. 376 УПК РФ (определения от 22 января 2004 г. № 66-О, от 25 марта 2004 г. № 61-О, от 25 марта 2004 г. № 99-О), положения ст. 376 УПК РФ, регламентирующие участие осужденного, содержащегося под стражей, в заседании суда кассационной инстанции, по их конституционно-правовому смыслу, вытекающему из ранее принятых и сохраняющих свою силу решений Конституционного Суда Российской Федерации, не могут рассматриваться как лишающие содержащегося под стражей обвиняемого, в отношении которого еще не постановлен приговор, права путем личного участия в судебном заседании или иным предусмотренным законом способом изложить суду кассационной инстанции свое мнение по существу вопросов, связанных с рассмотрением жалобы или представления на промежуточное судебное решение, затрагивающее его конституционные права и свободы, и освобождающие суд кассационной инстанции от обязанности принимать окончательное решение по жалобе или представлению лишь при условии обеспечения обвиняемому возможности реализовать это право.

При таких данных Д. правомерно поставил вопрос об участии в судебном заседании окружного военного суда, а суд кассационной инстанции, не обеспечив его участие в разбирательстве дела, лишил обвиняемого возможности заявлять отводы и ходатайства, знакомиться с позицией других участников судопроизводства и дополнительными материалами, давать объяснения по рассматриваемым вопросам.

Кроме того, из материалов судебного производства усматривается, что 25 февраля 2010 г. Д. заключил соглашение о защите своих интересов с адвокатом А. и в дальнейшем от его услуг не отказывался. В связи с этим защитнику было направлено извещение о дне кассационного рассмотрения дела. Однако в судебное заседание он не явился, материалы судебного производства рассмотрены в кассационном порядке с участием прокурора, но без адвоката.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ.

Таким образом, рассмотрение окружным военным судом кассационных жалоб Д. и его защитника в их отсутствие повлекло нарушение права обвиняемого на судебную защиту.

На основании изложенного Военная коллегия кассационное определение и надзорное постановление окружного военного суда отменила, а материалы судебного производства в отношении Д. передала на новое кассационное рассмотрение в Московский окружной военный суд на основании ч. 1 ст. 409, п. 2 ч. 1 ст. 379 УПК РФ в связи с нарушением уголовно-процессуального закона.

Если подозреваемый или обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен, расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2010 г. № 212-Д10-1с по уголовному делу в отношении К. и др. (извлечение)

По приговору Балтийского флотского военного суда от 15 мая 2003 г. расходы на оплату труда адвокатов за оказание юридической помощи осужденному К. в сумме 9 800 руб. взысканы с последнего в доход государства.

В надзорной жалобе К. просил исключить из приговора указание о взыскании с него в доход государства указанных процессуальных издержек, поскольку защитники были назначены судом.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы, изложенные в надзорной жалобе, Военная коллегия изменила приговор по следующим основаниям.

Из материалов дела усматривается, что защиту интересов К. до проведения в отношении его дополнительной стационарной психолого-психиатрической экспертизы на предварительном следствии и в суде по его согласию осуществляла адвокат С., которая после возобновления судебного разбирательства 13 мая 2003 г. по состоянию здоровья не смогла продолжить его защиту. Поскольку К. настаивал на отложении слушания по делу до 10 августа 2003 г. – до выздоровления адвоката, суд назначил ему защитника – адвоката М., который участвовал в деле по назначению до окончательного рассмотрения уголовного дела.

При вынесении приговора суд постановил взыскать с К. в доход государства процессуальные издержки в размере 9 800 руб., состоящие из сумм, выплаченных из федерального бюджета адвокатам за оказание юридической помощи: С. – 7 300 руб., М. – 2 500 руб.

Учитывая, что адвокат С. защищала интересы К. с его согласия и ходатайств об отказе от услуг этого адвоката К. не заявлял, суд, отнеся произведенную выплату к процессуальным издержкам, правомерно взыскал с него в доход государства 7 300 руб.

В то же время остальную сумму процессуальных издержек в размере 2 500 руб., выплаченную за осуществление защиты подсудимого адвокатом М., суду надлежало отнести на счет государства, поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 132 УПК РФ если подозреваемый или обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Глава 26. Реабилитация

Взыскание имущественного вреда в пользу реабилитированного с ненадлежащего ответчика послужило основанием для отмены судебного постановления

Следователем 305-го военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по Северному флоту прекращено уголовное преследование в отношении М., и на основании ст. 134 УПК РФ за ним признано право на реабилитацию.

М. обратился в суд с заявлением, в котором просил взыскать с Министерства финансов Российской Федерации в его пользу в счет возмещения имущественного вреда недополученное им в результате уголовного преследования денежное довольствие, а также денежные средства, выплаченные им адвокату за оказание юридической помощи в ходе следствия.

Заозерским гарнизонным военным судом указанные требования были удовлетворены и с Управления Федерального казначейства по Мурманской области (далее – Управление) в пользу М. взыскано 38 585 руб. 75 коп. в счет возмещения имущественного вреда и 70 000 руб., выплаченные защитнику за оказание юридической помощи.

Северный флотский военный суд признал взыскание имущественного вреда с Управления необоснованным по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности, возмещается за счет казны Российской Федерации в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом. При этом, согласно ст. 1071 ГК РФ от имени казны выступает Министерство финансов Российской Федерации.

Как разъяснено в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», к участию в делах по требованиям реабилитированных о возмещении имущественного вреда в качестве ответчика от имени казны Российской Федерации привлекается Министерство финансов Российской Федерации, интересы которого в судах представляют по доверенности (с правом передоверия) управления Федерального казначейства по субъектам Российской Федерации.

Таким образом, надлежащим ответчиком по заявлению М. о возмещении имущественного ущерба от имени казны Российской Федерации являлось Министерство финансов Российской Федерации, к которому заявителем и были предъявлены требования.

Однако при рассмотрении заявления реабилитированного судья гарнизонного военного суда, вопреки нормам уголовно-процессуального законодательства, не разрешив требования заявителя к Министерству финансов Российской Федерации, произвольно и никак не мотивировав необходимость и возможность участия в деле Управления от имени казны Российской Федерации, указал в резолютивной части постановления о взыскании денежных средств с Управления. При этом, Управление как сторона при рассмотрении упомянутого заявления о реабилитации не привлекалось, его представитель надлежащим образом о времени и месте судебного заседания не извещался.

При таких обстоятельствах флотский военный суд отменил постановление судьи гарнизонного военного суда и передал заявление М. на новое рассмотрение в тот же суд.

В соответствии с ч. 1 ст. 135 УПК РФ возмещение реабилитированному имущественного вреда, связанного с уголовным преследованием, включает в себя возмещение, в частности, сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи, и иных расходов
Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 9 октября 2012 г. № 201-О12-9с по уголовному делу в отношении Б.

По приговору Московского окружного военного суда от 11 января 2011 г., вынесенному с участием присяжных заседателей, Б. оправдан в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 163 и ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Постановлением Московского окружного военного суда от 20 августа 2012 г. с Министерства финансов Российской Федерации в пользу Б. было определено взыскать 1 360 707 руб.

Как установил суд, указанная сумма складывается из определенных с учетом уровня инфляции расходов на выплату вознаграждения адвокатам, оказывавшим юридическую помощь оправданному: 359 695 руб. – адвокату Л., 818 680 руб. – адвокату Ш. и 127 204 руб. – адвокату М.; расходов на оплату услуг представителя при рассмотрении в суде данного заявления в размере 50 000 руб.; расходов на изготовление копий материалов уголовного дела в размере 3 185 руб. и 936 руб.; расходов на изготовление доверенности в сумме 1 007 руб.

В кассационной жалобе представитель Министерства финансов Российской Федерации просил постановление отменить и направить материалы на новое судебное рассмотрение ввиду того, что присужденная к компенсации стоимость услуг адвокатов не отвечает требованиям разумности и справедливости, индексация расходов Б. произведена неправильно, а расходы на изготовление протоколов судебного заседания Военной коллегии являются процессуальными издержками и должны быть компенсированы Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации.

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации постановлением оставила без изменения, указав в определении следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 135 УПК РФ возмещение реабилитированному имущественного вреда включает возмещение сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи, и иных расходов.

Частью 1 ст. 1070 ГК РФ предусмотрено, что вред, причиненный гражданину в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности, возмещается в полном объеме за счет казны Российской Федерации независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом.

Из материалов судебного производства усматривается, что Б. обратился в суд с заявлением о возмещении имущественного вреда в порядке, установленном ст. 135 УПК РФ.

Уголовное преследование Б., завершившееся постановлением оправдательного приговора, велось с 25 марта 2009 г. по 28 апреля 2011 г.

Защиту прав и интересов Б. на разных стадиях уголовного судопроизводства осуществляли приглашенные им в качестве защитников адвокаты Л., Ш. и М. Их участие в процессе подтверждено ордерами, соглашениями и договорами об оказании юридической помощи, а также протоколами следственных действий, судебных заседаний и судебными решениями. В частности, защитник Л. участвовал в 22 следственных действиях. Защитники Ш. и М. принимали участие в течение 34 дней в заседаниях суда первой инстанции, а также в двух заседаниях Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

Размеры сумм, выплаченных Б. адвокатам за оказание юридической помощи, подтверждены актами об оказании юридической помощи и квитанциями к приходным кассовым ордерам.

Расходы оправданного на изготовление копий протоколов судебных заседаний и доверенности на своих представителей в суде подтверждаются чеком, квитанцией и копией самой доверенности.

Факт того, что Б. в связи с привлечением к уголовной ответственности понес расходы в указанных размерах, в кассационной жалобе не оспаривается.

Для признания произведенных адвокатам выплат завышенными и не отвечающими требованиям разумности и справедливости достаточных оснований не имеется.

Положения ч. 1 ст. 50 УПК РФ не ограничивают количество защитников, которые могут осуществлять защиту одного обвиняемого или подсудимого. Размер возмещения вреда за оказание юридической помощи определяется подтвержденными материалами дела фактически понесенными расходами, непосредственно связанными с ее осуществлением. При этом, вопреки содержащемуся в кассационной жалобе утверждению, нормы оплаты, установленные Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2003 г. № 400 «О размере вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия и суда», применению по делу не подлежат ввиду того, что адвокаты участвовали в деле по соглашению.

Также ошибочным является утверждение в кассационной жалобе о том, что вопрос об индексации размера причиненного реабилитированному ущерба подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Исходя из положений ч. 1 ст. 133 и ч. 4 ст. 135 УПК РФ о возмещении вреда реабилитированному в полном объеме и с учетом уровня инфляции, размер выплат определяется судом непосредственно при рассмотрении требования о возмещении ущерба с учетом индекса роста потребительских цен по месту работы или жительства реабилитированного на момент начала уголовного преследования, рассчитанного государственными органами статистики Российской Федерации в субъекте Российской Федерации на момент принятия решения о возмещении вреда.

Применение судом при расчете подлежащих возмещению сумм индекса роста потребительских цен в г. Москве в 2010–2012 гг. выплату Б. излишних денежных средств не повлекло.

Затраты Б. на получение копий документов из материалов уголовного дела и на оформление доверенностей правомерно отнесено судом к иным расходам, подлежащим возмещению реабилитированному в соответствии с ч. 1 ст. 135 УПК РФ за счет казны Российской Федерации. Для их возмещения Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации правовых оснований не имеется.

Согласно ч. 1 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, возмещается в полном объеме независимо от вины причинителей вреда. В соответствии с ч. 4 ст. 135 УПК РФ выплаты реабилитированному в возмещение причиненного ему имущественного вреда производятся с учетом уровня инфляции, причем размер имущественного вреда должен определяться судьей

И. обратился в 109-й гарнизонный военный суд с иском о возмещении, в котором просил взыскать с воинской части, Управления казначейства Министерства финансов Российской Федерации в его пользу убытки, связанные с незаконным осуждением, возникшие за период вынужденного прогула с 22 сентября 2005 г. по 16 апреля 2009 г., в размере 1 077 519 руб. При этом, он указывал на то, что командованием воинской части денежное довольствие ему за упомянутый период было выплачено без учета индексации.

109-й гарнизонный военный суд своим решением от 25 февраля 2011 г. в удовлетворении заявления И. отказал. При этом, суд указал, что И. во исполнение постановления 109-го гарнизонного военного суда от 18 ноября 2008 г. правомерно было выплачено денежное довольствие за период вынужденного прогула в размере 336 093 руб., как военнослужащему, находящемуся в распоряжении. Также суд отметил, что в судебное заседание И. не были представлены доказательства, подтверждающие размер коэффициента инфляции и определяющие регион, в котором он должен применяться при рассмотрении данного дела. В Республике Таджикистан коэффициент инфляции не высчитывается.

Что же касается ходатайства истца об увеличении требований, связанных с выплатой материальной помощи, денежной компенсации за санаторно-курортное лечение, обеспечением его продовольственным пайком, то суд, отказывая в его удовлетворении, разъяснил И. право на обжалование действий командования в порядке гл. 25 ГПК РФ, с условием оплаты государственной пошлины.

Между тем согласно ч. 1 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, возмещается в полном объеме независимо от вины причинителей вреда. В соответствии с ч. 4 ст. 135 УПК РФ выплаты реабилитированно-

му в возмещение причиненного ему имущественного вреда производится с учетом уровня инфляции, причем размер имущественного вреда должен определяться судьяй.

При этом, реабилитированному предоставлено право отстаивать свои права как в порядке, предусмотренном УПК РФ, так и в порядке гражданского судопроизводства (ст.ст. 137, 138 УПК РФ), что фактически и имело место.

Кроме того, нормы ГПК РФ, в частности ст. 208 этого Кодекса, выступают процессуальной гарантией защиты имущественных интересов взыскателя от инфляционных процессов и не предполагают отказ суда в индексации присужденных денежных сумм.

Право истца на увеличение исковых требований также прямо предусмотрено ст. 39 ГПК РФ.

Окружной военный суд обоснованно отменил данное судебное решение ввиду неправильного применения норм материального и процессуального права, а дело направил на новое рассмотрение.

Правила о реабилитации не распространяются на лиц, уголовное преследование которых по делам частного обвинения прекращено по реабилитирующим основаниям либо в отношении которых судом первой инстанции постановлен оправдательный приговор (если вред не был причинен иными незаконными действиями или решениями судьи)

По приговору Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда прапорщик Ш. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, за отсутствием события преступления. В резолютивной части приговора за оправданным признано право на реабилитацию.

Судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда исключила из резолютивной части приговора указание о признании за Ш. права на реабилитацию, так как на оправданных по делам частного обвинения правила о реабилитации не распространяются. Вынесение судьей оправдательного приговора в отношении подсудимого не порождает обязанность государства возместить причиненный ему вред (если он не был причинен иными незаконными действиями или решениями судьи), поскольку причинителем вреда в данном случае является частный обвинитель, выдвинувший необоснованное обвинение.

В соответствии со ст. 1071 ГК РФ в случаях, когда причиненный вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, от имени казны в силу ст. 242.2 БК РФ выступает Министерство финансов Российской Федерации

Бывший военнослужащий Б. подал в гарнизонный военный суд иск к Министерству финансов Российской Федерации о компенсации морального вреда, причиненного в результате незаконного привлечения его военным следственным отделом Балтийского гарнизона к уголовной ответственности по признакам преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ, в размере 1 000 000 руб. и о возмещении судебных расходов в размере 10 000 руб.

Решением Балтийского гарнизонного военного суда иск Б. был удовлетворен частично.

С Управления федерального казначейства по Калининградской области в пользу Б. присуждено взыскать 150 000 руб. в счет причиненного ему морального вреда и 10 000 руб. за оказание юридической помощи и участие в деле представителя истца.

В удовлетворении остальных требований Б. было отказано.

По кассационной жалобе Управления Федерального казначейства по Калининградской области, выражавшей несогласие с решением о взыскании денежных средств за счет казны Российской Федерации с Управления Федерального казначейства по Калининградской области, данное решение суда первой инстанции было отменено по следующим основаниям.

Согласно требованиям ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде,

возмещается за счет казны Российской Федерации в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, в порядке, установленном законом.

В соответствии со ст. 1071 ГК РФ в случаях, когда причиненный вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации или казны муниципального образования, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы.

БК РФ в ст. 242.2 установлено, что судебные акты о взыскании денежных средств за счет казны Российской Федерации по искам о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов Российской Федерации или их должностных лиц, направляются для исполнения в Министерство финансов Российской Федерации.

Возлагая обязанность на Управление Федерального казначейства по Калининградской области возместить Б. моральный вред и судебные расходы в связи с незаконным привлечением его к уголовной ответственности одним из подразделений Следственного комитета Российской Федерации, суд первой инстанции вышеприведенные положения ст. 242.2 БК РФ не учел, чем допустил неправильное применение норм материального права.

С учетом того что обстоятельства, имеющие значение для дела, были установлены на основании имеющихся доказательств, а Министерство финансов Российской Федерации вместе с Управлением Федерального казначейства по Калининградской области были привлечены к участию в деле в качестве соответчиков, флотский военный суд, не передавая дело на новое рассмотрение, решение суда первой инстанции о взыскании с Управления федерального казначейства по Калининградской области в пользу Б. 150 000 руб. в счет причиненного ему морального вреда и 10 000 руб. за оказание юридической помощи и участие в деле представителя истца отменил и вынес новое решение, которым взыскал указанные выше денежные суммы с Министерства финансов Российской Федерации.

Подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, имеет право на реабилитацию, в том числе на возмещение заработной платы, других средств, которых он лишился, и иных расходов, с применением положений ст. 1086 ГК РФ

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2012 г. № 201-О12-4 по уголовному делу в отношении Л. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 4 февраля 2010 г., вынесенному с участием присяжных заседателей, Л. оправдан в совершении ряда преступлений.

Согласно постановлению Московского окружного военного суда от 24 ноября 2011 г. с Министерства финансов Российской Федерации из средств казны Российской Федерации в пользу реабилитированного Л. взыскано 1 067 100 руб.

В кассационной жалобе представитель Министерства финансов Российской Федерации, указывая на ошибочное применение судом положений ст. 1086 ГК РФ при определении размера заработка (дохода), утраченного в результате повреждения здоровья, просил постановление отменить.

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации постановление суда в указанной части оставила в силе, указав следующее.

Доводы, приведенные в кассационной жалобе, относительно неправильного определения судом размера компенсации, исчисленной исходя из размера денежного довольствия Л. на момент его увольнения с военной службы, являются несостоятельными.

Порядок реализации гражданами права на реабилитацию в Российской Федерации в части, не противоречащей федеральным законам Российской Федерации, установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», утвержденным Законом СССР от 24 июня 1981 г., Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г., и Инструк-

цией по применению данного Положения, утвержденной Министерством юстиции СССР, Прокуратурой СССР, Министерством финансов СССР 2 марта 1982 г. и согласованной с Верховным Судом СССР, Министерством внутренних дел СССР, Комитетом государственной безопасности СССР.

Статьей 3 Положения, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г., установлено, что возмещение ущерба производится за счет средств государственного бюджета. Размер подлежащих возмещению сумм определяется с зачетом заработка, полученного гражданином за время отстранения от работы, отбывания наказания или административного взыскания в виде исправительных работ.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2005 г. № 242-О разъяснено, что названный Указ хотя и сохраняет юридическую силу, однако может применяться лишь во взаимосвязи с положениями гл. 18 УПК РФ, регламентирующей основания возникновения права на реабилитацию, порядок признания этого права и возмещения различных видов вреда, а также с положениями ст. 1070 и параграфа 4 гл. 59 ГК РФ.

Определяя размер подлежащей выплате Л. денежной суммы в счет утраченного заработка за период с момента его задержания 2 августа 2007 г. по 17 марта 2009 г., суд правильно руководствовался положениями ст. 135 УПК РФ, ч. 4 ст. 1086 ГК РФ, Инструкции по применению положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденной Министерством юстиции СССР, Прокуратурой СССР, Министерством финансов СССР 2 марта 1982 г., исходя из размера его средней заработной платы на момент увольнения с военной службы.

Пункт 9 вышеуказанной Инструкции содержит положение о том, что среднемесячный заработок для определения размера возмещения ущерба исчисляется для рабочих и служащих применительно к Правилам возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с их работой.

Таким образом, вопреки утверждению в кассационной жалобе, преречение судом положений ст. 1086 ГК РФ, регулирующих порядок определения заработка, утраченного в результате повреждения здоровья, является правильным.

Требования реабилитированного о возмещении имущественного вреда, восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав разрешаются судом в уголовно-процессуальном порядке

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2012 г. № 211-Д12-13с по уголовному делу в отношении Г. (извлечение)

20 января 2011 г. Фокинский гарнизонный военный суд своим постановлением признал за Г. право на частичную реабилитацию в связи с прекращением в отношении его судом кассационной инстанции за отсутствием в деянии состава преступления уголовного дела по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК РФ. На военного прокурора гарнизона залива Стрелок была возложена обязанность принести Г. официальные извинения за причиненный ему вред в связи с уголовным преследованием, а на Министерство финансов Российской Федерации – выплатить процессуальные издержки и 24 781 руб. 25 коп., выплаченные им за оказание юридической помощи.

Указанным постановлением Г. отказано в удовлетворении требований о восстановлении в ранее занимаемой должности командира части с присвоением воинского звания «полковник», о взыскании в его пользу с Министерства финансов Российской Федерации за счет казны Российской Федерации денежного довольствия, материальной помощи, денежного вознаграждения и других выплат за соответствующие периоды, а также требований о направлении командиру воинской части и командующему Космическими войсками официального сообщения, «реабилитирующего его в преступлении» и возложении обязанности на командование указанной части приложить к его личному делу документы, реабилитирующие его.

Тихоокеанский флотский военный суд 17 марта 2011 г. оставил данное постановление в кассационном порядке без изменения.

Рассмотрев материалы дела по надзорной жалобе Г., Военная коллегия нашла обжалуемые судебные постановления в части отказа в удовлетворении заявленных требований подлежащими отмене с направлением дела в названной части на новое рассмотрение в Фокинский гарнизонный военный суд по следующим основаниям.

В суде установлено, что уголовное дело по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК РФ, было прекращено судом кассационной инстанции на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть за отсутствием в деянии состава преступления.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено по указанному основанию, имеет право на реабилитацию, в том числе и право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием. Часть 3 той же статьи УПК РФ устанавливает, что право на возмещение вреда в порядке, установленном гл. 18 УПК РФ, то есть в порядке реабилитации, имеет также лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Отказывая Г. в удовлетворении его требований, суд первой инстанции исходил из того, что органами предварительного следствия мера процессуального принуждения – отстранение от занимаемой должности в порядке ст. 111 и ст. 114 УПК РФ в отношении Г. при производстве по уголовному делу – не применялась, из сферы воинских правоотношений он не исключался, а был освобожден от занимаемой должности командира воинской части и зачислен в распоряжение не в уголовно-процессуальном порядке, а в рамках военно-служебных отношений воинским должностным лицом в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 13 и ст. 14 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237. При этом, судом не оценен должным образом ряд других данных и обстоятельств, которые свидетельствовали об обратном.

Как усматривается из материалов дела, после возбуждения в отношении Г. уголовного дела за деяния, которые затем были расценены как совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК РФ, приказом министра обороны Российской Федерации от 7 марта 2009 г. он был отстранен от должности командира воинской части. Поводом для издания указанного приказа в отношении Г. явилось именно возбуждение уголовного дела, которое затем судом кассационной инстанции было прекращено.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 111 УПК РФ временное отстранение от должности является одной из мер процессуального принуждения, применяемого в уголовно-процессуальном порядке.

Из материалов уголовного дела также усматривается, что после возбуждения в отношении Г. 21 января 2009 г. уголовного дела по ч. 3 ст. 160 УК РФ 28 января того же года руководителем военно-следственного отдела по гарнизону залива Стрелок в Фокинский гарнизонный военный суд было направлено постановление следователя с ходатайством об отстранении его от должности.

Судей указанного суда данное ходатайство следователя 29 января 2009 г. удовлетворено, Г. временно был отстранен от занимаемой должности командира части, копия постановления судьи была направлена командующему Тихоокеанским флотом для исполнения.

Ссылки судов на то, что постановление судьи об отстранении Г. от должности впоследствии, а именно 19 марта 2009 г., было отменено, хотя и соответствуют действительности, однако не учитывают того обстоятельства, что приказ министра обороны Российской Федерации об отстранении Г. от должности в связи с возбуждением против него уголовного дела состоялся до этого, уже 7 марта 2009 г.

Изложенные фактические обстоятельства отстранения Г. от воинской должности, имеющие существенное значение для правильного разрешения его заявления о реабилитации, судом первой инстанции не исследовались и не учитывались при вынесении постановления.

Как следует из оспариваемых судебных постановлений, суды первой и кассационной инстанций пришли к выводу, что заявленные Г. требования являются требованиями об оспаривании действий министра обороны Российской Федерации, а потому не подлежат рассмотрению в порядке гл. 18 УПК РФ и должны рассматриваться в порядке, предусмотренном гл. 23 и 25 ГПК РФ.

Однако такой вывод на законе не основан.

В соответствии с положениями ст.ст. 133, 135 и 138 УПК РФ и п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» требования реабилитированного о возмещении вреда (за исключением компенсации морального вреда в денежном выражении), восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав разрешаются судом в уголовно-процессуальном порядке.

Из изложенного следует, что указанные требования Г. подлежали рассмотрению именно в порядке гл. 18 УПК РФ, регламентирующей реабилитацию в уголовном судопроизводстве.

Более того, делая в описательно-мотивировочной части постановления ошибочный вывод о том, что заявленные Г. требования не могут рассматриваться в уголовно-процессуальном порядке, суд без рассмотрения их по существу в резолютивной части постановления отказал ему в удовлетворении этих требований, чем лишил его права на их рассмотрение и в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, допущенные судом первой инстанции нарушения уголовно-процессуального закона путем лишения и ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства повлияли на законность и обоснованность постановления в отношении Г. в обжалуемой части.

Согласно ст. 135 УПК РФ реабилитированному возмещается имущественный вред, причиненный в результате уголовного преследования, в том числе расходы на восстановление нарушенных прав, понесенные им после постановления оправдательного приговора

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 201-О11-6 по уголовному делу в отношении К. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 4 февраля 2010 г., вынесенному с участием присяжных заседателей, К. оправдан по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 163 и пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Постановлением Московского окружного военного суда от 31 января 2011 г. с Министерства финансов Российской Федерации из средств казны Российской Федерации в пользу реабилитированного К. взыскано 200 822 руб. 70 коп., а в возмещении сумм, затраченных К. после постановления оправдательного приговора на оплату услуг адвоката при разрешении судом его требований о возмещении имущественного вреда, отказано.

В кассационных жалобах К. и его представитель – адвокат Г. просили постановление отменить в части отказа в возмещении сумм, затраченных К. на оплату юридической помощи, при разрешении судом его требований о возмещении имущественного вреда в порядке, предусмотренном ст. 135 УПК РФ.

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации постановление суда в указанной части отменила и заявление К. удовлетворила, указав следующее.

Отказывая К. в возмещении сумм, затраченных на оказание юридической помощи адвокатом Г. после вынесения оправдательного приговора, суд исходил из того, что право на реабилитацию включает в себя право на возмещение расходов, понесенных непосредственно в ходе уголовного преследования, то есть до постановления приговора. Однако такой вывод на законе не основан.

В соответствии с ч. 1 ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, причиненного гражданину в результате уголовного преследования, в том числе и сумм, затраченных им на оплату юридической помощи.

Из материалов судебного производства следует, что как в период уголовного преследования, так и в период судопроизводства, связанного с рассмотрением заявления реабилитированного о возмещении ему имущественного вреда, К. продолжал пользоваться услугами адвоката.

Поэтому на основании п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ затраченная им сумма обоснованно была включена К. в имущественный вред и подлежала взысканию в его пользу с государства. То, что часть этой суммы была выплачена им адвокату после вынесения оправдательного приговора, значения не имеет, поскольку главным и определяющим в данном случае является то, что указанная сумма была выплачена за реально оказанную юридическую помощь по восстановлению прав реабилитированного, нарушенных незаконным уголовным преследованием.

Исходя из обстоятельств уголовного дела, судья обоснованно не признал за осужденным право на частичное возмещение вреда по обвинению, не нашедшему подтверждения в ходе судебного разбирательства

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2010 г. № 208-Д10-2 по уголовному делу в отношении Б. (извлечение)

По приговору Дальневосточного окружного военного суда от 10 августа 1999 г. Б. признан виновным в умышленном причинении смерти С. в связи с осуществлением им служебной деятельности и осужден к лишению свободы по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 14 лет в исправительной колонии строгого режима.

Одновременно квалифицирующие признаки состава убийства, предусмотренные пп. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, судом были исключены, как необоснованно вмененные. Также ошибочно была признана квалификация действий Б. по пп. «а», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Полагая, что исключение из обвинения двух квалифицирующих признаков и статьи уголовного закона является основанием для частичного возмещения ему вреда, Б. обратился в суд с заявлением о реабилитации.

Постановлением судьи Дальневосточного окружного военного суда от 17 ноября 2009 г. заявление Б. оставлено без удовлетворения.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе Б., Военная коллегия оставила постановление судьи в силе по следующим основаниям.

Согласно ст.ст. 133 и 134 УПК РФ применение реабилитации в конкретном деле является результатом принятия в рамках уголовного судопроизводства решения, снимающего с лица выдвинутые против него обвинения, – оправдательного приговора, постановления (определения) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с отсутствием события или состава преступления, в связи с непричастностью лица к совершенному преступлению и по некоторым другим основаниям.

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в определениях от 16 февраля 2006 г. № 19-О и от 18 июля 2006 г. № 279-О, в ст. 133 УПК РФ не содержится положений, исключающих возможность возмещения вреда лицам, в отношении которых были вынесены вышеуказанные судебные постановления по реабилитирующему основанию, по той лишь причине, что одновременно в другой части обвинения это лицо было признано виновным в совершении преступления либо уголовное преследование в отношении его было прекращено по основанию, не указанному в пп. 2 и 3 ч. 2

ст. 133 УПК РФ, – в таких ситуациях с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела и в соответствии с принципами справедливости и приоритета прав и свобод человека и гражданина суд вправе принять решение о частичном возмещении реабилитированному лицу вреда, если таковой был причинен в результате уголовного преследования по обвинению, не нашедшему подтверждения в ходе судебного разбирательства.

Между тем из материалов дела следует, что с учетом задержания Б. и содержания под стражей в связи с совершением квалифицированного убийства С., за которое он в последующем был осужден, ему не причинено вреда в результате исключения судом из обвинения двух предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицирующих признаков (убийство С. как лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии, совершенное с особой жестокостью) и пп. «а», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Таким образом, оснований для реабилитации Б. по данному делу не усматривается.

Глава 27. Производство в суде первой инстанции

В соответствии со ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению

Борзинским гарнизонным военным судом М. был признан виновным в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанном с унижением чести и достоинства потерпевшего, сопряженном с насилием, и его действия квалифицированы по ч. 1 ст. 335 УК РФ.

При этом, суд первой инстанции указал, что М. совершил указанные действия из хулиганских побуждений.

Изменяя приговор в отношении осужденного, Восточно-Сибирский окружной военный суд указал, что гарнизонный военный суд при рассмотрении дела вышел за рамки предъявленного М. обвинения, поскольку признал, что он совершил данное преступление из хулиганских побуждений, тогда как такой мотив совершения преступных действий ему органами предварительного расследования не вменялся, и исключил из приговора указание на данный мотив совершения преступления.

Допущенные при рассмотрении уголовного дела нарушения уголовно-процессуального закона признаны существенными, влекущими отмену приговора

В связи с допущенными нарушениями уголовно-процессуального закона президиум 3-го окружного военного суда отменил приговор 101-го гарнизонного военного суда в отношении Ж. по следующим основаниям.

Согласно положениям, содержащимся в гл. 2 УПК РФ, а также в ч. 2 ст. 297 УПК РФ, приговор признается законным, если он постановлен в соответствии с уголовно-процессуальным законом по результатам судебного разбирательства, проведенного с соблюдением процедуры судопроизводства и обеспечением судом сторонам возможности для реализации всех гарантированных законом прав.

Указанные требования судом первой инстанции выполнены не были.

Так, согласно ч. 2 ст. 64 УПК РФ отвод судье заявляется до начала судебного следствия. В ходе дальнейшего судебного заседания заявление об отводе допускается в случае, когда основания для него ранее известны не были.

На основании ч. 1 ст. 65 УПК РФ отвод, заявленный судьей, разрешается судом в совещательной комнате с вынесением определения или постановления.

Как следует из материалов дела и протокола судебного заседания, защитником – адвокатом З. в ходе судебного следствия было подано письменное заявление об отводе председательствующего по делу. Этот отвод был поддержан подсудимым Ж. и мотивирован стороной защиты бесосновательным, по ее мнению, отклонением судом ее многочисленных ходатайств. Данные обстоятельства, свидетельствующие, по мнению защитника, о необъективности председательствующего судьи и являющиеся основанием для его отвода, возникли уже в ходе судебного следствия, в связи с чем у суда не было достаточных оснований оставлять этот отвод без рассмотрения.

Однако поданное стороной защиты заявление оставлено без какого-либо разрешения по существу. При этом, суд пришел к необоснованному выводу о том, что оно фактически является жалобой на его действия, хотя содержание заявления об отводе исключало возможность его двоякого толкования.

Таким образом, допущенное судом процессуальное нарушение ограничило право участников уголовного судопроизводства на заявление судьей отвода и на его рассмотрение в установленном порядке.

Не соответствовали требованиям уголовно-процессуального закона и действия суда первой инстанции при разрешении ряда других ходатайств.

Согласно ч. 2 ст. 271 УПК РФ суд рассматривает каждое заявленное в судебном заседании ходатайство и удовлетворяет его либо выносит определение или постановление об отказе в его удовлетворении, которое в соответствии с требованиями ст. 7 УПК РФ должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Определение гарнизонного военного суда об отказе в удовлетворении ходатайства стороны защиты о назначении технико-криминалистической экспертизы оригинала сви-

детельства о заключении брака между Ж. и Б. на том основании, что данное свидетельство заламинировано, противоречит изложенным выше процессуальным требованиям. Наличие ламинированного покрытия само по себе не препятствовало проведению экспертизы в целях установления времени и способа изготовления данного документа, его подлинности и принадлежности подписи, выполненной от имени главы Никольской сельской администрации Краснокамского района Республики Башкортостан.

Между тем установление указанных обстоятельств имело существенное значение для уголовного дела, поскольку влияло на оценку наличия преступного умысла Ж. Отказ суда в удовлетворении данного ходатайства нельзя признать обоснованным и соответствующим требованиям ст. 7, ч. 1 ст. 11, ч. 3 ст. 15 и ч. 4 ст. 47 УПК РФ о создании участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты условий для реализации прав на сбор и представление доказательств, которые, по их мнению, свидетельствуют о невиновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Кроме того, ст. 291 УПК РФ установлено, что в случае заявления ходатайства о дополнении судебного следствия суд обсуждает его и принимает соответствующее решение.

В нарушение приведенной нормы, а также требований ч. 2 ст. 271 УПК РФ суд первой инстанции ходатайство защитника – адвоката З. о дополнении судебного следствия в установленном порядке не разрешил, время для обеспечения явки в суд свидетелей защиты и получения ответа из воинской части на ее запрос не предоставил и объявил судебное следствие оконченным.

Не разрешено судом и ходатайство защитника о предоставлении ей времени для подготовки к прениям. После заявления этого ходатайства суд, не приняв по нему процессуального решения, сразу же предоставил слово для выступления подсудимому. В результате защитник – адвокат З. в прениях участия не приняла.

Допущены судом первой инстанции и иные существенные нарушения уголовно-процессуального закона.

Так, согласно ст. 240 УПК РФ все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию в судебном заседании. Оглашение показаний, данных при производстве предварительного расследования, допускается лишь в случаях, предусмотренных ст. 276 и ст. 281 УПК РФ.

В соответствии с положениями ст. 281 УПК РФ оглашение показаний свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования, допускается лишь с согласия сторон, за исключением случаев неявки в судебное заседание свидетеля в связи с его смертью, тяжелой болезнью, стихийным бедствием или иными чрезвычайными обстоятельствами, препятствующими его явке, а также в связи с отказом прибыть свидетеля, являющегося иностранным гражданином.

При этом, в соответствии с п. «ф» ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 4 ноября 1950 г.) каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

Изложенный выше перечень обстоятельств, при которых допускается оглашение показаний не явившегося свидетеля при отсутствии согласия сторон, является исчерпывающим.

Однако суд, несмотря на возражения стороны защиты, огласил, а в дальнейшем положил в основу приговора показания не прибывшей по вызову суда свидетеля К., данные ею на предварительном следствии, не устранив при этом противоречий между этими показаниями и объяснениями, данными защитнику.

Принимая решение об оглашении показаний названного свидетеля, суд первой инстанции принял во внимание представленную государственным обвинителем копию справки, согласно которой К. в течение трех недель находилась на амбулаторном лечении в поликлиническом отделении Центральной городской больницы г. Нефтекамска Республики Башкортостан. Однако содержание указанного документа не давало суду достаточных оснований полагать о наличии у свидетеля тяжелой болезни, препятствующей явке в суд, в связи с чем при указанных обстоятельствах оглашение ее показаний, данных на досудебной стадии уголовного судопроизводства, нельзя признать соответствующим закону. Оглашение этих показаний в данном случае лишило осужденного и его защитника гарантированного законодательством Российской Федерации права на допрос свидетеля непосредственно в судебном заседании.

Президиум окружного военного суда признал, что допущенные судом первой инстанции нарушения уголовно-процессуального закона могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора, в связи с чем в соответствии с требованиями п. 2 ч. 1 ст. 379, ст. 381, п. 3 ч. 1 ст. 408 и ч. 1 ст. 409 УПК РФ направил дело на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции.

Согласно п. 5 ч. 3 ст. 81 УПК РФ документы, являющиеся вещественными доказательствами, остаются при уголовном деле в течение всего срока хранения последнего либо передаются заинтересованным лицам по их ходатайству

По приговору 26-го гарнизонного военного суда Г. был осужден по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) к штрафу в размере 150 000 руб.

Разрешая в соответствии с п. 12 ч. 1 ст. 299 УПК РФ вопрос о том, как поступить с вещественными доказательствами, суд постановил диск DVD-R с видео- и аудиозаписью разговоров Г. и М., а также диск CD-RW DATEC с аудиозаписью разговоров этих же лиц уничтожить.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, 3-й окружной военный суд признал такое решение неправильным по следующим основаниям.

Как следует из материалов дела, следователь признал вышеуказанные диски вещественными доказательствами и приобщил к материалам дела.

В соответствии с п. 12 ч. 1 ст. 299 УПК РФ при постановлении приговора суд в совещательной комнате должен разрешить вопрос, как поступить с вещественными доказательствами. Перечень таких решений определен ч. 3 ст. 81 УПК РФ и расширительному толкованию не подлежит.

Согласно требованиям подложной статьи уголовно-процессуального закона уничтожению подлежат только орудия преступления, принадлежащие обвиняемому; предметы, запрещенные к обращению, а также предметы, не представляющие ценности и не истребованные стороной.

Документы, к которым в соответствии со ст. 84 УПК РФ могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, а следовательно, диски DVD и CD, являющиеся вещественными доказательствами, согласно п. 5 ч. 3 ст. 81 УПК РФ должны оставаться при уголовном деле в течение всего срока хранения последнего либо передаваться заинтересованным лицам по их ходатайству.

Учитывая изложенное, а также доводы осужденного о значимости данных документов для защиты его интересов, суд кассационной инстанции принял решение о том, что диски DVD и CD как вещественные доказательства следует хранить при уголовном деле.

Суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайств о допросе в судебном заседании в качестве свидетелей лиц, явившихся в суд по инициативе сторон

В связи с несоблюдением данного требования закона Ленинградский окружной военный суд отменил приговор Великоновгородского гарнизонного военного суда в отношении капитана Д., осужденного по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, и направил уголовное дело на новое судебное разбирательство.

Как установлен из протокола судебного заседания окружной военный суд, защитнику осужденного было отказано в удовлетворении ходатайства о допросе в качестве свидетелей явившихся в суд по его инициативе военнослужащих Р., М., Б., которые, по мнению адвоката, могли опровергнуть показания потерпевшего Ч. и других свидетелей по ряду обстоятельств.

Между тем в соответствии с ч. 4 ст. 271 УПК РФ суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании в качестве свидетеля лица, явившегося в суд по инициативе стороны.

Отказав адвокату в нарушение требований ст.ст. 15, 16 и ч. 4 ст. 271 УПК РФ в удовлетворении ходатайства, суд первой инстанции лишил тем самым подсудимого Д. права на защиту, что является безусловным основанием к отмене приговора.

Возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению возможно лишь в тех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, неустранимые в судебном производстве

Постановлением судьи Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда военному прокурору гарнизона Ростов-на-Дону возвращено уголовное дело в отноше-

нии подполковника Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ, для устранения нарушений закона, допущенных при составлении обвинительного заключения.

Судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда постановление судьи отменила и направила дело на новое судебное разбирательство в тот же суд, указав в кассационном определении следующее.

В подготовительной части судебного заседания судья, на основе истребованных по ходатайству государственного обвинителя документов, установил, что Б. 27 февраля 2010 г. осужден Ростовским-на-Дону гарнизонным военным судом за совершенное им 5 ноября 2009 г. преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 115 УК РФ. При этом, в обвинительном заключении по рассматриваемому судом уголовному делу не были указаны сведения о наличии у Б. судимости.

На основании изложенного судья, руководствуясь ст.ст. 237, 256 УПК РФ, возвратил военному прокурору гарнизона уголовное дело для устранения нарушений закона, допущенных при составлении обвинительного заключения.

В соответствии с п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» под допущенными при составлении обвинительного заключения нарушениями требований уголовно-процессуального закона следует понимать такие нарушения изложенных в ст. 220 УПК РФ положений, которые исключают возможность принятия судом решения по существу дела на основании данного заключения.

Согласно протоколу судебного заседания по данному делу в подготовительной части судебного заседания по ходатайству государственного обвинителя из канцелярии суда истребованы, а после десятиминутного перерыва исследованы и приобщены к материалам уголовного дела копии приговора того же гарнизонного военного суда от 27 февраля 2010 г. и кассационного определения от 8 апреля 2010 г., согласно которым Б. признан виновным в совершении в ноябре 2009 г. преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ.

Далее в судебном заседании по ходатайству защитника к материалам дела приобщена копия квитанции об уплате осужденным назначенного ему указанным приговором штрафа.

Поскольку сведения о предыдущей судимости Б. установлены судом в подготовительной части судебного заседания, а соответствующие документы, в том числе об исполнении приговора, приобщены в том же судебном заседании, то отсутствие в обвинительном заключении указаний на данную судимость не препятствовало суду вынести законный, обоснованный и справедливый приговор или иное судебное решение.

При этом, нарушений права обвиняемого на судебную защиту и права потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба не допущено, в связи с чем судья должен был продолжить рассмотрение дела по существу, а вместо этого принял решение о возвращении уголовного дела прокурору, сославшись на формальное отсутствие в обвинительном заключении данных об указанной судимости.

Согласно ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту

Г. обвинялся в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, сопряженном с насилием и совершенном с причинением средней тяжести вреда здоровью.

Между тем согласно приговору Уссурийского гарнизонного военного суда Г. был признан виновным в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанном с унижением чести и достоинства, сопряженном с насилием и совершенном с причинением средней тяжести вреда здоровью.

Такой признак преступления, как унижение чести и достоинства потерпевшего, Г. органами предварительного следствия не вменялся.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, судебная коллегия Тихоокеанского флотского военного суда признала, что, указывая на то, что совершенные Г. преступные действия были связаны с унижением чести и достоинства потерпевшего К.,

обвинение в чем ему органами предварительного следствия не предъявлялось, суд первой инстанции вышел за пределы предъявленного Г. обвинения, чем нарушил требования ч. 1 ст. 252 УПК РФ.

В связи с изложенным Тихоокеанский флотский военный суд исключил из приговора указание на то, что преступные действия Г. были связаны с унижением чести и достоинства потерпевшего.

Органами предварительного расследования Я. обвинялся в том, что злоупотребил должностными полномочиями из иной личной заинтересованности.

Между тем Черемховским гарнизонным военным судом Я. был осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ, не только из иной личной, но и из корыстной заинтересованности, что является самостоятельным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, который ему не вменялся.

Поскольку суд первой инстанции превысил пределы судебного разбирательства, судебная коллегия 3-го окружного военного суда исключила из приговора данный признак преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ.

Непроведение судебного заседания по вопросу, связанному с исполнением приговора, повлекло отмену постановления судьи

Судья Челябинского гарнизонного военного суда постановлением извещил осужденного Р. о том, что для применения к нему акта амнистии и реабилитации на основании постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 декабря 1997 г. «Об объявлении амнистии» оснований не имеется, в связи с чем его ходатайство возвращается без рассмотрения.

Уральский окружной военный суд данное постановление отменил и материалы направил в тот же суд для рассмотрения по существу по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 6 ст. 396 УПК РФ вопросы, связанные с исполнением приговора, судья разрешает единолично в судебном заседании. Данное требование закона судей не выполнено. Согласно материалам дела судебное заседание по данному вопросу не проводилось, о чем свидетельствует отсутствие в деле протокола судебного заседания, а также отсутствие указания на проведение судебного заседания в постановлении судьи.

Судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может участвовать в рассмотрении уголовного дела в отношении соучастника данного лица

Читинским гарнизонным военным судом К. признан виновным в незаконном сбыте наркотических средств в крупном размере.

Как следует из описательно-мотивировочной части приговора, К. после совместного употребления со своим сослуживцем З. наркотического вещества – масла каннабиса незаконно сбыл принадлежащее ему названное наркотическое средство в крупном размере, передав его З.

С З. в ходе предварительного следствия было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в связи с чем уголовное дело в отношении его было выделено в отдельное производство и с обвинительным заключением направлено в суд для рассмотрения в порядке гл. 40¹ УПК РФ.

По результатам судебного заседания, проведенного судьей Читинского гарнизонного военного суда в особом порядке 29 декабря 2011 г. в отношении З., он был признан виновным в незаконном приобретении, хранении без цели сбыта наркотических средств в крупном размере. Постановленный в отношении З. приговор вступил в законную силу.

Впоследствии, 29 февраля 2012 г., К. был осужден Читинским гарнизонным военным судом под председательством того же судьи по п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ за сбыт З. наркотического вещества в крупном размере.

Президиум Восточно-Сибирского окружного военного суда, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе защитника осужденного К., данный приговор отменил, указав следующее.

Согласно ч. 2 ст. 61 УПК РФ судья не может участвовать в производстве по уголовному делу в случаях, если имеются обстоятельства, дающие основания полагать, что он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного дела.

В силу сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 2 июля 1998 г. № 20-П, от 23 марта 1999 г. № 5-П, определений от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О и от 17 июня 2008 г. № 733-О-П правовой позиции участие судьи в рассмотрении дела, если оно связано с оценкой ранее уже исследованных с его участием обстоятельств по делу, является недопустимым, так как высказанная судьей в процессуальном решении позиция относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности вывода о виновности обвиняемого в его совершении, достаточности собранных доказательств, ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по делу и постановлении приговора или иного решения.

Данные положения при производстве по уголовному делу в отношении К. соблюдены не были, поскольку уголовное дело в отношении его рассмотрено тем же судьей, что и дело в отношении З.

При этом, указанные в описательно-мотивировочной части приговора по уголовному делу в отношении З. обстоятельства приобретения им наркотического средства у К. свидетельствуют о том, что суд признал их доказанными.

Таким образом, председательствующий при рассмотрении уголовного дела в отношении З. высказал свое мнение по вопросу, который впоследствии явился предметом судебного разбирательства в отношении К. Данный факт мог повлиять на беспристрастность и объективность судьи и связать его при принятии решения, что в силу ч. 2 ст. 61 УК РФ исключало его участие в рассмотрении уголовного дела в отношении К.

Допущенное судом нарушение уголовно-процессуального закона на стадии предварительного слушания повлекло отмену судебного решения

По результатам предварительного слушания судьей Борзинского гарнизонного военного суда было назначено рассмотрение уголовного дела в отношении майора юстиции Ц., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, судьей единолично.

В удовлетворении заявленных Ц. ходатайств о возвращении уголовного дела прокурору, признании недопустимыми доказательств, полученных по указанному уголовному делу, обвиняемому было отказано.

В ходе рассмотрения уголовного дела по существу гарнизонный военный суд, в связи с поступившим от подсудимого Ц. ходатайством, вынес постановление о прекращении рассмотрения данного уголовного дела судьей единолично и назначил рассмотрение данного уголовного дела в составе коллегии из трех судей.

Данное решение судьи не может быть признано законным по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 4, 5 ст. 217 УПК РФ следователь обязан разъяснить обвиняемому его право ходатайствовать о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей – в случаях, предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ; о рассмотрении уголовного дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции – в случаях, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 30 вышеуказанного Кодекса.

Между тем материалы уголовного дела сведений о том, что данные требования закона были выполнены, не содержат. Следовательно, направивший уголовное дело в суд, ограничился лишь вынесением постановления об окончании ознакомления обвиняемого и его защитников с материалами уголовного дела, после чего составил обвинительное заключение.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, в том числе в случае, когда при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены его права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ.

Вместе с тем, судья гарнизонного военного суда при вынесении постановления о назначении судебного заседания по итогам предварительного слушания какую-либо оценку данным обстоятельствам не дал.

Более того, судья гарнизонного военного суда на стадии предварительного слушания каких-либо мер к разъяснению обвиняемому вышеуказанных прав не принял, в связи с чем ходатайство о рассмотрении уголовного дела коллегией из трех судей было заявлено Ц. уже в судебном заседании.

Пункт 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ предусматривает право обвиняемого заявить данное ходатайство лишь до назначения судебного заседания. Не предусматривает

действующее законодательство и возможности суда вынести в подготовительной части судебного заседания постановление о прекращении рассмотрения уголовного дела судьей единолично и назначении судебного заседания по уголовному делу в составе коллегии из трех судей, поскольку данный вопрос должен быть решен до назначения судебного заседания для рассмотрения уголовного дела по существу.

Учитывая, что судьей были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, суд кассационной инстанции постановлением судьи Борзинского гарнизонного военного суда о назначении судебного заседания по уголовному делу в отношении Ц. по итогам предварительного слушания и постановления о прекращении рассмотрения уголовного дела в отношении Ц. судьей единолично и назначении судебного заседания по уголовному делу коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции отменил, а материалы уголовного дела направил на новое судебное разбирательство со стадии предварительного слушания.

Гарнизонный военный суд в порядке разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, не вправе вносить в приговор изменения, касающиеся существа назначенного наказания

Южно-Сахалинским гарнизонным военным судом Я. был осужден по ч. 3 ст. 337 УК РФ к ограничению по военной службе на срок 9 месяцев, по ч. 1 ст. 338 УК РФ к лишению свободы на срок 1 год 8 месяцев, а по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний к 2 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Посчитав, что при сложении наказаний судом в приговоре была допущена арифметическая ошибка, судья своим постановлением внес в приговор изменение – снизил срок окончательного наказания Я. до 1 года 9 месяцев лишения свободы.

Рассмотрев данное дело по надзорной жалобе защитника на приговор и надзорному представлению военного прокурора Восточного военного округа на приговор и постановление судьи, президиум Дальневосточного окружного военного суда данное постановление отменил, а приговор изменил, поскольку согласно ст.ст. 397 и 399 УПК РФ гарнизонный военный суд не наделен полномочиями под предлогом устранения арифметической ошибки вносить в приговор изменения, затрагивающие существо решения о размере окончательного наказания. Устранение ошибок, связанных с неправильным применением закона, отнесено уголовно-процессуальным законом к компетенции вышестоящих судебных инстанций.

Кроме того, при постановлении приговора гарнизонный военный суд, в нарушение требований п. 6¹ ч. 1 ст. 299 УПК РФ, не обсудил вопрос о возможности изменения в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ категории совершенных Я. преступлений на менее тяжкие и не принял по нему решение.

При таких обстоятельствах президиум окружного военного суда снизил срок назначенного Я. наказания по совокупности преступлений до 1 года 9 месяцев лишения свободы, а с учетом данных о личности осужденного, наличия у него на иждивении малолетнего ребенка изменил категорию преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 338 УК РФ, на преступление средней тяжести, в связи с чем изменил вид исправительного учреждения, в котором осужденный должен отбывать наказание, на колонию-поселение.

Уголовное дело не подлежит возвращению прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для соединения уголовных дел, если не имеется препятствий для их раздельного рассмотрения

По результатам предварительного слушания на основании п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ судьей Солнечногорского гарнизонного военного суда было возвращено прокурору уголовное дело в отношении Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 335 УК РФ, для соединения с уголовным делом в отношении Г., Т. и П., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного пп. «б», «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ, также находящимся в производстве Солнечногорского гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы уголовного дела и обсудив доводы, изложенные в кассационном представлении, судебная коллегия Московского окружного военного суда постановлением судьи о возвращении уголовного дела прокурору отменила по следующим основаниям.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случае, если имеются предусмотренные ст. 153 УПК РФ основания для соединения уголовных дел.

Таким образом, законодатель предусмотрел единственный критерий, при наличии которого дело возвращается прокурору, – наличие препятствий для рассмотрения уголовного дела, которые возникли по вине следственных органов при расследовании уголовного дела.

Таких препятствий для рассмотрения судом уголовного дела судья в постановлении о возвращении дела прокурору фактически не указал.

Кроме того, суд кассационной инстанции отметил, что наличие другого уголовного дела, находящегося в производстве Солнечногорского гарнизонного военного суда, не является препятствием для рассмотрения уголовного дела по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 335 УК РФ, поскольку данные уголовные дела никак не связаны между собой: преступления совершены в разное время, потерпевшими по делам признаны разные военнослужащие, в новом уголовном деле, помимо Г., в совершении преступления обвиняются еще два лица.

Следовательно, раздельное рассмотрение указанных дел не может отразиться на всесторонности судебного следствия и привести к установлению взаимоисключающих обстоятельств.

В связи с изложенным суд кассационной инстанции не усмотрел достаточных оснований, влекущих необходимость соединения уголовных дел, находящихся в производстве суда.

Нарушения уголовно-процессуального закона повлекли отмену приговора

Грозненским гарнизонным военным судом 16 ноября 2011 г. майор П. был осужден по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 290 УК РФ с применением ч. 3 ст. 69 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года с лишением права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций на государственной службе, в органах местного самоуправления, в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации на 2 года. Кроме того, П. назначено наказание в виде штрафа в размере 200 000 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда, рассмотрев дело в кассационном порядке 6 марта 2012 г., пришла к выводу, что при рассмотрении уголовного дела в отношении П. были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона.

В соответствии с требованиями ст. 303 УПК РФ исправления в приговоре должны быть оговорены и удостоверены подписью судьи в совещательной комнате до провозглашения приговора.

Согласно п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» не оговоренные и не подписанные судьей исправления, касающиеся существенных обстоятельств (квалификации преступления, вида и размера наказания, вида исправительной колонии и др.), служат основанием для отмены приговора полностью либо в соответствующей части.

Таким образом, в тексте приговора не должно быть никаких исправлений. Если исправления все же имеются, они должны быть оговорены либо на каждой странице, либо в конце приговора, а оговорки подписаны судьей до провозглашения приговора. Провозгласив приговор, суд не вправе вносить в него какие-либо исправления.

Однако согласно представленной осужденным П. в суд кассационной инстанции аудиозаписи и ее расшифровке содержание провозглашенного в судебном заседании приговора и имеющегося в материалах данного уголовного дела подлинного экземпляра приговора имеют многочисленные разночтения, что свидетельствует о внесении в приговор после его провозглашения множественных правок, затрагивающих существо приговора.

Кроме того, ст. 260 УПК РФ гарантирует сторонам возможность оспорить содержание протокола судебного заседания, правильность отражения хода судебного разбирательства.

Как видно из материалов дела, правильность замечаний на протокол, поданных защитником К., частично удостоверена.

В поданных в дополнение к кассационной жалобе замечаниях на протокол судебного заседания осужденным обоснованно, с приложением аудиозаписи судебного заседания в этой части, указывается на нарушение содержащихся в ст. 259 УПК РФ требований к указанному протоколу – значительные фрагменты аудиозаписи судебного заседания не нашли отражения в протоколе судебного заседания, хотя в удостоверении замечаний в этой части судьей отказано.

Наряду с вышеуказанными нарушениями закона, указанное обстоятельство фактически свидетельствовало об отсутствии протокола судебного заседания применительно к требованиям ст. 259 УПК РФ и также лишало суд кассационной инстанции возможности проверить правильность оценки судом первой инстанции доказательств по делу.

В связи с изложенным окружной военный суд приговор отменил и уголовное дело направил на новое судебное разбирательство.

Отсутствие в описательно-мотивировочной и резолютивной частях приговора указаний о квалифицирующих признаках преступления, за которое лицо осуждено, является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора

Органами предварительного следствия К. обвинялся в хищении чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, причинившем значительный ущерб гражданину, совершенном с использованием своего служебного положения, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Согласно требованиям ст.ст. 307 и 308 УПК РФ и разъяснениям, содержащимся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре», суд был обязан в мотивировочной части обвинительного приговора в отношении К. обосновать юридическую квалификацию признанных доказанными противоправных действий подсудимого и с учетом собранных доказательств сделать вывод о наличии либо отсутствии в этих его действиях вмененных ему органами следствия квалифицирующих признаков состава мошенничества.

С учетом вывода о квалификации суд в резолютивной части приговора должен был сделать вывод о признании К. виновным в совершении конкретного преступления с обязательным указанием его квалифицирующих признаков и назначить по соответствующей этому преступлению статье, ее части и пункту УК РФ наказание.

В нарушение приведенного выше требования никаких данных о наличии или отсутствии в действиях К. квалифицирующего признака использования им служебного положения и причинения значительного ущерба потерпевшему как основания для осуждения К. по ч. 3 ст. 159 УК РФ суд ни в мотивировочной, ни в резолютивной частях приговора не указал.

В резолютивной части приговора суд хотя и признал К. виновным по ч. 3 ст. 159 УК РФ, но указал только о его виновности в хищении чужого имущества путем обмана без каких-либо квалифицирующих признаков.

Признав данные нарушения ст.ст. 307 и 308 УПК РФ существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, флотский военный суд приговор в отношении К. отменил, а дело направил на новое рассмотрение.

При постановлении приговора суд, ошибочно указав время инкриминируемых деяний, нарушил принципиальное положение уголовно-процессуального закона о пределах судебного разбирательства

Постановлением Архангельского гарнизонного военного суда Б. признан виновным в дезертирстве по ч. 1 ст. 338 УК РФ. В описательно-мотивировочной части приговора суд указал на уклонение его от военной службы в период с 4 сентября 2007 г. до задержания 3 июня 2009 г.

Между тем из материалов предварительного и судебного следствия видно, что Б. незаконно отсутствовал на месте службы в период с 4 сентября 2007 г. до 27 июня 2008 г., после чего прибыл в военный комиссариат. Затем он повторно самовольно оставил место службы и уклонялся от прохождения военной службы с 1 июля 2008 г. до 3 июня 2009 г.

Допустив указанную неточность, суд, в нарушение требований ст. 252 УПК РФ о проведении судебного разбирательства лишь по предъявленному обвинению, вышел за его пределы, что повлекло за собой изменение приговора и исключение из него указания об уклонении Б. от военной службы в период с 27 июня до 1 июля 2008 г.

Приговор может быть основан только на доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона

Фокинским гарнизонным военным судом С. и К. были признаны виновными в мошенничестве, совершенном группой лиц по предварительному сговору, в крупном и особо крупном размерах, а С. – и с использованием своего служебного положения. Кроме того, С. был также признан виновным в злоупотреблении должностными полномочиями.

Вывод о виновности С. и К. в указанных преступлениях суд, наряду с другими доказательствами, обосновал в приговоре и оглашенными в связи с неявкой в судебное заседание показаниями 13 свидетелей, данными ими на предварительном следствии.

Между тем согласно ст. 240 УПК РФ все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию в судебном разбирательстве. Оглашение показаний, данных при производстве предварительного расследования, допускается лишь в случаях, предусмотренных ст.ст. 276 и 281 УПК РФ.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 281 УПК РФ при неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля оглашение их показаний, данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, допускается только с согласия сторон. Суд вправе огласить ранее данные ими показания по ходатайству стороны или по собственной инициативе лишь в случае их смерти; тяжелой болезни, препятствующей явке в суд; отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову в суд; стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд. Этот перечень является исчерпывающим.

Несмотря на то что ни одной из указанных в ч. 2 ст. 281 УПК РФ причин неявки вызванных в суд для допроса свидетелей не было, суд, не достигнув согласия сторон, огласил их показания, данные на предварительном следствии, и положил их в основу приговора. Более того, оглашенными показаниями троих из них суд обосновал в приговоре несостоятельность показаний 12 других свидетелей, не подтверждавших отдельные обстоятельства предъявленного С. и К. обвинения, данных ими в судебном заседании.

Оценив оглашенные показания 13 свидетелей со стороны обвинения и приведя их в приговоре, суд нарушил требования ст. 240 УПК РФ о непосредственном и устном исследовании всех доказательств, а также требования п. «d» ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» о возможности допрашивать показывающих против лица свидетелей или праве на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и праве на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

В связи с указанными нарушениями уголовно-процессуального закона президентом Тихоокеанского флотского военного суда приговор в отношении С. и К. отменен, а дело направил на новое рассмотрение.

Оглашение в судебном заседании показаний свидетеля, данных в ходе предварительного следствия, допускается лишь при соблюдении требований ст. 281 УПК РФ

При рассмотрении дела Московским окружным военным судом в кассационном порядке было установлено, что в ходе судебного заседания защитниками подсудимых дважды заявлялось ходатайство об обязательном участии в деле потерпевшего С., которое в обоих случаях оставалось судьей без удовлетворения. В последующем, при выяснении мнения участников судебного разбирательства о порядке исследования доказательств по делу, сторона защиты возразила против оглашения показаний не прибывших потерпевших и свидетелей. Однако суд без согласия стороны защиты допустил оглашение прокурором показаний потерпевших С. и Б. С.А., а также показаний свидетелей Д., Е., Б. А.А., хотя уважительных причин неявки в суд у этих лиц не имелось. В частности, потерпевший Б. С.А. в своем заявлении указал, что болен, однако не представил медицинских документов в подтверждение данного факта. Между тем по смыслу закона не любое заболевание, а лишь тяжелая болезнь, препятствующая явке в суд, может быть основанием для оглашения судом показаний независимо от мнения сторон. В последующем показания названных потерпевших и свидетелей были положены судом в основу приговора.

В связи с допущенным нарушением уголовно-процессуального закона приговор отменен и дело направлено на новое судебное разбирательство.

Судья не может участвовать в производстве по уголовному делу, если он является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу

Согласно приговору Абаканского гарнизонного военного суда Б. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ.

Рассмотрев уголовное дело в кассационном порядке, Западно-Сибирский окружной военный суд приговор отменил, поскольку в нарушение п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ, запрещающего судье участвовать в производстве по уголовному делу, если он является родственником любого из участников производства по данному делу, оно было рассмотрено судьей, двоюродный брат которого принимал участие в расследовании данного уголовного дела.

За нарушение распорядка судебного заседания денежное взыскание на защитника наложено быть не может

Хабаровский гарнизонный военный суд, сославшись на ст. 117 и ст. 258 УПК РФ, наложил на защитника – адвоката А. денежное взыскание за нарушение им регламента судебного заседания, выразившееся в том, что он без разрешения председательствующего покинул зал судебного заседания при рассмотрении уголовного дела.

Тихоокеанский флотский военный суд, рассмотрев дело по кассационной жалобе адвоката А., отменил постановление судьи, поскольку ни ст. 111, ни ст. 258 УПК РФ не предусматривают применение к защитнику в уголовном судопроизводстве такой меры процессуального принуждения, как денежное взыскание.

В ч. 2 ст. 258 УПК РФ указано, что при неподчинении защитника распоряжениям председательствующего слушание уголовного дела по определению или постановлению суда может быть отложено, если не представляется возможным без ущерба для уголовного дела заменить защитника. Одновременно суд сообщает об этом в адвокатскую палату.

Судья не может участвовать в производстве по уголовному делу, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2012 г. № 201-Д12-17с по уголовному делу в отношении Ш.

Наро-Фоминским гарнизонным военным судом под председательством судьи С. 23 ноября 2011 г. Ш. был осужден за незаконную передачу 5 июня 2011 г. в целях сбыта наркотического средства своему сослуживцу Шил., который при его передаче другому лицу был задержан, то есть за покушение на незаконный сбыт наркотического средства.

В кассационном порядке дело не рассматривалось.

Президиум Московского окружного военного суда 5 сентября 2012 г. приговор в отношении Ш. оставил без изменения.

Военная коллегия, рассмотрев дело по надзорной жалобе защитника осужденного, приговор и надзорное постановление окружного военного суда отменила по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 61 УПК РФ судья не может участвовать в производстве по уголовному делу в случаях, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной, в частности, в определении от 17 июня 2008 г. № 733-О-П, участие судьи в рассмотрении дела, если оно связано с оценкой ранее уже исследованных с его участием обстоятельств по делу, является недопустимым, так как высказанная судьей в процессуальном решении позиция относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности вывода о виновности обвиняемого в его совершении, достаточности собранных доказательств ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по делу и постановлении приговора или иного решения.

Указанные требования закона судом при рассмотрении уголовного дела не учтены. Ш. признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотического средства Шил., который осужден 15 сентября 2011 г. по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 228¹ УК РФ.

При этом, при рассмотрении уголовного дела в отношении Ш. судом в целях установления имеющих значение для дела обстоятельств в судебном заседании были исследованы копии материалов уголовного дела, рассмотренного в отношении Шил. (93 листа), а также протокол судебного заседания и приговор от 15 сентября 2011 г. в отношении Шил.

Уголовное дело в отношении Шил. рассмотрено председательствующим по настоящему делу судьей С.

Шил. признан виновным в получении 5 июня 2011 г. гашиша у своего сослуживца Ш. и передаче этого наркотического средства другому лицу, после чего он был задержан сотрудниками госнарконтроля в ходе проведения оперативного мероприятия «проверочная закупка».

Как указано в приговоре, согласно достигнутой между Шил. и Ш. договоренности последний передал Шил. сверток из фольги, в котором находился гашиш, с условием последующей передачи ему денежных средств, полученных от реализации наркотического средства. Однако полученные после реализации гашиша деньги Шил. передать Ш. не смог, так как был задержан.

При таких данных установленные приговором обстоятельства свидетельствуют о том, что суд признал доказанным событие преступления по получению Шил. наркотического средства у другого лица, то есть председательствующий при рассмотрении уголовного дела в отношении Шил. высказал свое мнение по вопросам, которые вновь явились предметом судебного разбирательства уголовного дела в отношении Ш.

Данное обстоятельство могло определенным образом связывать судью С. при принятии решения по данному уголовному делу, могло повлиять на его беспристрастность, что в силу ч. 2 ст. 61 УК РФ исключало его участие в рассмотрении уголовного дела в отношении Ш.

Согласно п. 2 ч. 2 ст. 381 УПК РФ постановление приговора незаконным составом суда является основанием для отмены приговора и последующих судебных решений.

На основании изложенного Военная коллегия приговор Наро-Фоминского гарнизонного военного суда от 23 ноября 2011 г. и постановление президиума Московского окружного военного суда от 5 сентября 2012 г. в отношении Ш. отменила, а уголовное дело передала в Наро-Фоминский гарнизонный военный суд на новое судебное рассмотрение со стадии судебного разбирательства в ином составе суда.

Оглашение в судебном заседании показаний свидетелей на предварительном следствии при наличии возможности их вызова в суд, а также другие нарушения закона повлекли отмену приговора

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2010 г. № 211-Д10-1С по уголовному делу в отношении М. и С. (извлечение)

В судебном заседании при рассмотрении дела М. и С. Фокинский гарнизонный военный суд, установив, что свидетели Ж., М., В., К-ша и К-ва не явились в судебное заседание, по ходатайству прокурора огласил их показания на предварительном следствии.

Кроме того, суд разрешил без удаления в совещательную комнату и вынесения отдельных процессуальных документов вопрос об отводах государственному обвинителю и секретарю судебного заседания.

При назначении наказания М. был лишен воинского звания «капитан 1 ранга».

Проверив материалы дела и доводы, изложенные в надзорных жалобах защитников осужденных, Военная коллегия судебные постановления отменила, передав дело на новое судебное рассмотрение в гарнизонный военный суд по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 281 УПК РФ оглашение показаний не явившегося в суд свидетеля, ранее данных в ходе предварительного следствия, допускается только с согласия сторон, за исключением случаев, предусмотренных в ч. 2 этой статьи.

В соответствии с ч. 2 ст. 281 УПК РФ при неявке в судебное заседание свидетеля суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять реше-

ние об оглашении ранее данных им показаний только в случае его смерти, тяжелой болезни, препятствующей явке в суд, отказа свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову в суд, стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд.

Как усматривается из материалов дела, в ходе судебного разбирательства подсудимый и защитники возражали против оглашения показаний неявившихся свидетелей Ж., М., В., К-ша и К-ва, однако несмотря на это, суд по ходатайству прокурора огласил показания, данные при производстве предварительного расследования.

Обстоятельств, препятствующих явке в суд указанных свидетелей, не имелось.

При таких данных гарнизонный военный суд при отсутствии предусмотренных законом оснований, вопреки установленной процедуре судопроизводства не только огласил показания отсутствующих свидетелей, данные ими на предварительном следствии, имея возможность вызвать этих свидетелей в суд, но и обосновал этими показаниями в приговоре выводы о виновности осужденных М. и С. во вмененных им противоправных действиях, то есть положил в основу обвинительного приговора недопустимые доказательства.

Согласно положениям ч. 2 ст. 256 УПК РФ определение или постановление об отводах выносятся в совещательной комнате и излагается в виде отдельного процессуального документа, подписываемого судьей или судьями, если уголовное дело рассматривается судом коллегиально.

Вопреки указанному требованию закона, суд вопрос об отводах государственно-обвинителя и секретаря судебного заседания, заявленных подсудимым С. при проведении предварительного слушания и в подготовительной части судебного заседания, рассмотрел без удаления в совещательную комнату и вынесения отдельных процессуальных документов по данным вопросам, чем нарушил право подсудимого С. на рассмотрение его ходатайств в установленном законом порядке.

Кроме того, судами допущено неправильное применение уголовного закона.

В соответствии со ст. 48 УК РФ суд при осуждении за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления с учетом личности виновного может лишить его воинского звания и государственных наград.

В силу ст. 45 УК РФ данное наказание может быть назначено только как дополнительное. Применение его является правом, а не обязанностью суда. Следовательно, сам по себе факт совершения тяжкого или особо тяжкого преступления не может служить достаточным основанием для лишения воинского звания. При решении этого вопроса суд должен учитывать и данные о личности виновного.

Вопреки указанным требованиям закона, суд назначил М. дополнительное наказание в виде лишения воинского звания по мотивам только характера и тяжести содеянного им. В то же время при назначении наказания суд сослался в приговоре на положительные характеристики М., а также его состояние здоровья, с учетом которых след возможным не применять к нему дополнительное наказание в виде штрафа.

При таких данных решение суда о лишении М. воинского звания следует признать противоречащим требованиям ст. 60 УК РФ.

Глава 28. Особый порядок судебного разбирательства

Уголовное дело не подлежит рассмотрению в особом порядке судебного разбирательства, если в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства возникал вопрос о вменяемости подсудимого

По приговору Владивостокского гарнизонного военного суда, постановленному в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, Г. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ, к 3 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Как следует из материалов уголовного дела, в ходе предварительного следствия в связи с возникшими сомнениями в психическом состоянии Г. в отношении его была проведена комплексная амбулаторная психолого-психиатрическая экспертиза, выявившая наличие у Г. психического расстройства в виде транзиторного, эмоционально-неустойчивого типа расстройства личности.

При таких обстоятельствах гарнизонному суду, в соответствии с требованиями ст. 300 УПК РФ, следовало обсудить вопрос о вменяемости подсудимого в отношении инкриминируемого ему деяния, в связи с чем было необходимо тщательно исследовать характеризующие личность подсудимого документы, дать оценку заключению экспертов и сделать вывод о признании подсудимого вменяемым или невменяемым, чего суд не выполнил.

При этом, подобная оценка в рамках вынесения решения в порядке гл. 40 УПК РФ – без проведения судебного разбирательства и исследования доказательств, к числу которых относится заключение комиссии экспертов-психиатров, невозможно. Для правильного разрешения данного уголовного дела оно должно было рассматриваться в судебном заседании в общем, а не в особом порядке.

В связи с нарушением гарнизонным военным судом указанных требований уголовно-процессуального закона судебная коллегия Тихоокеанского флотского военного суда приговор в кассационном порядке отменила и уголовное дело направила в суд первой инстанции на новое разбирательство.

Постановления о назначении уголовного дела к рассмотрению отменены ввиду нарушения уголовно-процессуального закона

Судья Белогорского гарнизонного военного суда, решая 18 октября 2012 г. вопрос о назначении судебного заседания по уголовному делу в отношении П., О. и Б., отказал обвиняемым в удовлетворении ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства и рассмотрение дела назначил в общем порядке на 25 октября 2012 г.

1 ноября 2012 г. судья вынес новое постановление – о назначении судебного заседания в общем порядке на 8 ноября 2012 г.

Судебная коллегия Дальневосточного окружного военного суда указанные постановления отменила по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 3 ст. 231 УПК РФ в постановлении о назначении судебного заседания должны содержаться решения о назначении судебного заседания с указанием фамилии, имени и отчества каждого обвиняемого и квалификации вменяемого в вину преступления.

Согласно ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению, содержание которого приведено в постановлении о назначении судебного заседания.

Из обвинительного заключения усматривается, что П., О. и Б. обвинялись в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Между тем в обоих оспариваемых постановлениях судья принял решение о назначении судебного заседания по обвинению указанных лиц в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, выйдя тем самым за пределы предъявленного П., О. и Б. обвинения.

Судебной коллегией также признаны обоснованными доводы кассационных жалоб относительно решения судьи об отказе в удовлетворении ходатайств обвиняемых о постановлении в отношении их приговора в особом порядке.

В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» при рассмотрении вопроса о возможности принятия судебного решения по ходатайству обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке судам надлежит устанавливать, имеются ли по уголовному делу необходимые для этого условия. Одним из таких условий является заявление обвиняемым соответствующего ходатайства в присутствии защитника и в период, установленный ст. 315 УПК РФ.

Согласно ч. 2 ст. 315 УПК РФ впервые указанное ходатайство может быть заявлено обвиняемым при ознакомлении с материалами дела по окончании предварительного следствия, а окончанием периода, когда обвиняемый может заявить ходатайство, считается проведение предварительного слушания, если оно является обязательным.

По смыслу данной нормы закон допускает возможность обращения обвиняемого в суд с ходатайством о проведении судебного заседания в особом порядке и после ознакомления с материалами дела до момента назначения судебного заседания, если предварительное слушание по делу не проводилось.

Из представленных материалов усматривается, что каждый из обвиняемых после выполнения следователем положений ст. 217 УПК РФ заявил о желании воспользоваться правом ходатайствовать о рассмотрении настоящего уголовного дела в особом порядке, а после вручения О., П. и Б. копий обвинительного заключения каждый из них подал ходатайство об этом в гарнизонный военный суд.

При таких данных окружной военный суд признал, что решение судьи гарнизонного военного суда в постановлении от 18 октября 2012 г. об отказе в удовлетворении названных ходатайств обвиняемых, основанное только лишь на суждении о несвоевременном их заявлении, противоречит закону.

Оставление без рассмотрения ходатайства подсудимого о разбирательстве дела в особом порядке принятия решения явилось основанием к отмене приговора, поскольку повлекло за собой лишение его гарантированных уголовно-процессуальным законом прав участника уголовного судопроизводства, нарушило процедуру судопроизводства и повлияло на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора

Великоновгородским гарнизонным военным судом прапорщик М. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ, и осужден к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год с лишением права управлять транспортными средствами на 1 год 6 месяцев.

Рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, судебная коллегия Ленинградского окружного военного суда приговор отменила и дело направила на новое судебное разбирательство в связи с нарушением судом первой инстанции процедуры судопроизводства и права подсудимого на защиту.

В соответствии с ч. 1 ст. 314 и ст. 315 УПК РФ обвиняемый вправе ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовному делу о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы.

При ознакомлении обвиняемого совместно с защитником с материалами уголовного дела М. в порядке ст. 217 УПК РФ заявил ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке принятия судебного решения, однако оно судом рассмотрено не было.

Между тем при наличии ходатайства обвиняемого о применении особого порядка принятия судебного решения и отсутствии обстоятельств, препятствующих разбирательству уголовного дела в особом порядке, судья при назначении судебного заседания принимает решение о рассмотрении данного дела в особом порядке.

Если в судебном заседании будет установлено, что все условия соблюдены, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в особом порядке.

Если суд установит, что предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 314 УПК РФ условия, при которых обвиняемым было заявлено ходатайство, не соблюдены, то он, в соответствии с ч. 3 ст. 314 и ч. 6 ст. 316 УПК РФ, прекращает рассмотрение уголовного дела в особом порядке и назначает его рассмотрение в общем порядке.

В любом случае ходатайство обвиняемого о применении особого порядка судебного разбирательства подлежит безусловному рассмотрению. Оставление судом такого ходатайства без рассмотрения нарушает право обвиняемого на защиту, поскольку принятие решения о рассмотрении дела в особом порядке в соответствии с ч. 7 ст. 316 УПК РФ гарантирует подсудимому назначение наказания, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

При новом рассмотрении настоящего уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства М. с применением ч. 7 ст. 316 УПК РФ было назначено менее строгое по сроку основное наказание в виде 1 года 4 месяцев лишения свободы с лишением права управлять транспортными средствами на 1 год 6 месяцев.

В решении по делу, рассмотренному в особом порядке, суд не вправе ссылаться на доказательства, которые не исследуются в судебном заседании

Курский гарнизонный военный суд, рассмотрев дело в особом порядке, осудил Ф. по совокупности преступлений, предусмотренных чч. 3 и 4 ст. 337 УК РФ, к 2 годам лишения свободы.

По смыслу норм гл. 40 УПК РФ при особом порядке судебного разбирательства суд не проводит в общем порядке исследование собранных по делу доказательств, касающихся обвинения. В остальной части судебное заседание проводится с соблюдением требований соответствующих статей гл. 35, 36, 38 и 39 названного Кодекса. Назначение подсудимому наказания должно быть мотивировано в приговоре, а значит данные, положенные в обоснование выводов о назначении наказания, суд может и обязан исследовать в ходе судебного разбирательства.

Между тем, обосновывая необходимость применения к Ф. реального лишения свободы, суд первой инстанции сослался на отрицательные данные из его служебной характеристики и служебной карточки, хотя ни один из перечисленных документов он не исследовал, что не позволило подсудимому дать пояснения по обстоятельствам, которые послужили основанием для назначения ему реального лишения свободы.

Поскольку характеризующие личность Ф. доказательства не были проверены гарнизонным военным судом, суд кассационной инстанции был лишен возможности дать оценку как им, так и доводам осужденного в обоснование своего несогласия с приговором.

В связи с изложенным Московский окружной военный суд приговор отменил и дело направил на новое судебное разбирательство.

Наличие в уголовном деле данных, ставящих под сомнение согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, исключает возможность постановления судом приговора в особом порядке судебного разбирательства

Постановленным в соответствии с гл. 40 УПК РФ приговором Владивостокского гарнизонного военного суда офицер Б. был признан виновным в том, что, превышая свои должностные полномочия, нанес подчиненному ему матросу О. по несколько ударов кулаками по лицу и груди, чем причинил потерпевшему перелом верхней трети тела грудины – вред здоровью средней тяжести, то есть в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Ходатайство Б. о рассмотрении дела в особом порядке в соответствии с требованиями ст.ст. 314 – 316 УПК РФ подлежало удовлетворению только при условии понимания обвиняемым существа предъявленного ему обвинения и полного с ним согласия. Это значит, что у обвиняемого не должно было быть возражений против фактических обстоятельств, формы вины, мотивов, юридической оценки им содеянного, а также характера и размера причиненного им вреда, так, как это изложено органом уголовного преследования в обвинительном заключении.

Органом предварительного расследования Б. вменялось нанесение О. кулаками не менее пяти ударов по лицу и не менее пяти ударов по груди.

Фактически в ходе всего предварительного следствия Б. виновным себя в применении к О. какого-либо насилия вообще не признавал и лишь на последнем допросе в качестве обвиняемого признал себя виновным в нанесении потерпевшему только двух ударов кулаком в грудь. В применении какого-либо иного насилия Б. себя виновным так и не признал, а в судебном заседании вопрос, в чем именно Б. признает себя виновным, у него не выяснялся.

Такая позиция Б. очевидно свидетельствовала не о полном, а только частичном согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, поэтому гарнизонный суд законных оснований для постановления приговора в отношении Б. в особом порядке не имел и должен был в соответствии с ч. 3 ст. 314 УПК РФ назначить судебное разбирательство и рассмотреть данное дело в общем порядке.

По указанным основаниям судебная коллегия флотского суда отменила приговор в отношении Б. ввиду нарушения судом норм уголовно-процессуального закона, а дело направила на новое разбирательство иным составом судей.

Ошибка, допущенная судом в связи с несоблюдением положений гл. 40 УПК РФ об основаниях применения особого порядка принятия судебного решения повлекла за собой отмену приговора

Постановлением Великоновгородского гарнизонного военного суда М. осужден по ч. 1 ст. 338 УК РФ за дезертирство.

Согласно приговору, постановленному без проведения судебного разбирательства, М. в целях уклонения от военной службы не явился из отпуска 12 июля 2006 г. в воинскую часть. 10 июля 2009 г. он прибыл в военный следственный отдел по Новгородскому гарнизону, где заявил о себе, как о военнослужащем, уклоняющемся от службы.

Приговор был постановлен в особом порядке без проведения судебного разбирательства.

В соответствии с ч. 1 ст. 314 УК РФ одним из обязательных условий постановления приговора без проведения судебного разбирательства является согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Однако, как видно из материалов дела, на протяжении всего предварительного следствия М. показывал, что он в июле 2006 г. не явился в срок из отпуска к месту службы в часть, так как хотел временно отдохнуть от службы, намереваясь впоследствии заявить о себе в компетентные органы. Намерения вовсе уклониться от прохождения военной службы он не имел, а в июле 2009 г. он добровольно прибыл в военный следственный отдел, где заявил о незаконном нахождении вне части.

Таким образом, на предварительном следствии М. фактически отрицал предъявленное ему обвинение в дезертирстве.

При таких обстоятельствах у гарнизонного военного суда не имелось законных оснований для постановления приговора в отношении М. в особом порядке судебного разбирательства. На основании ч. 6 ст. 316 УПК РФ, несмотря на формально выраженное подсудимым, но не соответствующее существу его показаний признание вины, надлежало прекратить судебное рассмотрение уголовного дела в особом порядке и назначить его рассмотрение в общем порядке.

Указанное нарушение уголовно-процессуального закона признано существенным и повлекло за собой отмену приговора.

После отмены приговора М. уголовное дело было рассмотрено в общем порядке и по нему постановлен обвинительный приговор.

Глава 29. Частное постановление (определение)

Частное постановление отменено, поскольку вынесено судом без исследования обстоятельств, послуживших основанием для его вынесения

Ульяновским гарнизонным военным судом по результатам рассмотрения уголовного дела в отношении бывшего военнослужащего подполковника запаса Р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ, в адрес командующего Воздушно-десантными войсками было вынесено частное постановление об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления.

Рассмотрев материалы дела по надзорному представлению военного прокурора Центрального военного округа, президиум Приволжского окружного военного суда частное постановление отменил ввиду нарушения судом первой инстанции уголовно-процессуального закона при его вынесении.

Как усматривается из материалов дела, оно было рассмотрено в порядке гл. 40 УПК РФ, то есть в особом порядке судебного разбирательства. При этом, суд в соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК РФ не проводил в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу, а только исследовал обстоятельства, характеризующие личность подсудимого и смягчающие наказание.

При таких данных вынесение частного постановления по делу противоречило требованиям ч. 4 ст. 29 УПК РФ, согласно которой вынесение подобного акта реагирования возможно лишь на основе обстоятельств, установленных при судебном рассмотрении уголовного дела.

Глава 30. Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей

Постановка в вопросном листе одного вопроса по одному деянию, квалифицируемому по двум нормам УК РФ, является правомерной

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2009 г. № 1-39/09 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 20 октября 2009 г., постановленному на основании обвинительного вердикта присяжных заседателей, матрос М. осужден к лишению свободы по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 4 ст. 162, по ч. 1 ст. 338, по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, по совокупности совершенных преступлений к лишению свободы на 17 лет в исправительной колонии строгого режима, с отбыванием первых пяти лет в тюрьме.

М. признан виновным в убийстве группой с иным лицом, признанным невменяемым, сопряженным с разбоем, гражданки М-ой в ее доме посредством нанесения ей кухонным ножом нескольких ударов с повреждением жизненно важных органов; разбоем, совершенном с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия, и с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей М-ой; дезертирстве с места прохождения военной службы; краже бензина, совершенной с незаконным проникновением в иное хранилище.

Рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, Военная коллегия указала в определении, что вопросы присяжным заседателям в вопросном листе судом поставлены правильно.

В силу ст. 339 УПК РФ вопросы ставятся в вопросном листе по каждому деянию, в совершении которого обвиняется подсудимый, а не по статьям УК РФ, по которым квалифицированы эти деяния.

Поскольку предъявленное М. обвинение в убийстве гражданки М-ой с одновременным разбойным нападением на нее с причинением тяжкого вреда здоровью образует совокупность преступлений, суд обоснованно в вопросном листе поставил один вопрос по указанному обвинению. Дублирование вопросов по одному деянию, квалифицируемому по двум нормам УК РФ, могло привести к неясности вердикта коллегии присяжных заседателей.

Существенные нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с ограничением прав сторон на представление доказательств, воздействием на присяжных заседателей с целью вызвать предубеждение и повлиять на их беспристрастность, повлекли отмену оправдательного приговора

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2010 г. № 201-010-1сп по уголовному делу в отношении З. и Р. (извлечение)

Приговором Московского окружного военного суда от 30 сентября 2009 г. на основании вердикта коллегии присяжных заседателей бывший военнослужащий Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны Российской Федерации генерал-майор запаса З. и гражданка Р. оправданы в связи с неустановлением события преступления.

Военная коллегия, рассмотрев уголовное дело по кассационному представлению государственного обвинителя, отменила приговор, направив дело на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда со стадии предварительного слушания по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 385 УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора лишь при наличии таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них.

Из дела видно, что суд отказал в исследовании аудиозаписей переговоров между З. и свидетелем Е. ввиду того, что эти сведения не являются доказательствами фактических обстоятельств дела, которые устанавливаются присяжными заседателями.

Между тем названные переговоры содержали фактические данные об источниках приобретения баллистических тканей для приобренных к делу в качестве вещественных доказательств средств индивидуальной бронезащиты, возможностях российской промышленности по их производству, соответствии производимых средств защиты установленным стандартам, а также характеристикам, указанным в протоколах приемо-сдаточных испытаний, фактически поставляемым на испытания бронежилетам, то есть сведения, относящиеся к предмету доказывания по делу с участием присяжных заседателей в соответствии с положениями ст. 334 УПК РФ.

Кроме того, из протокола судебного заседания усматривается, что государственным обвинителем перед судом ставился вопрос об исследовании бронежилетов, приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств.

Однако указанные выше ходатайства судом разрешены не были, в связи с чем приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств бронежилеты, имеющие прямую причинную связь с предъявленным подсудимым обвинением, не исследовались.

При таких данных утверждение в представлении об ограничении председательствующим судьей прав обвинителей на представление доказательств является обоснованным.

В соответствии с ч. 5 ст. 335 УПК РФ вопросы процессуального характера, в том числе вопросы допустимости либо недопустимости доказательств, процедуры собирания доказательств, являются исключительной компетенцией председательствующего судьи, а заявления о недопустимости доказательств служат поводом к их проверке. Законом также запрещается всякое воздействие на присяжных заседателей, способное вызвать у них предубеждение, отрицательно повлиять на их беспристрастность и формирование мнения по делу.

Названные требования закона при рассмотрении дела соблюдены не были.

Из протокола судебного заседания усматривается, что адвокат Б. фактически заявил в присутствии присяжных заседателей о недопустимости заключения эксперта. Наряду с этим, защитники и подсудимые неоднократно, несмотря на предупреждения председательствующего судьи, выражали неверие в достоверность заключений экспертов, заявляя о том, что все их выводы основаны на предположениях, а также ставили под сомнение компетенцию экспертов.

В прениях адвокат Б. также заявил о возможности утаивания стороной обвинения отдельных доказательств.

Допускались стороной защиты в адрес органов расследования и прокуратуры и другие высказывания, способные вызвать у присяжных заседателей предубеждение к органам предварительного следствия и суду.

Так, адвокат М. в прениях сказал, что после выступления процессуального оппонента он пришел к выводу, что в настоящее время в правоохранительных органах доказательства «подсовываются», как это имело место в кинофильме «Место встречи изменить нельзя», а также «что содержание доказательств, о которых сегодня говорил государственный обвинитель, настолько извращено, что комментировать это нормальными приличными словами я не в состоянии». Адвокат Б. в прениях заявил присяжным заседателям: «В отличие от государственного обвинителя, который считает, что вас можно легко обвести вокруг пальца, мы так не считаем», «Я считаю, что настоящее уголовное дело – это расправа».

Также имело место доведение до присяжных заседателей информации о применении со слов подсудимой Р. к ней на предварительном следствии незаконных методов ведения следствия.

Из исследованных в судебном заседании показаний подсудимой Р. усматривается, что во время проведения обыска ей сотрудниками правоохранительных органов высказывались угрозы физической расправы: «путем обстрела меня, предварительно надев на меня бронежилет. То есть высказывались предложения провести испы-

тания бронезилетов на мне. Обыскивающие лица сожалели, что сейчас не 37-й год, что они не могут загнать мне иголки под ногти. То есть этим запугиванием на меня оказывалось сильное психологическое воздействие».

Приведенные выше показания остались без соответствующего реагирования со стороны председательствующего судьи.

Обоснованным также является утверждение в кассационных представлениях о нарушении председательствующим судьей положений ч. 24 ст. 328 УПК РФ, выразившемся в том, что перед оглашением материалов уголовного дела, в которых содержались сведения, составляющие государственную тайну, у присяжных заседателей не была отобрана подписка о ее неразглашении.

Изложенное указывает на то, что обсуждение в присутствии присяжных заседателей вопросов, которые находятся за пределами их компетенции, в том числе о допустимости доказательств, стремление опорочить доказательства, признанные допустимыми, негативная оценка органов предварительного расследования и суда, сообщение информации о личности подсудимых и другие нарушения закона могли повлиять на существо принимаемых присяжными заседателями в совещательной комнате решений.

Существенные нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с ограничением прав сторон на представление доказательств, воздействием на присяжных заседателей с целью вызвать предубеждение и повлиять на их беспристрастность, повлекли отмену оправдательного приговора

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 19 июля 2011 г. № 205-О11-Ссп по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

Приговором Северо-Кавказского окружного военного суда от 5 марта 2011 г. на основании вердикта коллегии присяжных заседателей М. оправдан в связи с непричастностью к совершению преступления, предусмотренного пп. «а», «в», «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Военная коллегия, рассмотрев уголовное дело по кассационному представлению государственного обвинителя, отменила приговор в указанной части, направив дело на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда со стадии предварительного слушания по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 385 УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора лишь при наличии таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право названных участников уголовного судопроизводства либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них.

Одной из особенностей рассмотрения дела с участием присяжных заседателей является недопущение председательствующим попыток оказания незаконного влияния на коллегию присяжных заседателей со стороны участников уголовного судопроизводства, что не всегда соблюдалось при рассмотрении данного дела.

Так, несмотря на признание судом допустимыми доказательствами протоколов явки с повинной, допросов свидетелей К. и Р. – сотрудников милиции, после их исследования в судебном заседании М., обращаясь к присяжным заседателям, заявил, что убийства В-ых он не совершал, а все, что написано в протоколе явки с повинной и рассказано свидетелями, является ложью. Как пояснил М., сотрудник милиции Р. был на месте преступления и знал обстоятельства его совершения, поэтому в явке с повинной им описаны детали убийства со слов названного сотрудника.

Однако председательствующий по делу не прервал, как того требует УПК РФ, объяснение М. и не разъяснил присяжным заседателям, что они не должны учитывать полученные от М. сведения при вынесении вердикта.

Такое же нарушение требований уголовно-процессуального закона допущено судьей и при даче М. пояснений в присутствии присяжных заседателей о том, что данные, изложенные в протоколах его допросов в качестве подозреваемого, в том числе и с применением видеозаписи, оглашенных в судебном заседании протоколах допроса свидетеля Мал. и очной ставки между ним и М. по обстоятельствам убийства В-ых, являются ложными.

Председательствующим, в нарушение требований ст. 281 УПК РФ, не принято мер к устранению противоречий в показаниях М., касающихся производства работ в доме, где совершено убийство, места хранения М. рабочего инструмента, что имеет существенное значение для установления причин нахождения М. на месте преступления в период его совершения.

Судом также не было исследовано заключение судебно-медицинского эксперта, согласно выводу которого на 2 окурках сигарет «Ява золотая», окурках сигарет «Ростов» и «Кент» из числа 5 окурков, изъятых при осмотре места происшествия на лестничной площадке у квартиры потерпевших, обнаружены следы слюны М.

Военная коллегия также посчитала, что оказать воздействие на присяжных заседателей и вызвать у них предубеждение к погибшему В. могло выяснение защитником вопросов об употреблении им спиртных напитков, о судимости и ее причинах, о взаимоотношениях с женой, которые председательствующий не только не снимал, но и сам допускал постановку аналогичных вопросов потерпевшей.

В результате оглашения протокола допроса свидетеля Мал. и протоколов других следственных действий с его участием на предварительном следствии судом допущены нарушения уголовно-процессуального закона о непосредственном исследовании доказательств, что ограничило право стороны защиты, возражавшей против такого порядка исследования доказательств, и стороны обвинения на представление доказательств и могло повлиять на содержание поставленных вопросов присяжным заседателям и ответов на них.

Из материалов дела видно, что суд, ограничившись неоднократными ответами сотрудника телеграфа о том, что жилое помещение по указанному адресу закрыто и свидетель не является за телеграммой, а также заявлением М. о намерениях Мал. уехать на заработки на Север или на Урал, огласил названные процессуальные документы, не приняв надлежащих мер для обеспечения явки свидетеля Мал. в судебное заседание.

Изложено также на то, что обсуждение в присутствии присяжных заседателей вопросов, которые находятся за пределами их компетенции, в том числе о допустимости доказательств, стремление опорочить доказательства, признанные допустимыми, негативная оценка органов предварительного расследования и суда, а также другие нарушения закона могли повлиять на существо принимаемых присяжными заседателями в совещательной комнате решений.

Существенные нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с воздействием на присяжных заседателей с целью вызвать предубеждение и повлиять на их беспристрастность, повлекли отмену оправдательного приговора

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2012 г. № 201-О12-11сп по уголовному делу в отношении Г. (извлечение)

Московский окружной военный суд 22 августа 2012 г. на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей оправдал Г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ, с признанием за ним права на реабилитацию.

Военная коллегия, рассмотрев уголовное дело по кассационному представлению государственного обвинителя, приговор отменила, а дело направила на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда по следующим основаниям.

Особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей определены ст. 335 УПК РФ, согласно которой в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ. При этом, не могут обсуждаться вопросы о недопустимости доказательств и иные вопросы материального и процессуального права, не входящие в компетенцию присяжных заседателей. Также запрещается всякое воздействие на присяжных заседателей, способное вызвать у них предубеждение в отношении кого-либо из участников процесса, отрицательно повлиять на их беспристрастность и формирование мнения по делу.

Указанные требования закона при рассмотрении дела соблюдены не были.

Несмотря на то что сторона защиты не заявляла в порядке ст. 235 и ч. 6 ст. 335 УПК РФ ходатайств об исключении доказательств, представленных стороной обви-

нения, защитник С. и подсудимый Г. в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей ставили вопросы и делали заявления, которые, по существу, были направлены на то, чтобы вызвать у присяжных заседателей сомнения в законности этих доказательств.

Председательствующим было сделано более 30 замечаний защитнику и подсудимому в связи с высказываниями, направленными на формирование у присяжных заседателей недоверия к органам предварительного следствия и суда и доказательств, представленным стороной обвинения; многократно снимались вопросы, задаваемые стороной защиты допрашиваемым лицам об обстоятельствах, не имеющих отношения к предъявленному Г. обвинению. Однако защитник и подсудимый фактически игнорировали эти замечания и продолжали нарушать порядок судопроизводства, пытаясь увести судебное следствие в сторону от предмета, подлежащего доказыванию по данному уголовному делу.

Так, во вступительном слове адвокат С. заявил присяжным заседателям, что подсудимый принял решение о рассмотрении дела судом с их участием, «поскольку в ходе предварительного следствия стал очевидным тот факт, что в данном уголовном деле выслушивать какие-либо доводы от Г., принимать во внимание и давать надлежащую оценку представленным стороной защиты доказательствам никто не собирается. Цель у обвинения одна – посадить капитана Г.». Несмотря на замечания председательствующего о недопустимости подобных заявлений, адвокат вновь допустил высказывания, направленные на дискредитацию органов правосудия, заявив, что только присяжные заседатели, а не профессиональный суд способны защитить подсудимого от «произвола», что «весы у Фемиды отобрали, и она теперь, как слепая избушка, то ли передом повернется к Г., то ли задом».

При допросе свидетеля Т. защитник пытался выяснить служебное положение его отца, обстоятельства распределения свидетеля по окончании военного училища, задавал вопросы, входит ли употребление спиртных напитков в его обязанности, о якобы предъявленных Т. к Г. требованиях дать изобличающие показания в отношении иного лица, о получении свидетелем денежных средств для проведения оперативно-разыскного мероприятия и иные вопросы, которые не относились к предмету доказывания по делу, но могли сформировать у присяжных заседателей негативное отношение к свидетелю и его показаниям. Также в присутствии присяжных заседателей адвокат С. необоснованно обвинил свидетеля Т. в отказе от прежних показаний.

После оглашения текста разговора, записанного свидетелем Т. на мобильный телефон и расшифрованного в заключении экспертов от 5 мая 2012 г., адвокат выяснял у Т., отбирались ли у него образцы голоса для проведения экспертизы, ставя тем самым под сомнение достоверность оглашенного документа. Однако вопрос о принадлежности записанных голосов перед экспертами не ставился. По поручению следователя они выясняли лишь наличие либо отсутствие признаков монтажа и иных изменений в записи разговора.

При исследовании протокола обыска, проведенного в жилище Г., защитник С. сделал заявление о том, что данная квартира его подзащитному не принадлежит, что также могло неправомерно повлиять на мнение присяжных заседателей о достоверности содержащихся в этом процессуальном документе сведений.

После допроса свидетеля стороны обвинения З. адвокат заявил перед присяжными заседателями, что «все равно он нам ничего не пояснил», тем самым неправомерно дал оценку доказательственному значению показаний этого свидетеля.

В ходе допросов свидетелей М. и Х., проводивших ревизию на складе ГСМ, сторона защиты интересовалась их профессиональными знаниями, полученным перед ревизией инструктажем, задавала иные вопросы, ставящие под сомнение как их компетенцию, так и допустимость представленного стороной обвинения в качестве доказательства акта ревизии.

На дискредитацию выводов ревизоров были направлены и показания свидетелей, вызванных в суд по ходатайству стороны защиты. Так, свидетель Тар., отвечая на вопросы адвоката, высказался о том, что выявленные нарушения относятся в большинстве своем к автомобильной службе части, а не к службе ГСМ, возглавляемой Г. Свидетель Мик. сообщил суду, что материалы, предъявленные ревизорам, изыма-

лись Т. без составления каких-либо документов об этом, а затем дал оценку результатам ревизии, заявив, что выявленные на складе ГСМ нарушения являются незначительными.

Свидетель стороны защиты В. опровергал содержащиеся в протоколе обыска и подтвержденные его подписью сведения о том, что деньги в сумме 4 млн руб. были обнаружены в гараже Г. до того, как он (В.) прибыл туда и сообщил следователю о наличии в гараже спрятанных им своих денег. Кроме того, отвечая на вопросы адвоката, В. пояснил, что в ходе этого же обыска был изъят принадлежащий ему ящик дорогого виски, который органами предварительного следствия не возвращен. Между тем протокол обыска, подписанный не только В., но и адвокатом С., не содержит данных об изъятии алкоголя.

Г., выступая перед присяжными заседателями с последним словом, утверждал, что его адвокату «постоянно не давали говорить в судебном заседании и прерывали его», а тех лиц, которые приехали поддержать его в судебном заседании, «ни за что удаляли из зала судебного разбирательства». Эти заявления подсудимого объективно были направлены на формирование у присяжных заседателей мнения о необъективности суда и нарушении его права на защиту.

Вместе с тем, как усматривается из материалов уголовного дела, право Г. на защиту было обеспечено надлежащим образом и все действия председательствующего по руководству процессом и наведению порядка в зале судебного заседания не выходили за пределы его полномочий, определенных ст.ст. 243, 258 и 335 УПК РФ.

Согласно ч. 2 ст. 385 УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора лишь при наличии таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них.

Принимая во внимание допущенные стороной защиты многочисленные нарушения уголовно-процессуального закона, Военная коллегия пришла к выводу, что они в своей совокупности не позволили коллегии присяжных заседателей сформировать в своем сознании объективную картину подлежащих исследованию событий и, несмотря на принятые председательствующим меры к обеспечению состязательности и равноправия сторон, повлияли на ответы присяжных заседателей при вынесении вердикта.

При назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. № 209-О10-1 по уголовному делу в отношении Б. и др. (извлечение)

По приговору 3-го окружного военного суда от 28 декабря 2009 г., постановленному на основании обвинительного вердикта присяжных заседателей, прапорщик Б. осужден по ч. 1 ст. 335, ч. 3 ст. 30 и пп. «ж» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по совокупности совершенных преступлений к лишению свободы на 9 лет в исправительной колонии строгого режима, а рядовой В. – по ч. 3 ст. 30 и пп. «ж» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ на 6 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Присяжными заседателями Б. признан заслуживающим снисхождения.

Рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного Б., Военная коллегия в связи с несправедливостью назначенного ему наказания изменила в отношении его приговор по следующим основаниям.

Из приговора усматривается, что при назначении Б. наказания суд учел не только вердикт присяжных заседателей о том, что Б. заслуживает снисхождения, но и обстоятельства, отягчающие наказание, предусмотренное п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ (особо активная роль в совершении преступления).

Между тем в соответствии с ч. 4 ст. 65 УК РФ при назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются.

Приведя указанные доводы, Военная коллегия исключила из приговора указание на особо активную роль Б. в совершении преступления в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, и смягчила ему наказание.

Приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, может быть отменен лишь при наличии таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20 марта 2012 г. № 205-О12-3СП по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 22 ноября 2011 г. М. на основании вердикта коллегии присяжных заседателей оправдан в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 2 ст. 162 УК РФ, в связи с непричастностью к совершению указанных преступлений.

В кассационном представлении государственный обвинитель И. и в кассационной жалобе потерпевшая З. просили приговор отменить в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона и направить уголовное дело на новое разбирательство.

Потерпевшая также указала в жалобе на доказанность совершенного М. преступления.

Рассмотрев материалы дела, Военная коллегия нашла приговор законным и обоснованным.

Согласно ч. 2 ст. 385 УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего или его представителя лишь при наличии таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них.

Таких нарушений по настоящему уголовному делу не имелось.

Коллегия присяжных заседателей сформирована в соответствии с требованиями ст. 328 УПК РФ.

Судебное следствие проведено с учетом предписаний ст. 335 УПК РФ, определяющей его особенности в суде с участием присяжных заседателей. Все представленные сторонами доказательства судом исследованы, заявленные ходатайства разрешены. По окончании судебного следствия дополнений от сторон не поступило. Государственные обвинители и потерпевшая не делали заявлений о том, что кто-либо из свидетелей стороны обвинения не допрошен или какие-либо другие доказательства не были исследованы.

Довод, содержащийся в кассационном представлении, об ограничении права прокурора на представление доказательств, выразившемся в отказе суда удовлетворить ходатайство об оглашении заключения экспертов, проводивших психолого-лингвистическую экспертизу, о состоянии М. в ходе видеозаписи проверки показаний на месте и справки об использовании в отношении его полиграфа, является несостоятельным по следующим основаниям.

Согласно ст. 335 и ст. 252 УПК РФ с участием присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, а судебное разбирательство может проводиться только в пределах предъявленного подсудимому обвинения.

Как видно из содержания акта психолого-лингвистической экспертизы и справки об использовании полиграфа, они не содержат фактических данных, которые могли бы быть признаны доказательствами по делу, подлежащими исследованию с участием присяжных заседателей, а указывают только на способ собирания этих доказательств.

При таких данных указанные документы обоснованно не исследовались в присутствии присяжных заседателей, на что суд указал в постановлении при разрешении ходатайства, заявленного стороной обвинения.

Как следует из протокола судебного заседания, председательствующий руководил судебным заседанием в соответствии с требованиями ст. 243 УПК РФ, принимая все предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон с учетом особенностей судопроизводства с участием присяжных заседателей.

При этом, сторона обвинения активно пользовалась правами, предоставленными законом, в том числе исследуя доказательства и участвуя в разрешении процессуальных вопросов. Основанные на законе мнения и возражения стороны обвинения принимались во внимание.

Вместе с тем, при доведении до сведения присяжных заседателей фактов, не подлежащих исследованию с их участием, в том числе заявлений подсудимого и его защитника – адвоката К. о недопустимости ряда доказательств, ссылок на заказной характер убийства потерпевших и судебные ошибки по другим делам, председательствующий обоснованно останавливал участников судебного разбирательства, в необходимых случаях делал им замечания, обращаясь к присяжным заседателям с просьбой не принимать во внимание такие обстоятельства при вынесении вердикта. На это председательствующий обратил внимание присяжных заседателей и в напутственном слове.

Подобным образом правомерно реагировал председательствующий, когда М. начинал ссылаться на обстоятельства, связанные с процессом получения доказательств.

Что касается ссылки в представлении на необходимость удаления М. из зала суда на время прений и последнего слова подсудимого, то в силу ч. 3 ст. 258 УПК РФ такое удаление подсудимого является не обязанностью, а правом суда. При этом, подсудимому в любом случае должно быть предоставлено право на последнее слово, что и было сделано судом.

Сама же по себе оценка подсудимым исследованных доказательств соответствует требованиям ст. 15 УПК РФ об осуществлении уголовного судопроизводства на основе состязательности сторон, функциям стороны защиты, ст. 292 УПК РФ о содержании и порядке судебных прений сторон, ст. 336 УПК РФ об особенностях прений сторон с участием присяжных заседателей.

Исходя из изложенного указанных высказывания М., на которые председательствующий отреагировал в установленном законом порядке, не могут служить основанием к отмене приговора, так же как нельзя признать обоснованными и доводы, содержащиеся в представлении, о том, что в связи с данными обстоятельствами коллегия присяжных заседателей утратила объективность и беспристрастность.

Присяжным заседателям, таким образом, была предоставлена возможность оценить доводы каждой из сторон и участвовать в исследовании всей совокупности имеющихся в деле фактических данных, как уличающих, так и оправдывающих подсудимого в инкриминируемых ему деяниях.

Окончательная же оценка представленных доказательств, в том числе с точки зрения их достоверности или недостоверности, в суде с участием присяжных заседателей в силу ст. 17 УПК РФ относится к компетенции присяжных заседателей.

При таких обстоятельствах прения сторон, реплики и последнее слово подсудимого проведены в соответствии с требованиями ст. 336 УПК РФ.

Доводы, приведенные в представлении государственного обвинителя, о нарушении принципа равноправия сторон в связи с недостаточным временем для подготовки к прениям у стороны обвинения являются несостоятельными.

Из протокола судебного заседания следует, что после объявления судебного следствия окончательным председательствующим судьей был объявлен перерыв для подготовки к судебным прениям, по завершении которого государственные обвинители и потерпевшая не заявляли ходатайств о предоставлении дополнительного времени для подготовки и выступили в прениях сторон, после чего тезисы выступления потерпевшей были приобщены судом к материалам дела.

Более того, на следующий день после объявленного в связи с окончанием рабочего дня перерыва государственный обвинитель воспользовался правом реплики, в которой вновь подробно изложил позицию обвинения по делу.

Вопросный лист сформулирован судьей в соответствии с требованиями ст.ст. 338 и 339 УПК РФ, с учетом предъявленного подсудимому обвинения, результатов судебного следствия, прений сторон.

Сторонам было предоставлено право высказать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов, а также внести предложения о постановке новых вопросов. Сторона обвинения этим правом воспользовалась, и ее замечания председательствующим судьей были учтены.

Вопросы, в том числе о доказанности совершения деяния М., поставлены в понятных присяжным заседателям формулировках, с соблюдением требований ст. 339 УПК РФ.

Вердикт коллегии присяжных заседателей соответствует ст. 343 УПК РФ. Противоречий или неясностей в ответах на поставленные вопросы нет.

Таким образом, в деле отсутствуют данные, свидетельствующие о каком-либо нарушении порядка вынесения вердикта.

Не допущено нарушений закона, в том числе ст. 351 УПК РФ, которые бы могли повлечь отмену судебного решения, и при постановлении приговора.

В соответствии со ст. 346 УПК РФ при вынесении коллегией присяжных заседателей вердикта о невиновности подсудимого председательствующий объявляет его оправданным.

С учетом изложенного утверждение потерпевшей в жалобе о незаконности приговора, постановленного в соответствии с вердиктом коллегии присяжных заседателей о недоказанности предъявленного обвинения, является несостоятельным. Тем более что этот вопрос относится к исключительной компетенции присяжных заседателей и не является предметом проверки в суде кассационной инстанции.

В связи с изложенным Военная коллегия приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 22 ноября 2011 г. в отношении М., постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, оставила без изменения, а кассационное представление государственного обвинителя И. и кассационную жалобу потерпевшей З. – без удовлетворения.

Существенные нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с ограничением прав сторон на представление доказательств и воздействием на присяжных заседателей с целью вызвать предубеждение и повлиять на их беспристрастность, повлекли отмену оправдательного приговора

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 201-О10-20сссп по уголовному делу в отношении Б. (извлечение)

Приговором Московского окружного военного суда от 28 апреля 2010 г. на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей Б. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ и ч. 1 ст. 286 УК РФ, с признанием за ним права на реабилитацию.

Военная коллегия, рассмотрев уголовное дело по кассационному представлению государственного обвинителя, приговор отменила, а дело направила на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда со стадии предварительного слушания по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 5 ст. 335 УПК РФ вопросы процессуального характера, в том числе вопросы допустимости либо недопустимости доказательств, процедуры собирания доказательств, являются исключительной компетенцией председательствующего судьи, а заявления о недопустимости доказательств являются поводом к их проверке. Законом также запрещается всякое воздействие на присяжных заседателей, способное вызвать у них предубеждение, отрицательно повлиять на их беспристрастность и формирование мнения по делу.

Названные требования закона при рассмотрении дела соблюдены не были.

Из протокола судебного заседания следует, что подсудимый Б. со своими защитниками М. и Ш. в присутствии присяжных заседателей неоднократно заявляли о том, что следователь неверно излагал в протоколах показания свидетелей и других лиц, а также высказывали суждения о противоречивости действий сотрудников правоохранительных органов при рассмотрении заявления потерпевшего К., а защитник Ш. при допросе свидетеля Д. путем формирования вопросов довел до присяжных заседателей свое ничем не подтвержденное мнение о наличии у Б. алиби.

Вопреки положениям процессуального закона стороной защиты выяснялись вопросы деятельности органов, проводивших оперативно-разыскные мероприятия, методы их проведения и получения информации.

На стадии вступительного слова адвокат М. расценил показания потерпевшего К. как противоречивые, что с точки зрения закона также недопустимо.

Защитники и подсудимый пытались неоднократно повторно исследовать выясненные судом доказательства и опорочить как их, так и потерпевшего. При этом, в ходе судебного следствия детализировались данные о его личности, наличии у него имущества, вопросы законности получения им паспорта и гражданства Российской Федерации, нахождения его на территории страны. В присутствии присяжных заседателей свидетелям задавались наводящие вопросы, направленные на оспаривание допустимости доказательств по делу и репутации потерпевшего.

Стороной защиты предпринимались меры с целью поставить под сомнение достоверность других доказательств, подтверждающих проведение оперативного эксперимента, в ходе которого был задержан Б. Так, ими задавались свидетелям – работникам правоохранительных органов процессуальные и процедурные вопросы, касающиеся подготовки и проведения указанного оперативного мероприятия, обстоятельств приобщения к материалам дела изъятых у Б. предметов, выяснялись вопросы, не относящиеся к предъявленному обвинению, и в присутствии присяжных заседателей делались заявления о том, что их права ущемляются судом.

Кроме того, после окончания представления стороной защиты дополнительных доказательств защитник Ш. в присутствии присяжных заседателей сделал заявление по вопросам, которые не подлежали выяснению с их участием. При этом, Ш. заявил, что окончание судебного следствия по делу он считает невозможным без исследования ряда доказательств, а когда суд разъяснил присяжным заседателям, что все решения процессуального характера по представлению доказательств уже приняты и они не должны принимать во внимание заявление защитника, последний повторно стал настаивать на исследовании указанных доказательств. Тем самым адвокат Ш. довел до присяжных заседателей мнение о том, что якобы существуют иные доказательства, в представлении которых стороне защиты судом было необоснованно отказано.

Изложенное указывает на то, что обсуждение в присутствии присяжных заседателей вопросов, которые находятся за пределами их компетенции, в том числе о допустимости доказательств, стремление опорочить доказательства, признанные допустимыми, негативная оценка органов предварительного расследования и суда, а также другие нарушения закона могли повлиять на существо принимаемых присяжными заседателями в совещательной комнате решений.

Глава 31. Кассационное обжалование судебных решений

Кассационная жалоба, содержащая нецензурные либо оскорбительные выражения, угрозы жизни, здоровью и имуществу должностного лица, а также членов его семьи, подлежит возвращению заявителю с назначением срока для ее пересоставления и указанием о недопустимости злоупотребления правом

Кассационная жалоба заявителя на постановление судьи Махачкалинского гарнизонного военного суда 7 сентября 2012 г. по жалобе заявителя А. на постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела содержала многочисленные оскорбительные выражения как в адрес судьи, вынесшего судебное решение, так и в отношении должностных лиц правоохранительных органов.

Между тем в соответствии с ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» указанная жалоба не могла быть признана кассационной, а поэтому не подлежала направлению вместе с материалами досудебного производства в суд второй инстанции, поскольку использование заявителем в жалобе оскорбительных выражений в адрес судьи и должностных лиц Следственного комитета Российской Федерации из-за несогласия с принятым судебным решением нельзя расценивать как законное осуществление А. права на свободу выражения своего мнения при обжаловании судебного постановления.

Европейским Судом по правам человека в постановлении по делу «Черницын против России» от 6 апреля 2006 г. (пример опубликован в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации, 2009 г., № 11, с. 35) также сделан вывод о том, что использование заявителем подобного рода оскорбительных или провокационных выражений может рассматриваться как злоупотребление правом на обращение с жалобой.

С учетом вышеуказанных препятствий к рассмотрению кассационной жалобы судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда материалы досудебного производства возвратила в гарнизонный военный суд для выполнения требований УПК РФ.

Нарушение положений ст. 128 УПК РФ об исчислении процессуальных сроков повлекло отмену постановления судьи об оставлении кассационной жалобы без рассмотрения ввиду пропуска установленного законом процессуального срока на обжалование судебного решения

28 февраля 2012 г. судьей Калининградского гарнизонного военного суда М. была возвращена для устранения недостатков, препятствующих рассмотрению судом, поданная им в порядке ст. 125 УПК РФ жалоба на действия первого заместителя руководителя военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Балтийскому флоту.

18 марта 2012 г. на названное постановление М. была подана кассационная жалоба, в которой он, ссылаясь на действующее законодательство, просил его отменить как незаконное и необоснованное.

26 марта 2012 г. кассационная жалоба М. была оставлена судьей без рассмотрения ввиду пропуска установленного законом процессуального срока на обжалование судебного решения.

Будучи несогласным с постановлением судьи об оставлении кассационной жалобы без рассмотрения, М. обратился в суд с кассационной жалобой на данное постановление, в которой просил его отменить, а кассационную жалобу на постановление судьи того же суда от 28 февраля 2012 г. принять к производству.

При проверке доводов кассационной жалобы М. флотским военным судом было установлено, что постановление от 28 февраля 2012 г. было вручено М. администрацией СИЗО-1, где он содержался в связи с осуждением, 7 марта 2012 г.

В соответствии с ч. 2 ст. 128 УПК РФ в случае, если окончание срока подачи жалобы приходится на нерабочий день, последним днем срока считается первый следующий за ним рабочий день.

Принимая во внимание то, что окончание срока обжалования М. постановления от 28 февраля 2012 г. приходилось на 17 марта 2012 г., являвшееся выходным днем (субботой), вопреки выводу судьи гарнизонного военного суда, жалоба могла быть подана им не до 17 марта 2012 г., как это указано в оспариваемом постановлении, а до 24 часов 19 марта 2012 г.

В связи с изложенным Балтийский флотский военный суд отменил постановление от 26 марта 2012 г., а кассационную жалобу принял к своему рассмотрению.

Решение об отказе в восстановлении срока на кассационное обжалование приговора может быть принято только после исследования доказательств, представленных заявителем в обоснование уважительности причин его пропуска

22 марта 2011 г. Сочинским гарнизонным военным судом М. был признан виновным и осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 336 УК РФ.

В тот же день М. и его защитнику – адвокату Маш. была вручена копия приговора. 2 апреля 2011 г. на указанный приговор была направлена по почте и 8 апреля 2011 г. в гарнизонный военный суд поступила совместная кассационная жалоба осужденного и его защитника, в которой, помимо основных доводов, они просили восстановить пропущенный процессуальный срок на подачу указанной кассационной жалобы.

Рассмотрев ходатайство осужденного и его защитника, судья Сочинского гарнизонного военного суда в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного срока отказал, мотивировав свое решение лишь ссылкой на то, что в материалах дела отсутствуют какие-либо обстоятельства, которые можно было бы расценить как уважительные причины пропуска срока на обжалование приговора, хотя, как усматривается из протокола судебного заседания, в ходе его проведения судья фактически не исследовал изложенные в кассационной жалобе обстоятельства, касающиеся причин пропуска срока кассационного обжалования.

Судебная коллегия по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда постановление судьи об отказе осужденному и его защитнику в восстановлении срока на кассационное обжалование приговора отменила и уголовное дело в отношении М. в указанной части направила на новое судебное разбирательство.

При новом разбирательстве принято решение о восстановлении срока на подачу кассационной жалобы.

Срок обжалования приговора не считается пропущенным, если кассационная жалоба до истечения срока сдана на почту, передана лицу, уполномоченному ее принять, либо сдана осужденным, содержащимся под стражей, администрации места заключения

5 марта 2009 г. Спасск-Дальний гарнизонный военный суд вынес обвинительный приговор в отношении Д., в котором также был разрешен гражданский иск воинской части к осужденному.

16 марта 2009 г. представитель гражданского истца составил кассационную жалобу, которая в тот же день была передана им средствами факсимильной связи в Спасск-Дальний гарнизонный военный суд, а на следующий день – 17 марта 2009 г. доставлена им в суд лично.

Сочтя срок на кассационное обжалование приговора при подаче упомянутой жалобы пропущенным, судья гарнизонного военного суда возвратил ее истцу, а рассмотрев заявление о восстановлении срока на кассационное обжалование приговора, отказал в его восстановлении, признав причины его пропуска неуважительными и указав в постановлении, что кассационная жалоба является немотивированной.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя гражданского истца, судебная коллегия по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда постановление судьи отменила в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, указав в определении следующее.

Как правильно указал судья в постановлении, приговор в отношении Д. с учетом правил исчисления процессуальных сроков, содержащихся в ч. 2 ст. 128 УПК РФ, вступил в законную силу 17 марта 2009 г. Соответственно последним днем, когда на приговор могла быть подана кассационная жалоба, был понедельник 16 марта 2009 г.

В соответствии с ч. 1 ст. 129 УПК РФ срок не считается пропущенным, если жалоба до истечения срока сдана на почту либо передана лицу, уполномоченному ее принять.

Из материалов дела усматривалось, что в 20 часов 3 минуты 16 марта 2009 г. кассационная жалоба не только была отправлена по факсимильной связи, но уже и поступила в Спасск-Дальний гарнизонный военный суд. Способ передачи обеспечивал получение документа в форме, соответствующей требованиям ч. 1 ст. 375 УПК РФ. Нарушений требований названной нормы закона, препятствовавших рассмотрению жалобы, она не содержала.

С учетом изложенного судебная коллегия пришла к выводу, что кассационная жалоба на приговор гарнизонного суда была подана без пропуска срока на его обжалование в кассационном порядке.

Нарушение установленного ст. 312 УПК РФ срока вручения осужденному копии приговора является безусловным основанием для восстановления пропущенного срока на подачу кассационной жалобы

26 ноября 2008 г. Владивостокским гарнизонным военным судом в отношении Н. был вынесен обвинительный приговор, копия которого вручена осужденному 2 декабря того же года, то есть через 6 суток со дня его провозглашения.

18 декабря 2008 г. Н. подал на приговор кассационную жалобу.

Судьей гарнизонного военного суда жалоба Н. была оставлена без рассмотрения в связи с пропуском без уважительных причин установленного ч. 1 ст. 356 УПК РФ срока на обжалование приговора.

Между тем в соответствии с ч. 2 ст. 357 УПК РФ пропущенный срок обжалования приговора в кассационном порядке подлежит восстановлению в случае, если копия приговора лицам, указанным в чч. 4 и 5 ст. 354 УПК РФ, была вручена по истечении пяти суток со дня его провозглашения, то есть сам по себе факт нарушения судом установленного ст. 312 УПК РФ срока вручения осужденному копии приговора является безусловным основанием для восстановления срока на его обжалование и обоснования причин его пропуска при этом не требуется.

В связи с изложенным Тихоокеанский флотский военный суд постановлением судьи об оставлении жалобы Н. без рассмотрения отменил, а дело направил в тот же суд для выполнения требований ст.ст. 357, 358 и 359 УПК РФ.

Глава 32. Производство о применении принудительных мер медицинского характера

В случае сомнения в медицинском заключении, в котором содержатся сведения о психическом состоянии лица, суд при решении вопроса об изменении примененной к данному лицу принудительной меры медицинского характера может назначить судебную экспертизу

Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2010 г. № 202-010-1 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

Постановлением судьи Ленинградского окружного военного суда от 25 мая 2010 г. было оставлено без удовлетворения представление администрации Санкт-Петербургской психиатрической больницы (стационара) специализированного типа с интенсивным наблюдением об изменении вида принудительного лечения М. на психиатрический стационар специализированного типа, то есть на менее строгий.

В кассационных жалобах М., его законный представитель Д. и защитник, указывая на улучшение психического состояния М. и отсутствие в связи с этим необходимости в интенсивном наблюдении за ним, просили отменить постановление судьи и удовлетворить представление администрации.

Рассмотрев материалы производства по кассационным жалобам, Военная коллегия нашла, что при рассмотрении судьей ходатайства администрации психиатрического стационара были допущены нарушения уголовно-процессуального закона.

Согласно ч. 4 ст. 101 УК РФ принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением может быть назначено лицу, которое по своему психическому состоянию представляет особую опасность для себя или других лиц и требует постоянного и интенсивного наблюдения.

Следовательно, судье при рассмотрении представления администрации учреждения об изменении применения принудительных мер медицинского характера необходимо было установить, во-первых, представляет ли М. по своему психическому состоянию особую опасность для себя и других лиц и, во-вторых, требует ли он постоянного и интенсивного наблюдения.

Вместо этого судья ограничился исследованием и приведением в постановлении акта медицинского освидетельствования, согласно которому М. продолжает страдать хроническим психическим расстройством в форме «шизофрении параноидной».

При этом, правильно указав в постановлении на то, что в заключении не содержится однозначных выводов об утрате М. особой опасностью для себя или других лиц и отсутствии необходимости в постоянном и интенсивном наблюдении за ним, судья оставил без внимания мотивированное мнение врачей о возможности продолжения М. лечения в психиатрическом стационаре менее строгого типа.

В соответствии с ч. 5 ст. 445 УПК РФ если медицинское заключение вызывает сомнение, то суд по ходатайству лиц, участвующих в судебном заседании, или по собственной инициативе может назначить судебную экспертизу, истребовать дополнительные документы, а также допросить лицо, в отношении которого решается вопрос о прекращении, об изменении или о продлении применения принудительной меры медицинского характера, если это возможно по его психическому состоянию.

Установленные в суде противоречия между медицинским заключением и мнением врачей, а также неясность медицинского заключения указывали на необходимость проведения в судебном заседании медицинской экспертизы, которая бы позволила установить, представляет ли М. особую опасность для себя или других лиц и требует ли он постоянного и интенсивного наблюдения.

Поскольку этого сделано не было, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации постановление судьи отменила, а материалы направила на новое рассмотрение в окружной военный суд в ином составе суда.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ
Издательства «За права военнослужащих»

Справочник по вопросам прохождения военной службы (формы документов с комментариями и разъяснениями);

Материальная ответственность военнослужащих;

Военное право: антология диссертаций (1-я и 2-я части);

Сборник нормативных актов по вопросам военной службы;

Социальные гарантии для военнослужащих (в схемах и таблицах);

Социальные гарантии военнослужащих – участников боевых действий на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и членов их семей;

Правовые позиции Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации по жилищным спорам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей;

Практика Европейского Суда по правам человека по делам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, членов их семей и других граждан;

Судебная практика Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по вопросам военной службы и статуса военнослужащих;

Судебная практика Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (СССР) по уголовным делам;

Экспертиза правовых актов в области обороны и военной безопасности;

Настольная книга судьи военного суда по гражданским делам;

Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика.

Заказ книг для отправки наложенным платежом по тел/факсу: (495) 334-92-65 (10.00 – 17.00 в будние дни, время московское) или по электронной почте – prs1997@mail.ru.

В любом почтовом отделении России с любого месяца можно подписаться на уникальные военно-правовые издания РОД «За права военнослужащих» по каталогу «Роспечать»:

1. Журнал **«Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение»** – это разъяснение военных законов, приказов руководителей Минобороны, внутренних войск МВД, ФСБ, МЧС и других «силовых» структур России; тематические рубрики («Правовая страница командира»; «Социальная защита военнослужащих»; «Жилищное право и военнослужащий»; «Дела судебные»; «Правовая консультация»; «Увольняемому с военной службы»; «Труд гражданского персонала» и др.); шесть вкладок, в том числе «Новое военное законодательство» и «Финансово-экономическая деятельность в военных организациях».

Журнал, издаваемый с 1997 г. и включенный на основании директивы министра обороны РФ в коллективную подписку на газеты и журналы, всегда первым дает полные, глубокие, подробные комментарии новых нормативных актов по вопросам военной службы.

Направив в адрес редакции купон с вопросом, который печатается в каждом номере журнала, Вы можете получить бесплатный ответ на страницах рубрики «Правовая консультация».

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Объем – 128 стр. *Подписные индексы – 20244 (на год), 72527 (на полугодие).*

2. Серия книг практической направленности по актуальным вопросам военной службы **«Право в Вооруженных Силах – консультант»**. *Подписной индекс – 79205.*

Телефон для справок: (495) 334-98-04 (10.00 – 17.00 в будние дни, время московское).

Наш адрес в Интернете – <http://www.voennopravo.ru>, связь по электронной почте – pvs1997@mail.ru.

Сборник судебной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, окружных (флотских) и гарнизонных военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2010 – 2013). – Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». – М.: «За права военнослужащих», 2013. – Вып. 134. – 320 с.

Редактор *Тюрина О.А.*

Оператор компьютерной верстки *Зулькарнаев А.Б.*

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 030863 от 18 ноября 1998 г.

Подписано в печать 25.06.2013. Формат 60 x 90/16.

Гарнитура Times New Roman.

Бумага газетная. Печ. л. 20. Тираж 1 000 экз. Заказ №

Издательство Общественного движения

«За права военнослужащих»

117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 40

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-93297-142-0

9 785932 971420